

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

ГЕОГРАФИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

ВЫПУСК IV

Под редакцией
академика В. В. Струве и А. В. Королева

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1965

*Сборник посвящается
десятилетию Восточной комиссии
Географического общества СССР*

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

География, этнография, история, вып. IV

*Утверждено к печати Восточной комиссией
Географического общества СССР*

Редактор З. Д. Кастельская
Технический редактор Е. С. Потапенкова
Корректоры Г. В. Афонина и М. Н. Гарбер

Сдано в набор 24/VII 1965 г. Подписано к печати 26/XI 1965 г. А-13353. Формат 70×108^{1/16}.
Печ. л. 16,5. Усл. л. 23,1. Уч.-изд. л. 21,7. Тираж 1300 экз. Изд. № 1477. Зак. 1328.

1-6-3
Индекс 98-65 «Наука». Цена 1 р. 50 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер.. 4

1-6-3
Индекс 98-65 «Наука»

Л. И. Бонифатьева

**ДАННЫЕ О ГОРОДАХ В ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ
ИНДИИ 1961 г.**

Перепись населения Индии 1961 г. содержит статистический материал, характеризующий городское население и города страны. В первом томе переписи, опубликованном в 1962 г.¹, имеется ряд специальных таблиц. Из них можно почерпнуть сведения о соотношении в 1961 г. городского и сельского населения в Индии в целом, в штатах и на федеральных территориях, а также в округах (дистриктах). Таблицы дают представление об уровне грамотности и об отраслевой структуре городского населения по указанным административным единицам и по отдельным городам, численность населения которых превышает 50 тыс. человек. Из таблиц можно узнать о количестве жителей в 1961 г. в сопоставлении с 1951 г. и о соотношении женщин и мужчин в каждом из индийских городов. Приводимые статистические данные позволяют проанализировать изменения в урбанизации Индии, произошедшие за последнее десятилетие, и специфичные для этого периода территориальные сдвиги в размещении городов и динамике городского населения.

Как показала перепись 1961 г., в Индии произошло заметное увеличение числа городских жителей, но доля городского населения сравнительно с 1951 г. выросла очень незначительно. В 1951 г. в городах проживали 62,3 млн. человек, что составляло 17,35% всего населения страны. В 1961 г. горожан насчитывалось 78,8 млн. — 17,97% всех жителей Индии². За десять лет городское население выросло на 16,5 млн. человек. Однако темпы роста городского населения (около 26%) за десять лет лишь немного превысили темпы роста всего населения страны за тот же период (21,5%).

Какие причины определили замедленность роста городского населения в последнее десятилетие? По имеющимся в настоящее время материалам еще не представляется возможным полностью вскрыть движущие силы этого процесса. Но некоторые причины достаточно ясны уже сейчас.

Безусловно сказалось введение в 1961 г. нового критерия для определения города. В последней переписи при отнесении поселения к го-

---

¹ «Census of India, 1961. Paper № 1. Final population totals», Delhi, 1962.

² Ibid., pp. XXXVIII, 324—325.

родскому типу учитывалась не только общая численность его населения (как правило, не менее 5 тыс. человек), но также плотность населения (не ниже тысячи человек на 1 кв. милю) и отраслевая структура населения (для отнесения населенного пункта к числу городов необходимым условием являлась занятость вне земледелия по меньшей мере $\frac{3}{4}$ взрослого мужского населения). Значительное количество населенных пунктов, считавшихся в 1951 г. городскими, было в 1961 г. исключено из числа городов как не соответствующее новому критерию. Такому переводу из разряда городских в разряд сельских подверглось более 800 поселений с общим числом жителей 4,4 млн.³. Поскольку указанное изъятие не компенсировалось появлением соответствующего количества новых городов, впервые учтенных переписью 1961 г., общее число городов в Индии уменьшилось с 3057 в 1951 г. до 2690 в 1961 г.⁴. Применение разных критериев делает не вполне сопоставимыми данные о городах Индии в 1951 и 1961 гг. Но если бы и в 1961 г. сохранилось прежнее определение города, то и тогда городское население составило бы только 18,8%. Следовательно, введение нового критерия не объясняет полностью, почему в Индии, несмотря на начало индустриализации и определенные сдвиги в народном просвещении, науке и культуре, доля городского населения мало выросла.

Необходимо обратиться к экономическим причинам. Главная из них состоит в том, что индийские города при их функциональной структуре не в состоянии поглощать вновь и вновь значительные количества переселенцев из деревни. В течение длительного времени основная часть горожан находила средства существования в торговле (преимущественно розничной), в сфере общественного обслуживания, личных услуг и государственной службы. В 1951 г. в этих отраслях хозяйства было занято почти 54% городского самодеятельного населения Индии⁵. В последнее десятилетие возможность приложения труда в этих областях стала заметно сокращаться, что было связано с переполнением рынка труда новыми переселенцами из деревни и подрастающей городской молодежью. В результате занятость в торговле, общественном обслуживании, сфере личных услуг, на государственной и военной службе, в свободных профессиях росла медленнее, чем занятость всего городского населения во всех отраслях хозяйства: с 1951 по 1961 г. увеличение составило соответственно 7 и 23%. Наиболее быстро возрастало число занятых в неземледельческом производстве (основные составляющие — фабрично-заводская промышленность и ремесленное производство) и на транспорте. В первой отрасли число занятых увеличилось на 69%, во второй — на 62%⁶. Однако развивавшиеся промышленность и транспорт не могли обеспечить работой всех безработных, число которых не уменьшалось, а возрастало⁷. Хроническая массовая безработица в городах — главнейший фактор, задерживавший перелив населения из деревни в город и замедлявший рост городского населения⁸. Дополнительно действовали и некоторые дру-

³ Ibid. p. XXXVII.

⁴ Ibid. p. XXXVIII.

⁵ «Census of India, 1951. Paper № 1. Economic tables of reorganised states», Delhi, 1962; «Census of India, 1951», Delhi, 1952.

⁶ «Census of India, 1961. Paper № 1...», pp. 113—115.

⁷ Число безработных, зарегистрированных на городских биржах труда Индии, составляло в конце 1961 г. 1,8 млн. человек, а в конце 1962 г. — 2,4 млн. (Ch. Bettelheim, *India's third five-year plan*, — «Pacific viewpoint», vol. 4, 1963, № 2).

⁸ Более подробно см.: Л. И. Бонифатьева, *Миграция населения Индии из деревни в город*, — «Страны и народы Востока», вып. III, М., 1964, стр. 13—28.

гие факторы. Земельная реформа способствовала в целом нарастанию аграрного перенаселения, но в некоторых случаях, очевидно, у крестьян появилась какая-то надежда на получение земли в будущем, при дальнейшем развитии аграрных преобразований, а это в свою очередь удерживало их в деревне, даже если их жизненный уровень опускался до очень низкого предела.

Росту индийских городов неизбежно сопутствует появление трущобных окраин, где во временных, абсолютно неблагоустроенных жилищах селятся безработные и полубезработные. В сферу экономического влияния города вовлекаются близлежащие деревни, население которых в своей хозяйственной деятельности оказывается тесно связанным с городом. Тем не менее нередко и примыкающие к городу трущобные поселки и пригородные деревни не включаются в черту города, и их население, по существу городское, относится к сельскому. Таким образом, возникает недоучет городского населения и некоторое искусственное уменьшение его численности. По всей видимости, это обстоятельство сказалось при проведении последней переписи населения Индии.

Как видно из табл. 1, перепись 1961 г. обнаружила нарастающую концентрацию населения в крупных городах. В 1961 г. в городах с числом жителей 100 тыс. и более было сосредоточено свыше $\frac{2}{5}$ городского населения. Интересно отметить, что Индия по общей доле городского населения во всем населении относится к числу наименее урбанизованных стран мира, а по удельному весу больших городов приближается к самым урбанизованным странам земного шара, таким, как Великобритания и ФРГ.

За десятилетие 1951—1961 гг. крупные города Индии обнаружили значительно более высокие темпы роста, нежели средние и тем более малые города. В группе последних, как видно из таблицы, даже произошло сокращение как числа городов, так и их населения. Как уже говорилось выше, это объясняется применением нового критерия. Практически все «упраздненные» города относятся к разряду малых⁹. Однако, если бы указанное изъятие и не было произведено, темпы роста малых городов все равно оставались бы низкими, составив лишь +14,6% за десятилетие.

Обращает на себя внимание стремительный рост городов с миллионным населением, по темпам превысивший в три раза общий рост городского населения страны. Быстрый рост миллионных городов и нарастание их доли в городском населении сближают Индию со многими развитыми странами мира, где происходят подобные же процессы.

В 1951 г. в Индии, судя по таблице, были четыре города с миллионным и более населением. Фактически их было пять, поскольку в таблицу, приводимую в переписи, не попал Дели, формально не бывший в 1951 г. миллионным городом, вследствие того, что в его состав не был включен Новый Дели. В 1961 г. число таких крупных городов в Индии выросло до семи.

В переписи 1961 г. впервые была введена категория городских групп, в которые объединяются близлежащие города, удаленные друг

⁹ Из всех «упраздненных» городов 450 имели в 1961 г. от 5 до 20 тыс. жителей каждый (суммарное население — 3,2 млн. человек, или 73,3% населения всех «упраздненных» городов); 361 город обладал менее 5 тыс. жителей каждый (общее население — 1,2 млн., или 25,9%); лишь один город насчитывал немногим более 20 тыс. человек (0,8% всего населения рассматриваемой группы городов) («Census of India, 1961. Paper № 1», pp. XXXVII—XXXVIII).

Таблица 1

Соотношение и рост городов*

Число жителей в городе	Число городов		Городское население			Изменение численности населения за 1951—1961 гг. (+увеличение, —уменьшение)	
	1961 г.	1951 г.	млн. человек		1961 г.		
			1961 г.	951 г.			
100 тыс. и более (крупные)	107	74	35,1	23,7	44,5	38,0	+11,4
в том числе:							+48,1
1 млн. и более	7	4	14,2	7,9	18,1	12,7	+6,3
500 тыс.—1 млн.	5	4	3,3	3,1	4,1	5,0	+0,2
100—500 тыс.	95	66	17,6	12,7	22,3	20,3	+4,9
20—100 тыс. (средние)	656	486	25,2	18,7	32,1	30,0	+6,5
в том числе:							+34,8
50—100 тыс.	141	111	9,6	7,6	12,1	12,2	+2,0
20—50 тыс.	515	375	15,6	11,1	20,0	17,8	+4,5
Менее 20 тыс. (малые)	1927	2497	18,5	19,9	23,4	32,0	-1,4
в том числе:							-7,0
5—20 тыс.	1661	1859	17,6	17,8	22,2	28,6	-0,2
Менее 5 тыс.	266	638	0,9	2,1	1,2	3,4	-1,2
Итого	2690	3057	78,8	62,3	100,0	100,0	+16,5
							+26,5

* «Census of India, 1961. Paper № 1 . . . », p. XXXXVIII.

от друга на расстояние не более 5 миль (8 км). По такому морфологическому признаку в стране выделено около 75 городских групп с населением более 50 тыс. человек каждая. Хотя одни морфологические признаки не являются достаточными для выделения агломераций, тем не менее выявление даже таких территориально сближенных городов говорит о росте в Индии групповых форм расселения. Наиболее крупные городские группы, которые можно назвать агломерациями не только по морфологическим, но и по экономическим признакам, образуются городами-«миллионерами». Из этих городов в переписи представлены в виде городских групп (агломераций) Бомбей (Большой Бомбей), Дели (с включением Нового Дели), Хайдарабад, Бангалур и Ахмадабад. В отношении остальных миллионных городов (Калькутты и Мадраса) принят другой принцип, численность их населения определена переписью в границах только городской черты. Безусловно, такая разнородность принципов для определения численности населения крупнейших индийских городов приводит к несопоставимости данных по отдельным городам и искусственно уменьшает размеры самой большой агломерации Индии — Калькуттской.

Ниже приводится табл. 2, показывающая численность населения миллионных городов Индии в тех границах, которые приняты для каждого из них в переписи населения 1961 г.

Таблица 2
Численность населения крупнейших городов*

Город	Численность населения (тыс. человек)		Увеличение населения за десятилетие	
	1951 г.	1961 г.	тыс. человек	%
Бомбей	2994	4152	1158	38,7
Калькутта	2698	2927	229	8,5
Дели (включая Новый Дели) . . .	1437	2359	922	64,0
Мадрас	1416	1729	313	22,1
Хайдарабад	1125	1251	126	11,2
Бангалур	786	1207	421	53,5
Ахмадабад	877	1206	329	37,5

* «Census of India, 1961. Paper № 1 . . .», pp. 165—251. Суммарное население городов-миллионеров в 1951 и 1961 гг. не соответствует данным табл. 1, в связи с тем что территориальный состав городов в обеих таблицах не совпадает. К сожалению, в переписи нет сведений о том, в каких границах рассматриваются города-миллионеры в табл. 1.

Таблица говорит не только об общем росте крупнейших городов, но и о повышении значения тех из них, которые не являются портовыми и расположены в глубинных районах страны. Из четырех городов, население которых за десятилетие выросло более чем на одну треть, три относятся к числу глубинных городов и только один Бомбей является морским портом. В 1951 г. из всего населения крупнейших городов 74% приходились на портовые города-«миллионеры» и лишь 26% — на миллионные города, расположенные во внутренних территориях. В 1961 г. преобладание портовых городов сохранилось, но их доля в населении городов-«миллионеров» сократилась до 60%, в то время как доля глубинных городов поднялась до 40%. Характерно, что оба новых города-«миллионера» — Бангалур и Ахмадабад — являются глубинными городами. Повышение роли таких городов свиде-

тельствует о наметившихся сдвигах в размещении производительных сил Индии, об усилении значения внутренних экономических районов.

Рост всех крупнейших городов Индии за последнее десятилетие объясняется прежде всего повышением их значения как административно-политических центров и центров обслуживания (торгово-финансового, транспортного, культурного) национального значения. Одним из доказательств этого является тот факт, что наиболее значительный рост населения обнаружился в столице государства — Дели. Доказательством может служить также и то, что профессиональный состав населения городов-«миллионеров» характеризуется высоким удельным весом непроизводственных отраслей и почти не отличается от профессионального состава всего городского населения страны в целом. Следующая таблица дает представление о профессиональной структуре индийских городов.

Таблица 3
Занятость самодеятельного городского населения Индии по отраслям хозяйства в 1961 г.*

Отрасль	Все города, млн. человек	%	Города-«миллионеры», млн. человек	%
Неземледельческое производство**	9,3	35,2	1,9	35,8
Земледелие	2,6	9,9	0,5	9,4
Транспорт	2,1	7,9	0,5	9,4
Торговля	4,3	16,3	0,9	17,0
Государственная, военная, полицейская служба; услуги, прочие источники дохода	8,1	30,7	1,5	28,4
Итого . . .	26,4	100,0	5,3	100,0

* «Census of India, 1961. Paper № 1...», pp. 113—115, 255—260.

** Согласно классификации, принятой в индийской статистике, неземледельческое производство включает промышленность, ремесло, строительство, животноводство, плантационное хозяйство, лесное хозяйство, рыболовство, охоту.

Из табл. 3 следует, что как во всех городах Индии, так и в городах-«миллионерах» почти половина самодеятельного населения была занята в непроизводственных отраслях. Обращает на себя внимание, что доля занятых в неземледельческом производстве (включающем промышленность и ремесло) в городах-«миллионерах» практически такая же, как и во всех городах в целом. Только два миллионных города отличаются более высокими показателями: в Бангалуре в неземледельческом производстве заняты 40% самодеятельных людей и в Ахмадабаде — почти 56%¹⁰.

В последнее десятилетие большое развитие непроизводственных отраслей и относительно слабое развитие промышленности явилось тормозом для роста всего городского населения Индии, о чем уже говорилось выше. В отношении городов-«миллионеров» эти тормозящие факторы проявились в гораздо меньшей степени, хотя и в этой группе городов они в некоторых случаях обусловили рост населения более медленный, чем увеличение всего городского населения страны (Калькутта, Хайдарабад, Мадрас).

¹⁰ «Census of India, 1961. Paper № 1...», pp. 254—261.

Очевидно, в будущем недостаточная индустриализация и «перенасыщенность» городов непроизводственными отраслями могут в известной степени ограничить дальнейший рост всех городов-«миллионеров» Индии. Выдвижение в 1961 г. в качестве новых городов-«миллионеров» Хайдарабада и Бангалура — городов, характеризующихся большим удельным весом промышленности в производственной структуре населения, доказывает, что наиболее устойчивой основой для роста города является его индустриализация. Об этом же свидетельствует и то положение, что из всех городов Индии наибольший рост обнаружили те, где промышленность получила большое развитие: например, население г. Дурга, включающего в свой состав Бхилаи, выросло за десятилетие более чем в 6,5 раза; население Гаухати, связанного с развитием индийской нефтяной промышленности, — почти в 2,5 раза. Надо полагать, что в будущем осуществляемая в Индии индустриализация ускорит и темпы урбанизации страны в целом, в то время как осуществление нового промышленного строительства преимущественно вне крупнейших городов-«миллионеров» в какой-то мере может замедлить рост последних. Замедление роста сверхбольших городов является положительным явлением, поскольку в подобных городах становятся очень трудно разрешимыми проблемы городского транспорта, водоснабжения, соблюдения необходимых санитарных условий.

Перепись 1961 г. свидетельствует о нарастающем количественном перевесе мужского населения над женским (табл. 4).

Таблица 4
Число женщин на каждую тысячу мужчин*

	1951 г.	1961 г.
Все население	947	941
Сельское население	966	963
Городское население	860	845

* «Census of India, 1961. Paper № 1...», pp. 10—15.

Как видно из приведенных цифр, численное преобладание мужчин над женщинами возросло как в деревне, так и в городе. Но в наибольшей мере это увеличение выражено в городском населении. В некоторых крупных городах дефицит женского населения особенно велик. Так, например, в 1961 г. на тысячу мужчин приходилось женщин: в Калькутте 612, Хауре 630, Бомбее 663, Канпуре 739, Дели 777, Джамshedпуре 784. Помимо общих демографических и социально-экономических причин, действующих по всей стране повсеместно и определяющих численный перевес мужского населения¹¹, в городах действуют и специфические факторы, связанные с притоком сельских переселенцев. Хотя за последнее десятилетие темпы такого притока и замедлились, тем не менее он продолжал осуществляться в довольно значительных абсолютных размерах, и, поскольку среди пересе-

¹¹ Среди этих причин надо назвать такие, как относительно худший уход за новорожденными девочками сравнительно с мальчиками, ранние браки девушек и частые роды в условиях недоедания и недостаточной медицинской помощи, тяжелая физическая работа женщин при истощении организма у многих из них. Все эти обстоятельства ухудшают здоровье женской части населения и повышают смертность.

ленцев преобладают мужчины, это определило наибольшее возрастание численного перевеса мужского населения именно в городах.

За годы независимости в Индии несколько повысился уровень грамотности, хотя и в 1961 г. грамотные по-прежнему составляли сравнительно небольшую часть жителей (табл. 5).

Таблица 5
Грамотность населения Индии в 1961 г.*

	Млн. человек	Про- цент
Все население	105,3	24,0
в том числе:		
мужчины	77,8	34,4
женщины	27,5	12,9
Сельское население	68,2	19,0
в том числе:		
мужчины	53,2	29,1
женщины	15,0	8,5
Городское население	37,1	46,9
в том числе:		
мужчины	24,6	57,2
женщины	12,5	34,7

* «Census of India, 1961. Paper № 1...», pp. 12—13, 62—63, 112—113.

Как видно из таблицы, города по уровню грамотности значительно превосходят сельские населенные пункты, но даже в городах грамотные составляют менее половины всего населения.

Материалы первого опубликованного тома переписи 1961 г. дают возможность проследить некоторые региональные различия в особенностях урбанизации внутри страны (табл. 6).

В табл. 6 обращает на себя внимание снижение доли городского населения в 1961 г. сравнительно с 1951 г. в некоторых штатах. Причина заключается в «изъятии» из числа городов значительного количества населенных пунктов, о чем говорилось ранее. Именно в тех штатах, где произошло падение доли городского населения, введение нового городского критерия привело к наиболее значительному сокращению числа городов: в Махараштре на 117 наименований, в Гуджарате на 62, в Майсуре на 59, в Раджастхане на 82, в Уттар Прадеше на 211¹². В этих же штатах прирост городского населения оказался меньшим, чем по стране в целом (26,5%).

Наиболее быстрый рост городского населения характерен для экономически отсталых окраинных территорий Северо-Восточной Индии: Манипура, Нагаленда, Трипуры, Ассама. Увеличение городского населения за десятилетие в 2—4 раза (а в Манипуре в 23 раза) находит объяснение. Увеличение числа городских жителей в Северо-Восточной Индии непосредственно связано с иммиграцией населения из Восточного Пакистана, продолжавшейся на протяжении всего десятилетия и сыгравшей весьма важную роль в общем росте населения Ассама и других административных единиц на северо-востоке Индии¹³. Иммигранты, не имеющие земельной собственности, селятся преимущественно в городах.

¹² «Census of India, 1961. Paper № 1...», pp. XXXIX—XXXXIII.

¹³ См.: Л. И. Бонифатьева, Л. А. Княжинская, *К итогам переписи населения Индии 1961 г.* — «Известия Всесоюзного географического общества», 1963, № 4.

венно в городах, где ищут средства существования в торговле, услугах и ремесле (следует учитывать, что среди жителей Восточной Бенгалии издавна была велика прослойка искусственных ремесленников). Значительная часть переселенцев поглощалась, конечно, и сельскохозяйственным, прежде всего плантационным, производством, но и в этом случае семья переселенца (или ее отдельные члены) в течение определенного времени оставалась жить в городе, ожидая возможности переселиться на новое место жительства. Здесь попутно надо отметить, что правительством Индии и ряда штатов на протяжении всех лет после 1947 г. ведется строительство специальных городов для расселения пакистанских иммигрантов (хотя бы на первое время после приезда в Индию), где им создаются определенные возможности занятия ремеслом или мелкой промышленностью или где они проживают временно, пока не найдут какого-либо заработка вне города. Несомненно, рост городского населения в Северо-Восточной Индии определялся в какой-то степени развитием современной промышленности.

Таблица 6

Распределение городского населения по административным единицам*, %

Административная единица	Городское население		Увеличение городского населения за десятилетие
	1951 г.	1961 г.	
<i>Штаты</i>			
Махараштра	28,8	28,2	21,0
Мадрас	24,4	26,7	22,6
Гуджарат	27,2	25,8	20,1
Западная Бенгалия	23,9	24,5	36,0
Майсур	23,0	22,3	18,2
Пенджаб	19,0	20,1	33,3
Андрхра Прадеш	17,4	17,4	15,8
Раджастхан	18,5	16,3	11,0
Керала	13,5	15,1	39,9
Мадхья Прадеш	12,0	14,3	47,7
Уттар Прадеш	13,6	12,9	9,9
Бихар	6,8	8,4	49,0
Ассам	4,7	7,7	122,5
Орисса	4,1	6,3	86,7
<i>Федеральные территории</i>			
Дели	82,4	88,8	64,2
Пондишери	..	24,1	..
Аннаманские и Никобарские острова	25,9	22,2	75,6
Трипурा	6,7	9,0	141,8
Манипур	0,5	8,7	2266,1
Нагаленд	1,9	5,2	364,4
Химачал Прадеш	4,1	4,7	41,6

* «Census of India, 1961. Paper № 1...», pp. 324—325.

Сказанное относится в первую очередь к Ассаму, где за годы двух пятилетних планов ускорилось развитие нефтяной промышленности. Примером может служить ассоцый город Дигбай, стремительно росший «на дрожжах» нефтяной промышленности. Дигбай — новый город, появившийся в списке городов Ассама только в 1961 г. и сразу оказавшийся в разряде средних по численности населения го-

родов (в 1961 г. в Дигбое насчитывались 35 тыс. жителей). Город вырос при нефтепромыслах за последнее десятилетие. Другим примером быстрого роста на основе нефтяной промышленности является город Ассама Гаухати, насчитывавший в 1951 г. немногим более 40 тыс. жителей и дошедший в 1961 г. до 100 тыс.

Несмотря на быстрый рост городского населения, его абсолютные размеры и относительный удельный вес в административных подразделениях Северо-Восточной Индии не достигли больших размеров, что в первую очередь связано с сохраняющейся экономической, особенно промышленной, отсталостью.

Другая группа штатов, городское население которых выросло за десятилетие примерно в 1,5 раза (в одних штатах несколько более, в других — менее), — Орисса, Бихар, Мадхья Прадеш, Химачал Прадеш, Керала, Западная Бенгалия, Пенджаб.

Из всех этих штатов Западная Бенгалия выделяется более значительным промышленным развитием. Рост его городского населения в 1,4 раза определяется в основном двумя причинами — созданием и развитием узлов тяжелой промышленности в долине р. Дамодар и продолжающимся увеличением населения в периферийных частях калькуттской агломерации, являющейся крупнейшим в стране центром обрабатывающей промышленности¹⁴. Часть новых городских жителей Западной Бенгалии состоит из пакистанских переселенцев; таким образом, как и на крайнем северо-востоке Индии, иммиграция из Восточного Пакистана сыграла определенную роль в росте городского населения Западной Бенгалии.

Остальные поименованные выше штаты к началу первого пятилетнего плана Индии не относились к числу индустриально развитых (за исключением отдельных округов, где располагались крупные промышленные центры). Однако в годы пятилетних планов началась индустриализация внутренних районов Индии (это относится прежде всего к штатам Орисса, Мадхья Прадеш и Бихар), что обусловило более быстрый сравнительно со страной в целом рост их городского населения.

Более чем в 1,5 раза выросло население федеральной территории Дели, что определяется увеличением общенационального значения столицы государства.

В числе штатов, обнаруживших более медленный прирост городского населения, чем вся страна в среднем, преобладают, как ни странно, экономически более развитые и урбанизованные: Махараштра, Гуджарат, Мадрас, Майсур. Как уже отмечалось выше, прирост городского населения в этих штатах был несколько преуменьшен в результате исключения из числа городских довольно значительного числа населенных пунктов. Следует также учитывать, что еще в колониальный период городская жизнь в каждом из штатов оказалась сосредоточенной преимущественно в крупнейших городах, в известной мере подавлявших своим гипертрофированным развитием рост других, более мелких городов. В годы независимости новое развитие промышленности, транспорта, крупной торговли, научно-образовательных функций сосредоточивалось тоже главным образом в круп-

¹⁴ Ядро агломерации — собственно Калькутта — увеличило численность населения менее чем на 9%, в то время как в таких периферийных частях агломерации, как Саут Сэбэрбз (Южные пригороды) и Южный Дум-Дум, число жителей выросло на 80%. В крупнейшей агломерации Индии начинают проявляться процессы, свойственные агломерации развитых стран, — преимущественное заселение пригородов "ущерб центральным кварталам".

нейших городах, особенно городах-«миллионерах», предоставлявших большие возможности для формирования всех современных городских отраслей. Основная масса сельских переселенцев направлялась преимущественно в такие крупнейшие города, которые открывали более широкие возможности трудоустройства, что в свою очередь продолжало ограничивать рост более мелких городов и способствовало общему замедлению темпов урбанизации.

Еще более медленный рост городского населения наблюдался в штатах Уттар Прадеш, Раджастхан и Андхра Прадеш. В этой группе штатов, как и в предыдущей, сказалось сокращение числа городов. Но главное заключалось не в этом. Все указанные штаты относятся к числу индийских территорий раннего исторического развития, где еще в феодальную эпоху сложились древние города. Но капиталистическое развитие этих глубинных районов страны и в колониальный период и после достижения независимости не создало достаточных предпосылок для дальнейшего роста городов. За годы пятилетних планов ни в одном из этих штатов еще не было проведено сколько-нибудь заметной современной индустриализации; они сохраняли свою традиционную земледельческую специализацию, не способствующую быстрому росту городов. Кроме того, и в этих штатах проявилось влияние некоторых наиболее крупных городов (древних по происхождению), сдерживавших рост более мелких городов.

В целом за 1951—1961 гг. призошли определенные территориальные сдвиги в процессе урбанизации Индии. Если исключить экономически относительно развитую Западную Бенгалию, наиболее быстрый рост городского населения проявился в более отсталых окраинных и глубинных районах. Примером периферийных территорий может служить дальняя северо-восточная окраина страны, примером внутренних областей — расположенный в центре штат Мадхья Прадеш. Происходящие сдвиги служат косвенным доказательством начавшегося процесса некоторого выравнивания в размещении производительных сил по территории Индии и экономического освоения новых районов.

Для определения того, какие из штатов Индии достигли наибольшей степени урбанизации, дополним табл. 6 данными таблицы 7.

Две последние таблицы позволяют выявить те административные единицы Индии, которые характеризуются наибольшим развитием городов и играют главную роль в процессе урбанизации страны. Если выделить штаты с наиболее высоким процентом городского населения (см. табл. 6), с одной стороны, и сосредоточившие основную часть городских жителей страны (см. табл. 7) — с другой, то надо назвать Махараштру, Мадрас, Западную Бенгалию, Уттар Прадеш и Дели. На их долю приходилось в 1961 г. 26,9% территории Индии, 42,1% всего ее населения¹⁵ и 51,1% всего городского населения (в том числе 62,6% жителей городов с населением 100 тыс. человек и выше и 76,4% обитателей городов-«миллионеров»). За исключением Уттар Прадеша, во всех этих административных единицах доля горожан во всем населении выше, чем по стране в целом. Особенно обращает на себя внимание высокий удельный вес крупных городов (100 тыс. и более жителей) в некоторых из штатов; так, в Махараштре, в крупных городах¹⁶, было сосредоточено 60,5% городских жителей, в Уттар Прадеше — 50,3%.

¹⁵ «Census of India, 1961. Paper № 1...», p. XI.

¹⁶ Ibid., pp. XXXXVIII—XXXXXV.

Таблица 7

Географическое размещение городского населения в 1961 г. *, %

Административная единица	Все население	Городское население	Население крупных городов (100 тыс. жителей и более)
<i>Штаты</i>			
Махараштра	9,0	14,1	19,2
Уттар Прадеш	16,8	12,0	13,6
Мадрас	7,7	11,2	9,7
Западная Бенгалия	8,0	10,8	13,5
Андрхра Прадеш	8,2	7,9	7,2
Майсур	5,4	6,7	5,5
Гуджарат	4,7	6,7	6,4
Мадхья Прадеш	7,4	5,9	4,2
Пенджаб	4,6	5,2	3,1
Бихар	10,6	5,0	3,7
Раджастхан	4,6	4,1	3,5
Керала	3,9	3,2	2,0
Орисса	4,0	1,5	0,4
Ассам	2,7	1,2	0,3
<i>Федеральные территории</i>			
Дели	0,6	3,0	6,6
Трипурा	0,2	0,2	...
Химачал Прадеш	0,3	0,1	...
Манипур	0,2	0,1	...
Пондишери	0,1	0,2	...
Нагаленд	0,2	0,1	...
Андаманские и Никобарские острова			

* «Census of India, 1961. Paper № 1 ...», pp. XI, XXXVIII—XXXXV.

В приморских штатах Махарашtre, Мадрасе и Западной Бенгалии, для которых характерен высокий удельный вес их в городском населении страны сравнительно с их долей во всем населении Индии, более значительный уровень урбанизации определяется относительно более значительным развитием современной крупной промышленности и торгово-финансовых операций, что в свою очередь связано с влиянием иностранного капитала.

В глубинном штате Уттар Прадеш значительная абсолютная численность населения, проживавшего в городах (в том числе и в крупных), объясняется главным образом наличием многочисленных старинных городов, сложившихся еще в докапиталистическую эпоху, а также общей высокой численностью и плотностью населения. В Уттар Прадеше промышленная база урбанизации несравненно слабее, нежели в приморских штатах.

Несмотря на отмеченные выше сдвиги, приводящие к более быстрой урбанизации относительно отсталых территорий, Индия и сейчас, через 18 лет после завоевания независимости, характеризуется весьма неравномерным размещением городского населения. Поэтому перед молодым суверенным государством стоит задача более равномерного размещения городов (в первую очередь крупных). Эта проблема органически связана с рассредоточением промышленности по стране.

Д. Н. Костинский

ДОЛИНА КАТМАНДУ

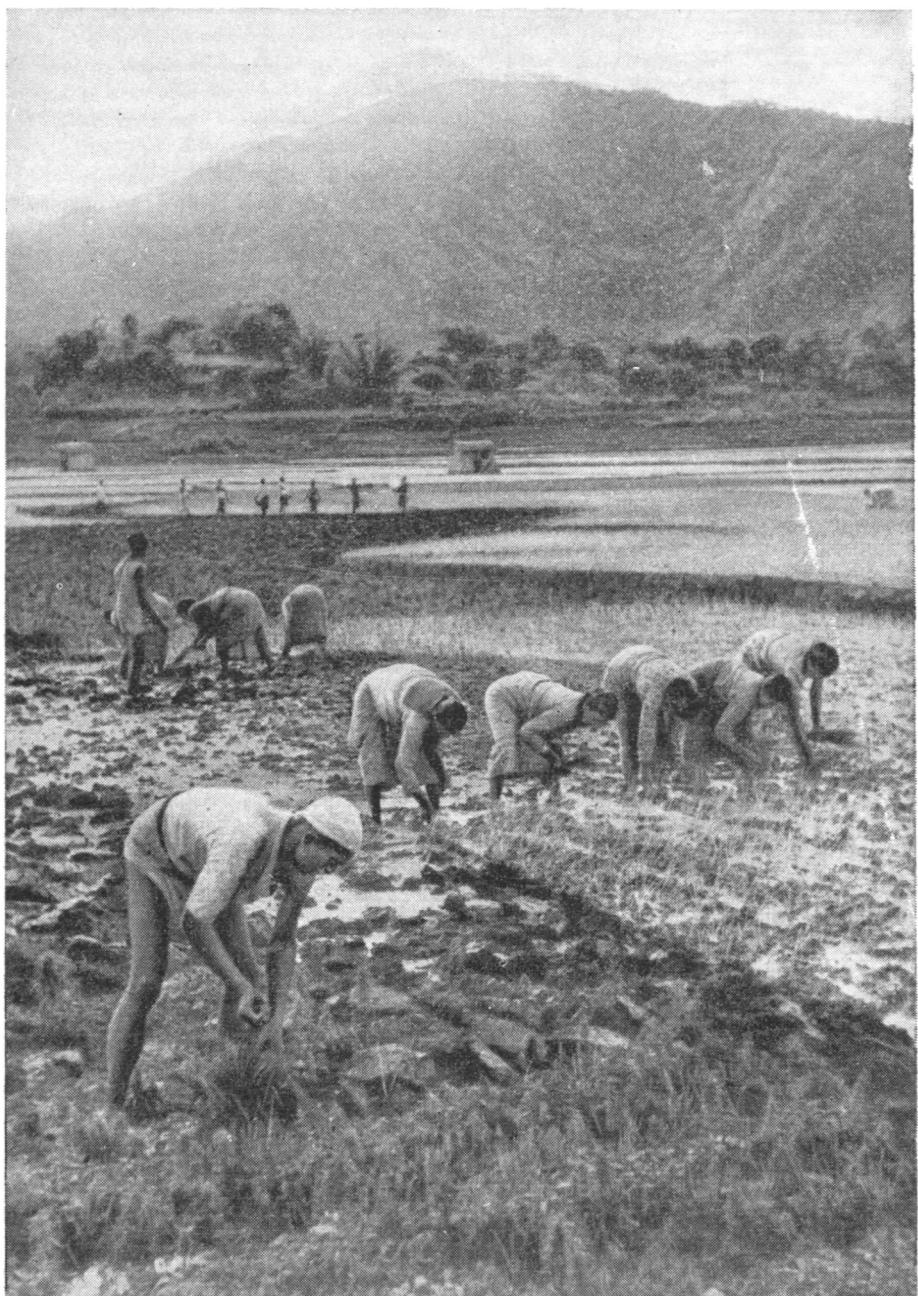
Почти в самом центре Непальского королевства находится небольшая межгорная котловина, называемая долиной Катманду. Это — историческое ядро государства, наиболее населенная и освоенная в хозяйственном отношении часть страны, ее жизненный центр.

Котловина лежит на высоте 1350—1400 м над уровнем моря. Она со всех сторон окаймлена горами, которые нигде не опускаются ниже 2—3 тыс. м. Горы четко обрисовывают границы котловины. С запада на восток долина Катманду простирается на 33 км, а с севера на юг — на 25 км. Общая площадь ее — 600 кв. км, т. е. она занимает менее $1/250$ части территории страны.

До последнего времени считалось, что долина Катманду — депрессия ледникового происхождения. В 1962 г. советский геолог К. Н. Пестовский опроверг эту гляциальную гипотезу и убедительно доказал, что котловина представляет собой сохранившийся в межгорной депрессии фрагмент широкой древней речной долины¹.

По мнению К. Н. Пестовского, литологический состав и геоморфологические условия залегания рыхлых отложений в долине Катманду показывают, что эти отложения обязаны своим происхождением деятельности древних и современных рек и сопутствующим ей процессам обнажения (денудации) склонов. Залегающая на высоких террасах мощная песчано-глинистая толща красноцветных и подстилающих их серых пород по своему генезису относится преимущественно к аллювиальным отложениям. Предположения о ледниковом генезисе этих пород должны быть отвергнуты, так как весь крупнообломочный материал состоит из местных пород и происходит в основном из коры выветривания, развитой на прилежащих склонах. История долины Катманду тесно связана с историей главной реки долины — Багмати. Наблюдения К. Н. Пестовского показали, что в далеком прошлом эта река текла иначе. Об этом свидетельствуют древние высокие террасы, которые ясно прослеживаются к западу и востоку от современной долины за пределами котловины Катманду, где они сливаются с долинами рек Сун-Коси и Трисули, относящихся к дру-

¹ К. Н. Пестовский, *О происхождении долины Катманду и о древних речных долинах в Непале*, — «Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отделение геологии», вып. XXXVII (5), 1962.

НА ПОЛЯХ ДОЛИНЫ КАТМАНДУ

гим бассейнам. Таким образом, заключает К. Н. Пестовский, долина Катманду представляет собой часть существовавшей в прошлом широтной речной долины, заложившейся в неогене или еще ранее между формировавшимися в то время хребтами — Махабхарат и Главным Гималайским (вдоль Средненепальской депрессии).

К концу плиоцена или в начале четвертичного периода в связи с продолжавшимися поднятиями Гималаев все большее значение стало приобретать сток вод в южном направлении. Регрессивная эрозия левых притоков Ганга привела к образованию сквозных поперечных долин, прорезавших хребты Сивалик и Махабхарат. Когда-то р. Багмати прорвалась на юге и стала составной частью бассейна Ганга. В месте прорыва хребта Махабхарат долина реки приобретает облик дикого ущелья с очень крутыми склонами. Речные отложения р. Багмати и ее притоков, сформированные на молодых рыхлых породах — илах, суглинках, песках, галечниках, создали основу для образования здесь плодородной почвы. Под молодыми рыхлыми породами находятся интенсивно дислоцированные и сильно выветренные метаморфические породы докембрийского возраста, главным образом кварциты, песчаники, глинисто-слюдистые сланцы. В глубоких долинах эти древние породы кое-где выходят на поверхность.

Притоки р. Багмати расчленяют долину Катманду на ряд небольших платообразных возвышенностей, окаймленных широкими ступенями террас. Некоторые плато возвышаются над дном долин на 200—300 м. Мозаичность микрорельефа усиливается множеством искусственных террас, сделанных непальскими земледельцами в целях борьбы с эрозией почв.

В зависимости от крутизны склонов высота и ширина террас сильно варьируют. В период муссонных дождей струйки воды стекают с террас со ступеньки на ступеньку, вызывая своеобразный мелодичный звук, разносящийся далеко вокруг. В конце февраля крестьяне перекапывают поле мотыгами, удобряют его илом и высевают пшеницу. В начале марта наступает время посадки картофеля, затем сеют рис, кукурузу, горчицу, овощи. Круглый год зеленеют здесь поля, трижды в год собирают с них урожай². Среди зеленых и желтых полей долины Катманду высятся города, деревни и каменные громады древних храмов. Леса сохранились лишь на склонах гор.

Долина отличается ровным, здоровым климатом, с умеренно жарким летом и несухой зимой. Прохладная погода с середины октября продолжается до конца февраля. Температура воздуха в это время года ночью опускается до -1° , вечера — холодные ($+4^{\circ}$, $+7^{\circ}$), приходится вечерами надевать теплую одежду, а ночью покрываться ватным одеялом. Днем же очень тепло (в среднем $+20^{\circ}$), поэтому даже зимой здесь зеленеют поля. Летом днем температура повышается до 30° , однако по ночам все же сравнительно прохладно ($+15^{\circ}$, $+18^{\circ}$) — сказывается высота местности.

Дожди начинаются в июне и идут до сентября. В июне, июле и августе выпадает по 300—375 мм осадков. Самые сухие месяцы — осенние и зимние (октябрь — 12 мм, ноябрь — 20 мм). В общем количества осадков (1460 мм в год) достаточно для нужд земледелия, в то же время здесь нет заболачиваемости и малярия — страшный бич Южного Непала — почти неизвестна³. Самое лучшее время года

² Ю. И. Журавлев, *Поездка в Непал (этнографические заметки)*, — «Советская этнография», 1962, № 5, стр. 129—138.

³ «Jagdish man Singh Amatya. Picturesque Nepal, Kathmandu», Nepal, 1956

в долине — осень; стоит безветренная, теплая и сухая погода, небо безоблачно, ярко светит солнце.

Удобное местоположение долины на кратчайшем пути из Центрального Индостана в Тибет и защищенность ее от возможных нападений вражеских племен издавна способствовали заселению и экономическому развитию долины. Уже в III в. до н. э. в долине Катманду существовало небольшое независимое государство. Оно было как бы оазисом в диких, почти безлюдных дебрях Гималайских гор. Особенного расцвета непальское княжество достигло в VIII—XI вв. н. э., когда здесь возникли довольно значительные города, завязалась оживленная торговля с соседними странами и большое развитие получили ремесла.

С XII в. основным населением долины стали невары — народ тибето-бирманской группы — и страной правили короли неварской династии Малла. Впоследствии междуусобицы среди правящей верхушки привели к тому, что это государство разделилось на три городакняжества: Катманду, Лалитпур и Бхактапур. Каждое из них было обнесено каменной стеной.

В 1765—1769 гг. глава другого гималайского горного княжества — Горкха, населенного выходцами из Раджпутаны (Индия), — Притхви Нараян, воспользовавшись ослаблением княжеств долины Катманду, присоединил их к своим владениям, а также захватил все другие княжества, существовавшие на территории нынешнего Непала. Так на непальской земле сложилось централизованное феодальное абсолютное государство.

В настоящее время долина Катманду представляет собой отдельную административную единицу Непала под названием Кхас Непал, или Катманду. Там насчитывается 450 тыс. жителей, из них 226 тыс. — невары.

Плотность населения долины составляет 700 человек на 1 кв. км — наивысшая в стране (средняя для Непала — 60 человек на 1 кв. км). Она даже выше, чем в самой густонаселенной стране мира — Бельгии.

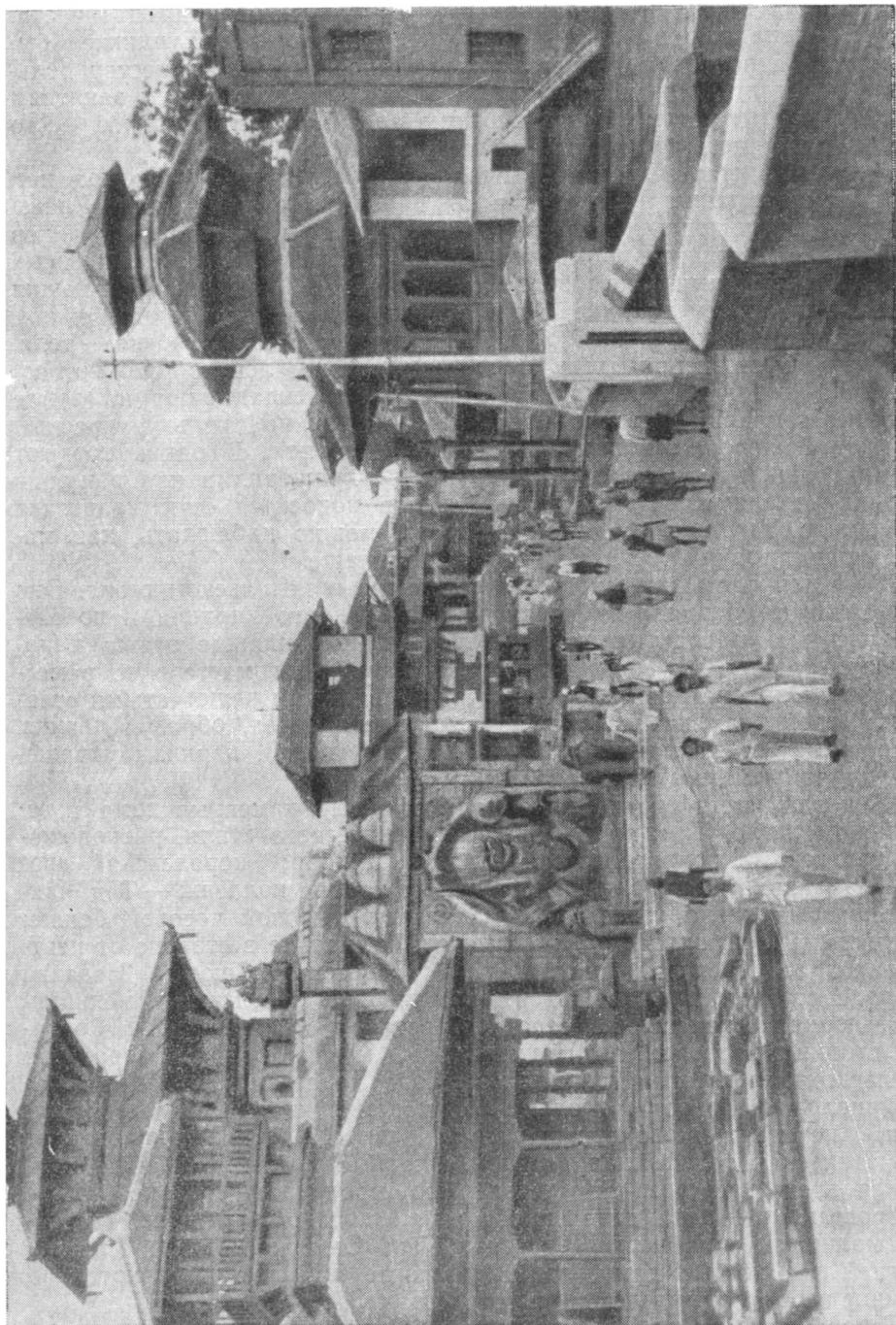
Несмотря на большую плотность населения, крестьянские хижины в деревнях стоят не скученно, а разбросаны наподобие хуторов. Их окружают террасированные поля риса, кукурузы, горчицы, а также огородные и плодовые деревья. В отличие от всех других районов Непала, где в сельском хозяйстве занято более 90% самодеятельного населения, в долине Катманду этот процент снижается до 65 (119 тыс. человек).

Значительная часть населения долины живет в городах. Здесь расположены три самых крупных города страны: Катманду (125 тыс. жителей); Лалитпур, или Патан (42 тыс.); Бхактапур, или Бхадгаон (32 тыс.) ⁴.

Катманду — столица государства Непал и его культурный центр. Это старинный город, который был основан под названием Кантipur в 724 г. н. э. Свое нынешнее название город получил по имени старинного, построенного в 1593 г. деревянного дворца Кастанандап. Катманду расположен в западной части долины между двумя небольшими притоками р. Багмати — Вишнумати и Дхоби Кола. Длина города с севера на юг около трех километров, ширина — полтора-два.

⁴ «Sensus of population Nepal 1952—1954. A. D. Department of statistics», Kathmandu, 1958; Hearn B. Jackson, *Basic data on the economy of Nepal*, — «Overseas Business report», № 103, 1963.

ГОРОД КАТМАНДУ

Город очень своеобразен. За изумительную красоту некоторые авторы называли его «раем в горах» или «жемчужиной Непала»⁵. Центральная площадь Тундикхел как бы делит город на две части: старую — западную и новую — восточную. В прошлом Тундикхел была местом муштровки солдат-гуркхов. Теперь это по существу большая зеленая лужайка, на которой играют дети, готовятся к занятиям студенты, отдыхают паломники. Кроме того, это традиционное место массовых митингов и торжественных церемоний.

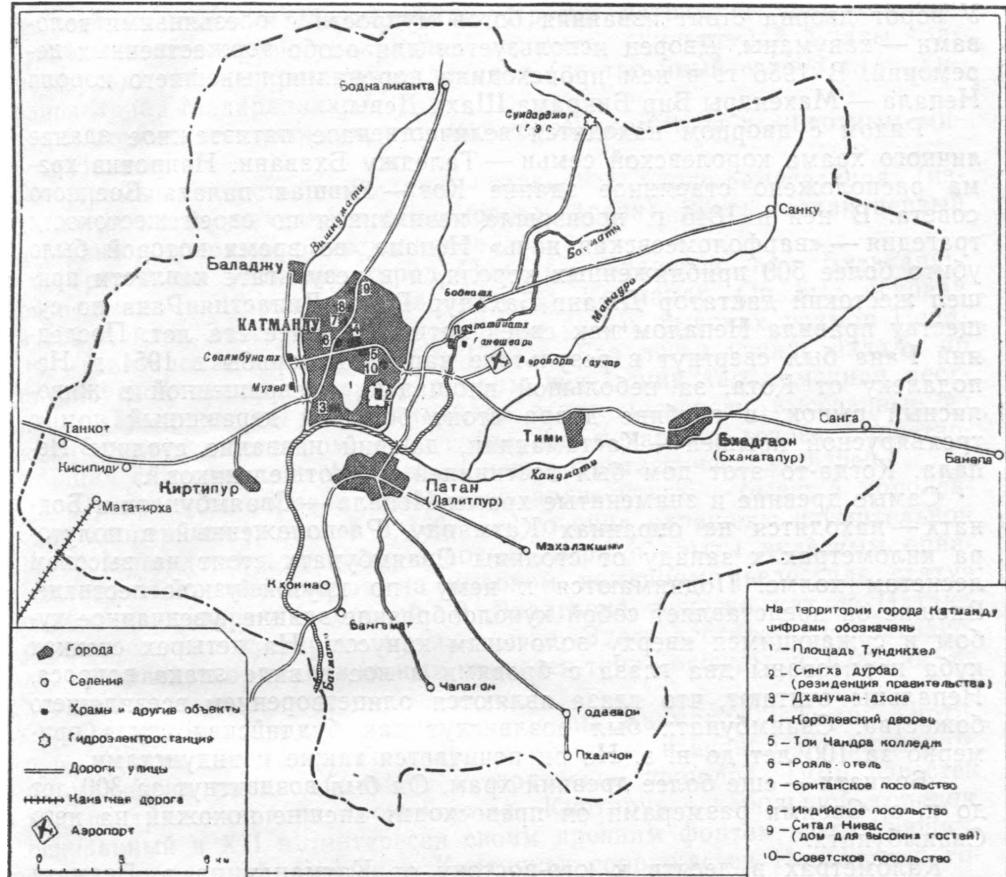
Улицы в старой части Катманду узкие. Крыши нависают над тротуарами, защищая пешеходов от палиящих лучей солнца. Улицы шумны и многолюдны. В пестрой толпе можно увидеть переносчиков тяжестей с большими бамбуковыми корзинами за плечами, босых горцев с вязанками дров, буддийских монахов, медленно шагающих в желтойшелковой накидке, и просто горожан в белых узких брюках, рубахах навыпуск, черных жилетах и матерчатой шапочке — топи. Повсюду снуют любопытные ребяташки. В тени лениво дремлют собаки. На небольших площадках торговцы раскладывают на земле свои незатейливые товары — ананасы, мандарины, редьку, красный стручковый перец. Множество лавок и лавочонок. В одних торгуют только горшками и мисками, в других — украшениями из бронзы, в третьих — тканями. Из некоторых домов доносится стук молоточка чеканщика. Заглянув в открытую дверь, можно наблюдать, как мастер чеканит тонкий рисунок на серебряной чаше.

Большая часть жилых домов построена в непальском стиле. Они двухэтажные, сложены из красного обожженного кирпича и побелены известью, фасады их нередко деревянные, нижние этажи напоминают веранды — в них помещаются лавки или мастерские ремесленников. Окна на ночь закрываются деревянными решетчатыми ставнями. Черепичная крыша обычно выступает вперед, образуя карниз, и опирается на наклонные подпорки. Окна, двери, карнизы украшены причудливыми резными узорами.

В новой части города преобладают белые каменные дома в европейском стиле. Там, во дворце неоклассического стиля, расположена резиденция правительства — Сингха Дурбар; королевский дворец — Нарайнхити Дурбар; крупнейший в стране колледж — Три Чандря, который легко узнать еще издали по высокой часовой башне; гостиницы, музей, кинотеатры, магазины. Несколько в стороне от центра находится госпиталь, построенный Советским Союзом. Недавно в городе созданы два новых средних учебных заведения — медицинская и юридическая школы, строится первый в стране театр. На окраинах столицы расположены Национальный музей, горная лаборатория и сельскохозяйственная школа. В городе издается несколько газет и журналов, работает Королевская академия искусств, ведет регулярные передачи широковещательная радиостанция, функционирует автоматическая телефонная станция. Главные улицы Катманду освещаются электричеством. Электроэнергию городу дают три небольшие электростанции — одна дизельная и две гидроэнергетические. Их общая мощность едва достигает 4 тыс. квт. Они не могут обеспечить энергией все жилые дома, поэтому многие жилища освещаются по старинке керосиновыми лампами.

Теперь в 40 км от Катманду, на р. Роси, с помощью Советского Союза заканчивается сооружение гидроэлектростанции Панаути мощ-

⁵ Jean-Mauric Cart, *Katmandou-perle des Himalayas*, — «Sciences et voyages», Paris, № 213, 1963.

КАРТА-СХЕМА КАТМАНДУ

ностью 2400 квт. Энергия Панаути пойдет на расположенные в Катманду небольшие предприятия: молочный завод, мастерские ремесленной школы, типографию, а также на приведение в движение Канатной дороги, по которой перебрасываются грузы из Катманду через хребет Махабхарат в Бхимпхеди. В нескольких километрах к востоку от Катманду находится столичный аэрордом Гаучар. Столица Непала только 8 лет назад получила регулярную авиасвязь с Индией и важнейшими центрами своей страны. Автомобильная дорога, связывающая Катманду с внешним миром, была построена в 1956 г. Строится дорога в Лхасу (Гибетский автономный район КНР). За ростками нового в Катманду еще четко проглядывают черты далекой старины. Здесь очень много древних храмов, пагод, религиозных памятников — чайтий, изваяний индуистских божеств; здесь широко господствуют древние традиции и обычай.

На центральной площади старого города высится дворец Дхануман-дхока — выдающееся произведение архитектуры эпохи неварской династии королей Малла. Он представляет собой неправильный четырехугольник с лабиринтом многочисленных пристроек. Крыша дворца из красной черепицы имеет загнутые углы, все двери и окна украшены резьбой, на стенах здания много художественных фресок.

У ворот дворца стоят изваяния богов мудрости с обезьяними головами — хануманы. Дворец используется для особо торжественных церемоний. В 1956 г. в нем происходила коронация нынешнего короля Непала — Махендры Бир Бикрама Шаха Девы.

Рядом с дворцом находится величественное пятиэтажное здание личного храма королевской семьи — Таледжу Бхавани. Напротив храма расположено старинное здание Кот — бывшая палата Военного совета. В ней в 1846 г. произошла невиданная по своей жестокости трагедия — «варфоломеевская ночь» Непала, во время которой было убито более 500 приближенных короля, и в результате к власти пришел жестокий диктатор Джанг Бахадур Рана. Династия Рана по существу правила Непалом как своей вотчиной более ста лет. Последний Рана был свергнут в результате народной борьбы в 1951 г. Неподалеку от Кота, за небольшой площадью, превращенной в живописный рынок, в глубине двора стоит большой деревянный дом с трехъярусной крышей — Кастанандап, давший название столице Непала. Когда-то этот дом был гостиницей для отшельников⁶.

Самые древние и знаменитые храмы Непала — Сваямбунатх и Боднатх — находятся на окраинах Катманду. Расположенный в полутора километрах к западу от столицы Сваямбунатх стоит на высоком лесистом холме. Поднимаясь к нему по крутой узкой лестнице. Внешне он представляет собой куполообразное здание, увенчанное кубом и сужающимся кверху золоченым конусом. На четырех стенах куба нарисованы два глаза с бровями и нос в виде знака вопроса. Непальцы считают, что глаза являются олицетворением всевидящего божества. Сваямбунатх был воздвигнут как буддийская ступа примерно за 100 лет до н. э. Но он почитается также и индуистами.

Боднатх — еще более древний храм. Он был воздвигнут за 300 лет до н. э. Своими размерами он превосходит внешне похожий на него Сваямбунатх.

Километрах в десяти к юго-востоку от Катманду на р. Багмати расположен известнейший храм индуистов — Пашпатинатх. Этому храму более 700 лет. Он состоит из множества сооружений, образующих как бы целый городок. Широкие каменные лестницы спускаются от храма до самых вод реки, считающейся священной. Здесь на ступенях раскладывают костры и сжигают трупы умерших; пепел сбрасывают в реку.

В Катманду есть много других памятников старины — храмов, небольших колоколообразных святилищ — ступ, памятников, изваяний легендарных божеств. Но теперь на фоне этих древностей можно увидеть проезжающие автомашины, такси, автобусы и велосипеды, можно услышать звуки радио. Старое живет рядом с новым.

Второй по численности населения город Непала — Патан, или Лалитпур, находится в 5 км к югу от столицы, но фактически его пригороды уже сомкнулись с Катманду. Патан был основан в III в. до н. э. Многие годы он являлся столицей одноименного неварского княжества.

Патан — своеобразный музей древней непальской архитектуры. Облик города создают двухъ- и трехъярусные крыши старинных храмов. Они сконцентрированы главным образом вокруг центральной площади Дурбар. Одно из самых величественных зданий Патана — храм Кришна Мандир, построенный в XV в. Многочисленные галереи, балконы и башенки придают сооружению ажурность и легкость. Внут-

⁶ В. Н. Туркин, *Сквозь джунгли Непала*, М., 1964.

ренние стены храма расписаны различными сценами на сюжеты легенд из Рамаяны и Махабхараты. Другой патанский храм — Махабудха известен своей уникальной огромной скульптурой Будды. Замечательны также храм Махендранатх (построенный в 1408 г.) и Хиранья-Варна Махаравихар⁷.

В городе есть зоопарк, где можно ознакомиться с животным миром Непала.

Промышленность в Патане — только кустарно-ремесленная (изделия из кости, металла и сандалового дерева). Здесь создан первый в стране кооператив ремесленников.

Третий по величине город Непала — Бхадгаон, или Бхактапур, расположен в 10 км к юго-востоку от Катманду. Он был основан в 865 г. н. э. Здесь находится один из самых высоких храмов Непала — Ньятапола, построенный в 1703 г. Его легко узнать издали по пятиярусной крыше. К входу в храм ведет широкая каменная лестница. По краям ее на постаментах стоят мастерски высеченные из камня статуи двух огромных легендарных неварских героев, олицетворяющих силу, выше — фигуры слонов и фантастических зверей.

Прекрасный образец непальской архитектуры — бывший королевский дворец, построенный в 1697 г. Его окна украшены изумительной резьбой по дереву, высокие золотые двери покрыты чудесным орнаментом. Напротив дворца на высоком каменном пьедестале статуя одного из неварских королей. В Бхадгаоне, так же как и Патане, развито только кустарное производство. Здесь исстари распространено производство национальных шапочек-топи, одежды и изделий из дерева.

Остальные города и поселки долины Катманду — Тими, Киртипур, Кхокна, Баладжу, Годавари и другие — невелики по размерам, но у многих из них большое историческое прошлое. Тими известен как центр гончарного производства. Киртипур — небольшой городок, основанный в XII в., интересен своим древним фортом, сохранившимся до наших дней. Сейчас в Киртипуре сооружается Непальский государственный университет. В городке развито ручное ткачество на примитивных деревянных станках. Кхокна славится производством растительного масла (маслобойни). Поселок Баладжу, примыкающий к северной окраине Катманду, — резиденция Корпорации промышленного развития Непала, созданной в 1959 г. для содействия экономическому развитию страны. Там находятся ремонтно-механические мастерские. Намечается строительство еще нескольких предприятий, которые превратят Баладжу в промышленный район непальской столицы.

На западной окраине долины находится курортный поселок Токха. Там, на высоте 7500 футов над уровнем моря, в сосновом лесу, расположен известный туберкулезный санаторий.

В поселке Годавари находится одно из первых в стране хозяйств по разведению рыбы. Там же недавно заложен единственный в Непале Ботанический сад. Неподалеку от Годавари производится кустарная разработка мрамора разных оттенков — белого, розового, зеленоватого.

Южнее Годавари, в Пхалчоке, находится месторождение железной руды (гематита) с запасами в 10 млн. т руды. Рядом с железом встречаются охра (добывается кустарно для окраски домов), свинцовая и цинковая руды.

⁷ Krisna Bahadur Manandhar, *Shap-shots of Kathmandu valley*, Kathmandu, 1956.

В других пунктах долины Катманду встречается торф, горючий газ, бурый уголь (добывают кустарно открытым способом в 15 км к юго-востоку от города Катманду; употребляют его главным образом для обжига кирпича). В ряде мест на глубине от 5 до 15 м добывают калемати — богатый органическим веществом озерный ил. Его здесь широко используют для удобрения полей⁸.

---

⁸ В. С. Яблоков, *Непал и его полезные ископаемые*, — «Известия Академии наук СССР», серия геологическая, 1964, № 1, стр. 75—86.

E. B. Иванова

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ ТАИЛАНДА

В современном Таиланде живут народы, говорящие на языках китайско-тибетской, мон-кхмерской, малайско-полинезийской и индоевропейской языковых семей. Численно преобладают носители языков тайской ветви китайско-тибетской семьи языков: они составляют 18 млн. человек из общей численности населения 25 млн.¹. Ни в одной из стран Юго-Восточной и Восточной Азии нет такого большого средоточия таиязычных народов.

Изучение этнического состава населения Таиланда затруднено скучностью материалов. Достоверные данные о численности населения стали появляться лишь с начала XX в. Дж. Инграм, исходя из того, что в 1911 г. население Сиама составляло 7,3 млн. человек, а свидетельств об уменьшении его в период с 1850 по 1911 г. нет, определил численность населения на 1850 г. в 5—6 млн. человек, что соответствует цифрам, приводимым Паллегу и Боурингом².

Первая перепись населения в Сиаме была проведена в 1905—1906 гг., она охватила не всю страну, а лишь 12 (из 18) округов и дала цифру 3 802 032 человека.

Последовавшая в 1909—1910 гг. перепись установила численность населения всей страны — 8 149 487 человек, возросшую к 1911—1912 гг. до 8 266 408 человек (т. е. прирост составлял 11 человек на тысячу)³.

В 1926—1927 гг. население Сиама составляло 9939 тыс. человек, а в 1929—1930 гг. — 11 506 207 человек⁴. В 1956 г. население Таиланда возросло до 22 811 700 человек, а в 1960 г. составило 25 519 965 жителей⁵.

Характеристика этнического состава имеется во всех капитальных трудах, вышедших за последнее столетие и посвященных описанию Сиама. Предлагаемая авторами этих работ классификация народов, населяющих территорию этой страны, отражает состояние лингвистической и этнографической наук в определенные периоды времени. Таже несогласованность, которая наблюдается в классификациях язы-

¹ «Численность и расселение народов мира», М., 1962, стр. 181.

² J. C. Ingram, *Economic change in Thailand since 1850*, London, 1955, p. 7; M. Pallegoix, *Description du royaume du Siam ou Thai*, vol. I, Paris, 1854, p. 8; Bowring, *The kingdom of Siam*, vol. 1, London, 1857, pp. 81—83.

³ «Statistical year book of the kingdom of Siam», Bangkok, 1924, № 9, p. 17.

⁴ «Statistical year book of the kingdom of Siam», Bangkok, 1926—1927, № 12.

⁵ «Statistical year book of the kingdom of Siam», Bangkok, 1931—1933, № 17.

ков народов Юго-Восточной Азии, в частности Таиланда, царит, естественно, и в этнических классификациях, так как последние принято строить на основании народных языков.

Немалую роль в освещении проблем этнического состава населения Таиланда сыграло Сиамское общество. Однако этнографическое изучение Таиланда подвигается очень медленно, и по сей день еще остается немало белых пятен на этнической карте этой страны.

Разные авторы различно характеризуют состав группы тайских народов в населении Таиланда. Так, у Грэхэма она состоит из пяти народов: сиамцев, лао, шань, лу и сам-сам⁶. Креднер включил в нее шесть народов: тай (сиамцев), северных лао, восточных лао, лу, путай и шань⁷. В недавно изданной в Бангкоке книге «*Thailand. Past and Present*»⁸ в этой группе перечислено уже значительно больше народов, а именно: сиамцы, тай Кората, лао-юань, лао-као, лао-вьен, лао-фоан, лао-сон, шань, лу, путай, ё, юэ и сам-сам. Наиболее полная характеристика этнического состава населения Таиланда дана датским ученым Э. Зейденфаденом в его книге «*The Thai peoples*»⁹.

Все таиязычные народы Э. Зейденфаден разбивает на четыре группы: северную и центральную, западную, восточную и южную. Тай первой группы населяют Южный Китай, второй — Бирму и Ассам, третий — Юго-Восточный Китай и, наконец, четвертой группы — королевства Таиланд и Лаос. Состав группы «южных тай», согласно Зейденфадену, таков: лао-сау (Луан-Прабана), лао-вьен (Вьентьяна), путай, черные и красные тай, мюй и тай-ныа, тай-фуань, или фу-юнь — в Лаосе, сиамцы (тай-кхон), тай-юань, тай Кората, лао-вьен и лао-као, путай, ё, юэ и дамбрё — в Таиланде.

Уже из приведенного перечня народов тайской группы ясно, сколь сложна и многокрасочна картина этнического расслоения тайского населения Таиланда, являющаяся следствием длительного развития на различном субстрате пришедших в Таиланд с территории нынешнего Китая тайских народов, а также их взаимодействия с различными этническими компонентами. Тем не менее в переписях населения Таиланда все таиязычное население, как правило, объявляется сиамцами (или тай), и только в «Справочнике по Сиаму» за 1960 г. названы также и лао (северные и восточные). Замалчивание разнородности таиязычного населения Таиланда, свойственное таиландским официальным источникам, объясняется двумя причинами: с одной стороны, желанием создать впечатление раздробленности тайского народа, влекущим за собой сознательную фальсификацию фактов, с другой стороны, малой осведомленностью о реальном национальном составе страны. Поэтому этнографу-исследователю солидаризироваться с подобным «официальным невежеством» непростительно. Однако американский этнограф Де Янг, проводивший в 50-х годах нашего столетия полевые обследования в Таиланде, пишет, что все тайское население страны по языку, происхождению и национальному самосознанию является тай, а термин «лао» для населения северного и северо-восточного районов он объявляет устаревшим «культурным пережитком»¹⁰. Следовательно, Де Янг предлагает сдать в архив понятие «лао», т. е. одним росчерком пера уничтожить фактически существующую народность.

⁶ W. Graham, *Siam*, vol. 1, London, 1924, p. 112.

⁷ W. Credner, *Siam. Das Land der Tai*, Stuttgart, 1935, S. 136—137.

⁸ «*Thailand. Past and present*», Bangkok, 1958.

⁹ E. Seidenfaden, *The Thai peoples*, Bangkok, 1958, pp. 9—10.

¹⁰ Y. E. De Young, *Village life in modern Thailand*, Los-Angeles, 1955, p. 7.

Прежде чем характеризовать расселение тайских народов в современном Таиланде с той степенью достоверности, которую позволяют упомянутые выше источники, обратимся к рассмотрению нетайского населения Таиланда.

Народы мон-кхмерской лингвистической группы общей численностью 977 тыс. человек представлены в Таиланде кхмерами в провинциях Бурирам, Сурин, Сисакет на северо-востоке и Трат на юго-востоке страны. Их насчитывается 300—400 тыс. человек¹¹. Эта народность в настоящее время двуязычна, т. е. помимо родного языка говорит на тайском языке.

В Сурине, Сисакете, Убоне и Рой-Эте расселена народность куи той же лингвистической группы численностью около 500 тыс. человек. Эта народность испытывает влияние более культурных соседей — кхмеров и лао. Часть куи, воспринявшая язык и культуру кхмеров, называется в Таиланде кхмер-соай. Те куи, которые приняли язык и культуру лао, называются лао-соай¹². В Чантабури и Трат, на юго-востоке, живет народность порр, или чонг (самоназвание — тампет), говорящая на одном из кхмерских языков¹³. К мон-кхмерским относят некоторые исследователи язык семангов, расселенных на полуострове Малакка. Их насчитывается около тысячи человек. Семанги и сакаи, живущие также на полуостровной части территории Таиланда, являются потомками древнего негроидного населения Юго-Восточной Азии.

В Таиланде насчитывается около 100 тыс. монов¹⁴. Они живут компактными поселениями в центральном и Западном Таиланде — возле Бангкока, в Поклете и Пакрете, в Самкоке, Аютии, Лопбури и Канчанабури. Моны двуязычны. Они имеют много общего с тай как в материальной, так и в духовной культуре. Это сходство объясняется тем, что современное тайское население центрального Таиланда развились на монском субстрате. Ныне живущие в Таиланде моны являются потомками монского населения Бирмы (часть которого в XVI—XIX вв. бежала в Сиам), во всех отношениях близкого древнему монскому населению долины Менама ЧАО Прайи. В настоящее время идет процесс ассимиляции монов окружающими их тай. Моны в провинции Корат ныне полностью ассимилированы тайским населением.

В северном Таиланде сохранилось в окрестностях Чиенгмая до-тайское население, представленное главным образом лава, которых насчитывается около 2 тыс. Значительный процент многочисленной ранее народности лава вошел в состав нынешнего тайязычного населения этих мест (тай-юань). Лава говорят на языке, родственном монскому. Численность их в настоящее время убывает¹⁵.

В северном Таиланде расселены такие народности мон-кхмерской лингвистической группы, как тин (к северо-востоку от г. Након-Нана), кхму (в провинции Нан). На крайнем северо-востоке Таиланда живут около 10 тыс. со, предки которых были перемещены сюда с ле-

¹¹ «Численность и расселение народов мира», стр. 182.

¹² E. Seidenfaden, *The Kui people of Cambodia and Siam*, — JSS, vol. XXXIX, 1952, pp. 144—180.

¹³ J. Brengus, *Note sur les populations de la région des Montagnes des Cardamomes*, — JSS, vol. II, pt 1, 1906, pp. 19—48.

¹⁴ E. Halliday, *Immigration of mons in Siam*, — JSS, vol. X, pt 3, 1914. По данным справочника «Численность и расселение народов мира», монов в Таиланде — 80 тыс.

¹⁵ Hutchinson, Seidenfaden, *The Lawa in Northern Siam*, — JSS, vol. XXVII, pt 2, 1935, pp. 153—182; W. Credner, *Siam. Das Land der Tai*, pp. 159—160; Phra Petcharapun-buri, *The Lawa or Chaibun in changvad Petchabun*, — JSS, vol. XIV, pt 1, 1921, pp. 19—21.

вого берега Меконга более 100 лет назад. Смешанные браки со и путай привели к созданию в районах Мукдахан и Нонгсонг этнической группы соай.

В провинции Након-Паном живет народность сек, также переселенная из Лаоса и в настоящее время ассимилируемая народностью лао-вьен. Такая же судьба постигла другую мон-кхмероязычную народность этого района — калонг, насчитывавшую в начале XX в. 40 тыс. человек, ныне говорящих на лаосском языке, а также кха-брао из южного Лаоса, живущих сейчас в районе г. Кеммарата, Чанумана, в провинции Уbon и к югу от г. Корат и полностью слившихся с тай.

В западной части Корат и Чайяпум и по берегам р. Сек живут потомки некогда многочисленной народности чаобон (самоназвание — няякуолл), издревле населявшей эти места. Язык чаобон является как бы промежуточным звеном между монским и кхмерским языками.

Народы, говорящие на языках индонезийской группы малайско-полинезийской семьи, представлены в Таиланде малайцами (750 тыс. человек) и мокенами (около 2 тыс. человек)¹⁶. И те и другие населяют принадлежащую Таиланду часть Малаккского полуострова. В Бангкоке живут чамы (численность их неизвестна).

На тибето-бирманских языках в Таиланде говорят бирманцы (12 тыс. человек), карены (100 тыс. человек), в том числе красные и белые, живущие по склонам Центральных Кордильер от Чиенграя на севере до Петбури на юге¹⁷. Карены, возможно, появились в местах их нынешнего расселения в Таиланде раньше, чем народы тай¹⁸. С тай карены не смешиваются.

На горных хребтах в северном Таиланде живут лаху, черные и красные (всего 5 тыс. человек), а на склонах горы Дой Сутеп, в Пре и Чиенгтунге — другая тибето-бирманская народность — акха. Лаху и акха мигрируют в Таиланд на протяжении последнего столетия. Еще выше, над поселениями лаху, в окрестностях Мыангфанга, располагаются деревни лису, также недавно пришедших в Таиланд. Численность их неизвестна.

На самых высоких горных хребтах в северном Таиланде живут мяо, белые и полосатые, общей численностью около 3 тыс. человек и яо — около 2 тыс. человек¹⁹. Южная граница их расселения проходит по 17° с. ш.

В деревнях на берегу Меконга и в городах Чантабури, Аютия, Нонгкай, Сакон-Након, Након-Паном и в Бангкоке живут 50 тыс. вьетнамцев. Браки между мужчинами вьетнамцами и женщинами тай — частое явление.

Самым многочисленным из нетайских народов являются в Таиланде китайцы. Миграция китайцев из южных приморских провинций Китая в Сиам началась несколько веков назад. С тех пор немало китайской крови влилось в жилы тай. До 1912 г. в Таиланд приезжали только мужчины китайцы. Они женились на тайских женщинах, и их потомство считалось принадлежащим к тайской национальности. Китайцы живут почти во всех городах и крупных населенных пунктах Таиланда, расположенных на реках или возле железнодорожных ли-

¹⁶ H. A. Bernatzik, *The colonization of primitive peoples with special consideration of the problem of Selungs*, — JSS, vol. XXXI, pt 1, 1939, pp. 17—28.

¹⁷ W. Credner, *Siam. Das Land der Tai*, Ss. 160—173; «Yang Kalo (Karieng)», — JSS, vol. XVI, pt 1, 1922, pp. 39—45.

¹⁸ W. C. Dodd, *The Thai race*, Iowa, 1923, p. 75.

¹⁹ «The Jao», — JSS, vol. XIX, pt 2, 1925, pp. 83—90; H. A. Bernatzik, *Akha und Meau*, Bd 2, Innsbruck, 1947.

ний. В последние десятилетия число смешанных китайско-тайских браков уменьшилось в связи с тем, что в Таиланд стали приезжать женщины китайской национальности. Реальную численность китайского населения в современном Таиланде определить нелегко, ввиду того что правительство проводит политику насильтвенной ассимиляции национальных меньшинств страны. По законам Таиланда все дети, рожденные в стране и не зарегистрированные посольством той страны, выходцами из которой являются их родители, считаются тай. Поскольку китайцы не имеют посольства, они не могут пройти через эту формальность, и дети их официально относятся к другой национальности. По китайским обычаям, ребенок, имеющий хотя бы одного из родителей китайца, сам является таковым, независимо от того, где он рожден. В результате формальная национальность и национальность с точки зрения самого человека часто не совпадают. Число тай в переписях оказывается завышенным, а китайцев, наоборот, заниженным²⁰. Официальная статистика считает китайцами только уроженцев Китая. Часто в одной семье один сын считается тай, а другой — китайцем. Фактически китайцев в Таиланде 4,5 млн.²¹.

В джунглях северного Таиланда живут племена питонглуанг численностью несколько сот человек²². Язык их не изучен и потому не занял еще своего места в лингвистических классификациях.

Несколько тысяч человек в Таиланде говорят на языках индоевропейской семьи языков: это европейцы либо выходцы из Индии.

Такова «этническая среда», в которой живут тайские народы в современном Таиланде.

Тайские народы расселены в Таиланде следующим образом. В долине Менама, от Уттарадита на севере до Петбури на юге, и на Малаккском полуострове живут сиамцы, называющие себя кон-тай (ввиду сильной примеси мон-кхмерской крови их называют также тай-ком). Численность их составляет 12 300 тыс. Сиамский (тайский) язык является государственным языком Таиланда. На территории с сиамским населением имеются вкрапления другого народа группы тай-лаосцев в количестве 800 тыс., в том числе лао-юань и лао-вьен в провинции Сарабури, Лопбури и Петбури. От Саваннакхала до Чумпона на Малайском полуострове расселены некогда высланные сюда лао-сонг-дам.

Всего в Таиланде насчитывается 6 млн. лао. В долинах четырех истоков Менама — Мепинга, Меванга, Мейома, Менана — живут лао, или тай-юань (официальное их название тай-ныа). Это потомки населения бывших вассальных княжеств — Чиенгмая, Лампуна, Нана и Пре. В отличие от лао северо-восточного Таиланда, именовавшихся лао-пунг-као (лао — белый живот), они назывались в прошлом лао-пунг-дам (лао — черный живот) за обычай татуировать живот. Язык лао-юань характеризуется меньшим (по сравнению с языком северо-восточных лао и кон-тай) содержанием слов, заимствованных из кхмерского языка и пали. Тай-юань выше ростом и светлее сиамцев.

К западу от Чиенгмая живут шань, или тай-яй, которых здесь насчитывается 50 тыс. Небольшие колонии шань имеются ныне в городах Чантабури и Корате. Шань, как отмечали, например, Дэвис и

²⁰ K. P. Landon, *Chinese in Thailand*, London—New York, 1941, p. 22.

²¹ «Численность и расселение народов мира», стр. 181

²² О питонглуанг см.: H. A. Bernatzik, *Die Geister der Gelben Blätter*, München, 1938, S. 93—184; E. Seidenfaden, *Khă Thong Luang*, — JSS, vol. XX, pt 2, 1926, pp. 41—48.

Додд²³, — бирманское наименование всех тай. Поэтому многие авторы говорят о сиамских, восточных, северных и западных шань, хотя, как замечает Додд, каждое из этих подразделений тай имеет много местных названий.

Действительно, даже автор вышедшей в 1955 г. книги о сиамском языке Лэнион-Оджил²⁴ образование королевства Сукотай, проникновение в дельту Менама ЧАО-Прайи, разрушение Ангкора и прочее рассматривает как действия шаней, ставя знак равенства между терминами «шань» и «сиамец». Ошибочность отождествления этих понятий была показана в работе Бриггса²⁵.

На севере Таиланда в провинциях Лампун, Нан и Чиенконг проживает другой народ группы тай — лу — в количестве 70 тыс. Основная масса лу расселена в Лаосе и в области Сишуанбаньна, в провинции Юньнань (КНР). Согласно Додду, население Лампуна было представлено преимущественно лу, кроме того, лу составляли большую часть тайского населения Чиенгмая, Пре, Нана и Чиенграя²⁶.

Основное население плато Корат, как и примыкающей части Лаоса, составляют северо-восточные лао. В Удоне и в части провинции Рой-Ет живут лао-као (белые, нетатуирующиеся лао); лао-вьен — потомки лаосцев, высланных из Вьентьяна, живут в провинциях Након-Найон, западной и южной частях бывшего округа Удон и в большей части округа Корат. Лао-вьен и лао-као говорят на близких друг другу диалектах лаосского языка; лао-сонг, вывезенные около столетия назад в качестве военнопленных из Луан-Прабана и расселенные ныне у Петбури, Ратбури, в округе Након-Чайсри и в Пичите, говорят на диалекте, близком к диалекту путай.

Путай, населяющие северо-восток плато Корат, более 100 лет назад перешли сюда с левого берега Меконга (из Муанг Кам-Кота). Деревни путай встречаются в провинциях Након-Паном, Сакон-Након, Удон и Сисакет. Главная масса путай обитает в Лаосе, в Таиланде их насчитывается, по различным данным, от 70 до 100 с лишним тысяч.

Пришельцами с левого (восточного) берега Меконга в северо-восточном Таиланде являются также тай-е в провинциях Након-Паном и Сакон-Након и тай-юэ в Након-Паном.

Помимо перечисленных групп населения на плато Корат живут так называемые тай Кората — потомки тайских солдат Раматибоди, участвовавших в первой половине XIV в. в отторжении провинции Корат от Камбоджи и бравших в жены местных кхмерских женщин. Внешне, по свидетельству Э. Зейденфадена, тай-корат очень похожи на кхмеров. Численность их — около 750 тыс.

В южном Таиланде в окрестностях Чумпона, Након-Сритамарата и на о-ве Пукет живут 1,5 млн. тхай-пак-тай. Это — тай, смешавшиеся с малайцами, мон-кхмерами и негритосами либо с высланными 500 лет назад с севера тай-лу. У них выработался своеобразный местный диалект дамбрё²⁷. На западном побережье Малакки разбросаны небольшие общины сам-сам — народа смешанного тай-малайского происхождения.

²³ W. C. Dodd, *The Thai race*, p. 218; H. R. Davies, *Junnan*, Cambridge, 1909.

²⁴ Lanyon-Orgill, *Introduction to Thai studies*, London, 1955.

²⁵ «Journal of American oriental society», vol. 69, 1949, № 2, pp. 64—65.

²⁶ W. C. Dodd, *The Thai race*, p. 12; см. также: «The Lü», — JSS, vol. XIX, pt 3, 1925, pp. 159—169.

²⁷ E. Seidenfaden, *The Kui people...*, p. 107.

Рассмотрим в общих чертах историю заселения территории Таиланда тайскими народами. Во II тысячелетии до н. э. предки нынешних таизычных народов населяли обширные районы бассейна р. Янцзы. П. Бенедикт на основании соответствующим образом интерпретированных лингвистических данных считает, что тай входили в группу тай-кадай-индонезийцы²⁸. Солидаризируясь с П. Бенедиктом в этом вопросе, Э. Зейденфаден выдвинул гипотезу, согласно которой тай не были автохтонами в бассейне Янцзы, а пришли туда с запада через долину Брамапутры, Верхнюю Бирму, долину Швели и Юньнаньское плато. Выделение тай из группы тай-кадай-индонезийцы произошло, по мнению Э. Зейденфадена, за 15—20 веков до н. э. под воздействием мон-кхмеров, пришедших с запада, из Индии. Пришельцы оказались с одной стороны между тай и кадай, оттесненными на север, и с другой — индонезийцами, отступившими на юг, на полуостров Индокитай. В дальнейшем под давлением мон-кхмеров индонезийцы были вытеснены из Индокитая на острова. Гем временем тай заняли области, соответствующие нынешним китайским провинциям Сычуань, Шэньси, Хубэй, Аньхой, возможно, и Южную Хэнань; кадай заняли Гуйчжоу, впоследствии — Гуанси, Тонкин и остров Хайнань. Под натиском китайцев началось движение тай в южном направлении, приведшее в конечном счете к нынешнему их расселению²⁹. Никакими фактами Э. Зейденфаден свою гипотезу не подкрепляет.

Итак, тай, теснимые с севера китайцами, начинают заселять нынешний юго-западный и юго-восточный Китай. При этом местом, ставшим в последующем центром распространения тай в такие страны Индокитая, как Бирма, Сиам, Лаос, была провинция Юньнань.

Вопрос о путях, избранных племенами тай при движении в Юньнань, нуждается в изучении. Из каких областей пришли тай туда, также далеко не ясно. Лакупери, например, полагает, что из северной Сычуани, а Креднер — из Гуанси и Гуйчжоу³⁰.

В период заселения Юньнани тайскими племенами (по-видимому, последние века до н. э.) там существовали ранние государственные образования тибето-бирманских народов.

Тай также создали ряд княжеств, объединившихся в VII в. н. э. в государство Монг Мао. В это же время сложилось другое могущественное государство — Наньчжао, которое многими исследователями, занимавшимися тайскими народами, но специально не углублявшимися в эту проблему, безоговорочно считается тайским³¹. Стало уже общим местом связывать усиленную миграцию таизычных народов в страны Индокитая в XIII в. с разгромом Наньчжао войсками Хубилай-хана.

Одним из доводов ученых, считающих Наньчжао государственным образованием тайских народов, является близость тайских языков. По мнению Кашинга, это сближение тайских языков может быть объяснено только длительным объединением всех носителей этих языков. Такую же точку зрения высказал в своей книге Дэвис, считавший, что только благодаря существованию большого королевства

²⁸ P. Benedict, *Thai Ka'dai and Indonesian*, — «American anthropologist», New York, vol. 44, 1942.

²⁹ E. Seidenfaden, *The Thai peoples*, p. 17.

³⁰ P. Lacouperie, *The languages of China before the Chinese*, London, 1887, pp. 42—47; W. Credner, *Cultural and geographical observations made in the Tali (Yünnan) Region, with special regard to the Nan Chao problem*, Bangkok, 1935, p. 15.

³¹ Pr. Damrong, *Siamese history prior to Ayuthia*, — JSS, vol. XIII, 1916, p. 2.

Наньчжао на подвластной ему территории смогли унифицироваться различные тайские языки (или, как он их называет, диалекты). К иному выводу приходит Лефевр-Понтали на основании изучения языков и письменностей тайских народов, свидетельствующих, как он считает, об очень давнем расхождении этих народов. Пельо выразил сомнение по поводу того, что Наньчжао было тайским государством. А. Масперо считал Наньчжао государством тибето-бирманцев ицзу (лоло). К нему присоединился Грассэ в своей «Истории Дальнего Востока». Р. Ф. Итс считает, что Наньчжао было создано «племенной группой айлао народа ицзу», поскольку в «Синь цзю Таишу» говорится, что племена ицзу (носу) составляют основу населения Наньчжао³².

Тем не менее и в самое последнее время появляются работы, в которых Наньчжао без всяких колебаний провозглашается тайским государством³³.

Японский ученый Есиро Сиратори сделал попытку разобраться в этой запутанной проблеме³⁴. Он проследил, как менялось соотношение тибето-бирманских и тайских племен в Юньнани в этническом и политическом плане. Он установил, что территория будущего Наньчжао первоначально принадлежала тайским племенам. Тибето-бирманские племена умань-лоло оттеснили их оттуда, род Мэнг создал государство Наньчжао, а лоло послужили основным этническим компонентом его населения. Оставшиеся среди тай лоло (ицзу) — китайцы называют их миньцзы — подверглись сильному влиянию с их стороны. С падением Мэнг власть переходит к роду Дуань из тайского племени и продолжается до династии Юань, когда лоло снова становятся господствующими в Наньчжао. Южная миграция тай в направлении Бирмы на западе и племен цзяочжи (предков вьетнамцев) на юге началась, по мнению Сиратори, задолго до того, как было разгромлено Наньчжао³⁵.

Проникновение тай на территорию нынешнего Таиланда, по нашему мнению, началось много раньше не только падения, но, по-видимому, даже создания Наньчжао, на рубеже новой эры.

В это время население Индокитая находилось на уровне поздней неолитической культуры³⁶. Этнически оно было представлено монами в долинах Менама и Иравади, кхмерами — в бассейне среднего и нижнего Меконга и в дельте его, лава — в северном Таиланде и бассейне верхнего Меконга, чямами — в центральном и Южном Аннаме. В первом тысячелетии н. э. наблюдается отступление монов под написком тай и бирманцев, кхмеров — под написком тай, чямов — под давлением вьетнамцев. Таким образом, продолжалась начавшаяся в глубокой древности в Индокитае миграция на юг, к дельтам больших рек, к берегу моря.

³² Cushing, *Notes on the Shans*, — BCR, 1891, pp. 168—169; H. R. Davies, *Junnan*, p. 334; P. Leleuvre-Pontalis, *Etude sur quelque alphabet et vocabulaire Thais*, vol. III, T'oung Pao, 1892; Pelliot, *Deux itinaires*, — BEFEO, 1904; R. Grousset, *Histoire de l'Extreme Orient*, Paris, 1929; Р. Ф. Итс, «Мяо», — «Труды Института этнографии», Т. LX, 1960, стр. 54.

³³ См., например, статью: E. F. von Eickstedt, *Von Yünnan nach Thailand (Reich der Tai in Yünnan-mächtig wie China und Tibet)*, написанную после 1954 г.; Д. Дж. Е. Холл, *История Юго-Восточной Азии*, М., 1958, стр. 129—130.

³⁴ Yoshira, Shiratori, *An historical investigation on Ancient Thai*, — BSEI, vol. XXXIV, 1958, № 4, pp. 431—448.

³⁵ Ibid., pp. 443—444.

³⁶ G. Coedès, *Les Etats hindouisés d'Indochine et d'Indonésie*, Paris, 1948, p. 23.

Одним из самых ранних государств на территории Индокитая была Фунань. Возникновение ее относится к I в. н. э. Центром Фунани была дельта Меконга, но в период наибольшего могущества она охватывала наряду с Южным Аннамом и землями вдоль среднего течения Меконга большую часть долины Менама и Малаккского полуострова³⁷ (т. е. нынешний северо-восточный, центральный и южный Таиланд) и была населена кхмерами. Время падения Фунани точно не установлено, преемником ее в долине Менама было королевство Дваравати (Лаво), возникновение которого можно условно отнести к V—VII вв. н. э. Населяли это королевство моны. Дваравати было одним из «индуизированных» государств Индокитая. Носителями этого влияния были, по-видимому, индийские колонисты из южной и юго-восточной Индии — купцы, миссионеры и прочие, в начале новой эры появившиеся у берегов Индокитая, а может быть, мигрировавшие туда еще в последние века до н. э. Они принесли с собой языки, литературу, религию, искусство своей страны. Эта «духовная пища» не только поглощалась населением Индокитая того времени, но и передавалась ими и позднейшим пришельцам — бирманцам и тай.

Господству монов в центральном Сиаме был положен конец вторжением в XI в. кхмеров, захвативших столицу государства монов — Лопбури в долине Менама. На архитектуре Лопбури лежит отпечаток сильного кхмерского влияния. Власть кхмеров над центральным Сиамом продолжалась около двух столетий, простираясь на севере до Питсанулока, Саванкалока и Сукотайи, где до наших дней сохранились развалины кхмерских храмов. Дальше на север кхмеры не пошли. Не проникло туда и их культурное влияние. В XIII в. Лаво вновь стало независимым от кхмеров. Еще до того как центральный Сиам оказался в руках кхмеров, происходило медленное, но неуклонное просачивание тай широким фронтом в северный Индокитай.

О времени прихода тайязычных народов на территорию Индокитая, в частности Таиланда, нет единого мнения. Лефевр-Понтали относил это событие к первым векам нашей эры. Большинство исследователей связывают миграцию тай из южного Китая с разгромом королевства Наньчжао в XIII в. и этим временем датируют появление тай в долине Менама и Меконга. Бриггс, например, считает центрами, из которых распространились тай в Индокитае, государства Монг Мао (в Бирме) и Наньчжао³⁸, существовавшие с VII—VIII вв. н. э. Точка зрения Лефевра-Понтали, по-видимому, ближе к истине. Когда тай пришли в северный Индокитай, они вряд ли были более культурными и во всяком случае не превосходили количественно аборигенные народы. Однако они обладали способностью приспосабливаться к тем народам, в среду которых они попадали, что, по мнению П. Лефевра-Понтали, обеспечивало им господство повсюду, где они утверждались³⁹.

Поскольку еще в Китае тай занимались преимущественно поливным земледелием, они стремились и в тех районах Индокитая, куда они приходили, занять земли в долинах, оттесняя прежних владельцев в горы. При этом тай применяли тактику постепенного вытеснения своих предшественников и редко прибегали к силе оружия.

³⁷ Ibid., p. 68.

³⁸ L. P. Briggs, *The Appearance and historical usage of the Tzems Tai, Thai, Siamese and Lao*, — «Journal of the American oriental society», vol. 69, 1949, № 2, p. 61.

³⁹ P. Lefèvre-Pontalis, *L'invasion thaïe en Indo-Chine*, vol. VIII, T'oung Pao, 1897, p. 60.

Живя бок о бок с аборигенами, они смешивались с ними, вступая в брак с местными женщинами, перенимая некоторые их обычай. Такой тактикой объясняются, по мнению Лефевра-Понтали, с одной стороны, быстрое и широкое распространение таизычных народов и, с другой стороны, «те различия, которые характеризуют ныне тайские народы в Индокитае, поскольку каждый из них воспринял в большей или меньшей степени обычай того народа, с которым вступил в контакт»⁴⁰. Распространение тай на северо-восток Индокитая, по Лефевру-Понтали⁴¹, начинается в I в. н. э. В отличие от тай центрального и западного Индокитая тай северо-восточного Индокитая не создали значительных государственных образований, как полагает Лефевр-Понтали, из-за трудности установления связей в условиях горной местности, но зато лучше прочих тай сохранили обычай предков.

Тай-лао проникали в Индокитай из западной Юньнани по притоку Меконга — р. Намху. Центром их в Индокитае становится г. Дьен-Бьен-фу. Отсюда распространились все лаосцы (согласно легенде, прошедшие из тыквы)⁴². Спустившись по р. Намху почти до Меконга, они основали г. Муонг-сва, ставший столицей страны, получившей в соответствии с племенным наименованием лаосцев название Муонг-Лао (а впоследствии — Ланьчан). Колонизованный лаосцами район охватывал бассейн Намху и Верхнего Меконга до притока Намта и простирался почти до границ Камбоджи⁴³.

Севернее нынешнего Чиенгмая обосновалась другая группа таизычных народов — лу, страна которых называлась Сип-сонг-бан-на, или Муонг-лу. Столица лу перемещалась из Кенг-Хунга в Чиенг-Рао и затем в Чиенгсен. В стране лу жили также кюн (центр их находился в Конгтунге). Сами лу антропологически были ближе к тай северного Сиама (Ланьна) — юнь (юань) и лаосцам и смешивались в некоторой степени с лава и каренами.

Задолго до появления сиамцев в долине Менама шань из поселений Монг-Мао достигли окрестностей Чиенгмая.

В VII—VIII вв. н. э. северный Сиам был колонизован монами из королевства Дваравати⁴⁴.

Ранняя миграция тай в нынешний северный Таиланд, по-видимому, предшествовала периоду монского владычества и созданию монами государства Харипунджайи (Лампуна)⁴⁵. Тай попадали сюда, спускаясь по правому берегу Меконга и по Салуэну. В 1096 г. возле слияния рек Мепинг и Меванг возникло небольшое тайское государство Пайао. Оседая среди местного населения — лава и смешиваясь с ним, тай строили укрепленные города, древнейшие из которых на севере Таиланда — Чиенгсен и Чиенконг. Сукотайя и Саванкалок в начале XIII в. находились под властью кхмерского правителя, но возле этих городов находились два небольших владения — Муанграт и Мунгбанг-

⁴⁰ Ibid., p. 61.

⁴¹ Он основывается на легендах тай. Ученые, не доверяющие им, относят это событие к XIII—XIV вв.

⁴² P. Lefevre-Pontalis, *L'invasion thaïe en Indo-Chine*, vol. VIII, p. 64. Как отметил Бриггс, Лефевр-Понтали связывает лаосцев Дьен-Бьен-фу с ай-лао и «приводит» их в Индокитай на несколько веков раньше, чем это делают другие ученые.

⁴³ P. Lefevre-Pontalis, *L'invasion thaïe en Indo-Chine*, vol. VIII, p. 65.

⁴⁴ G. Coedès, *Documents sur le Laos occidental*, — BEFEO, vol. XXV, 1925, pp. 16—17; C. Notton, *Annales du Siam*, vol. III, Paris, 1930, pp. 7—33.

⁴⁵ Лефевр-Понтали приписывает создание города Лампуна тайским пришельцам. По-видимому, он не был знаком с хрониками северного Сиама: он может быть прав в том смысле, что народ, руками которого этот город возводился, этнически относился к ранним тай.

янг, управляемых тайскими вождями, признававшими над собой власть кхмеров (первый из них был женат на кхмерской принцессе). Объединенными усилиями им удалось изгнать кхмерского правителя из Сукотай и Саванкалока, и королем первой стал вождь Вонг-енга, принявший имя Сри-Индропот-Индрадитъ и под именем Пра-Руанга известный с тех пор как национальный герой тай. Произошло это, по мнению Ж. Кёдэ, примерно в 1220 г.⁴⁶. В 1238 г., по Холлу, Сукотай стала столицей нового тайского государства⁴⁷.

В это же время создаются тайские государства и в соседних странах: в 1215 г.—государство Могаунг в Верхней Бирме, в 1223 г.—другое шаньское государство Монг Най, в 1229 г.—королевство Ахом в Ассаме⁴⁸.

Ослабление кхмерской империи при Джайвармане VII (1243—1295), сосредоточившем все свое внимание на том, чтобы удержать Чампу, позволило тай Сукотай значительно расширить свои владения. При втором наследнике Индрадитъ—Рамкамхенге, взошедшем на престол до 1283 г., тай завоевали области, включающие почти весь современный Таиланд, оттеснив оттуда кхмеров. Власть Рамкамхенга простиралась, согласно надписи 1292 г. (точнее, постскрипту в этой надписи)⁴⁹, на следующие территории: на востоке—до Пичита, Питсанулуока, Ломсака, до Меконга и почти до Вьентьяна, на юге—до Конти (населенный пункт на р. Мепинг, между Кампенгпетом и Накоп-Саваном), Прека, Супаннафума, Ратбури, Лигора, на западе—до Муанг-Чота и Пегу и почти до моря, на севере—до Луан-Прабана. Не упомянут лишь Лаво. Эти завоевания тайского королевства на Менаме и Меконге были результатом войны тай с кхмерами в 1296 г., о которой китайский посол в Камбодже Чжоу Да-гуань писал: «В последней войне с сиамцами должны были участвовать все кхмеры; страна кхмеров была совершенно опустошена»⁵⁰. Пограничный район на севере и северо-западе от королевства Сукотая в правление Рамкамхенга был под властью тайских принцев Нгам Муонга и Мэнграя, заключивших с Рамкамхенгом своего рода этнический союз. Мэнграй изгнал монов из Харипунджай (Лампуна). По-видимому, моны были в северном Таиланде лишь политической силой и оказали серьезное культурное влияние на местное население, роль же их в формировании этнического состава населения этого района не могла быть большой из-за их незначительной численности. В 1296 г. Мэнграй основал г. Чиенгмай. Он стал столицей государства, именуемого в хрониках на пали Юнакаратта—«королевство юнь». Сиамцы называли это королевство Лань-на—«миллион полей». Народ называл себя «юань» (или юнь), а свою страну—Муанг-Юнь.

На Малаккском полуострове тай распространяли свою власть на северные владения государства Шривиджай до Након-Сри-таммарата и Мергуи.

Как отмечает Холл, «история Юаньской династии, упоминая о посольстве, прибывшем в 1295 году от Рамкамхенга, отмечает, что в течение долгого времени народы Сиама и Малиюэль (Малайи) взаимно истребляли друг друга, но теперь Сиам покорил Малайю»⁵¹.

⁴⁶ G. Coedès, *Les Etats...*, p. 238.

⁴⁷ Д. Дж. Е. Холл, *История...*, стр. 130.

⁴⁸ G. Coedès, *Une période critique dans l'Asie du Sud-Est; le XIII siècle*, — BSEI, vol. XXXIII, 1958, № 4, p. 8.

⁴⁹ G. Coedès, *Recueil des inscriptions du Siam*, vol. I, Bangkok, 1924, pp. 44—45.

⁵⁰ G. Coedès, *Une période critique...*, p. 9.

⁵¹ Д. Дж. Е. Холл, *История...*, стр. 65.

В правление Рамкакхенга оформляется тайское королевство Сукотайя. В это время происходит, по мнению Паллегуа, Кёдэ⁵² и других, осмысление этнонима сиамцев «тхай» как «свободный». Так называла себя тайская военная аристократия в противоположность автохтонному населению королевства Сукотайя, ставшему крепостным. Военную и административную организацию тай Сукотайи, по мнению Вэйлса⁵³, скопировали у монголов. Кёдэ считает, что сиамцы называли себя в XIII в. термином «дай»⁵⁴. В силу фонетических изменений звук *đ* перешел в *t*, этноним соответственно превратился в «тай». Переход непридыхательного *t* в придыхательное, совершившийся в начале XIV в., дал форму «тхай». Паллегуа (1854 г.), а еще ранее Де Лалубер (1691 г.)⁵⁵ объяснили появление этнонима «тхай», означающего «свободный», желанием сиамцев подчеркнуть завоеванную ими независимость от кхмеров (т. е. считали тхай этнонимом только сиамцев). Некоторые ученые придерживались, однако, того мнения, что «родовое» наименование всех таизычных народов — «тай», а формой «тхай» следует обозначать язык тайских народов⁵⁶. Термин «сиамцы» происходит от названия «сайам», данного кхмерами населению долины Менама Чао Прайи⁵⁷. В форме «саям-кук» он встречается на барельефах Ангкор-вата в середине XII в. со значением «наемник», «пленник» и относится, по-видимому, к ранним тай в долине Чао Прайи⁵⁸. Самоназвание сиам-кук после освобождения от кхмеров стало «кон-тхай». Тай именовали свою страну по названию столицы, Сиамом стали называть ее только при Монгкуте — в 1851 г. Европейцы и до этого называли государство кон-тхай Сиамом, а их — сиамцами.

Трудно сказать, откуда именно пришли кон-тхай в долину верхнего Менама. Попытки ученых разрешить эту проблему еще не увенчались серьезным успехом.

Можно согласиться с Бриггсом, считающим, что отсутствие упоминаний о сиамцах в легендах тай-яй и бай-и может указывать на смешанное их происхождение⁵⁹, в силу которого их нельзя отнести к какой-то одной определенной ветви. Представляется довольно убедительной гипотеза Бриггса о спустившихся, по Салуэну, маошанях как возможных предках сиамцев, смешавшихся впоследствии с лаосцами с р. Намху. При этом не следует упускать из виду тот автохтонный субстрат (представленный главным образом лава и монами), на котором происходило развитие сиамцев. Свою гипотезу Бриггс аргументирует тем, что сиамский язык первой надписи на камне является чисто шаньским языком⁶⁰.

Как изменился этнический облик населения Сиама после завоевания власти тайской аристократией и образования тайского государства Сукотайя в XII в.? По-видимому, тайский элемент в насле-

⁵² M. Pallegoix, *Description du royaume du Siam ou Thai*, vol. I; G. Coedès, *Les Etats...*, p. 1948.

⁵³ H. Q. Wales, *Ancient Siamese government administration*, London, 1934.

⁵⁴ Этим термином Кёдэ передает название языка и народа, переводя надпись Рамкакхенга 1292 г. (см. G. Coedès, *Recueil des inscriptions...*).

⁵⁵ De la Loubère, *Du royaume de Siam*, Amsterdam, 1691.

⁵⁶ См.: Cushing, *Notes...*, p. 151; A. Maspero, — BEFEO, 1911.
⁵⁷ Интересна этимология этого слова. «Сиам» на санскрите означает «темно-чёрный», то же самое значит на пали «сама», в малайском «саям» значит коричневая раса». Монское обозначение сиамцев — сем, кхмерское — сиен, чамское — сиам. По-видимому, такое наименование дали сиамцам соседи за то, что цвет кожи у них был намного темнее, чем у них самих или у других тайских народов (лао или шань).

⁵⁸ L. P. Briggs, *The Appearance...*, p. 63.

⁵⁹ Ibid., p. 64.

⁶⁰ Ibid., p. 68.

нии Камбоджийской империи появился на несколько столетий раньше этого события и с тех пор происходило непрерывное смешение тай с кхмерами и монами. XIII век является, по общему признанию, временем широкой экспансии тай в Сиаме, однако, по мнению Ж. Кёдэ⁶¹, она не сопровождалась ни перемещением больших людских масс, ни уничтожением аборигенного населения, а сводилась к тому, что воинственная тайская аристократия навязывала местному населению свой язык и обычай. По выражению Холла, тай, подобно норманнам в Европе, выступили в роли ассимиляторов. Таким образом, в этническом отношении роль автохтонного субстрата в населении тайского королевства огромна. В культурном отношении тайский элемент населения Сукотай не мог состязаться с той высокой цивилизацией, которая под влиянием индийской культуры сложилась в королевстве монов и Камбоджийской империи, и потому воспринял эту цивилизацию. По мнению некоторых ученых, уже в бытность свою в южном Китае — в государстве Наньчжао — и ранее предки сиамцев находились под влиянием Бирмы, приобщенной монами к индийской культуре, поэтому они были подготовлены к восприятию кхмерской культуры, а влиянию со стороны китайской культуры подверглись лишь в незначительной степени. Вопрос о том, что представляли собой в культурном отношении тай в период их миграции в Сиам, не получил еще научного освещения. Не установлено точно, приняли ли они буддизм (северной ветви) до соприкосновения с кхмерами (многие авторы голословно утверждают это), была ли у них своя письменность, театр.

Захватив власть в Сукотайе и оттеснив кхмеров со значительной части территории Камбоджийской империи, сиамцы стали учениками покоренного ими народа. Они приняли буддизм южной ветви, заимствовали политическую организацию кхмеров, переняли юридические традиции индийского происхождения. При посредстве кхмеров они приспособили южноиндийскую письменность для своего языка, что произошло, согласно надписи Рамкамхенга, в 1238 г. Язык их пополнился многочисленными заимствованиями из пали и санскрита — также через кхмерский язык, впитавший в себя лексику этих индийских языков значительно раньше — с первых веков н. э. В скульптуре и архитектуре Сиама в течение некоторого времени также отмечается преемственность кхмерских традиций, пока не выработался свой оригинальный стиль. При дворе тайских королей стали исполняться и удержались до наших дней брахманские церемонии, как это было и в империи кхмеров. Сиамские короли переняли титулы кхмерских. В репертуаре сиамского театра теней представление на сюжет индийского эпоса «Рамаяна» трансформировано сиамцами в «Рамакиен».

В 1347 г. тайский принц из Утонга (Супанбури) Раматибоди I сделал своей резиденцией город на острове на Менаме (неподалеку от Лопбури), который он назвал Дваравати-Сри Аютия⁶² (воспоминание о древнем монском королевстве Дваравати сохраняется также и в полном наименовании следующей столицы Сиама — Бангкока). В 1349 г. он завоевал Сукотай и города от Кампенглата до Питсанулока и Саванкалока. Так кончился первый период в истории Сиама, период Сукотай. Он был знаменателен тем, что за столетие

⁶¹ G. Coedès, *Les Etats...*, pp. 29—30.

⁶² D. Nivat, *The city of Thawarawati Sri Ayudhyai*, — JSS, vol. XXXI, 1939, p. 147. Только Эймонье относит это событие к 1459—1460 гг., основываясь на весьма неопределенных указаниях Жервэ (см.: Petithuguenin, *De l'origine et histoire ancien de Si-am*, — JSS, pt 1, 1905, p. 13).

с 1250 по 1350 г. «сложились характерные черты сиамской цивилизации, ее институты и искусство»⁶³.

Королевство Сукотай включало почти всю территорию нынешнего Таиланда, за исключением его северо-восточной части, все еще находившейся под властью кхмеров. Постепенно, под давлением другой ветви тайских народов — лао княжеств Луан-Прабана и Вьентьяна, объединившихся в середине XIV в., Камбоджа была ограничена территорией с кхмероязычным населением.

Таким образом, «то, что ныне является Сиамом и Лаосом, до конца XIV в. было разделено между тремя процветающими тайскими королевствами, каждое из которых было независимым и имело собственных правителей на протяжении нескольких столетий: 1) Сиамское (Тхай) королевство Аютая, или Сиам, 2) Королевство Юнь-Ланьна, или Чиенгмай, и 3) Лаосское королевство Ланьчан, или Лаос. Второе и часть третьего были присоединены в XIX в. к первому, и так образовалось нынешнее королевство Сиам»⁶⁴.

---

⁶³ G. Coedès, *Les Etats...*, p. 370.

⁶⁴ L. P. Briggs, *The Appearance...*, p. 73.

И. П. Труфанов

НАСЕЛЕНИЕ СИНГАПУРА

Сингапур¹ расположен на небольшом острове того же названия, отделенном узким проливом от Малаккского полуострова. Его территория составляет 581 кв. км. Административным центром служит город Сингапур — один из крупнейших портов мира и важнейший политический, экономический и культурный центр Малайи.

Северная оконечность острова Сингапур плоская, покрытая вечнозеленой растительностью, а в некоторых частях болотами, на которых произрастают мангровые деревья. Остальную часть острова занимают невысокие холмы. На западном побережье встречаются отдельные островки настоящих джунглей. До 1819 г. вся площадь острова была покрыта тропическими зарослями, но в последующие годы леса вырубались и на их месте возникали каучуковые, ананасовые и кокосовые плантации, а также овощные фермы.

Светло-красные латеритные почвы характерны почти для всей территории острова. Климат Сингапура — тропический, жаркий и влажный с незначительными сезонными колебаниями температуры (обычно в пределах 6°C). Среднегодовое количество осадков колеблется в пределах 2200—2500 мм. Число дождливых дней достигает за год около 170. Наиболее сильные дожди выпадают с ноября по февраль.

В западной части острова Сингапур залегают глинистые сланцы, а в его центральной части — графит.

Весь остров прорезан густой сетью шоссейных дорог. С Малаккским полуостровом Сингапур связан дамбой, по которой проходят железная и шоссейная дороги.

В хозяйстве Сингапура, контролируемого английскими монополиями и банками, ведущее место занимают торговля, экспортно-импортные операции порта и довольно развитая промышленность. Сельское хозяйство и рыболовство не играют существенной роли в экономике страны. В промышленности выделяются оловоплавильная, судостроительная, судоремонтная, машиностроительная и металлообрабатывающая отрасли, а также предприятия легкой и пищевой промышленности. Город Сингапур не только хорошо оборудованный, вполне

¹ Название «Сингапур» происходит от двух санскритских слов «Singa Riga», что означает «город Льва».

современный морской порт в Юго-Восточной Азии, но и важный международный воздушный центр, а также узел связи, где соединяется несколько межконтинентальных телефонно-телеграфных линий.

* * *

Письменные упоминания о Сингапуре, носившем в древности малайское название Тумасик (Морской город), относятся к XII в., когда на месте нынешнего города возник порт, имевший большое значение для торговых сношений между Китаем и Индией, Сиамом, Явой и другими странами Юго-Восточной Азии. По некоторым сведениям, Тумасик, вероятно, был под властью княжеского дома Сайлendra (Шайлendra), хотя это не подтверждается сколько-нибудь достоверными источниками. В 1349 г. город подвергся нападению со стороны Таи, но был якобы спасен внезапно появившимся китайским флотом. В 1377 г. Тумасик был захвачен и ограблен вторгшимися с Явы войсками яванской империи Маджапахит. Возможно, что к началу XV в. на территории острова Сингапур возникло одно или даже несколько небольших племенных государств.

После яванского нашествия Сингапур пришел в упадок. В XV—XVI вв. он состоял «из нескольких протомалайских деревень и не представлял собой „ничего замечательного“»². В XVII—XVIII вв. остров Сингапур был заброшенным и малонаселенным. Он в этот период стал базой соперничавших друг с другом пиратов, стремившихся установить контроль над окружающими морями.

История Сингапура в XII—XVIII вв. настолько неясна, что дает многим авторам повод для утверждения, что ранняя история острова теряется в мифах и преданиях³. Следует также иметь в виду, что такие знаменитые путешественники средневековья, как Марко Поло и Ибн-Батута, возвращавшиеся в свое время из Китая в Европу морским путем и останавливавшиеся на Суматре, даже не упомянули в своих записях о Сингапуре.

В 1819 г. Сингапур был захвачен английскими колонизаторами, расширявшими свои владения в Юго-Восточной Азии⁴. Путем интриг и шантажа ставленник английских колонизаторов Томас Стэмфорд Раффлз объявил Сингапур владением Ост-Индской компании, управлявшей им до 1823 г.⁵.

Вскоре английские колонизаторы объединили Сингапур с Пенангом и Малаккой в единое колониальное владение, получившее название Стрейтс Сеттльмент. В 1836 г. Сингапур стал административным центром этого объединения. В связи с экономическим ростом этой колонии, особенно города Сингапура, она была объявлена в 1867 г. самостоятельной несамоуправляющейся колонией, подчиненной английскому министерству по делам колоний⁶. Во главе ее стояли губернатор, наделенный неограниченными полномочиями, и подчиненный ему колониальный административный аппарат.

В годы второй мировой войны, в феврале 1942 г., Сингапур был легко захвачен вторгнувшимися на Малаккский полуостров японскими

² Д. Дж. Е. Холл, *История Юго-Восточной Азии*, М., 1958, стр. 237.

³ N. Ginsburg and C. F. Roberts, *Malaya*, Seattle, 1958, p. 23.

⁴ В 1786 г. английские колонизаторы захватили в Малайе остров Пенанг, а в 1795 г. — город Малакку.

⁵ Д. Дж. Е. Холл, *История...*, стр. 245.

⁶ «Crown Colony» — английский термин для обозначения колоний, не имеющих самоуправления. В советской литературе такие колонии часто называются «коронными».

войсками, установившими на оккупированной территории режим террора. После окончания второй мировой войны, в сентябре 1945 г., в Сингапур вновь возвратились английские колонизаторы. На основании нового административного деления, объявленного в апреле 1946 г., Малайя была разделена на Малайский Союз (девять малайских султанатов⁷, к которым были присоединены Пенанг и Малакка) и самостоятельную, не имеющую самоуправления колонию Сингапур. Искусственный отрыв Сингапура от Малайи явился новым доказательством проведения английскими империалистами традиционной колонизаторской политики «разделяй и властвуй», теперь уже покоящейся на неоколониализме.

Но народ Сингапура продолжал борьбу за национальную независимость. Поэтому английские империалисты вынуждены были «дать ровать» народу Сингапура в 1955 г. конституцию, дававшую лишь небольшие права в решении некоторых вопросов внутреннего самоуправления. В мае 1959 г. народ Сингапура принял участие в выборах членов Законодательного собрания «независимого Сингапура», а 3 июня того же года Сингапур был объявлен «автономным государством» в рамках Британского содружества наций. В действительности же английский империализм сохранил полный экономический и политический контроль над Сингапуром, рассматривая его также, вместе с американским империализмом, как важную базу агрессивного военного блока СЕАТО — душителя национально-освободительного движения народов Юго-Восточной Азии. Предоставление Сингапуру формального самоуправления наглядно показывает, как «новыми методами и в новых формах империалисты стремятся сохранить колониальную эксплуатацию народов. Империалисты используют все средства (колониальные войны, военные блоки, заговоры, террор, подрывную деятельность, экономическое давление, подкуп), чтобы держать под своей властью освободившиеся страны, сделать завоеванную ими независимость формальной или лишить их независимости»⁸.

16 сентября 1963 г. английское правительство по договоренности с реакционным малайским правительством и с согласия крупной проанглийски настроенной буржуазии Сингапура объявило о создании Федерации Малайзии (Малайской Азии), в которую вошли Малайская Федерация, Сингапур и два других английских колониальных владения, расположенных на Северном Калимантане: Саравак и Сабах.

Включение Сингапура в Федерацию Малайзии и было направлено к тому, чтобы сорвать или по крайней мере значительно ослабить национально-освободительное движение широких слоев населения Сингапура, боровшихся за национальную независимость и за объединение с Малайской Федерацией на подлинно демократической основе. Политические права народных масс Сингапура были ущемлены, так как с объединением в Малайзию им было предоставлено не гражданство, а только подданство Малайзии. Сингапурцы не получили права быть представленными в федеральном правительстве Малайзии, которое имело, таким образом, неограниченный контроль над всеми областями политической и государственной жизни Сингапура. Их права также были сильно ограничены и в выборах депутатов в федеральный парламент Малайзии.

⁷ В 1948 г. Союз был преобразован в Малайскую Федерацию.

⁸ «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет», т. III, М., 1962, стр. 261.

В августе 1965 г. было объявлено о выделении Сингапура из Федерации Малайзии в самостоятельное независимое суверенное государство. Выход Сингапура из Федерации свидетельствует о глубоком кризисе Малайзии — этого искусственного объединения английских колонизаторов, которое начало разваливаться, не просуществовав и двух лет.

* * *

Превращение Сингапура в крупнейший торгово-экономический центр Юго-Восточной Азии оказывало прямое влияние на увеличение численности его населения. Если в 1821 г. население Сингапура насчитывало всего 4727 человек, то в 1881 г. оно возросло до 139 208 человек⁹.

Согласно переписям 1931 и 1947 гг., население колонии Сингапур, т. е. всего острова, составляло соответственно 559 946 и 940 824 человека¹⁰. Общая численность населения города Сингапур и его пригородов также росла. Если по переписям 1921 и 1931 гг. было зарегистрировано соответственно 350 355 и 445 719 человек, то переписи 1936 и 1947 гг. дают соответственно 490 155 и 679 659 человек¹¹. В 1963 г. все население Сингапура (по оценочным данным) достигло 1775 тыс. человек, увеличившись по сравнению с 1962 г. на 42 тыс. человек¹².

По оценочным данным, опубликованным в 1965 г., население Сингапура в январе 1964 г. возросло до 1820 тыс. человек¹³.

Плотность населения в Сингапуре высокая. В 1962 г. на 1 кв. км приходилось 2982 человека¹⁴. В городе Сингапур, особенно в его центральной части, отмечается особо высокая плотность населения, которая, в частности, значительно выше, чем в таких американских городах, как Балтимор, Бостон и Милвоки.

Увеличение численности населения происходило за счет естественного прироста и особенно иммиграции. В данной связи отметим, что процент родившихся в Сингапуре и Малайе с течением времени повышался. Если в 1921 г. насчитывалось только 31% местных рожденцев, то в 1931 и 1947 гг. их число возросло соответственно до 39 и 60,7%¹⁵.

Среди иммигрантов на первом месте стоят китайцы, которых уже в 1901 г. было 164 681 из 229 904 человек общего числа жителей Сингапура¹⁶. Особенno значительные размеры иммиграция китайцев в Малайю принимает в конце XIX и начале XX в., что было обусловлено расширением плантаций каучуконосов в Малайе и развитием промышленности в Сингапуре, связанной с переработкой олова и каучука, нуждавшихся в дешевой рабочей силе. Примечательно, что число иммигрантов-китайцев в Сингапуре было выше, чем в Малайской Федерации. Массовая эмиграция китайцев из Китая объясняется их обнищанием, вызванным деградирующей экономической системой хо-

⁹ M. V. Del Tufo, *Malaya. A report on the 1947 Census of population*, London, 1949, p. 588.

¹⁰ Ibid., p. 39.

¹¹ Ibid., p. 45.

¹² «Monthly bulletin of statistics», vol. XIX, 1965, № 1, New York, p. 3.

¹³ Ibid.

¹⁴ «Demographic year book, 1963, 14-th issue», New York, 1964, p. 133.

¹⁵ M. V. Del Tufo, *Malaya...*, p. 84.

¹⁶ Ibid., p. 588.

зяйства в отсталом, полуфеодальном Китае, превращенном империалистическими державами в полуколониальную страну. Китайские иммигранты были в основном разорившиеся крестьяне. Их доставляли в Малайю преимущественно через специальных вербовщиков. Завербованные были вынуждены соглашаться на заключение тяжелых и невыгодных для них контрактов, обязывавших их в течение нескольких лет работать бесплатно за «обеспечение» и провоз к новому местожительству. Полурабская система вербовки просуществовала официально вплоть до 1914 г.

Помимо китайцев население Сингапура значительно возрастило за счет малайцев, прибывших из Малайи, и индийцев, покидавших Индию в основном по тем же причинам, которые заставляли китайцев эмигрировать из Китая.

Следует заметить, что в Сингапуре имеет место в довольно значительных размерах внутренняя миграция, на которую оказывают большое влияние сельские жители Малайи, прибывающие в Сингапур как на сезонную, так и на постоянную работу.

В последние годы резко снизился рост населения Сингапура за счет иммигрантов, что обусловлено изданием законов о запрещении и ограничении иммиграции в Сингапур и полным прекращением эмиграции из Китайской Народной Республики.

В Сингапуре весьма заметно численное преобладание городских жителей, которых уже в 1947 г. было 752 737, или 80% всех жителей колонии¹⁷. В том же году помимо главного города Сингапура насчитывались два населенных пункта с числом жителей от 10 тыс. до 25 тыс., два населенных пункта имели от 5 тыс. до 10 тыс. и в десяти населенных пунктах проживали от 1 тыс. до 5 тыс. человек¹⁸.

В Сингапуре, так же как и в Малайской Федерации, число мужчин превышает число женщин. На тысячу мужчин в 1921, 1931 и 1947 гг. приходилось соответственно 489, 583 и 821 женщина¹⁹.

В последние годы происходит процесс выравнивания полового соотношения. Согласно переписи 1957 г., из 1 445 929 человек всего населения мужчины составляли 762 760, а женщины — 683 169²⁰. Женщины всех национальностей выходят замуж обычно в возрасте до 20 лет, а мужчины женятся после достижения 20-летнего возраста. Процент лиц, не вступающих в брак в течение всей жизни, наиболее высокий у китайцев (12% мужчин и 6% женщин)²¹.

Население Сингапура отличается крайней этнической пестротой. Как отмечает «Британская энциклопедия», «Сингапур — один из самых космополитических городов в мире»²². Китайцы, малайцы и индийцы — основные этнические группы в Сингапуре. В 1955 г. они распределялись количественно следующим образом (по оценочным данным): китайцы — 893 004, малайцы — 143 685 и индийцы — 91 029, что составляло соответственно 76,6%, 12,3 и 7,8% всего населения Сингапура²³. Остальные 3,3% приходились на европейцев, евразиатов и представителей других национальностей. Согласно данным за последние годы, вышеприведенное соотношение несколько изменилось. Ки-

¹⁷ Ibid., p. 43.

¹⁸ Ibid., p. 46.

¹⁹ Ibid., p. 57.

²⁰ «Demographic year book, 1963...», p. 133.

²¹ M. V. Del Tufo, *Malaya...*, p. 64.

²² «The Encyclopedia Britannica», 14th ed., vol. 20, London, 1937, p. 710.

²³ N. Ginsburg and C. F. Roberts, *Malaya*, p. 57.

вид на Сингапур

тайцев стало на 1—2% меньше, а число малайцев и индийцев соответственно увеличилось на 2—1%²⁴.

Английские империалисты, державшие народы Сингапура почти в полуторавековой колониальной зависимости, насаждали и искусственно культивировали национальную разобщенность основных этнических групп. Это вело к их замкнутости и отчужденности. Наиболее сильные противоречия, в основном в области политики и экономики, возникали и все еще остаются по сей день между китайцами и малайцами.

Следствием реакционной политики британского империализма, преднамеренно державшего население своих колоний в темноте и нежесткости, была низкая грамотность. Так, в 1947 г. на тысячу человек населения Сингапура приходилось 374 грамотных, а среди женщин грамотных насчитывалось только 199²⁵. Однако народ Сингапура вел борьбу за расширение в стране народного образования. В 1960 г. насчитывалось уже довольно значительное число дошкольных учреждений, начальных и средних школ²⁶. Но техническое и профессиональное обучение еще поставлено слабо. Имеются три высших учебных заведения, причем в одном из них — Малайском университете — преподавание ведется, как и во многих средних школах, на английском языке. В университете Нан-янь преподают на китайском языке.

Культурные учреждения Сингапура ограничиваются практическими музеем и кинотеатрами. В административном центре, имевшем

²⁴ См.: «Численность и расселение народов мира», М., 1962, стр. 188—189.

²⁵ M. V. Del Tufo, *Malaya...*, p. 90.

²⁶ «Statistical year book, 1963, 14-th issue», New York, 1964, p. 663.

на конец 1961 г. население свыше одного миллиона человек²⁷, нет ни одного постоянного театра. В 1960 г. было выпущено 228 наименований различных книг, из которых 24 посвящены вопросам религии и только 4 — вопросам науки²⁸. Сингапур, как и Малайская Федерация, «наводняется реакционными фильмами, книгами и журналами. Это все больше подрывает моральные устои общества и увеличивает в угрожающих размерах детскую преступность. Национальная культура безжалостно душится и подавляется»²⁹.

Расселение в городе Сингапур, как и его планировка, носят ярко выраженный колониальный характер: великолепный бывший европейский сектор и поражающие убожеством и трущобами китайский район, малайская и индийская части города. В центре Сингапура возднягнуты монументальные административные и деловые здания, копирующие подобные сооружения Лондона и других английских городов.

В кварталах, где живут слои крупной европейской и местной буржуазии, выстроены большие виллы. Они находятся в пригородах Сингапура, а иногда и в значительном отдалении от него. Менее заужиточные, но хорошо обеспеченные группы сингапурцев расселены в кварталах, застроенных многоэтажными, комфортабельными, оборудованными всеми современными удобствами жилыми домами.

Кварталы, населенные городской беднотой, отличаются крайним неблагоустройством. Даже буржуазные социологи, которые часто пытаются идеализировать жилищные условия основной массы сингапурского населения, вынуждены признать, что «жилищные условия для многих являются все еще ужасными»³⁰. По явно преуменьшенным официальным данным, в 1956 г. не менее 150 тыс. человек проживали в трущобах³¹. В Сингапуре непрерывно увеличивается число лиц, живущих в одной квартире. Если в 1931 г. на одну квартиру приходилось 9,4 жителя, то в 1947 г. их стало 9,7³². В бедных кварталах часто отсутствуют водопровод и канализация и они лишены зеленых насаждений. Антисанитарное состояние таких кварталов не выдерживает никакой критики. Не менее трети жителей таких кварталов живут в углах или каморках с легкими перегородками.

Часть беднейшего населения Сингапура использует в качестве постоянного жилища сампаны, заполняющие вместе с баржами, джонками и лодками узкую, всегда загрязненную канализационными отбросами реку Сингапур. Многие не имеют вообще никакого пристанища и живут на улице, под лестницами и т. д. Так как вплоть до недавнего времени новое жилищное строительство велось в городе Сингапур в очень ограниченных размерах, то жилищный кризис все более обострялся³³.

Населенные пункты остальной части территории Сингапура застроены домами сельского типа, архитектура которых зависит от проживающей в них этнической группы, а также городскими постройка-

²⁷ «Ежегодник Большой Советской Энциклопедии. 1963», М., 1963, стр. 342.

²⁸ «Statistical year book, 1963...», р. 670.

²⁹ Муса Ахмад, *За полную национальную независимость Малайи*, — «Проблемы мира и социализма», 1961, № 7, стр. 66.

³⁰ F. G. Cargill, *Political ferment in Singapore*, — «Far Eastern survey», vol. XXIV, 1955, № 7, р. 100.

³¹ V. Z. Newcombe, *Housing in the Federation of Malaya*, — «Town planning review», April 1956, pp. 4—20 (цит. по кн.: N. Ginsburg and C. F. Roberts, *Malaya*, р. 94).

³² M. V. Del Tufo, *Malaya...*, р. 126.

³³ «Statistical year book, 1960, 13-th issue», New York, 1961, р. 268.

ми. Строительство последних было вызвано созданием английскими колониальными властями многочисленных военных объектов, опоясавших весь остров.

* * *

Китайцы составляют самую многочисленную этническую группу в Сингапуре, в котором их еще в 1821 г. насчитывалось 1159³⁴. На конец 1961 г. их число превышало 1200 тыс., или свыше 75% всего населения³⁵. Следует указать на постоянное увеличение количества китайцев, родившихся в Малайе. Если в 1921 г. процент их достигал 25,1, то в 1931 и 1947 гг. он возрос соответственно до 35,6 и 59,9³⁶. Количество мужчин всегда преобладало над количеством женщин, хотя в последние десятилетия наблюдается тенденция к выравниванию этого несоответствия. Если в 1921 и 1931 гг. на тысячу мужчин приходилось соответственно 469 и 602 женщины, то в 1947 г. число женщин увеличилось до 882³⁷.

Увеличение численности китайского населения в Сингапуре, как и в Малайской Федерации, происходило за счет иммигрантов, ведущих свое происхождение из южных провинций Китая: Гуандун, Фуцзянь, Гуанси и с острова Хайнань. Процент переселенцев из других провинций был незначительным.

Происхождение из различных провинций наложило соответствующий отпечаток и на языковые отличия, обусловленные различными диалектами, характерными для китайского языка. В Сингапуре наиболее распространены следующие диалекты китайского языка: гуандунский, южнофуцзяньский и кэцзя (хакка). Кроме родного языка часть китайцев владеет английским языком, на котором в 1947 г. говорили 14,5% мужчин и 5,9% женщин³⁸. Малайского языка, а тем более других языков сингапурские китайцы не знают.

В городе Сингапур китайцы расселены во всех его частях. В торговом центре они составляют большинство; значительное число китайцев сосредоточено в бывшем европейском квартале, расположенному к северу от центра. Старейшая часть Сингапура «китайский город» (Chinatown) и правый берег реки Сингапур также являются районами с преобладающим китайским населением, среди которого наблюдается деление в соответствии с переселением из той или иной провинции Китая. Например, в — «китайском городе» большинство составляют выходцы из провинции Фуцзянь, а на правом берегу реки Сингапур прочно обосновались переселенцы из провинции Гуандун, говорящие на чаочжоуском говоре гуандунского диалекта.

Плотность населения в центральных районах города Сингапура колеблется от 130 тыс. до 200 тыс. человек на 1 кв. милю³⁹. Но особенно сильно перенаселен «китайский город», представляющий собой одну из наиболее типичных трущоб Сингапура. Жилые дома имеют обычно характер европейских городских построек с сильным влиянием малайской, китайской и индийской архитектуры. Обычно они приспособлены к условиям тропического климата. Китайцы расселены также и в пригородах Сингапура (например, на его юго-восточной окра-

³⁴ M. V. Del Tufo, *Malaya...*, p. 588.

³⁵ «Ежегодник Большой Советской Энциклопедии. 1963», стр. 342.

³⁶ M. V. Del Tufo, *Malaya...*, p. 84.

³⁷ Ibid., p. 57.

³⁸ Ibid., p. 95.

³⁹ N. Ginsburg and C. F. Roberts, *Malaya*, p. 93.

ине) и на остальной территории острова, где они живут компактными массами или смешаны с другими национальностями.

В сельских районах большинство китайцев владеют собственными небольшими земельными участками, разделенными на секции, на которых выращиваются различные сорта овощей и фруктов. Наиболее распространенными культурами из овощей являются сладкий картофель, бобы, ямс, салат, шпинат, маниока, перец и некоторые другие, а из фруктов — бананы, манго, ананасы, рамбутаны и другие. Собранный урожай овощей и фруктов продаётся скупщикам, которые сбывают купленные товары на многочисленных фруктовых рынках Сингапура. В те периоды, когда не выпадают дожди и стоит засушливая погода, крестьяне искусственно орошают земли. Воду для полива они носят вручную, в больших металлических бидонах.

На участке земли, занимаемом китайцем-земледельцем, кроме небольшого дома стоят сарай, свинарник и небольшое помещение для хранения сельскохозяйственных орудий. Дом строят не на сваях, как это делают малайцы, а прямо на земле. Дерево, бамбук и пальмовые листья — основные строительные материалы для китайских обычно легких жилищ сельского типа. Часто на участке роют пруд для разведения рыбы, идущей на продажу или используемой для собственного питания, и поливки гиацинтов, служащих кормом для свиней. Китайские крестьяне разводят кроме свиней также домашних птиц (обычно кур). Помимо выращивания овощей и фруктов они также культивируют каучуконосые. В обработке полей и огородов принимают участие все члены семьи, а не только мужчины, как это распространено у малайцев.

Мелкая розничная торговля в поселениях сельского типа, вне зависимости от численного преобладания в них других этнических групп, почти всегда находится в руках китайских лавочников. Принцип торговли и здесь такой же, как в Сингапуре, т. е. продают не только продукты питания, но и предметы хозяйственного обихода.

В городе Сингапур китайцы обычно носят европейскую одежду, приспособленную к условиям тропического климата. В церемониальных случаях и по некоторым праздникам они надевают национальную одежду, распространенную в провинциях Южного Китая. И в городе и в сельской местности широкое распространение получили плетеные шляпы.

Основными продуктами питания китайцев служат рис, овощи, свинина, птица, яйца и рыба. В городе Сингапур продаётся много консервированных продуктов, поставляемых непосредственно из Китая и особенно из Гонконга. В силу того что китайцы, живущие в Сингапуре, происходят из различных провинций, они употребляют в качестве основного питания разные виды пищи, традиционные для той или иной провинции Южного Китая.

Китайцы в Сингапуре, как и в Малайской Федерации, никогда не ассимилировались в сколько-нибудь значительной степени с малайцами или народами других национальностей. Именно их изолированностью можно объяснить живучесть китайских обычаяев, традиций и семейно-брачных отношений.

Малая семья с патрилинейным счетом родства является основным типом семьи у сингапурских китайцев. Следует, однако, указать, что в Сингапуре наряду с патрилокальностью существует также матрилокальность, когда в дом принимают зятя. В некоторых случаях зять не только живет в доме своей жены, но и должен также принять ее фамилию, с тем чтобы продолжать родословную своего тестя.

Среди сингапурских китайцев широко распространены обычай приема на воспитание детей, особенно девочек, из чужих семей. Взятую на воспитание девочку рассматривают либо как собственную дочь, либо как «мой цай», т. е. служанку. Особый характер носит принятие на воспитание девочки, которая в будущем должна стать женой сына своих приемных родителей. Если в семье не окажется сына, то приемная дочь после достижения совершеннолетия может выйти замуж или для нее берут в дом мужа. Значительно реже усыновляют мальчиков, которых не так охотно, как девочек, продают или отдают на воспитание в чужую семью. Мальчика обычно усыновляют в тех случаях, когда знают, что в семье не будет собственного сына. Приемный сын пользуется всеми правами родного сына.

Сохранение китайских традиционных обычаям и законов особенно наглядно прослеживается на живучести и незыблемости брачных отношений. В частности, заключению брака обязательно должна предшествовать помолвка, совершаемая не женихом и невестой, а их родителями. Помолвка обязательна и по своему значению соответствует браку, так как отказ от нее практически исключается. Церемония заключения бракосочетания состоит из ряда традиционных формальностей, принятых в Китае (официальное введение жены в дом мужа, представление новобрачных домашним богам и умершим предкам и т. д.). Кроме жены допускается брать одну или несколько конкубин, т. е. наложниц. В настоящее время полигамия имеет распространение по сути дела среди зажиточных слоев китайского населения Сингапура. На это, в частности, указывает один из исследователей быта сингапурских китайцев, М. Фридман, работы которого насыщены довольно обширным фактическим материалом⁴⁰. Однако проживание в одном доме двух жен, одна из которых должна быть старшей, встречается довольно редко, так как предпочитают содержать вторую жену в каком-либо другом месте.

Надо указать, что традиционная форма китайского брака менялась под влиянием изменений брачных законов в самом Китае. Возникла новая форма брака, суть которой состоит в том, что для вступления в брак требуется согласие не родителей, а жениха и невесты. Стал необязательным обряд помолвки. Теперь свадьбы проводятся публично (в местном клубе или в другом общественном месте) и сопровождаются регистрацией брака. В настоящее время браки заключаются как по старой, так и по новой форме, причем в последней много элементов традиционной китайской свадьбы.

В последние годы в Сингапуре появилась еще одна форма заключения брака, которая пока распространена в сравнительно узком кругу интеллигентной молодежи. Суть этой формы заключается в том, что вступающие в брак просто объявляют в газете о своем согласии «быть партнерами на всю жизнь и жить вместе с такого-то числа»⁴¹.

Минимум брачного возраста в китайской этнической группе установлен в 18 лет для мужчин и 16 лет для женщин. Разводы среди китайцев — явление редкое. Движение за большую свободу разводов имеет место в основном среди женщин из состоятельных слоев китайского населения, которые пытаются таким образом противодействовать полигамии. В последние годы в китайских газетах, издаваемых

⁴⁰ M. Freedman, *Colonial law and Chinese society*, — «The journal of Royal anthropological institute of Great Britain and Ireland», vol. LXXX, pt I, II, 1950 (published 1952), p. 102.

⁴¹ Ibid., p. 107.

в Сингапуре, появляются заметки о разводах по взаимному согласию. Английские колониальные законы обычно не затрагивали основ китайских брачных отношений, так как обращали внимание лишь на имущественные вопросы.

Имущественное право основывалось в Сингапуре как на китайских, так и на английских колониальных законах, причем в случае их столкновения предпочтение отдавалось, естественно, колониальному праву. Каждое лицо китайской национальности может свободно распоряжаться своим имуществом, завещая его по своему усмотрению.

Сингапурские китайцы исповедуют конфуцианство, даосизм, буддизм и поклонение духам предков. Среди них насчитывается ничтожное число мусульман и мало христиан. В городе Сингапур функционирует много китайских религиозных храмов. В последнее десятилетие наблюдается некоторая тяга китайцев и индийцев к христианству. Это следует объяснить активизацией европейских духовных миссий, финансируемых английскими и американскими империалистами.

Общая грамотность китайцев в Малайе низкая⁴². Не является исключением и Сингапур, где в 1947 г. на тысячу человек китайского населения было 483 грамотных мужчин и 176 грамотных женщин⁴³. Китайцы учатся в основном в китайских школах, где преподавание ведется на китайском языке. До недавнего времени в китайских школах на обучение одного ученика расходовались совсем незначительные суммы, получаемые, как правило, от китайских организаций, а не от английской колониальной администрации.

Китайцы в Сингапуре социально неоднородны. С одной стороны, среди них имеется небольшой слой крупных предпринимателей и финансовых дельцов, занимающих важные позиции в экономике Сингапура, которому они принесли славу «города китайских миллионеров»⁴⁴ в Юго-Восточной Азии. С другой стороны, они образуют многочисленные отряды рабочего класса, самого передового и революционного класса не только Сингапура, но и всей Малайи. Наибольшее число рабочих-китайцев работают на транспорте и на предприятиях металлообрабатывающей, текстильной и легкой промышленности, а также в других отраслях.

Наряду с пролетариатом и крупной китайской буржуазией в Сингапуре выделяется небольшая прослойка китайцев, занимающих важные административные и правительственные посты⁴⁵, и слой средней буржуазии. Большой удельный вес имеет мелкая городская буржуазия (мелкие торговцы, лоточники, мелкие ростовщики и т. д.), экономическое положение которой ухудшается из года в год. Довольно большое число китайцев работают прислугой, клерками и мелкими канцелярскими служащими. Относительно большую группу образуют представители китайской интеллигенции (учителя, адвокаты, врачи, журналисты и т. д.). Прослойка крестьян-китайцев в Сингапуре небольшая, что обусловлено незначительным наличием обрабатываемой в стране земли⁴⁶.

⁴² V. Purcell, *The position of the Chinese in Southeast Asia*, New York, 1950, p. 35.

⁴³ M. V. Del Tufo, *Malaya...*, p. 94.

⁴⁴ Крупная китайская буржуазия тесно связана с финансово-промышленными кругами Англии и США.

⁴⁵ Например, премьер-министром Сингапура является лидер Народной партии действия — Ли Куан-е.

⁴⁶ В 1961 г. вся обрабатываемая земельная площадь составляла на острове Сингапур всего 15 тыс. га (см.: «Ежегодник Большой Советской Энциклопедии. 1963», стр. 342).

Малайцы составляют вторую по величине этническую группу сингапурского населения. Они живут в Сингапуре со дня его основания. Достаточно указать, что в 1821 г. малайцев было 2851 из 4724 человек общего числа жителей Сингапура⁴⁷.

Многие авторы подразделяют малайцев, живущих в Сингапуре, на родившихся в Малайе (Сингапуре) и на переселенцев из Индонезии. Но, несмотря на такое деление, малайцев всегда рассматривают как единую индонезийскую группу, в которой в 1959 г. насчитывалось 217 600 человек из 1580 тыс. всех жителей Сингапура⁴⁸.

По переписи 1947 г., переселенцы из Индонезии составляли в Сингапуре значительную группу, состоящую из выходцев с острова Ява — яванцев и других, с острова Калимантан — банджаров, с острова Сулавеси — бугов, с острова Суматра — минангкабау, батаков и лампонгов, с острова Ниас — ниасцев⁴⁹. В настоящее время все перечисленные выше группы сохраняются; возросла лишь их численность. Переселенцы из Индонезии покинули родину в надежде улучшить свое бедственное материальное положение.

Среди малайцев мужчины количественно преобладали над женщинами. В 1947 г. на всей территории Сингапура насчитывалось 115 735 малайцев, из которых мужчины составляли 63 248, а женщины — 52 487⁵⁰.

Все малайцы говорят на малайском языке, принадлежащем к малайско-полинезийской семье языков, хотя и имеющем сильные диалектальные различия. В словарном составе малайского языка заметны заимствования из санскрита, арабского, китайского и английского языков. Английским языком малайцы владеют слабо. В 1947 г. на тысячу жителей приходилось только 115 человек, умеющих читать по-английски⁵¹.

В 1947 г. 72% всех малайцев в Сингапуре приходилось на городских жителей, что превышало на 5,7% малайцев-городян в 1931 г.⁵². В городе Сингапур малайцы живут компактной массой в неблагоустроенном малайском сettльменте, расположенном в северной части города, а также и в других районах, вместе с китайцами и индиянами.

Небольшими компактными группами малайцы живут также в пригородах Сингапура (например, на западной и болотистой восточной окраинах) и на всей остальной территории острова.

В городе Сингапур подавляющая масса малайцев не имеет собственных жилищ. Поэтому они вынуждены арендовать жилые помещения у китайцев, индийцев и арабов. Наиболее распространенным типом городского жилища является комната, служащая жильем не только для рабочих, но и мелких малайских служащих и интеллигентии (например, учителей). В отдельных квартирах живет сравнительно небольшое число малайцев, среди которых значительный процент составляют служащие полиции и армии, муниципалитета и порта, получающие казенные жилища. В городе Сингапур широко распространена система субаренды, т. е. когда снятое жилище сдается

⁴⁷ M. V. Del Tufo, *Malaya...*, p. 588.

⁴⁸ «Численность и расселение народов мира», стр. 188.

⁴⁹ M. V. Del Tufo, *Malaya...*, p. 74.

⁵⁰ *Ibid.*, p. 132.

⁵¹ *Ibid.*, p. 95.

⁵² *Ibid.*, p. 47.

покомнатно другим семьям или одиночкам. Следует подчеркнуть, что малайцы в Сингапуре предпочитают аренду или субаренду жилых помещений, принадлежащих их соотечественникам.

В пригородах Сингапура и на остальной территории острова малайцы живут в собственных домах, в большинстве случаев наскороими построенных. Некоторые исследователи быта малайцев в Сингапуре отмечают, что «подавляющее большинство домов в сельскохозяйственных районах являются немного большим, чем лачуги»⁵³. Малайские жилища сельского типа представляют собой легкие, возводимые на сваях хижины, сооруженные из дерева, бамбука и пальмовых листьев. Малайский дом делится на комнату, кухню и открытую платформу.

Деревянный дом, построенный в традиционном стиле малайского народного жилища, разделенный внутри на кухню, одну или две спальни, переднюю комнату, служащую для приема гостей, встречается в Сингапуре очень редко, так как постройка такого жилища из-за низкого жизненного уровня не под силу подавляющему большинству малайцев.

В годы колониального господства общий уровень грамотности малайцев был низким. Элементарное образование малайцы получают в школах, в которых преподавание ведется на малайском языке. Преобладающее число учеников составляют мальчики. Расходы на обучение одного ученика в малайской школе исчисляются 100 малайскими долярами (против 400 малайских долларов в английских школах)⁵⁴. После окончания начальной школы только один из семи-восьми учеников поступает в английскую среднюю школу (малайских средних школ в Сингапуре до самого недавнего времени вообще не существовало). Число малайских студентов в Малайском университете также не составляло до последнего времени значительной величины, хотя нужно отметить, что в последние годы в связи с изменением в стране социально-экономических отношений у малайской молодежи усилилась тяга к знаниям и поэтому число малайцев-учащихся значительно увеличилось.

Малайцы почти без исключения исповедуют ислам суннитского толка, и лишь незначительное их число — индуизм или христианство. В каждом районе города Сингапур есть мечеть с главным служителем, называемым «*katib*», который назначается официальными властями. Он помимо отправления религиозных обрядов ведает также регистрацией браков и разводов. Следует заметить, что малайцы слабо выполняют каноны ислама; это выражается в употреблении спиртных напитков, редкой посещаемости мечетей, недостаточном знании корана и т. д. В силу этого в мусульманских объединениях Сингапура главенствующая роль принадлежит арабам и индийцам-мусульманам, строго следующим мусульманским заповедям и канонам.

У многих малайцев в Сингапуре прочно вошел в быт европейский костюм, приспособленный для ношения в тропическом климате. Европейскую одежду носят обычно на работе, а малайскую — дома. Однако многие мужчины и женщины носят также малайскую национальную одежду. У мужчин она состоит из саронга и баджу. В торжественных случаях мужчины надевают полный национальный комплект, т. е. баджу и длинные свободные брюки, поверх которых носят са-

⁵³ Judith Djamour, *Malay kinship and marriage in Singapore*, London, 1959, p. 38.

⁵⁴ N. Ginsburg and C. F. Roberts, *Malaya*, p. 160.

ронг. Часто на улицах Сингапура можно видеть малайцев в комбинированной одежде, включающей предметы европейского и национального костюма. Обувью у мужчин служат ботинки и сандалии европейского типа, а также малайские туфли. Головными уборами служат сонгкок — шапочка, сшитая из вельвета черной расцветки, и плетеные шляпы.

Женская национальная одежда отличается некоторым разнообразием, которое зависит от места рождения женщины, т. е. является ли она уроженкой Малайи (Сингапура) или иммигранткой из Индонезии. Если первая надевает поверх саронга «баджу куронг» — очень длинную свободную блузу, застегиваемую у шеи, то вторая носит «баджу кебая», плотно облегающую, открытую спереди блузу, закрепляемую в центре специальными брошами. Однако малайские женщины часто не придерживаются вышеописанного различия. Иммигрантки носят «баджу куронг», а местные уроженки надевают «баджу кебая»⁵⁵.

Когда выходят из дома, надевают длинный узкий шарф — «сленданг». Чадру женщины не носят. Обувью женщин служат туфли без задника, на низком и высоком каблуке. Как женщины, так и мужчины дома ходят без всякой обуви.

Рис, рыба и овощи — основные продукты питания малайцев. Такие дорогие продукты, как мясо и яйца, употребляются в незначительном количестве главным образом в церемониальных случаях. На пищевом рационе малайцев отразилось влияние ислама.

Малая моногамная семья — основной тип семьи у малайцев Сингапура. Счет родства билатеральный, т. е. по отцу и по матери, причем обе эти системы равноправны. На это, в частности, указывает отсутствие специальных слов для названий родственников по линии отца в отличие от линии матери. На торжественные церемонии (рождение, свадьба, обрезание, похороны) приглашаются родственники как с отцовской, так и материнской стороны. Но происхождение ведется по линии отца. Называя свое имя, сын, а иногда и дочь, всегда дополняет его именем отца. Необходимо указать и на то, что «связи между малайцем и его родственниками разрываются только смертью»⁵⁶.

Во главе семьи стоит муж, на которого ложится основная обязанность по содержанию жены и малолетних детей. В некоторых случаях, особенно в сельской местности, в состав семьи помимо мужа, жены и их несовершеннолетних детей входят другие родственники. Это чаще всего замужняя дочь со своей семьей, остающаяся в доме родителей.

Среди малайцев в Сингапуре практически не встречаются лица, не вступающие в брак в течение всей их жизни. Наибольшее число одиночек насчитывается, естественно, в городе из числа недавних иммигрантов или переселенцев из сельских районов.

Браки заключаются в соответствии с исламом, дающим мужчине право иметь несколько жен и разрешающим жениться не только на женщинах мусульманского вероисповедания, но и на принадлежащих к христианской и иудейской вере. Однако мужчине-мусульманину запрещено вступать в брак с «идолопоклонницами». Хотя мужчине предоставлено право иметь несколько жен, но полигамия среди малайцев в Сингапуре практически не распространена⁵⁷.

Женщины выходят замуж 16—19 лет, а мужчины женятся от 19 до 23 лет. Вопрос о заключении брака решается у малайцев родите-

⁵⁵ Judith Djamour, *Malay kinship and marriage in Singapore*, p. 6.

⁵⁶ Ibid., p. 37.

⁵⁷ Ibid., pp. 55, 58.

лями. Согласие девушки на вступление в брак не требуется, и она может заявить о своем несогласии только лишь после свадьбы. В комплекс брачной церемонии входят такие моменты, как предложение жениха, формальное обручение и многие другие. Расходы, связанные со свадьбой, оплачиваются поровну как со стороны жениха, так и невесты. Браки малайцев с китайцами и индийцами встречаются в Сингапуре довольно редко.

Среди малайцев в Сингапуре регистрируется очень большое количество разводов. Так, например, в течение нескольких десятилетий вплоть до 1950 г. разводы были очень частым явлением. Ежегодно на каждую сотню браков в Сингапуре приходилось около 50 разводов⁵⁸.

Как уже указывалось выше, в Сингапуре имеет широкое распространение обычай приема детей на воспитание. В частности, малайцы охотно берут китайских девочек, которых им отдают или продают обедневшие китайцы.

Традиционным занятием малайцев, живущих на побережье, почти всегда является рыболовство. Малайские крестьяне, имеющие крошечные земельные участки, выращивают бананы и плоды кокосовой пальмы и в значительно меньшей степени, чем это делают китайцы, возделывают огороды. Они почти совсем не занимаются животноводством. Среди малайцев отсутствуют собственники крупных земельных участков.

В городе Сингапур малайцы заняты на неквалифицированных, полуквалифицированных и в меньшей степени на квалифицированных работах в промышленности и транспорте. Часть их служит в полиции и армии, а также находится в услужении или работает посыльными и мелкими служащими в различных учреждениях. Прослойка средней малайской буржуазии в Сингапуре незначительна. Малайская национальная группа считается в Сингапуре самой бедной.

* * *

Индийцы образуют третью по величине этническую группу в Сингапуре. Согласно переписям 1931 и 1947 гг., число индийцев равнялось соответственно 50 860 и 68 978, что составляло 9,1 и 7,33% общей численности населения Сингапура⁵⁹. В 1959 г. индийцев насчитывалось 135 тыс. из 1580 тыс. всех жителей Сингапура⁶⁰. Индийцы вместе с китайцами и малайцами, составили ядро первоначального населения Сингапура. Так, в 1821 г. их было 132 человека⁶¹.

В Сингапуре, как и в других странах Юго-Восточной Азии, среди индийского населения наблюдается преобладание мужчин над женщинами. В 1947 г. на тысячу мужчин приходилось всего 334 женщины, а в 1921 и 1931 гг. их было соответственно 199 и 186⁶².

Увеличение численности индийцев происходило за счет естественного прироста и особенно иммиграции. Переселенцы из Индии ведут свое происхождение из южной и северной Индии. Наиболее многочисленными группами из южной Индии являются тамилы, малаяли, телугу, а из северной Индии — панджабцы, маратхи, пуштуны, синдхи и другие. Тамилы превосходят по численности всех других иммигран-

⁵⁸ Ibid., p. 110.

⁵⁹ M. V. Del Tufo, *Malaya...*, p. 40.

⁶⁰ «Численность и расселение народов мира», стр. 188.

⁶¹ M. V. Del Tufo, *Malaya...*, p. 588.

⁶² Ibid., p. 58.

тов из Индии. Многие индийцы, особенно уроженцы северной Индии, попадали в Сингапур путем вербовки, предусматривавшей обязательную отработку в течение двух-трех лет на определенных, обычно с тяжелым режимом, предприятиях. Иммиграция индийцев в Сингапур имела место и в последнее десятилетие⁶⁴.

Индийцы говорят на языках, принадлежащих к индоевропейской и дравидской семьям, имеющим, как известно, различные системы письменности. Наиболее распространенным является тамильский язык, входящий в состав дравидской семьи языков.

Индийцы расселены в Сингапуре как в административном центре, так и на остальной территории острова. Процент городских жителей в 1947 г. составлял 79,1⁶⁵. В городе Сингапур индийцы живут компактной массой в южной оконечности города, в так называемом индийском сettльменте, расположенному в непосредственной близости от железной дороги и порта, где многие из них работают. Частично их можно также встретить и в других районах города (например, в центральной части), где они не образуют компактного большинства.

По уровню грамотности индийцы в Сингапуре превосходят китайцев и малайцев. В 1947 г. на тысячу индийцев в возрасте старше 15 лет грамотных среди мужчин было 749, а среди женщин — 397, но общий процент грамотных составлял всего 59⁶⁶. Индийцы показывают также и более высокое знание английского языка. В том же 1947 г. на тысячу индийцев приходилось 217 мужчин и 146 женщин, умеющих читать по-английски⁶⁷. В 1954 г. в Сингапуре функционировало 20 индийских школ с общим числом учащихся 1465⁶⁸. Преподавание в них ведется в основном на тамильском языке. Среднее образование индийская молодежь получает, как правило, в английских школах.

По религии индийцы делятся на индуистов, мусульман, буддистов, христиан и сикхов. Однако религия не имеет такого существенного значения в жизни индийцев в Сингапуре, как в самой Индии.

Индийцы сохраняют национальные черты, проявляющиеся, в частности, в одежде и пище. Наглядным примером могут служить женщины-тамилки, носящие одежду, изготовленную только в Индии. В годы второй мировой войны, когда были прерваны торговые связи с Индией, они испытывали большие затруднения, но предпочитали обходиться совершенно изношенной одеждой индийского производства, чем покупать ее на местном рынке. В последние десятилетия среди индийцев, особенно мужчин, все большее распространение получает платье европейского образца.

Индийцы в Сингапуре едят национальную пищу. Они мало потребляют молока, молочных продуктов и яиц, т. е. таких продуктов, которые почти не распространены в самой Индии. Но в данной связи следует подчеркнуть, что отсутствие этих продуктов в рационе большинства индийцев также объясняется их дороговизной в Сингапуре.

Большое количество переселенцев из Индии, отработав по контракту три года, возвращаются на родину, если они прибыли в Сингапур без семьи. Семейные индийцы остаются на более длительный срок, а нередко и на постоянное жительство. Текущестью индийцев можно объяснить значительный процент одиноких. Так, например, в 1947 г. мужчин-индийцев, не состоящих в браке, в возрасте от 15 до

⁶⁴ «Federation of Malaya. Annual report 1955», Kuala Lumpur, 1956, p. 19.

⁶⁵ M. V. Del Tufo, *Malaya...*, p. 47.

⁶⁶ *Ibid.*, p. 92.

⁶⁷ *Ibid.*, p. 95.

⁶⁸ N. Ginsburg and C. F. Roberts, *Malaya*, p. 156.

34 лет было 33,3%, а в возрасте старше 34 лет их насчитывалось свыше 70%; женщин в возрасте от 15 до 34 лет было 79,5%, а в возрасте старше 34 лет они составляли свыше 58%⁶⁹.

Особо следует сказать об индийцах, родившихся в Малайе (Сингапуре). В 1947 г. их было 25 018, что составляло 36,3% всех индийцев⁷⁰. Эта группа мало знает о родине и не стремится вернуться в Индию, хотя в некоторых случаях поддерживает с ней самые тесные экономические отношения. Эти индийцы часто вступали в браки с китайскими, малайскими, евразиатскими, сиамскими и реже с европейскими женщинами.

Индийцы наряду с китайцами образуют основное ядро малайского и сингапурского пролетариата.

Как уже отмечалось, много индийцев работают в порту и на транспорте, а также в различных отраслях промышленности. Они также заняты в торговле, а часть их служит в правительственные учреждениях, армии и полиции. Совсем незначительное число индийцев занимается в Сингапуре сельским хозяйством. Небольшая часть индийцев владеет крупным имуществом, образуя прослойку средней и крупной буржуазии.

* * *

Другие этнические группы сингапурского населения численно заметно уступают китайцам, малайцам и индийцам. В 1947 г. наиболее многочисленными были европейцы и евразиаты. Их насчитывалось соответственно 9351 и 9110⁷¹. Число представителей других национальностей в том же 1947 г. составляло 7517⁷². В 1959 г. численность европейцев возросла до 14 тыс.⁷³.

Среди европейцев преобладают англичане. Другие же европейцы: голландцы, французы, португальцы, швейцарцы, а также американцы и прочие, образуют небольшие по численности группы от нескольких десятков до нескольких тысяч человек. Подавляющее большинство европейцев принадлежит к наиболее зажиточным слоям сингапурского населения, т. е. к крупной и средней буржуазии, а также к высшей административной бюрократии. В настоящее время в связи с представлением Сингапуру независимости численность европейцев сокращается.

Выходцы с Цейлона (цейлонские тамилы и сингалы) образуют наиболее многочисленную группу, ведущую происхождение из Азии. Из других представителей народов Азии следует назвать сиамцев (хон-таи), арабов, филиппинцев, евреев, непальцев, бирманцев, вьетнамцев, армян, афганцев и персов. Евреи и филиппинцы держатся обособленно, образуя свои замкнутые национальные группы.

* * *

Положение трудящихся масс Сингапура, составляющих подавляющее большинство населения⁷⁴, независимо от национальности было и остается тяжелым. Трудящиеся Сингапура испытывают гнет не толь-

⁶⁹ M. V. Del Tufo, *Malaya...*, p. 61.

⁷⁰ *Ibid.*, p. 85.

⁷¹ *Ibid.*, p. 40.

⁷² *Ibid.*

⁷³ «Численность и расселение народов мира», стр. 189.

⁷⁴ По переписи 1957 г., в Сингапуре насчитывалось 480 267 человек самодеятельного населения (см.: «Year book of labour statistics, 21-st issue. International Labour office», Geneva, 1961, p. 8).

ко собственной крупной буржуазии, но и международных монополий. Заработка плата рабочих очень низка. В 1957 и 1960 гг. средняя плата за час составляла соответственно 79 и 81 цент, т. е. удерживалась фактически на одном уровне⁷⁵. В результате рабочий и его семья могут вести лишь полуголодное существование.

Условия работы на промышленных предприятиях Сингапура из-за отсутствия элементарных норм по охране труда чрезвычайно тяжелые. Продолжительность рабочего дня пока еще не регламентирована. В 1959 и 1960 гг. продолжительность работы в неделю равнялась соответственно 46,4 и 47,5 часа⁷⁶. Не лучше положение торговых рабочих и служащих, вынужденных часто работать по 11—15 часов в сутки.

Тяжелым бременем ложится на трудящиеся массы безработица. Если в 1959 г. безработных насчитывалось 30 200, то в 1960 и 1962 гг. их число соответственно возросло до 54 400 и 45 300⁷⁷.

Некоторые буржуазные авторы, исследуя историю Сингапура, лживо утверждали, что это «картина мирного коммерческого развития»⁷⁸. В действительности же история Сингапура является непрерывной цепью героической борьбы пролетариата и других слоев трудового населения против капиталистического и национального гната.

---

⁷⁵ «Year book of labour statistics...», p. 284.

⁷⁶ Ibid., p. 234.

⁷⁷ «Statistical year book, 1963...», p. 60.

⁷⁸ R. Winstedt, *Malaya and its history*, London, 1951, p. 61.

Э. А. Лалаянц

РАЗЛОЖЕНИЕ СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ ЯВАНЦЕВ
(конец XIX — первая половина XX в.)

К. Маркс, определяя место сельской общины в историческом процессе, писал: «Земледельческая община, будучи последней фазой первичной общественной формации, является в то же время переходной фазой ко вторичной формации, т. е. переходом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности»¹.

На Яве² в силу медленного развития производительных сил и застойного характера ранних форм общественной организации сельская община (деса) сохранялась в течение многих веков, оставаясь основным экономическим элементом яванского общества. Особенностью сельской общины яванцев была ее устойчивость. Однако разложение сельской общины является исторически неизбежным, необратимым процессом, наблюдаемым как у народов Европы, так и у народов других континентов. В эпоху империализма, когда аграрный строй стран Востока находился в состоянии глубокого кризиса, сельская община яванцев подверглась разложению под воздействием развивающихся товарно-денежных отношений. В данной статье делается попытка исследования сельской общины яванцев в XIX—XX вв., рассматриваются различные стороны ее социально-экономической организации, причины, ход и последствия процесса ее разложения и тесная связь этого процесса с экономическим развитием острова Ява в целом.

Настоящая статья является одним из первых опытов исследования проблем сельской общины яванцев в русской и советской научной литературе. Специально этой теме была посвящена лишь статья известного русского экономиста, одного из первых популяризаторов экономических трудов Маркса в России, Н. И. Зибера «Община и государство в Нидерландской Индии», опубликованная в журнале «Отечественные записки», март 1881 г.

---

¹ К. Маркс, *Наброски ответа на письмо В. И. Засулич*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 19, стр. 419.

² Остров Ява, пятый по величине остров Индонезии, занимает площадь 126 тыс. кв. км.

Этнически жители Явы состоят из яванцев, населяющих северо-западную и центральную части острова, сунданцев, проживающих на западе, мадурцев, переселившихся в восточную часть Явы с соседнего острова Мадура. В 1961 г. численность этих народов составляла соответственно 42 млн., 13,3 млн. и 6,7 млн. человек.

СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА ЯВАНЦЕВ ДО РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЯВАНСКОЙ ДЕРЕВНЕ

Общинное землевладение

Земледельческая культура оседлого населения в долинах рек острова Ява сложилась еще до нашей эры³. К началу нашей эры население Явы находилось в стадии перехода от разлагающегося первобытнообщинного строя к классовому обществу⁴. Значительное влияние на дальнейшее развитие яванского общества оказали экономические, культурные и религиозные связи Явы и других островов Индонезии с Индией в первые века нашей эры. Поэтому многие буржуазные исследователи возникновение сельской общины яванцев ставят в зависимость от индийского влияния, т. е. считают ее извне навязанной социальной организацией⁵. Эта концепция несовместима с марксистским пониманием исторического процесса развития человеческого общества. Сельская община — социально-экономический институт, характерный для определенного этапа развития подавляющего большинства народов мира и поэтому не может быть результатом какого-то внешнего воздействия, или влияния.

Во II—IV вв. н. э. на Яве возникли государственные образования при повсеместном распространении на острове в этот период сельских общин⁶. Централизованное государство в лице монарха являлось верховным собственником всех земель, на которых находились сельские общины⁷.

Сельская община пользовалась землей за уплату в пользу суверена 1/5 части (и более) сельскохозяйственной продукции, что можно рассматривать как натуральную ренту, и за ряд повинностей в пользу суверена (работы по проведению дорог, строительству ирригационных сооружений, заготовке леса, перевозкам и т. д.), которые можно рассматривать как отработочную ренту. Собственностью государства являлись также источники воды, что имело первостепенное значение для Явы с ее поливным земледелием. Характеризуя экономическую роль государства в странах Азии в докапиталистический период, К. Маркс писал: «Если... государство непосредственно противостоит непосредственным производителям, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, вернее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты. При таких обстоятельствах отношение зависимости может иметь политически и экономически не более сюровую форму, чем та, которая характеризует положение всех подданных по отношению к этому государству. Государство здесь — верховный собственник земли. Суверенитет здесь — земельная собственность, сконцентрированная в национальном мас-

³ А. А. Губер, *Индонезия. Социально-экономические очерки*, М., 1932, стр. 5.

⁴ Н. А. Симония, *Буржуазия и формирование нации в Индонезии*, М., 1964, стр. 8.

⁵ L. W. C. van den Berg, *Het inlandsche Gemeentewesen op Java en Madagaskar*, — «Bijdragen tot de Taal, Land-en Volkenkunde van Nederlandsch-Indië», LII, S'-Gravenhage, 1901, blz. 3.

⁶ «Всемирная история», т. II, М., 1956, гл. XIX, стр. 590; Д. Дж. Е. Холл, *История Юго-Восточной Азии*, М., 1958, стр. 30—31; М. Я. Берзина, С. И. Брук, *Население Индонезии, Малайи и Филиппин*, М., 1962, стр. 30.

⁷ «Всемирная история», т. IV, М., 1958, гл. XXVII, стр. 651; Н. И. Зибер, *Община и государство в Нидерландской Индии*, — «Отечественные записки», СПб., 1881, стр. 103.

штабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей»⁸.

Захват Явы голландскими колонизаторами в начале XVI в. не изменил структуры яванского общества, являвшегося системой сельских общин. Как указывал К. Маркс «Структура основных экономических элементов этого общества не затрагивается бурями, происходящими в облачной сфере политики»⁹.

Голландская Ост-Индская компания, а после ее ликвидации в 1800 г. Нидерландское государство, занявшие место яванского государства, сдавали в пользование сельским общинам землю, взимая за нее натуральную и отработочную ренты.

В пользовании сельской общины находились участки, пригодные для поливного и неполивного земледелия, леса, луга, рыбные пруды, а также ирригационные сооружения. Формально на все земли, которых в пределах сельской общины насчитывалось несколько категорий, распространялся так называемый «хак-уляят», или коллективное право членов сельской общины на пользование землей¹⁰.

Земля, находившаяся в пользовании общин, называлась «саватитисара». Земля в сельских общинах ежегодно или реже (до 5 лет) подвергалась переделам среди общинников. Переделам подвергались все земли «сава» (орошаемые) и все земли «тегал» (неорошаемые), включая находившиеся на этих землях рыбные пруды и фруктовые сады.

Существование земельных переделов характерно для общинного землевладения. Правом получения земельного участка при очередном переделе обладали полноправные члены сельской общины — гоголы. Когда в сельскую общину вступал новый член (мужчина или юноша, достигший совершеннолетия и женившийся), то при очередном переделе он мог быть наделен участком земли и стать полноправным общинником, а наделы остальных общинников соответственно уменьшались. В тех общинах, где не хватало земли для удовлетворения потребностей всех членов общины, новые общинники не получали земельных участков при очередном переделе и должны были ждать освобождения участка земли вследствие смерти или выхода общинника из общины. Вопрос наделения новых общинников земельными участками мог решаться и путем отпочкования от основной общины дочерней деревни (условно — выселка). При распределении земли принималось во внимание плодородие и местоположение различных земельных участков, число трудоспособных членов семьи общинника и количество голов скота, которым владела данная семья.

Обычное право разрешало свободное использование целинных земель в пределах общины, например пустошей, лесов, заросших болот. Общинник, который расчищал участок целины в лесу или в горах для всходелывания сухого (неполивного) рисового поля, сохранял право индивидуального пользования этим участком в течение трех лет. После окончания этого срока земля переходила в распоряжение общины и в дальнейшем подвергалась периодическому переделу наравне с другими землями общины.

⁸ К. Маркс, *Капитал*, т. III, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 25. ч. II, стр. 354.

⁹ К. Маркс, *Капитал*, т. I, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 23, стр. 371.

¹⁰ Ю. В. Фельчуков, *Аграрная реформа 1960 года в Индонезии*, М., 1963, стр. 7.

Общинники могли иметь и некоторую личную, точнее семейную собственность, а именно дом с приусадебным участком, на котором сажали фруктовые деревья или овощи¹¹. Приусадебные участки не подвергались переделам.

Территориальная организация и демография сельских общин

Сельскую общину образовывала большая деревня с окружающей ее определенной территорией, которая закреплялась за общиной, или комплекс близлежащих небольших деревень, либо деревня с несколькими выселками¹².

Яванское наименование сельской общины — «деса» (*désa* или *doesoen*). Это слово индийского происхождения. В санскрите есть слово *déça* — местность.

Деревня по-явански — «краджан», но иногда используется слово «деса»; так что понятия «сельская община» и «деревня» в яванском языке в общем совпадают; и это не случайно. Большинство сельских общин яванцев состояло из одной деревни. Большие деревни насчитывали 400—500 хозяйств, малые — 100—150 хозяйств. Яванские деревни подразделялись на два главных типа. В гористой части Явы большинство деревень состояло из группы отдельно расположенных домов, с возделываемыми земельными участками между ними. Поселения в низменных районах представляли собой деревни, имевшие три или четыре ряда домов, вытянувшихся вдоль реки или дороги.

Характерным для яванского поселения была своеобразная «деревня-лес». Деревья в селениях образовывали густую заросль, напоминавшую собой естественный лес, в чаще которого располагались жилища крестьян.

В центре деревни находилась площадь «алун-алун» с посаженным на ней деревом варингин (индийская смоковница — *Ficus indica*), которое считается у яванцев священным деревом. Деревенская площадь имела большое общественное значение, так как на ней происходили сельские сходы, проводились религиозные обряды и т. д. На площади располагались общественные здания, культовые постройки.

Крупные населенные пункты, возникшие в результате слияния нескольких деревень, служили административными центрами, «негара», или «чегари», в которых находилась резиденция государственной администрации.

Территория отдельных сельских общин составляла несколько сот бай¹³.

В состав сельской общины могли входить и отдельные выселки «падукухан», возникавшие часто из полевых станов на вновь распаханных земельных участках. В некоторых случаях выселки были лишь временными поселениями. Если вновь распаханный земельный участок забрасывался из-за неплодородия почвы или по каким-либо другим причинам, то ликвидировался и выселок. Чаще, однако, последний превращался в долговременное поселение, куда из основной деревни переселялись общинники и специально выделялись люди из органов управления сельской общины.

¹¹ R. M. Koentjaraningrat, *The javanese of South Central Java*, — «Viking fund publications in anthropology», № 29, *Social structure in Southeast Asia*, New York, 1960. p. 105.

¹² L. W. C. van den Berg, *Het inlandsche Gemeentewezzen op Java...*, blz. 8.

¹³ Bay = 0,7 га.

Население одной сельской общины на Яве в XIX в. в среднем составляло 800—900 человек. Сельские общины в долинах рек имели более многочисленное население, чем общины, расположенные в горах¹⁴. В Преангара население некоторых сельских общин достигало 1500 и более человек. Девять сельских общин в округе Блюбур насчитывали более 24 тыс. человек. Встречались, однако, сельские общины, объединявшие всего 100 человек. В XX в. средняя численность населения сельской общины выросла до 2—3 тыс. человек¹⁵.

Хозяйство сельской общины яванцев

Хозяйство сельской общины яванцев в докапиталистический период имело низкий уровень развития производительных сил и носило в основном натуральный характер.

В. И. Ленин следующим образом определял натуральное хозяйство: «При натуральном хозяйстве общество состояло из массы однородных хозяйственных единиц (патриархальных крестьянских семей, примитивных сельских общин, феодальных поместий), и каждая такая единица производила все виды хозяйственных работ, начиная от добывания разных видов сырья и кончая окончательной подготовкой их к потреблению»¹⁶.

Натуральный характер хозяйства обусловливал необходимость хозяйственного единства сельской общины. Основой хозяйства яванцев было земледелие. Оно велось на полях двух типов: орошаемых (сава) и неорошаемых (тегал). Подсечное земледелие у яванцев почти полностью исчезло к XVII в.

Рельеф Явы сильно расчленен. Внутренние области острова гористы или сильно холмисты. Вдоль хребтов, образованных молодыми складчатостями третичного периода, тянутся линии действующих вулканов. На Яве насчитывается 136 вулканов, из них 32 действующих. Действующие вулканы постоянно извергают большие массы пепла, реже изливают лаву. После их извержения образуются новые слои почвы с высоким содержанием растворимых соединений кальция, азота, магния и фосфора, резко повышающих плодородие почвы¹⁷. На Яве поэтому издавна развито высокогорное земледелие с полями, расположенными на террасах. Многочисленные реки и ручьи, текущие с гор, служат обильными источниками орошения. Поэтому долины наиболее многоводных рек Явы — Соло и Брантас стали центрами земледелия. Оросительные системы, использовавшиеся яванцами, состояли из водоподъемных сооружений, искусственных резервуаров и каналов для отвода воды на орошаемые участки.

Основной сельскохозяйственной культурой и важнейшим продуктом питания яванцев с древности является рис. Способ его выращивания на орошаемых полях был известен яванцам еще до нашей эры. Система искусственной ирригации требовала, чтобы обработка земли, посев и уборка риса, а также содержание в порядке оросительных сооружений направлялись из одного центра — руководства общины.

¹⁴ Nederburgh, *Het dessabestuur op Java*, — «Tijdschrift voor Nederlandsch Indies», dl I, 1877, blz. 424.

¹⁵ A. G. Dewey, *Peasant marketing in Java*, — «The free press of Glencoe», 1962, p. 14.

¹⁶ В. И. Ленин, *Развитие капитализма в России*, — Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 21—22.

¹⁷ Р. В. Беммелен, *Геология Индонезии*, М., 1957, стр. 21; Э. Добби, *Юго-Восточная Азия*, М., 1952, стр. 183.

Сеяли два сорта риса: скороспелый «пади-геньдья» (созревающий в $3\frac{1}{2}$ —4 месяца) и «падди-далем» (вегетационный период — 5—6 месяцев). Урожайность скороспелого риса ниже, чем позднего сорта, но его культура, тем не менее, распространена повсеместно на полях, где орошение возможно лишь в течение короткого времени. Когда сеют «падди-далем», то второй посев его производится во время восточного муссона и возможен лишь в период сухого сезона на полях, обеспеченных водой.

Отсутствие достаточного количества орошающей земли заставляло общинников широко использовать неорошаемые земли, обычно расположавшиеся на возвышенностях. Их обработка была наиболее примитивна.

Тягловой силой служили буйволы и волы. Для многих общинников почти единственными сельскохозяйственными орудиями были мотыга и сажальный кол, использовались в сельских общинах также и изготавленные домашним способом сохи, которые целиком делались из дерева.

После земледелия важнейшей отраслью хозяйства яванцев является рыболовство, так как наряду с рисом рыба — важнейший продукт их питания. Вылавливают свыше 1500 видов рыб. Рыболовством и рыбоводством яванцы занимались и занимаются не только в морях, омывающих Яву, но и во внутренних водоемах: на болотах, на затапливаемых рисовых полях и в пересекающих их каналах, в озерах, реках и искусственных прудах. В реках рыбу ловили удочками и сетями разной величины и вида, вершами. В море яванцы использовали для рыбной ловли лодку с двойным балансиром, а также лодки без балансира, с треугольным парусом «прау маянг»¹⁸.

Второстепенной отраслью хозяйства яванских общинников было животноводство. Его развитию препятствовал недостаток пастбищ на острове.

Для своих потребностей каждая семья общинника изготавливала все необходимое (ткани, циновки и т. п.). В каждом доме были ветерено и ткацкий станок¹⁹.

К. Маркс, характеризуя роль домашнего ремесла в условиях натурального хозяйства сельской общины, писал: «Домашний ремесленный и мануфактурный труд как побочное производство при земледелии, образующем базис, является условием того способа производства, на котором покоится это натуральное хозяйство»²⁰.

Внутренние потребности сельской общины обслуживали также ремесленники — кузнецы, гончары, кожевенники. В качестве вознаграждения за свой труд ремесленники получали некоторую долю урожая²¹.

Трудовой процесс и трудовая взаимопомощь в сельской общине

В сельских общинах яванцев существовала известная кооперация в процессе труда. Население общины делилось на пять групп, каждая из которых именовалась определенным днем пятидневной яванской недели²². В некоторых сельских общинах население делилось на семь групп по дням семидневной мусульманской недели. Каждая из этих

¹⁸ Г. Е. Марков, *Народы Индонезии*, М., 1963, стр. 10.

¹⁹ T. S. Raffles, *History of Java*, vol. I, London, 1817, p. 86.

²⁰ К. Маркс. *Капитал*, т. III, стр. 349.

²¹ Л. А. Мерварт, *Жизнь малайской деревни*, — «Вестник знания», Л., 1928, № 9, стр. 477.

²² L. W. C. van den Berg, *Het inlandsche Gemeentewezzen op Java...*, blz. 8.

ТЕРРАСОВЫЕ РИСОВЫЕ ПОЛЯ

групп жила в определенной части деревни, и большинство общинников были связаны родственными узами, хотя это и не было обязательным условием для входления в группу. В группу могли входить также общинники, не состоявшие в родственных отношениях с остальными членами группы²³. В соответствии с наименованием каждая группа один день в неделю работала в пользу колониальных властей или сельской общины. В остальные дни недели каждая из этих групп сообща обрабатывала по очереди земельные участки общинников, входивших в группу. Группы возглавлялись специальными помощниками старости общины.

Подготовку почвы для посева, разбивку поля на заливаемые водой террасы, вспашку, боронование и ремонт ирригационных сооружений делали мужчины²⁴. Остальные работы — посев рисовой рассады, выпалывание, жатву, сушку и обмолот зерна, складывание в амбар — делали женщины²⁵. Они также пряли, ткали, выпаривали сахар из пальмового сока и ухаживали за скотом.

Трудовые отношения внутри сельской общины в значительной степени опирались на взаимопомощь (готонг-ройонг). Существовала трудовая солидарность между соседними сельскими общиными. Согласно обычному праву, обязательной являлась трудовая взаимопомощь во время стихийных бедствий. В сельских общинах взаимопомощь рассматривалась как обязанность, от которой нельзя было отказаться под угрозой общественного осуждения или даже наказания. Получавший помочь в большинстве случаев ничем не вознаграждал своих товарищей, кроме обеда в поле или дома. Взаимопомощь осуществлялась не только в виде личного участия в работах, но и в виде отдачи, например, в пользование буйволов и т. п.

Собственность сельской общины

Собственностью сельской общины являлись в основном постройки производственного, общественного и культового значения. К ним относились дом, в котором располагался общинный совет «бale деса», так называемый дом холостяков, или мужской дом «лангар»²⁶, модельный дом «таджук», служивший одновременно и школьным помещением. Большие сельские общины имели мечеть «месджид». Бале деса, лангар и таджук (или месджид) располагались на площади в центре деревни. Кроме этих помещений в собственности сельской общины могли находиться общинные загоны для буйволов, помещения для хранения рисовой рассады, общинный амбар риса (лумбунг), сторожки. Некоторые общины имели ремесленные мастерские или даже небольшие кирпичные заводы.

Собственностью сельской общины были также хранившиеся на территории общины запасы древесины, камня, известки, необходимые для общинных работ.

²³ R. M. Koentjaraningrat, *The javanese of South Central Java*, p. 94.

²⁴ Л. А. Мерварт, *Жизнь малайской деревни*, стр. 478.

²⁵ «Gotong Rojong», — «Indonesia», 1958, № 4, p. 28; R. M. Koentjaraningrat, *The javanese of South Central Java*, p. 104.

²⁶ В лангаре свободное время проводили молодые мужчины, достигшие совершеннолетия, но не вступившие еще в брак. Они занимались там либо легкими работами вроде резьбы по дереву, либо развлекались азартными играми, например боями петухов, либо, наконец, просто разговорами и жеванием бетеля (см.: Л. А. Мерварт, *Жизнь малайской деревни*, стр. 478).

Обмен между сельскими общинами

Еще в начале XIX в. Раффлс, английский губернатор Индонезии во время английской оккупации страны в 1811—1816 гг., отмечал существование обмена на Яве²⁷. Базары появились в большинстве районов острова задолго до проникновения туда европейцев. Базарная торговля охватывала четыре-пять сельских общин. Базар поочередно действовал в каждой из этих общин, возвращаясь через определенный период в ту же деревню.

Для государства базары были источниками обложения населения дополнительными поборами. Поэтому помимо отдельных районов острова и отсутствия путей сообщений обмен затруднялся еще многочисленными пошлинами.

На базарах общинники обменивали свою сельскохозяйственную продукцию на изделия ремесленников, на продукты лесоводства, на кожи и пр. В качестве торговцев выступали сами производители, продажа продуктов крестьянского хозяйства обычно велась женщинами. Обмен существовал также между сельскими общинами и городскими поселениями, а также между прибрежными районами рыболовства и ближайшими к ним сельскими общинами.

Несмотря на примитивные формы обмена, существовавшие на Яве, в дальнейшем обмен между сельскими общинами наряду с торговлей колонизаторов стал одним из источников развития товарно-денежных отношений. К. Маркс отмечал: «Являются ли товары продуктом производства, основанного на рабстве, или продуктом производства крестьян (китайцы, индийские рабы), или общинного производства (голландская Ост-Индия)..., — все равно: деньгам или товарам, в виде которых выступает промышленный капитал, они противостоят как товары и деньги и входят как в кругооборот этого последнего, так и в кругооборот заключающейся в товарном капитале прибавочной стоимости, поскольку она расходуется в качестве дохода, — следовательно, они входят в обе ветви обращения товарного капитала. Характер процесса производства, результатом которого они являются, не имеет значения; в качестве товаров они функционируют на рынке и в качестве товаров вступают в кругооборот промышленного капитала, равно как и в обращение заключающейся в товарном капитале прибавочной стоимости»²⁸.

Социальный состав сельской общины

Крестьянская масса в сельской общине яванцев не была однородна. Условно общинников можно разделить на три социальные группы. Каждая из них имела свои права и обязанности по отношению к общине. Экономическая мощь определенной социальной группы в сельской общине была связана прежде всего с владением землей и степенью участия в управлении общинными делами.

К первой социальной группе относились староста общины, члены общинного совета, представители мусульманского духовенства.

Вторую группу составляли полноправные общинники, имевшие право на земельный надел, приусадебный участок и жилище. Общин-

²⁷ T. S. Raffles, *History of Java*, vol. I, p. 198.

²⁸ К. Маркс, *Капитал*, т. II, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 24, стр. 126.

ники этой группы назывались «гогол», «кули» или «баку»²⁹. К этой социальной группе можно отнести также «полугоголов» — «сетенгах гогол», т. е. общинников, владевших только приусадебным участком и жилищем, но не имевших прав на земельный надел и занимавших более низкое социальное положение в общинной социальной иерархии по сравнению с гоголами.

Третья группа состояла из общинников, не имевших по тем или иным причинам прав на земельный участок и являвшихся по существу полукрепостными. Они не имели даже своего жилища и носили название «менумпанг», т. е. живущие у других. Полукрепостные — менумпанг полностью зависели от хозяина, в жилище которого они жили. Они обязаны были выполнять самую разнообразную работу в его хозяйстве. К этой группе можно отнести и ремесленников, которые рассматривались как «неполноценные» общинники.

Кроме того, в деревнях проживали люди, не имевшие отношения к процессу производства: знахари, астрологи, повивальные бабки, танцовщицы. Вступление нового члена в сельскую общину было затруднено и требовало согласия старосты общины, а в некоторых общинах также и общинников — гогол. Практически новые общинники начинали жизнь члена общины в качестве полукрепостного или слуги у старосты общины или у какого-либо зажиточного общинника. По истечении неопределенного срока, который мог длиться несколько лет, новый член общины при очередном переделе наделялся земельным участком и становился после этого полноправным членом сельской общины.

Каждый член сельской общины мог один или с семьей по собственному желанию покинуть общину, переселившись в другое место³⁰. Обычно общинник заранее объявлял о своем отъезде, но иногда переселение происходило тайно, без предупреждения соседей и общинной администрации. Земельный участок и жилище общинника, покинувшего общину, переходили в распоряжение общины. Основными причинами переселения были материальные затруднения, переезд к родственникам или испорченные отношения с другими общинниками и общинной администрацией. Переселившиеся в другие общины на новом месте, как правило, сразу земельный участок не получали, а становились полукрепостными. Уходы из общин участились во второй половине XIX в., когда многие крестьяне стали переселяться в города.

Управление сельской общины

Характеризуя внутреннюю структуру управления сельской общиной яванцев, голландский исследователь Ван Дейк отмечает ее черты: 1. Управление делами сельской общины сосредоточено в руках старосты и нескольких его помощников. 2. Важнейшие вопросы, касающиеся всех членов общины, решаются на собрании, где зачастую присутствуют только полноправные общинники или женатые мужчины, причем лица, принадлежащие к деревенской верхушке, как правило, имеют решающий голос и пользуются большим влиянием. 3. Деревенские должностные лица при решении всех важных вопросов совещаются с наиболее влиятельными членами общины, которые считаются выразителями общественного мнения. 4. Выборы старосты

²⁹ L. W. C. van den Berg, *Het inlandsche Gemeentewezens of Java...*, blz. 110; R. M. Koentjaraningrat, *The javanese of South Central Java*, p. 93.

³⁰ Н. И. Зибер, *Очерки первобытной экономической культуры*, М., 1937, стр. 327.

и «хранителя адата» — «спенхулу» (причем обе должности зачастую занимает один человек) производятся на общем собрании всех членов общины. Однако право выбора ограничено, так как эти должности может занимать только наиболее близкий потомок основателя деревни»³¹.

Структура управления сельской общиной основывалась на определенной системе иерархии.

Староста сельской общины

Во главе управления находился староста общины. В различных районах Явы эта должность носила различные наименования: в резидентствах Пекалонган, Семаранг, Баньюмас, Мадиун — «лурах», в резидентствах Багелен и Кеду — «бекель», «лурах» и «капала», в резидентствах Проболингго и Безуки — «петингги», в резидентстве Сурабая — «лурах» и «петингги»³².

Голландцы стремились превратить старост сельских общин в низшее звено системы колониального управления, т. е. по существу в правительственные чиновники. Фактически это им удалось, и общинные старосты стали проводниками политики колонизаторов, хотя в отдельных случаях и защищали интересы общин, стремясь приобрести авторитет среди общинников.

Староста сельской общины осуществлял ежедневное руководство делами, затрагивавшими всю общину, наблюдал за соблюдением различных постановлений — как правительственные, так и местных. В обязанности старост входили сбор налогов среди общинников и распределение повинностей, налагавшихся на всю общину. Староста руководил строительством общинных построек, контролировал использование ирригационных сооружений, в его ведении был надзор за базаром, общинными постройками, дорогами, проходившими по территории общин.

Староста распоряжался кассой общины, которая фактически была не отделена от его личной кассы. Он решал вопрос о приеме в общину новых членов, а также вопрос о наделении ее новых членов земельными участками. Староста мог вмешиваться в вопросы раздела имущества между общинниками. Он должен был следить за организацией школьного обучения и за санитарным состоянием деревни.

Староста обязан был информировать колониальную администрацию о всех происшествиях, выдавать властям справки об экономическом положении общины. При задержании на территории общине посторонних лиц последние препровождались к старосте общины, который решал вопрос о том, освободить их или передать в руки карательных органов колонизаторов.

Староста обязан был конфисковать огнестрельное оружие у общинников и передавать его колониальной администрации. Согласно правительльному постановлению 1878 г., старосты общин должны были одновременно исполнять функции начальников полиции на территории своих общин.

Общинные старосты освобождались от всех повинностей в пользу колониальных властей и сельских общин и получали в свою пользу

³¹ H. R. van Dijk, *Pengantar Hukum adat Indonesia*, Bandung, hal. 23. Цит. по кн.: Ю. В. Фельчуков, *Аграрная реформа...*, стр. 6.

³² S. Kartohadikoesoemo, *Desa*, Jogjakarta, 1953, hal. 376; L. W. C. van den Berg, *Het inlandsche Gemeentewezel of Java...*, blz. 29.

зу 8% суммы налогов, собираемых с обчины. Колониальные власти узаконили специальными постановлениями существовавшую здесь ранее эксплуатацию крестьян общинными старостами и другими представителями общинной администрации. Согласно этим постановлениям староста имел право взыскивать в свою пользу с крестьян-общинников различные денежные сборы (в случае заключения брака общинником, продажи им своего имущества, убоя скота и т. д.)³³. Такая система денежных поборов особенно распространилась с конца XIX в., до этого в аналогичных случаях старосты получали свою мзду в натуральной форме — мясом, рисом. В некоторых обшинах староста имел в своем распоряжении так называемый служебный земельный участок — «танах бенгкок»³⁴, обрабатывать который обязаны были общинники в порядке общинной повинности³⁵. В сельских обшинах, где такой участок не выделялся, общинники облагались специальным натуральным налогом (рисом) в пользу старосты обчины.

В распоряжение старосты предоставлялись слуги — «панчен». Общинники, выделявшиеся в качестве слуг, выполняли эти обязанности в порядке общинной повинности. Обязанности слуг состояли в охране земельного участка и помещений для скота, принадлежавших старосте, заготовке дров, уходе за лошадью старосты, обслуживании гостей, посещавших дом старосты, и т. д. Согласно обычному праву староста не имел права использовать слуг для каких-либо иных целей, кроме домашних работ, но фактически эти слуги использовались и на полевых работах на земельном участке старосты. В постановлениях колониальных властей, касавшихся прав и обязанностей старост сельских общин, число слуг, обслуживавших одного старосту, определялось в зависимости от числа общинников в данной сельской общине, но не свыше шести человек.

Старосты сельских общин выбирались полноправными общинниками — гоголами³⁶. Однако в период голландского колониального режима действовал по существу порядок назначения старост колониальными властями путем «рекомендации» общинникам угодного колониальной администрации и общинной верхушке кандидата, а выборы сводились к формальности. Интересно отметить, что во многих случаях старосты, навязанные голландцами, обнаруживали полное отсутствие организационных и административных способностей и их работу фактически выполняли члены общинного совета³⁷. Порядок проведения «выборов» старост сельских общин был установлен постановлениями колониальных властей 1819, 1878, 1883, 1897 и 1907 гг. «Выборы» происходили каждые один-три года³⁸.

В подавляющем большинстве яванских сельских общин должность старосты фактически являлась наследственной и переходила от отца к сыну или близкому родственнику³⁹.

³³ Mochammad Tauchid, *Masalah Agraria*, Bagian I, Djakarta, 1952, hal. 170—172.

³⁴ R. M. Koentjaraningrat, *The javanese of South Central Java*, p. 94.

³⁵ H. Th. K., *Apanagevelden*, — «Tijdschrift voor het Binnenlandsch Bestuur», dl XIX, 1900, blz. 65.

³⁶ R. M. Koentjaraningrat, *The javanese of South Central Java*, p. 94.

³⁷ L. W. C. van den Berg, *Het inlandsche Gemeentewesen of Java...*, blz. 115.

³⁸ Overduin, *Verkiezing en ontslag van deshooofden*, — «Tijdschrift voor het Binnenlandsch Bestuur», dl VIII, 1893, blz. 71.

³⁹ А. А. Губер, *Индонезия...*, стр. 175; R. M. Koentjaraningrat, *The javanese of South Central Java*, p. 94; L. W. C. van den Berg, *Het inlandsche Gemeentewesen of Java...*, blz. 35.

Общинный совет

Исторически общинный совет являлся органом самоуправления сельской общины яванцев, но в колониальный период и особенно в XIX—XX вв. он фактически превратился в низшее звено административного аппарата колониального управления. Во всех резидентствах Явы члены общинного совета назначались и снимались старостой общины с последующим утверждением колониальной администрацией округа. Совместно со старостой общины члены общинного совета осуществляли распределение земельных наделов и воды для орошения. В некоторых общинах общинный совет решал вопросы приема новых членов. Заседания сбщинного совета происходили обычно в доме старосты. Общее число членов общинного совета достигало в среднем 10—20 человек⁴⁰. Члены общинного совета объединялись общим называнием «парентах деса» (им объединялись члены общинного совета и староста общины), «пработ деса» или «капала-капала».

В состав общинного совета входили писарь — «джурутulis» или «чарик»; заместители старосты общины (от двух до шести) — «вакиллурах», «панглаку» или «парентах», которые замещали старосту в его отсутствие: мусульманский священник — «амиль» или «лебе» и его один (или более) помощник — «макил-амиль», «кетиб», «модин», «мербот» или «калипах». Мусульманский священник являлся, как правило, и школьным учителем. В некоторых общинах он также контролировал распределение воды для ирригации⁴¹.

Кроме того, в состав общинного совета входили несколько человек, ведавших различными вопросами экономической жизни сельской общины: член общинного совета, занимавшийся вопросом распределения воды — «капала слокан» или «панггулу банью»; член общинного совета, ведавший вопросами ирригации; член общинного совета, занимавшийся вопросами переделов земли общины; член общинного совета, ведавший ночной охраной, — «умбул».

В состав общинного совета входили также несколько членов без определенных функций — «пундух» или «кебаян».

При назначении на должность члена общинного совета безусловное значение имело имущественное положение. Например, в резидентствах Рембанг, Кедири и Сурабая необходимо было владеть участком земли сава, для того чтобы стать членом сбщинного совета. Должность писаря и священника могли занимать и посторонние люди, но с условием, что они вступали в члены общины. Старосты стремились увеличить в составе общинных советов число своих родственников и друзей. В некоторых общинах управление ими носило «семейный» характер, когда все или почти все члены общинного совета являлись родственниками старости⁴².

Члены общинного совета получали так называемый «служебный» земельный участок. Под видом таких участков старосты общин и члены общинных советов захватывали в свои руки большую часть лучших земель сельской общины, а в некоторых общинах — вообще большую часть всех общинных земель. Ван ден Берг приводит данные по резидентству Чиребон, где это проявлялось особенно наглядно. Например, в четырех общинах, находившихся в этом резидентстве, староста и члены общинного совета владели вместе соответственно.

⁴⁰ R. M. Koentjaraningrat, *The javanese of South Central Java*, p. 94.

⁴¹ Н. И. Зибер, *Община и государство в Нидерландской Индии*, стр. 102.

⁴² L. W. C. van den Berg, *Het inlandsche Gemeentelevenementen van Java...*, blz., 68.

321, 196, 175 и 87 бау земель сава, а все остальные общинники — соответственно 86, 67, 53 и 8 бау⁴³.

«Служебные» земельные участки членов общинного совета не облагались налогами и обрабатывались рядовыми общинниками. Члены общинного совета освобождались от общинных повинностей и от повинности в пользу колониальных властей, а также имели преимущества при распределении воды. Члены общинного совета имели в своем распоряжении так называемых «домашних слуг» из числа рядовых общинников. Положение этих слуг было аналогично положению слуг старосты общинны. Исполнение обязанностей слуги у члена общинного совета рассматривалось как общинная повинность для рядового общинника. В конце XIX в. стала распространяться практика откупа от этой повинности. В резидентствах Проболинго и Безуки величина откупа составляла 10—15 гульденов в год.

Старейшины

В некоторых сельских общинах имелись люди, не исполнявшие каких-либо определенных управленческих функций, но которые, согласно обычному праву, могли оказывать в известных случаях влияние на старосту общинны и на общинные дела. Иногда они назначались старостой общинны из числа тех стариков-общинников, которые благодаря знаниям или по другим причинам (например, благодаря совершению паломничества в Мекку) пользовались уважением и влиянием среди общинников. По их общественному положению эти лица могут быть условно названы старейшинами — «камитува», «пинитува» или «тува-тува». Часто, однако, старейшины не назначались и не избирались, а становились таковыми по праву. По мере роста имущественного неравенства среди общинников в старейшины выдвигались богатые общинники, например старосты общин «в отставке». Старейшины не являлись формально членами общинного совета или помощниками старосты, а были как-бы его советниками, носителями и интерпретаторами общинного обычного права.

Число старейшин бывало невелико и не превышало двух-четырех человек в одной общине. Старейшины освобождались лишь от общинных повинностей и другими привилегиями не пользовались.

Сходы общинников

В вопросах управления общинными делами формально принимали участие все совершеннолетние полноправные общинники-мужчины, присутствуя на общинных сходах, созываемых старостой общинны. Полноправные общинники имели право выступать на сходах по собственной инициативе; неполноправные имели право присутствовать на сходах, но их выступления имели место только по требованию старосты и носили характер информации. Такие сходы проводились периодически, но не реже раза в год. Сходы общинников проводились иногда в общинном здании — «бале деса» или в доме старосты, но чаще на открытом воздухе. На таких собраниях староста общинны сообщал о распределении налогов и повинностей. На сходах полноправные общинники обсуждали факты аморального поведения отдельных членов, а также рассматривали сделки с иностранцами (европейцами, китайцами, арабами), если они касались вопросов, затрагивавших интересы всей общинны. Фактически, конечно, решения по сделкам с иностранцами принимались руководством общинны.

⁴³ Ibid., blz. 59.

«Свободные» сельские общины «деса мердика»

В конце XIX в. на Яве насчитывалось 209 так называемых «свободных» сельских общин. Эти общины, возникшие еще в доколониальный период, освобождались от повинностей в пользу государства, но были обязаны содержать в порядке какой-либо храм, могилы «святых» и землевладельцев, обеспечивать всем необходимым специальные религиозные школы и т. п.⁴⁴.

Во главе «свободных» сельских общин находились старосты, которые назначались колониальными властями. Эти старосты одновременно выполняли функции мусульманских священников и учителей в религиозных школах тех общин, где они существовали.

Положение семьи в сельской общине яванцев

Семейно-брачные отношения общинников-яванцев регулировались нормами обычного права и мусульманского религиозного права. Не запрещалось бракосочетание в детском возрасте и многоженство, но рядовые общинники, как правило, имели одну жену. Юноша в 15 лет считался совершеннолетним, и обычно в этом возрасте мужчины вступали в брак. Неженатые мужчины не считались самостоятельными общинниками независимо от возраста. Юноша, вступив в брак, считался главой дома — «капала сомах». Семья образовывала отдельную хозяйственную единицу — домохозяйство — «сомах», причем обязательной чертой домохозяйства являлось наличие отдельного очага, где семья готовила себе пищу. Однако семья не всегда имела собственный дом, и «молодые» могли жить в доме родителей мужа или жены. В XIX в. в некоторых сельских общинах еще сохранялись большие семьи. Неподвижность социальной базы, характерная для многих стран Востока⁴⁵, сказывалась в сохранении остатков патриархальности в семье яванцев. По мере разложения натурального хозяйства и общинных форм землевладения укреплялась независимость отдельных семей по отношению к сельской общине. Усиливалось влияние наиболее зажиточных семей на общинные дела. Большие семьи разделялись, и укреплялось положение малых семей.

Идеология сельской общины яванцев

Социальное значение общинника традиционно определялось его положением в общинной иерархии. Идеологические нормы сельской общины были направлены на закрепление общинной иерархии, на подавление инициативы рядового общинника. Идеология сельской общины яванцев складывалась из норм обычного права (адата), мусульманской религии и пережитков анимистических верований.

Обычное право (адат) в значительной степени регулировало социальные и производственные отношения в сельской общине. Исторически определенное влияние на обычное право яванцев оказали индуизм и ислам.

Нормы адата распространялись на вопросы, связанные с переделами земли, управлением сельской общиной, распределением повинностей среди общинников, регулированием семейных отношений. Адат

⁴⁴ Ю. В. Фельчуков, *Аграрная реформа...*, стр. 8; S. Kartohadikoesemo, *Desa, hal. 52.*

⁴⁵ К. Маркс, *Китайские дела*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения*, изд. 2, т. 15, стр. 529.

регулировал отношения между сельскими общинами, в частности вопросы распределения земли. Адат был тесно связан с таким фактором общинной жизни, как общественное мнение, игравшее большую роль, например, в вопросах оказания взаимопомощи. Нормы обычного права действовали и в отношении некоторых преступков, совершившихся общинниками. Наказания по обычному праву носили, однако, лишь административный характер и состояли в увеличении повинностей, в лишении земельного участка, лишении помощи во время полевых работ. Как крайняя мера применялось объявление преступника и даже членов его семьи «мертвыми», что лишало его автоматически членства в общине. Объявление «мертвым» сопровождалось изгнанием из общины. По мере развития товарно-денежных отношений стали учащаться случаи наложения денежных штрафов за нарушение норм адата.

Наказания по обычному праву налагались за невыполнение приказов старосты или членов общинного совета, за нарушение норм морали и общественного порядка. Некоторые сельские общины имели даже свои собственные «уголовные кодексы». Наказания по адату накладывались на общинников старостой общины. Голландские колонизаторы приспосабливали обычное право яванцев к своим интересам, осуществляя с этой целью кодификацию местных адатов⁴⁶. Таким образом, они использовали на Яве традиционный общественный уклад для косвенного упревления, предвосхитив на практике на несколько десятилетий теоретические установки английской функциональной школы⁴⁷.

Мусульманская религия. Ислам получил распространение в Индонезии с XIV в., будучи идеологической формой, наиболее соответствовавшей социально-экономическим условиям, существовавшим в то время в этой стране. Яванцы являются мусульманами-шахитами, т. е. последователями одного из вариантов суннитского толка в мусульманской религии. За прошедшие несколько сот лет господства ислама яванцы, однако, так и не восприняли полностью философию и этику этой религии⁴⁸. Ислам на Яве, приспособившись к доисламской идеологии яванского общества, носит поэтому своеобразный «яванизированный» характер. Ислам оказал небольшое влияние и на яванскую культуру, которая развила в значительной степени в доисламский период. Например, яванский теневой театр «вайяанг-пурво», строго говоря, противоречит догмам мусульманской религии, запрещающей изображения живых существ, особенно человека.

Ислам играл, безусловно, определенную роль в идеологии сельской общины яванцев. Однако, как отмечает ван ден Берг, большинство общинников-яванцев в повседневной жизни мало придерживалось догм ислама, значительно меньше, чем крестьяне в других мусульманских странах⁴⁹. Конечно, в каждой общине всегда находилось несколько общинников-фанатиков, которые ревностно исполняли все предписания религии.

Существовала определенная связь между сельской общиной и мусульманской религиозной общиной. Как уже отмечалось ранее, нор-

⁴⁶ Ю. В. Маретин, *Община минангкабау и ее разложение*, — «Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. XXIII, 1961, стр. 284.

⁴⁷ См. подробнее: Д. А. Ольдерогге и И. И. Потехин, *Функциональная школа в этнографии на службе британского империализма*, — сб. «Англо-американская этнография на службе империализма», М., 1951, стр. 41—66.

⁴⁸ Н. Митрофанов, *Религии и поверья далеких островов*, — «Азия и Африка сегодня», 1963, № 3, стр. 54.

⁴⁹ L. W. C. van den Berg, *Het inlandsche Gemeentewesen of Java...*, blz. 108.

мы мусульманского права регулировали семейно-брачные отношения общинников. Мусульманский священник входил в состав общинного совета и во многих общинах являлся одновременно и школьным учителем, так что воспитание подрастающего поколения находилось под сильным влиянием ислама.

Голландские колонизаторы через свои миссионерские организации стремились распространить христианскую религию среди яванского населения и таким способом внедрить идеологию колонизаторов, но больших успехов в этом отношении не добились. Подавляющее большинство населения Явы продолжало до последнего дня колониального режима придерживаться ислама, демонстрируя тем самым сопротивление колонизаторам. Таким образом, ислам использовался как идеологическое оружие в борьбе с голландскими колонизаторами, как средство политического объединения яванцев⁵⁰.

Анимистические верования. Ислам не сумел вытеснить более ранние анимистические взгляды у яванцев, а лишь наслался на них. Доисламские верования продолжали находить отражение в преданиях, мифах яванцев, в культе предков и, что особенно важно с точки зрения идеологии сельской общины, — в культе духа-покровителя общины⁵¹. Сельская община яванцев, будучи социально-экономической ячейкой яванского общества, одновременно была коллективом, объединенным идеологически на основе культа духа-покровителя общины. Духом-покровителем считался дух мифического основателя общины, как правило, предка старости общины. От имени духа-покровителя и других духов предков общинная верхушка требовала от общинников под страхом суповой кары в виде эпидемий, смерти строгого соблюдения неизменных законов предков, чем поддерживала свою эксплуататорскую власть.

Сельская община в системе колониального управления

В высокоорганизованных центрально- и восточнояванских государствах эксплуатация яванского крестьянства осуществлялась при помощи централизованного бюрократического аппарата. Уже с XIV в. в этих государствах были кодифицированы законы и обычаи⁵². Наместники-регенты государства широко использовали общинную администрацию, которая местами превращалась в низшее звено бюрократического аппарата.

Ост-Индская компания в период своего господства (XVII—XVIII вв.) почти не имела непосредственных контактов с сельскими общинами яванцев. Компания управляла захваченными территориями через своих чиновников (регентов) из местной аристократии и не вмешивалась в вопросы внутренней жизни и устройства сельских общин. Таким образом, прежние чиновники централизованного яванского государства превращались в регентов голландской компании. Более того, в период господства Ост-Индской компании власть регентов над крестьянством усилилась на базе искусственного укрепления сельской общины⁵³.

Ост-Индская компания довела эксплуатацию крестьянского насе-

⁵⁰ Е. И. Гневушева, *В стране трех тысяч островов. Русские ученые в Индонезии*, М., 1962, стр. 143.

⁵¹ Л. Э. Кауновская, *Доисламские верования в Индонезии*, — «Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. I, 1959, стр. 248.

⁵² Н. А. Симония, *Буржуазия и формирование нации в Индонезии*, стр. 9.

⁵³ Там же, стр. 21.

ления Явы до чудовищных размеров. Так как основная масса местного населения, попавшего под контроль компании, состояла из крестьян-общинников, живших в условиях натурального хозяйства, то налоги в пользу компании приняли форму натуральных повинностей. Ост-Индская компания насилием внедряла новые культуры, наиболее выгодные с точки зрения реализации на европейском рынке. Компания обязывала каждую сельскую общину ежегодно сажать, например, кофейные деревья, собирать с них плоды и доставлять на склады компании. Принудительное насаждение новых культур не могло не отразиться на производстве основного продукта питания яванского населения — риса. Режим Ост-Индской компании довел до полного обнищания яванское крестьянство, лишив сельские общины остатков внутренней самостоятельности (прежде всего хозяйственной), которые еще сохранялись в период, предшествовавший завоеванию Явы голландцами.

В 1800 г. контроль над Явой перешел в руки нидерландского государства, но уже в 1811 г. Ява была оккупирована англичанами. Англичане провозгласили принцип верховной собственности государства на землю, но заменили большую часть натуральных повинностей земельным налогом в денежной форме. Внедрение товарно-денежных отношений способствовало разрушению натурального хозяйства в яванской деревне, стимулировало производство яванскими крестьянами товарных культур. Однако английское господство в Индонезии было кратковременным, и новая система эксплуатации не успела укрепиться. В августе 1816 г. индонезийские владения были возвращены голландской короне.

В XIX в. голландские колонизаторы создали для колониального управления Явой широко разветвленный административный аппарат. Остров был разделен на резидентства. Каждое резидентство состояло из трех-пяти округов, каждый округ делился на районы. Во главе резидентства находился резидент, подчинявшийся непосредственно генерал-губернатору колонии. Во главе округа стоял ассистент-резидент, подчинявшийся резиденту. В подчинении ассистент-резидента находилось несколько чиновников, называвшихся контролерами. Должность контролера была низшей в колониальном аппарате, которую мог занимать голландец. В каждом округе наряду с ассистентом-резидентом также сохранялся чиновник-яванец из местной яванской аристократии, называвшийся регентом. Должность регента, как правило, была наследственной и передавалась от отца к сыну или другому ближайшему родственнику. Ассистент-резидент имел право приказать регенту послать общинников на работу, собрать налоги, принять участие в каком-либо заседании. Ради формы подобного рода приказания излагались в виде просьбы ассистент-резидента к регенту.

Доходы регентов доходили до 200—300 тыс. гульденов в год и слагались из месячного жалованья и вознаграждения, пропорционального количеству произведенных в округе товаров: кофе, сахара, индиго, корицы и других культур. Регенты являлись фактически чиновниками-откупщиками. Крестьяне обрабатывали поля, принадлежавшие регентам. Регенты имели в своем распоряжении чиновничий аппарат из яванцев. Регенту подчинялись «раден-деманы», возглавлявшие районы округа. В подчинении «раден-демана» находились несколько надзирателей — «мантри» и «раден-джакса», ведавших судопроизводством. Была и другая категория чиновников-яванцев, подчинявшихся регентам и объединявшихся голландским термином *«tusschenhoofden»*, дословный перевод которого означает «старосты-посредники». Это

были, как правило, старосты больших сельских общин, которым колониальная администрация поручала одновременно осуществлять надзор над несколькими близлежащими сельскими общинами. Такое назначение являлось как бы вознаграждением для тех общинных старост, которые отличались перед колониальными властями своим усердием и продолжительностью службы.

Вопросам управления сельскими общинами был посвящен ряд правительственные постановлений колониальных властей. Постановление 1814 г. касалось функций и состава общинных советов. Постановление 1819 г. было посвящено процедуре выборов общинных старост. Другое постановление 1819 г. касалось вопросов деятельности общинной администрации, общинной полиции и их взаимоотношений с колониальными властями. Постановление 1854 г. было вновь посвящено вопросу выборов старост сельских общин и функциям членов общинных советов.

Политика голландских колонизаторов в вопросах управления сельскими общинами была направлена на сохранение традиционного общественного уклада, в частности органов общинного управления, что политически облегчало колонизаторам эксплуатировать яванское крестьянство. Они были заинтересованы в сохранении общинной организации, так как было удобнее иметь дело с общиной как с единой организацией, где общинники были связаны круговой порукой, чем с каждым крестьянином в отдельности. Ван ден Берг пишет: «Великолепные результаты нашей колониальной системы на Яве и Мадуре всегда опирались на два главных принципа, а именно — управлять через общинных старост и сохранять общину как корпорацию»⁵⁴.

Использование голландцами местной верхушки (представителей знати, общинной администрации) маскировало колониальный характер эксплуатации, переключало ненависть народных масс на местных эксплуататоров, давая возможность голландцам даже выступать в роли третейских судей. Как отмечал ван ден Берг, «голландцы оставляют сельские общины, насколько это возможно, под непосредственным управлением их старост, обладающих в связи с происхождением огромным влиянием. Они осуществляют свою власть не столько над отдельными личностями, сколько над общинами, которые объединяют воедино большую или меньшую группу индивидуумов»⁵⁵.

Наконец, сохранения сельской общины требовали чисто экономические соображения колонизаторов. Вместо мелких участков отдельных собственников в распоряжении колониальных властей имелись сравнительно большие общинные земли, которым они, опираясь на колониальный аппарат принуждения и на местные эксплуататорские элементы, могли дать нужное хозяйственное назначение в рамках государственной барщины.

Власть голландских колонизаторов задерживала развитие производительных сил яванского общества и способствовала консервации общественных отношений и организаций.

В 1830 г. колонизаторы ввели крепостническую систему принудительных культур, возвршившую яванское крестьянство к формам принудительного труда периода Ост-Индской компании. Целью этой принудительной системы было обеспечение максимальных прибылей путем навязывания яванским крестьянам сельскохозяйственных культур, наиболее выгодных с точки зрения колонизаторов. Первоначаль-

⁵⁴ L. W. C. van den Berg, *Het inlandsche Gemeentewesen of Java...*, blz. 1.

⁵⁵ Ibid., blz. 21.

но предполагалось отвести под принудительные культуры пятую часть орошаемых земель сельских общин. На практике, однако, никаких пределов не существовало. Колониальная власть распоряжалась землей общин по своему произволу, заставляя их отводить под принудительные культуры половину, две трети и даже все рисовые поля целиком. Более того, крестьян одной общине заставляли разводить культуры на полях, принадлежавших другой сельской общине. Если, например, у общине не было земли, пригодной для культуры индиго, а крестьянам этой общине было предписано его разводить, то необходимая земля отводилась в пределах другой общине. Колониальные власти следили за качеством обработки полей, сбором и транспортировкой урожая, а также за подысканием подходящего места для выращивания этих культур⁵³. В число принудительных культур входили сахарный тростник, кофе, какао, индиго, хлопок, табак, пряности. Явянский крестьянин затрачивал около 90 дней в году на работы, связанные с выращиванием принудительных культур⁵⁴.

В период действия системы принудительных культур отношения между регентами и яванскими крестьянами приняли еще более ярко выраженный крепостнический характер. Политика колонизаторов в этот период была направлена прежде всего на укрепление общинных форм землепользования, что соответствовало целям крепостнической эксплуатации яванского крестьянства. Более того, они не останавливались перед превращением индивидуального землепользования в общинное в тех случаях, когда община уже начинала разлагаться⁵⁵.

Результатом системы принудительных культур были систематические голодовки на Яве в 40—60-х годах XIX в. Мультатули, выдающийся голландский писатель, в эти годы служивший на Яве в качестве чиновника колониальной администрации, писал: «В регентствах Демак, Гробоган, Лебак матери продавали детей на съедение, матери пожирали своих детей»⁵⁶.

В XIX в. значительную роль в колониальной эксплуатации яванского крестьянства играли повинности и налоги. Повинности, налагавшиеся на общинников, подразделялись на повинности в пользу колониальных властей (барщина, земельный налог и т. д.) и на общинные работы. Барщина («херендинст», голл. — господские службы) была принудительной повинностью, существовавшей в яванских государствах и сохраненной голландцами после захвата ими острова. В период 1830—1870 гг. «херендинст» с особой тяжестью давил на крестьян, не занятых разведением принудительных культур. Эта повинность распространялась на всех работоспособных мужчин-общинников — владельцев земель сава, а в некоторых резидентствах (Тегал, Пекалонган, Баньюмас, Багелен, Кеду, Сурабая, Пасуруан, Безуки) и на владельцев земель тегал⁵⁷. Для выполнения повинности «херендинст» труд крестьян-общинников использовался для постройки фабрик, домов чиновников, дорог и доставки грузов, для ремонта плотин и других ирригационных сооружений. Система принудительных культур, приводившая к массовому производству сельскохозяйственных продуктов для колонизаторов, требовала больших затрат труда крестьян при перевозке этих продуктов, при ремонте дорог и мостов. Колониальная администрация через старост сельских общин обеспечи-

⁵⁶ Д. Дж. Е. Холл, *История...*, стр. 374.

⁵⁷ Там же, стр. 375.

⁵⁸ Н. А. Симония, *Буржуазия и формирование нации в Индонезии*, стр. 23.

⁵⁹ Мультатули, *Макс Хавелар*, Л., 1936, стр. 80.

⁶⁰ L. W. C. van den Berg, *Het inlandsche Gemeenteweges of Java...*, blz. 39—40.

вала частные голландские заводы принудительным крестьянским трудом. Такие факты имели место вплоть до конца XIX в.⁶¹. От повинности «херендинст» освобождались лишь старосты общин и члены общинных советов, включая представителей мусульманского духовенства.

Из налогов наиболее важным был земельный налог, введенный во время английской оккупации. В 1818 г. голландские колониальные власти издали правительственные постановление № 14, в котором регламентировался порядок взимания этого налога. Последний налагался на всю общину в целом, а его распределение среди полноправных общинников — владельцев земель сава и тегал — производилось старостой общины. Величина налога зависела от величины земельного надела, находившегося в пользовании сельской общине. В целом не менее 20% дохода яванских крестьян-общинников поглощалось колониальными властями⁶².

Помимо трудовых повинностей в пользу колонизаторов общинники несли многочисленные повинности для сельской общине. Важно отметить, что в доколониальный период различие между барщиной в пользу государства и некоторыми повинностями по отношению к сельской общине по существу отсутствовало. Общинные работы на Яве, как и в других странах Юго-Восточной Азии с развитым поливным земледелием, были необходимы для обеспечения жизни как отдельных сельских общин, так и всего государства в целом. Безусловно, что ирригационные работы в больших масштабах могли быть организованы лишь государством. «Отсюда, — отмечал К. Маркс, — та экономическая функция, которую вынуждены были выполнять все азиатские правительства, а именно функция организации общественных работ»⁶³.

В колониальный период барщина и общинные повинности одинаково продолжали давить на крестьян-общинников. Чиновник голландской колониальной администрации Фоккенс писал в конце XIX в.: «Для населения нет никакой разницы между деревенскими повинностями и барщиной»⁶⁴.

В число общинных повинностей входили ремонт ирригационных сооружений и дорог, расположенных на территории общин, работы для старосты общине и членов общинного совета. Общинники были обязаны регулярно поставлять в пользу общинной администрации различные продукты питания. Постановления колониальных властей, как правило, не касались вопроса об общинных повинностях. Распределение общинных повинностей среди общинников регламентировалось обычным правом и произволом старост общин. В общей сложности яванский крестьянин затрачивал на работу для колониальных властей и на общинные повинности до 200 дней в году⁶⁵. От общинных повинностей освобождались представители общинной администрации и те общинники, деятельность которых представляла особый интерес для всей общине: ремесленники (плотники, кузнецы), музыканты оркестра «гамелан», лица, занятые в театре — вайянг, — «вайянг-кулит».

⁶¹ Ю. В. Фельчуков, *Аграрная реформа...*, стр. 39—40.

⁶² А. А. Губер, *Индонезия...*, стр. 118.

⁶³ К. Маркс, *Британское владычество в Индии*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 9, стр. 132.

⁶⁴ Цит. по: А. А. Губер, *Индонезия...*, стр. 210—211.

⁶⁵ Д. Дж. Е. Холл, *История...*, стр. 375.

По мере развития товарно-денежных отношений и углубления классовой дифференциации зажиточные общинники стали освобождаться от выполнения «херендинст» и общинных повинностей путем найма за мизерную плату подставных лиц из безземельного населения сельской общины.

* * *

Введение системы принудительных культур, рассчитанных на сбыт на иностранных рынках, само по себе не могло изменить характера производства и производственных отношений яванской сельской общины. Продукты производились крестьянами-общинниками в условиях по существу крепостного труда. Товаром эти продукты становились лишь после того, как сдавались на правительственные склады и через посредство торговой компании попадали в сферу обмена. Однако именно система принудительных культур положила начало внедрению товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве Явы. Дело в том, что даже в период расцвета этой системы из общего количества населения Явы в производстве принудительных культур было занято менее 50%⁶⁶.

Таким образом, значительное число общин было занято производством только продовольственных культур. Между крестьянами этих общин и теми крестьянами, которые были заняты производством принудительных культур и не имели возможности производить необходимые для них продукты питания, неизбежно должны были возникнуть определенные товарно-денежные отношения, хотя бы в объеме тех денег, которые общинники получали от колониальных властей за выращивание принудительных культур.

Распространение в 30—60-х годах XIX в. денег среди яванского крестьянства нанесло удар по натуральному хозяйству сельской общины и, в частности, по ткацкому ремеслу, так как среди крестьянского населения Явы стали распространяться дешевые европейские товары. Система принудительных культур очень медленно, но все же разрушала натуральное хозяйство, вела к расслоению яванского крестьянства и к зарождению капиталистических отношений в их чрезвычайно мучительных для колониального населения формах. Конечно, денежные доходы рядовых общинников от сдачи продукции государству были крайне ничтожны. Это по существу исключало возможность накоплений у большинства общинников. Только привилегированные группы общинников все же имели некоторые возможности накоплений. Таким образом, потенциальной основой для возникновения буржуазии в яванской деревне были те накопления, которые сосредоточивались в руках общинной верхушки.

Невыгодность системы принудительных культур, приведшей к упадку производительных сил и обнищанию населения Явы, стала очевидной в 60-е годы XIX в. и для колонизаторов. К тому же в промышленности Голландии в это время наблюдался застой, и капиталы, накопленные с помощью системы принудительных культур, требовали новой, более выгодной сферы приложения. Голландская буржуазия, поддержанная буржуазией ряда европейских стран и США, выступила против монопольного господства голландского правительства над Индонезией, требуя изменения колониальной политики.

В 1884 г. Ф. Энгельс дал разоблачающую характеристику аграр-

⁶⁶ А. А. Губер, *Индонезия...*, стр. 60.

ной политики голландских колонизаторов в отношении сельских общин на Яве, показав ее обреченность в условиях развивающегося капитализма. Он писал: «Следовало бы кому-нибудь взять на себя труд разоблачить распространяющийся, как зараза, государственный социализм⁶⁷, воспользовавшись его образчиком на Яве, где он процветает на практике. Весь материал имеется в книге адвоката Дж. У. Б. Мани: „Ява, или Как управлять колонией“, Лондон, 1861, 2 тома. Из этой книги видно, как голландцы на основе древнего общинного коммунизма организовали производство на государственных началах и обеспечили людям вполне удобное, по своим понятиям, существование; результат: народ удерживают на ступени первобытной ограниченности, а в пользу голландской государственной казны поступает 70 млн. марок ежегодно (теперь, наверно, больше). Случай в высшей степени интересный, и из него легко извлечь практические уроки. Между прочим, это доказательство того, что первобытный коммунизм на Яве, как и в Индии и в России, образует в настоящее время великолепную и самую широкую основу для эксплуатации и деспотизма (пока его не встряхнет стихия современного коммунизма). В условиях современного общества он оказывается столь же кричащим анахронизмом (который либо должен быть устраниен, либо же получить дальнейшее развитие), как и независимая община-марка старых кантонов»⁶⁸.

РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА И ВОЗНИКНОВЕНИЕ НОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ НА ЯВЕ. РАЗЛОЖЕНИЕ СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ

Голландское аграрное законодательство 1870 г.

В 1870 г. голландские колонизаторы издали аграрный закон, положивший начало новому этапу в аграрной политике Голландии.

Издание аграрного закона 1870 г. определялось интересами голландского промышленного и финансового капитала, стремившегося к организации крупного плантационного хозяйства. Этот закон объявил Нидерландское государство верховным собственником всей обрабатываемой и необрабатываемой земли на Яве и Мадуре и по существу юридически оформил захват колонизаторами значительной части общинных земель. Закон закрепил за сельскими общинами лишь те земли, которые крестьяне-общинники обрабатывали в момент издания закона. Результатом закона 1870 г. явилось распространение монополии голландского империализма на все необрабатываемые земли, и тем самым был поставлен предел дальнейшему расширению земельной площади, находившейся в пользовании сельских общин. Сельские общины были лишены резервных земельных фондов. Земли, на которые они или частные лица не могли доказать своих прав, объявлялись «свободными» и переходили в собственность правительства Нидерландов. Колониальные власти стали сдавать эти «свободные» земли по низким ценам в аренду предпринимателям на срок до 75 лет.

⁶⁷ «Государственный социализм» — буржуазная теория, утверждающая, что контроль буржуазного государства над хозяйственной жизнью и проводимые им «социальные реформы» будто бы означают осуществление социализма. В XIX в. эта теория получила распространение в Германии.

⁶⁸ Ф. Энгельс — *K. Каутскому, 16.II.1884 г.* — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 36, стр. 96—97.

Закон 1870 г. способствовал капиталистическому развитию сельского хозяйства Явы и разложению сельской общины яванцев как производственной организации и общественной формы. Усилился процесс разорения и обезземеливания яванского крестьянства. После 1870 г. были переданы европейским плантациям не только большая часть необрабатываемой земли на Яве, но и значительная часть обрабатывающейся крестьянами земли.

Под давлением развития товарно-денежных отношений, с превращением продуктов земледелия в товар, в предмет обмена, создавался институт индивидуальной земельной собственности (право наследственного владения землей местного населения — «хак-милик»), земля становилась предметом купли и продажи. На основании закона 1870 г. голландские власти разрешили сельским общинам или частным лицам (в районах существования частного землевладения) сдавать землю в аренду иностранцам на срок до 25 лет.

К началу XX в. на Яве сложились следующие формы землевладения:

Землевладение иностранного капитала (в том числе: земельная собственность помещиков-иностранцев — «частные земли»; плантации иностранных компаний и частных лиц на условиях долгосрочной аренды — до 75 лет — у государства; плантации иностранных компаний и частных лиц на условиях краткосрочной аренды у сельских общин и отдельных крестьян).

Землевладение яванских помещиков из бывшей феодальной аристократии, а также яванских помещиков — выходцев из городской и сельской буржуазии, скупившей земельные участки.

Плантации индонезийских предпринимателей, ведущих хозяйство с применением наемного труда.

Крестьянское землевладение (в том числе: общинное землевладение с переделами или с постоянными земельными наделами яванских крестьян-общинников; частное землевладение кулаков, середняков и бедноты).

Развитие товарно-денежных отношений в яванской деревне

Роль экспортных культур

После 1870 г. в яванской деревне начали широко внедряться товарно-денежные отношения.

Процесс развития товарного хозяйства на Яве в конце XIX — начале XX в. приобрел форму односторонней специализации сельского хозяйства. Иностранный капитал содействовал развитию в Индонезии лишь тех отраслей сельского хозяйства, которые производили продукцию на экспорт. Продовольственные культуры вытеснялись экспортными, что ставило яванского крестьянина в полную зависимость от потребностей мирового рынка в том или ином продукте. Товарный характер продукции яванского сельского хозяйства имел огромное значение для судьбы сельской общины яванцев.

Ф. Энгельс писал: «Чем больше продукты общины принимают товарную форму, т. е. чем меньшая часть их производится для собственного потребления производителя и чем большая для целей обмена, чем больше обмен вытесняет также и внутри общины первоначальное, стихийно сложившееся разделение труда, — тем более неравным становится имущественное положение отдельных членов об-

щины, тем глубже подрывается старое общинное землевладение, тем быстрее община идет навстречу своему разложению, превращаясь в деревню мелких собственников-крестьян»⁶⁹.

Втягивание сельского хозяйства Индонезии в орбиту мирового рынка было характерным для процесса развития капиталистических отношений в этой стране, что характеризуется удельным весом крестьянских хозяйств Индонезии в экспорте 1898—1930 гг. (табл. 1).

Таблица 1
Сельскохозяйственный экспорт Индонезии в 1898—1930 гг.*

Год	Весь экспорт с/х продукции, млн. гульденов	Экспорт продукции плантаций		Экспорт продукции крестьянских хозяйств	
		млн. гульденов	%	млн. гульденов	%
1898	153	138	90	15	10
1913	399	301	76	98	24
1930	833	573	69	260	31

* О. Забозлаева, *Борьба держав за голландскую Индию*, — «Мировое хозяйство и мировая политика», 1940, № 6, стр. 114.

Производство экспортных культур послужило причиной быстрого развития торговли на Яве. Торговые обороты увеличивались при этом также за счет того, что районы преимущественного производства экспортных культур должны были закупать рис в соседних районах. Происходило образование и расширение внутреннего рынка.

Развитие товарного хозяйства на Яве привело к увеличению роли денег в жизни яванских крестьян, в частности к замене принудительных культур и ряда повинностей денежными налогами. Деньги стали нужны крестьянам для уплаты налогов, для покупки продовольствия, которое в связи с переходом значительной части крестьян на производство экспортных культур дорожало, для приобретения предметов первой необходимости (одежды, обуви и т. д.), для уплаты займов и процентов по ссудам, рост которых в свою очередь обусловливался проникновением денег и для откупа от различных повинностей. Система откупов стала получать все большее распространение. Она охватила не только государственные работы, но и обязательные для каждого общинника общинные работы. Любой зажиточный общинник в этих условиях мог внести в общинную кассу сумму, равную стоимости одного дня сельскохозяйственных работ, и быть освобожденным от одного дня общинных повинностей.

Развитие плантационных хозяйств

После отмены в 1870 г. государственной монополии на приложение капиталов в Индонезию широким потоком хлынули голландские частные капиталовложения. Аграрный закон 1870 г. отменил запрещение арендовать земли у местного населения для создания плантаций, и плантационные хозяйства были до начала XX в. по существу единственной сферой приложения иностранного капитала в Индонезии.

Конец XIX в. характеризовался значительным ростом товарного

⁶⁹ Ф. Энгельс, *Анти-Дюiring*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 20, стр. 165—166.

планационного хозяйства на Яве, что имело большое значение для развития производственных отношений в сельском хозяйстве острова. Принцип верховной собственности нидерландского государства на землю исключал возможность отчуждения земли в собственность иностранных частных лиц и компаний. Это привело к тому, что большая часть плантаций находилась не на собственной, а на арендованной у колониального правительства, местных феодалов или сельских общин земле. Арендная плата, впрочем, носила по существу символический характер, выражаясь обычно в мизерных ставках один-три гульдена за гектар. Частный капитал широко использовал возможность аренды земли у сельских общин. Иностранные входили в непосредственные сделки с общинной верхушкой, распоряжавшейся общинными землями, хотя формально для сдачи в аренду общинных земель требовалось согласие $\frac{2}{3}$ полноправных членов общины. Американский исследователь К. Пельцер писал: «В общинах с общинным землевладением общинные старосты имели огромную власть, злоупотребления которой были часты. В таких общинах старосте было легко сокрушить такого гоголя, который на деревенском сходе выступил бы против арендного договора с сахарной плантацией»⁷⁰.

Общинной верхушке доставались немалые барыши от таких сделок. Сдавая землю иностранным плантаторам в аренду, общинники обычно были обязаны и обрабатывать эту землю. Надо также отметить одно положение колониального законодательства, серьезно ущемлявшее в интересах плантаторов права крестьян-общинников в тех сельских общинах, где сохранялись переделы земли. По закону 1879 г. в случае передела земли в сельской общине европейские плантаторы сохраняли право на арендованные у сельской общины земли даже после того, как они переходили в результате передела к другим общинникам. Таким образом, многие общинники получали после очередного передела участки, отягощенные арендными обязательствами в отношении плантаторов. Эти общинники были обязаны выполнять все связанные с арендой обязательства, даже если вознаграждение, которое полагалось за аренду, было получено предыдущим владельцем надела.

В XX в. к работе на плантациях стали все чаще привлекать наемных рабочих. В 30-х годах XX в. на Яве уже насчитывалось до 1,5 млн. сезонных сельскохозяйственных рабочих, работавших на крупных плантациях.

В 1918 г. колонизаторы издали специальный закон, регулировавший вопросы аренды общинных земель. Срок аренды земель сава устанавливался в $3\frac{1}{2}$ года, земель тегал — 12 лет. В случае необходимости проведения дорог, строительства оросительных сооружений и т. п. срок аренды на орошающие земли продлевался до $21\frac{1}{2}$ лет, а на прочие земли — до 25 лет. Под видом защиты интересов меньшинства общинников, несогласных на сдачу земли в аренду, закон предусматривал отвод им наделов вне земли, сданной общиной в аренду плантации. Практически непокорные общинники получали худшую землю, а под плантации отводились сплошные участки лучшей земли. В этом законе также указывалось, что земли, сданные сельской общиной в аренду иностранным плантациям, должны примыкать друг к другу и находиться там, где имелось хорошее водоснабжение.

⁷⁰ K. Pelzer, *Pioneer settlement in the Asiatic tropics*, — «American geographical society», Special publication, New York, № 29, 1948, p. 173.

Плантационные хозяйства имели преимущественное право в водопросах снабжения водой. В районах, где была распространена плантационная культура сахарного тростника, а количество воды было недостаточно, иностранные плантации целиком монополизировали орошение. Общинные земли поливались лишь в ночное время, а плантации в течение дня. Ночное орошение было невыгодно для общин, так как общинники были вынуждены работать на своих полях ночью. В условиях Явы, где существует поливное земледелие, захват воды иностранными плантациями имел не меньшее значение, чем захват земли.

С одной стороны, система аренды общинной земли под плантации лишала сельские общины права распоряжаться своей землей и в этом смысле подрывала основу существования общины. С другой стороны, система аренды не вела к массовой пролетаризации яванского крестьянства и к полному отрыву его от земли, а также являлась препятствием на пути превращения основной массы общинников в независимых мелких производителей, и в этом смысле задерживала подлинное развитие капиталистических отношений в яванской деревне⁷¹.

Развитие ростовщического капитала в деревне

Значительная роль в развитии капиталистических отношений в яванском сельском хозяйстве принадлежала ростовщическому капиталу.

Появление ростовщиков в яванской деревне связано с периодом уже развитых товарно-денежных отношений, т. е. с концом XIX в. К. Маркс указывал: «Для существования ростовщического капитала необходимо, чтобы по крайней мере часть продуктов превратилась в товары и наряду с товарной торговлей получили развитие деньги в своих различных функциях»⁷².

Ростовщический капитал на Яве господствовал в сфере мелкого кредита. Мелкий сельскохозяйственный кредит имел там особое значение в связи с мелкотоварным характером сельского хозяйства яванских крестьян. Крестьяне под тяжестью налогов были вынуждены обращаться за ссудой к ростовщику под огромные проценты, под залог всего имущества. Ростовщический кредит в известной степени был условием воспроизведения средств производства в мелкотоварном хозяйстве яванских крестьян, хотя, конечно, ростовщический кредит сам по себе не мог привести к развитию капитализма в яванской деревне. Характеризуя роль ростовщического капитала в развитии капиталистических отношений в деревне, К. Маркс писал: «Здесь достаточно простого указания на промежуточные формы..., при которых прибавочный труд уже не выжимается из производителя путем прямого принуждения, но не наступило еще и его формальное подчинение капиталу. Тут капитал еще не овладел непосредственно процессом труда. Наряду с самостоятельными производителями, которые занимаются ремеслом или земледелием на основе традиционных прадедовских способов, выступает ростовщик или купец, ростовщический или торговый капитал, который, как паразит, высасывает их. Преобладание в обществе этой формы эксплуатации исключает капиталистический способ производства, хотя, с другой стороны, она может составить переходную ступень к нему...». И далее, там, где «имеются

⁷¹ Ю. В. Фельчуков, *Аграрная реформа...*, стр. 27.

⁷² К. Маркс, *Капитал, т. III*, стр. 142.

налицо остальные условия капиталистического способа производства, ростовщичество выступает как одно из средств образования нового способа производства, разоряя, с одной стороны, феодалов и мелких производителей, централизуя, с другой стороны, условия труда и превращая их в капитал»⁷³.

В роли ростовщиков выступали в первую очередь представители общинной администрации — наиболее зажиточного слоя населения яванской деревни. Важно отметить, что в условиях Явы даже небольшие накопления от торговли и других источников дохода легко могли быть использованы для ростовщических операций.

В конце XIX — начале XX в. на Яве и других островах Индонезии колониальные власти создали государственные институты мелкого кредита («деса банки», ломбардно-ссудные кассы и др.), носившие ростовщический характер и являвшиеся в руках иностранного капитала орудием колониального гнета⁷⁴.

Развитие торгового капитала

В условиях мелкого, распыленного товарного производства необходимость крупного сбыта обусловила появление с конца XIX в. на Яве огромного числа торговых посредников-скупщиков. Последние выполняли такие операции, как скупка сырья и местной продукции у крестьян, транспортировка этой продукции в города и морские порты и, наконец, закупка импортных товаров, предназначенных для продажи в деревне.

Функции скупщиков исполнялись почти исключительно иммигрантской частью населения Явы, в подавляющем большинстве китайцами⁷⁵. Разветвленная сеть скупщиков полностью отрезала непосредственных производителей-крестьян от рынков и ставила их в полную от себя зависимость. Часто скупщик выступал и в роли ростовщика и в качестве розничного торговца. Во многих случаях скупщики расплачивались за скупаемую ими продукцию импортными товарами, закупаемыми в городе, тем самым отрезая крестьянина не только от рынка сбыта производимой им продукции, но и от рынка готовых промышленных изделий.

Наряду с торговыми, а также ростовщическими операциями многие скупщики организовывали первичную обработку крестьянской продукции. Так, например, китайским торговым посредникам, скапливавшим каучук и кокосовые орехи у яванских крестьян, принадлежали небольшие предприятия по предварительной обработке этой продукции⁷⁶. Скупщики также контролировали и традиционное кустарное производство, например батика и плетеных изделий.

Разложение общинного землевладения

До 1870 г. процесс разложения сельской общины яванцев шел чрезвычайно медленно. Система экономических и политических мероприятий голландских колонизаторов законсервировала общину. Раз-

⁷³ К. Маркс, *Капитал*, т. I, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Собрание сочинений, изд. 2, т. 23, стр. 518; К. Маркс, *Капитал*, т. III, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Собрание сочинений, изд. 2, т. 25, ч. II, стр. 146.

⁷⁴ О. Куликов, *Сельскохозяйственный кредит в Индонезии*, — «Деньги и кредит», 1959, № 10, стр. 67.

⁷⁵ Н. А. Симония, *Население китайской национальности в странах Юго-Восточной Азии*, М., 1959, стр. 62.

⁷⁶ G. C. Allen, A. G. Donnithorne, *Western enterprise in Indonesia and Malaya. A study in economic development*, London, 1957, p. 247.

вление товарно-денежных отношений после 1870 г. стало основной причиной резкого ускорения разложения сельской общины яванцев. Ф. Энгельс писал: «...товарная форма и деньги проникают во внутрь хозяйственную жизнь общин... они рвут общинные связи одну за другой и разлагают общину на множество частных производителей. Сначала деньги, как это можно наблюдать в Индии, ставят на место совместной обработки земли индивидуальное возделывание ее; затем сми путем окончательного раздела пахотной земли, уничтожают общую собственность на поля, которая все еще проявлялась в повторявшихся время от времени переделах... деньги приводят, наконец, к такому же разделу остававшихся еще в общем владении лесов и выгонов. Какие бы другие причины, коренящиеся в развитии производства, ни участвовали в этом процессе, все же деньги остаются наиболее могущественным орудием их воздействия на общины»⁷⁷.

Общинная организация была обречена, так как стала тормозом на пути развития производительных сил в сельском хозяйстве Явы.

Процесс разложения сельской общины заключался в переходе общинной земли в частную собственность (в основном в руки зажиточной части общинников), в переходе единоличных хозяйств от натурального к товарному хозяйству, к замене натуральной ренты денежными налогами в пользу колонизаторов.

Надо подчеркнуть, что ликвидация общинной формы землевладения не вела автоматически к полной ликвидации сельской общины. В течение определенного исторического периода сельская община продолжала существовать как социальная организация и без общинного землевладения. Промежуточными формами землевладения между общинным землепользованием с периодическими переделами наделов и частной собственностью на землю в конкретных условиях Явы являлись последовательно: а) общинное землевладение с постоянными наделами, но меняющимися держателями наделов; б) общинное землевладение с индивидуальными наследственными земельными наделами.

Появление индивидуального наследственного владения землей в рамках общины серьезно ослабляло общинные связи, но сельская община продолжала сохранять некоторые свои права. Например, в средней и восточной Яве в начале XX в. общинники, индивидуально владевшие земельными участками, не имели права отчуждать (дарить, продавать, передавать по наследству) их лицам, не являвшимся членами данной общины⁷⁸.

Поскольку, однако, голландское аграрное законодательство 1870 г. давало юридическую основу для существования частной собственности на землю, то индивидуальное наследственное землевладение неизбежно превращалось в конце концов в полную частную собственность.

Изменение форм землевладения на Яве и Мадуре между 1882—1932 гг. показано в табл. 2, данные которой свидетельствуют о разложении общинного землевладения в этот период.

Из табл. 2 видно, что индивидуальное землевладение в течение 1882—1932 гг. неуклонно росло, составив в 1932 г. 83% всей обрабатываемой на Яве земли, а общинное землепользование сохранилось к 1932 г. лишь на 4% обрабатываемой земли. Соответственно за этот период более чем в два раза уменьшилось количество сельских общин с общинным землепользованием — с 23 627 до 11 073⁷⁹.

⁷⁷ Ф. Энгельс, *Анти-Дюоринг*, стр. 323.

⁷⁸ Ю. В. Фельчуков, *Аграрная реформа...*, стр. 7.

⁷⁹ «Statistische Jaaroverziedt», 1929, blz. 204 (цит. по кн.: А. А. Губер, *Индонезия...*, стр. 192).

Таблица 2

Эволюция форм землевладения на Яве и Мадуре между 1882—1932 гг.
(в тыс. га и в процентах ко всей обрабатываемой земле)*

Год	Индивидуальное землевладение	Общинное землевладение		Служебные земли старост	Всего
		с постоянными наделами	с периодическими переделами		
1882	1760(47%)	810(21%)	780(21%)	340(11%)	3690
1907	3150(64%)	1000(20%)	545(11%)	205(5%)	4900
1932	5459(83%)	597(9%)	297(4%)	242(4%)	6595

* D. H. Burger, *Prajudl. Sedjarah economis sosiologis Indonesia*, dj. I, Djakarta, 1957, hal. 247.

Следует, однако, иметь в виду, что сокращение числа сельских общин связано отчасти с тем, что колониальные власти в 1880—1930 гг. в целях упрощения управления и сокращения расходов на него укрупнили многие общины⁸⁰.

Укрупнение общин сопровождалось отторжением от них голландскими властями выгонов, пастищ и т. п.

Земельная площадь общин с общинным землепользованием за период 1882—1932 гг. уменьшилась относительно к общей обрабатываемой площади на Яве более чем в 6 раз, что позволяет сделать вывод, что к 1932 г. общинное землепользование сохранилось прежде всего в небольших по размерам общинах.

Процесс разложения сельской общины яванцев был несколько задержан мировым экономическим кризисом (1929—1933 гг.), вызвавшим временное возвращение к натуральным формам хозяйства. В основном, однако, к середине 30-х годов XX в. процесс разложения общинного землевладения закончился.

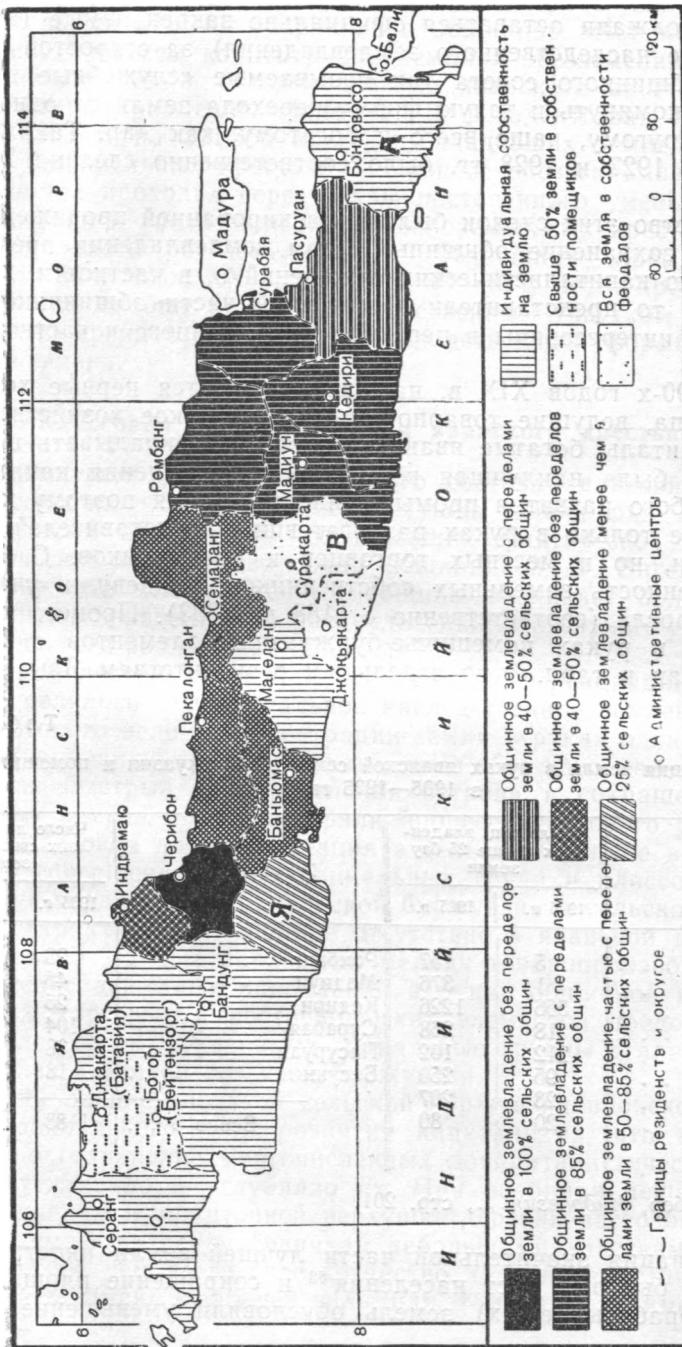
КОНЦЕНТРАЦИЯ ЗЕМЛИ В РУКАХ ОБЩИННОЙ ВЕРХУШКИ, СЕЛЬСКОЙ БУРЖУАЗИИ И ПОМЕЩИЧЬИХ ЭЛЕМЕНТОВ

Обезземеливание беднейших слоев яванского крестьянства

Важнейшими последствиями разложения сельской общины яванцев явились концентрация земли в руках эксплуататорской верхушки яванской деревни, расслоение яванского крестьянства и обезземеливание его беднейших слоев.

Процесс концентрации земли в руках общинной верхушки начался еще в условиях формального сохранения общинных форм землепользования. Зажиточные группы общинников, имевших денежные средства и готовых обратить их на покупку земли, вынуждены были, однако, довольствоваться арендой земли у более бедных общинников. Возникновение этой формы концентрации земли объяснялось тем, что общинное землевладение, хотя и разлагалось, все же затрудняло открытый переход земли от одного общинника к другому. Богатый общинник вносил арендную плату (зерном или деньгами) вперед. Со временем эта земля полностью переходила в собственность богатого крестьянина, а разорившийся бедняк сам становился у него арендатором.

⁸⁰ Рутгерс, *Капитализм в сельском хозяйстве Индонезии*, — «Колониальные проблемы», 1935, № 3—4, стр. 125.

РАЙОНЫ С РАЗЛИЧНЫМИ ФОРМАМИ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ. 1927 г.

датором-издольщиком и работал нередко на земле, которой незадолго перед этим он сам владел.

Другой формой концентрации земли в руках верхушки сельской общины продолжали оставаться официально закрепляемые (как правило, в форме наследственного землевладения) за старостой общины и членами общинного совета так называемые «служебные наделы».

Можно упомянуть и такую форму перехода земли от одного крестьянина к другому, чаще всего к богатому, как дар. Таких даров, например, за 1927 и 1928 гг. было соответственно сделано 265 тыс. и 529 тыс.⁸¹.

Большинство этих сделок было замаскированной продажей земли.

Так как сохранение общинных форм землевладения препятствовало развитию капиталистических отношений и, в частности, концентрации земли, то представители зажиточной части общинников были безусловно заинтересованы в переходе от общинного к частному землевладению.

В конце 90-х годов XIX в. на Яве появляются первые хозяйства кулацкого типа, ведущие товарно-капиталистическое хозяйство⁸².

Свои капиталы богатые яванцы стремились вкладывать в землю, так как это была наилучшая возможность помещения капиталов в условиях слабого развития промышленности. Земля поэтому концентрировалась не только в руках разбогатевших представителей общинной верхушки, но и местных торговцев и ростовщиков. С 1905 по 1925 г. численность земельных собственников, владевших участками в 25 бау, выросла (соответственно с 1188 до 3333). Процесс концентрации земли в руках помещичье-буржуазных элементов с 1905 по 1925 г. показан в табл. 3 по отдельным резидентствам Явы.

Таблица 3

Концентрация земли в руках яванской сельской буржуазии и помещиков в 1905—1925 гг.*

Резидентства	Число лиц, владевших свыше 25 бау земли		Резидентства	Число лиц, владевших свыше 25 бау земли	
	1905 г.	1925 г.		1905 г.	1925 г.
Бантам	5	157	Рембанг	23	43
Батавия	1	376	Мадиун	45	78
Преанггер	556	1226	Кедири	25	107
Чиребон	18	268	Сурабая	104	79
Пекалонган	212	102	Пасуруан	38	137
Семаранг	95	250	Бесуки	18	223
Баньюмас	28	207			
Кеду	20	80	Всего	1188	3333

* А. А. Губер, *Индонезия...*, стр. 201.

Экспроприация значительной части лучшей земли иностранными монополиями, быстрый рост населения⁸³ и сокращение площади свободных (необрабатываемых) земель обусловили уменьшение кресть-

⁸¹ А. А. Губер, *Классовое расслоение крестьянства в Индонезии*, — «Революционный Восток», № 9—10, стр. 114—115.

⁸² А. А. Губер, *Индонезия...*, стр. 186.

⁸³ Рост населения Явы за последнее столетие: 1860 г. — 12 669 тыс. человек; 1900 г. — 28 386 тыс.; 1930 г. — 40 981 тыс., 1961 г. — 62 700 тыс. человек.

янских наделов. С 1882 по 1938 г. средний надел крестьянской семьи в 5 человек уменьшился соответственно с 0,93 до 0,8 га. Наибольшей раздробленности земельные участки достигали в Центральной Яве, где в большей степени сохранялось общинное землевладение, задерживавшее процессы концентрации земли и обезземеливания.

С начала XX в. обезземеливание яванского крестьянства достигает огромных размеров. Например, в резидентствах Восточной Явы уже в 1903 г. на 331 556 крестьян, владевших землей, приходилось 145 270 безземельных крестьян⁸⁴. Процесс обезземеливания яванского крестьянства проходил через этапы постепенного уменьшения земельных участков и увеличения числа малоземельных крестьян, а в дальнейшем полного обезземеливания беднейших слоев крестьянства. К началу 30-х годов XX в. не менее 30—40% всего крестьянского населения Явы вообще не владело собственным участком земли и было вынуждено арендовать землю⁸⁵. Господствующей формой аренды была издольщина.

Классовая дифференциация яванского крестьянства

Предыдущий анализ социального состава яванской сельской общины показал, что общинная верхушка имела ряд социальных и материальных привилегий, создававших фактическое социальное и экономическое неравенство среди общинников. Ф. Энгельс указывал: «...там же, где между членами общины возникает более или менее значительное неравенство в распределении, это служит уже признаком начинаящегося разложения общины»⁸⁶.

Экономической основой классовой дифференциации в сельской общине являлось индивидуальное наследственное землевладение, развитие которого вело к концентрации земли в руках одних общинников и обезземеливанию других, к ослаблению общинных связей. Такие факторы, как быстрый рост населения острова и сокращение площади свободных земель, также ускоряли процесс классового расслоения на Яве⁸⁷. Классовая дифференциация в сельской общине вела к возникновению совершенно новых социальных групп и классов в яванской деревне, в первую очередь сельской буржуазии и сельскохозяйственно-го пролетариата. Почти полное отсутствие в яванской деревне конца XIX — начала XX в. независимых мелких товаропроизводителей и сосредоточение денежных накоплений в руках общинной верхушки, помещичьих, торговых и ростовщических элементов предопределило то обстоятельство, что указанные социальные группы стали ядром нарождающейся яванской сельской буржуазии.

Формирование яванской сельской буржуазии происходило в условиях колониального пути развития капитализма, что не только не исключало сохранение многочисленных докапиталистических пережитков, но усиливало и углубляло их. При изобилии дешевых рабочих рук помещикам и зажиточной верхушке деревни часто было выгоднее сдавать землю в аренду беднякам небольшими участками на кабальных условиях, чем вести свое хозяйство на капиталистической основе и прибегать к найму рабочей силы или, тем более, применять машин-

⁸⁴ Hasselman, *Algemeen overzicht van de uitkomsten van het welvaart-onderzoek*, 1914, App. S. (цит. по: K. Pelzer, *Pioneer settlement...*, p. 256).

⁸⁵ А. А. Губер, *Аграрный вопрос в Индонезии*, — сб. «Аграрный вопрос на Востоке», М., 1933, стр. 148.

⁸⁶ Ф. Энгельс, *Анти-Дюинг*, стр. 151.

⁸⁷ Ю. В. Фельчуков, *Аграрная реформа...*, стр. 8.

ную технику. Поэтому яванская сельская буржуазия, переходя на своих землях к ведению хозяйства на основе наемного труда, применяла также такие феодальные методы эксплуатации, как сдача земли крестьянам на основе издольщины, отработок и т. д.

Основные социальные группы, образовавшиеся в яванской деревне к началу XX в., могут быть определены исходя из размеров землевладения. В. И. Ленин писал в своей работе «Капиталистический строй современного земледелия»: «Земля есть, несомненно, главное средство производства в сельском хозяйстве; по количеству земли всего вернее можно судить поэтому о размерах хозяйства, а следовательно, и о типе его, т. е., например, о том, идет ли речь о мелком, среднем, крупном капиталистическом или не употребляющем наемного труда хозяйстве»⁸⁸.

Размеры землевладения характеризуют четыре основные группы хозяйств в яванской деревне в начале XX в. и соответственно четыре социальные группы: 1) крестьянские хозяйства бедняков (до 1 бау орошающей земли сава или 2 бау неорошающей земли тегал); наличие у крестьянской семьи (в среднем 5 человек) участка менее бау орошающей земли или 2 бау неорошающей земли не только не обеспечивало в условиях Явы расширенного воспроизводства, но продукция, производимая в таком крестьянском хозяйстве, не могла даже покрыть расходов по уплате налогов и на содержание семьи без обращения к ростовщикским ссудам и кабальной аренде; 2) крестьянские хозяйства середняков (1—2 бау орошающей земли); 3) хозяйства зажиточных крестьян-кулаков (2—5 бау орошающей земли); 4) хозяйства помещиков (свыше 5 бау орошающей земли). В условиях Явы землевладение свыше 5 бау позволяет землевладельцу жить на локапиталистическую ренту.

Удельный вес этих четырех социальных групп (по землевладению) в яванской деревне начала XX в. показан в табл. 4.

Таблица 4
Социальные группы яванской деревни (по землевладению) в начале XX в.*

Группа хозяйств	Общинное землевладение с переделами		Индивидуальное землевладение и землевладение общин с постоянными наделами	
	удельный вес социальной группы к общему числу землевладельцев, %	земля в руках социальной группы, %	удельный вес социальной группы к общему числу землевладельцев, %	земля в руках социальной группы, %
Бедняцкие	78,8	54,3	70,5	32,5
Середняцкие	18,9	36,2	18,5	25,5
Зажиточные (кулацкие)	2,0	7,9	7,2	19,2
Помещичьи	0,3	1,6	3,8	22,8

* Ю. А. Сотников, *Колониализм и индонезийская деревня* (рукопись).

Показателем расслоения яванского крестьянства являлось также количество рогатого скота в хозяйстве крестьян.

В начале XX в. из общего числа семей на Яве 7% владело одним

⁸⁸ В. И. Ленин, *Капиталистический строй современного земледелия*, — Полное собрание сочинений, т. 19, стр. 327.

быком или буйволом, 10,4 % владело двумя, 11,6 % имело свыше 2 голов скота. Остальные 71 % вообще не имели рогатого скота⁸⁹.

Пятой социальной группой в яванской деревне начала XX в. были безземельные крестьяне «менумпанг». Безземельные крестьяне арендовали землю на издольных началах. Часть их попадала в положение полукрепостных, обрабатывавших помещика за участок для застройки или даже только за пищу и одежду. В большинстве случаев эти крестьяне не имели даже собственного жилья и жили в домах своих хозяев.

Невыносимо тяжелые условия жизни побуждали многих крестьян покидать деревни, наниматься в качестве сезонных или поденных рабочих на плантации или уходить в города. Постоянный отлив сельского населения в города привел к быстрому росту численности городского населения Явы в XX в.

* * *

Перед второй мировой войной процессы классовой дифференциации яванского крестьянства и концентрации земли в руках крупных землевладельцев еще более усилились. Если в начале XX в. число бедняцких хозяйств на Яве по районам колебалось от 70,5 до 78,8 %, то к 1940 г. оно достигло 95 %, т. е. подавляющее большинство сельскохозяйственного населения Явы было отброшено на положение пауперов. В шесть-семь раз сократилось число середняцких хозяйств⁹⁰. В результате обострился классовый антагонизм, вызванный ростом имущественного и социального неравенства.

СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА ЯВАНЦЕВ ПОСЛЕ ЗАВОЕВАНИЯ ИНДОНЕЗИЕЙ НЕЗАВИСИМОСТИ В 1945 г.

Проблема аграрной реформы в Индонезии

Победа национально-освободительной антиимпериалистической революции привела к образованию 17 августа 1945 г. Республики Индонезии. Однако, несмотря на ликвидацию колониального режима и развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Явы, колониальные и полufeодальные черты в значительной степени еще присущи аграрному строю современной Явы. Яванские крестьяне достигли некоторых успехов социального характера, но их экономическое положение после завоевания независимости изменилось мало. Дальнейшее сохранение докапиталистических производственных отношений в яванской деревне препятствует развитию производительных сил. Примитивная агротехника, низкая производительность труда, малая заинтересованность крестьян в результатах своего труда обусловливают снижение уровня сельскохозяйственного производства. Индонезия переживает продовольственные затруднения.

Наблюдается дальнейшее обезземеливание крестьянства. Если по переписи 1930 г. крестьянская семья имела в среднем участок около 0,8 га, то к 1954 г. средний участок сократился до 0,3—0,6 га орошаемой земли или 0,5 га неорошаемой земли⁹¹.

⁸⁹ А. А. Губер, *Индонезия...*, стр. 149.

⁹⁰ Nathan Keyfitz, Widjojo Nitisastro, *Soal penduduk dan pembangunan Indone-sia*, Djakarta, 1955, hal. 92 (цит. по: Ю. А. Сотников, *О колониальном наследии в аграрном строе Индонезии*, — «Советское востоковедение», 1958, № 4, стр. 76).

⁹¹ «Almanak Pertanian», 1954, hal. 37.

Наиболее важной в комплексе проблем, стоящих сейчас перед страной, является аграрная реформа. В январе 1960 г. индонезийским правительством был принят закон «О разделе урожая», имеющий важное значение для развития аграрных отношений в стране. По этому закону арендные отношения должны заключаться на срок не менее трех сельскохозяйственных сезонов для орошаемых земель и не менее пяти сезонов для неорошаемых земель, что укрепляет правовое положение арендаторов. Закон предусматривает, что раздел урожая между землевладельцем и арендатором должен производиться после определения чистого дохода крестьянина и возмещения расходов на семена, удобрения, тягловую силу и т. п. Закон гарантирует получение арендатором не менее 50% чистого дохода с произведенной продукции на орошаемом участке и до $\frac{2}{3}$ урожая с неорошаемых участков, что является существенным шагом вперед в ограничении феодальной эксплуатации.

24 сентября 1960 г. был одобрен парламентом и утвержден президентом Сукарно основной аграрный закон № 5. Этот закон отменил все положения аграрного законодательства Нидерландской Индии. Он аннулировал все права и привилегии иностранцев на землю. В преамбуле закона указывалось, что основной аграрный закон основывается на тех положениях обычного права (адата), которые содержат в себе принципы взаимопомощи. Закон заменил верховную собственность государства на землю правом верховной власти государства на нее. Закон признал (§ 3) право «хак-уляят», но только там, где это право сохранилось. Таким образом, закон не стимулирует возрождения общинных институтов. Закон признал право частной собственности на землю — «хак-милик». В законе, однако, подчеркивается ограниченный характер частной земельной собственности в Индонезии, вытекающей из Конституции страны 1945 г., провозгласившей верховную власть государства на землю и дающей право государству при определенных условиях брать землю под свой непосредственный контроль. Закон предусматривает минимальный (2 га) и максимальный (20 га) размер землевладения на одну семью. Излишки земли должны быть отобраны у помещиков и разделены между безземельными крестьянами. В законе подчеркивается необходимость развития кооперативных и других форм организации производственной деятельности на коллективной основе, но с условием сохранения частной собственности на земельные участки в рамках кооператива. В общем закон в значительной степени ограничивает эксплуатацию крестьянства, хотя и не уничтожает феодальной, а тем более капиталистической форм собственности на землю.

Проведение этой реформы в жизнь, однако, наталкивается на упорное сопротивление помещиков и определенных буржуазных кругов.

Пережитки сельской общины в аграрном строе современной Явы

В настоящее время большинство сельских общин на Яве существует лишь как территориально-административные единицы. Консервацию понятия «деса — сельская община» как традиционной формы территориальной организации сельского населения Явы можно рассматривать как своеобразный пережиток общинных отношений.

В небольшом числе сельских общин сохраняется коллективное право всех членов общины на пользование землей «хак-уляят». Так, по сообщению газеты «Суара Ракъят», в 1960 г. в деревне Суменгко (район Моджокерто, Ява) орошаемый земельный участок одного кре-

стянина, находившегося в тюремном заключении, передали другому лицу, которое, согласно адату, имело право его получить, причем после освобождения первого владельца земля не была возвращена ему⁹².

Из-за отсутствия статистических данных о числе сельских общин на Яве, в которых еще сохраняется общинное землепользование, можно говорить лишь о факте существования в настоящее время таких общин.

После образования независимой Индонезии были возрождены некоторые общинные формы деревенского самоуправления. В 1945—1948 гг. в деревнях Явы действовали новые демократические органы власти⁹³. Проводился в жизнь принцип выборности старост деревень (общин) и деревенских советов народных представителей. Совет народных представителей состоял не более чем из 30 членов, избираемых общим собранием из жителей деревни, достигших 18 лет, в том числе и женщин. Председатель деревенского собрания, избираемый на год, имел право войти в состав совета народных представителей. Его жалованье ограничивалось оплатой тех дней, когда он принимал участие в заседаниях совета. Исполнительную власть имело коллегиальное правление, состоявшее из старосты и его помощников, выполнявших решения совета народных представителей. Староста избирался на три года и мог быть переизбран только с согласия деревенского собрания.

Претерпел изменения также состав деревенской администрации. Писарь был заменен администратором, который выполнял более широкий круг обязанностей. Вместо заместителя старосты появился чиновник, занимавшийся вопросами образования и здравоохранения. У старосты были отобраны функции, связанные с орошением земли, и переданы специальному чиновнику. Если раньше все деревенские должностные лица действовали только по указанию старосты, то новые получили право действовать самостоятельно и стали ответственны только перед советом народных представителей. «Служебные» земельные участки старост были значительно сокращены.

В сентябре 1948 г. так называемая инструкция Сукимана (министра внутренних дел в правительстве Хатта) приостановила действие этих демократических положений о деревенском самоуправлении. Органы деревенского самоуправления были превращены в низшее звено государственно-административного аппарата. В последующие годы демократические организации неоднократно ставили вопрос о восстановлении деревенского самоуправления⁹⁴. В этой борьбе за демократизацию деревенского управления явно проявляется старая общинная традиция. Наиболее живучим пережитком общинных отношений является крестьянская взаимопомощь и совместный труд на полях. В старые формы общинной взаимопомощи вливается новое содержание, и старинная традиция яванских крестьян «готонг-ройонг» получает новое распространение (готонг — нести, ройонг — совместно, готонг-ройонг — делать что-либо совместно)⁹⁵.

Крестьяне, участвующие в движении готонг-ройонг, не объединяют свои участки, однако работают на них бригадами, переходя с поля на поле. Производственное сотрудничество начинается в пе-

⁹² «Suara Rakjat», 18.X.1960 (цит. по кн.: Ю. В. Фельчуков, *Аграрная реформа...* стр. 8).

⁹³ Ю. В. Фельчуков, *Аграрная реформа...*, стр. 26.

⁹⁴ Л. Я. Дадиани, *Государственный строй Индонезии*, М., 1957, стр. 65.

⁹⁵ Н. Поздняков, «Готонг-ройонг» — древняя традиция народа, — «Современный Восток», 1958, № 12, стр. 39; «Gotong-Rojong», — «Indonesia», 1958, № 47, р. 28.

риод высаживания рисовой рассады на поливные поля и продолжается вплоть до уборки урожая. Совместный труд в рамках готонг-районг применяется в борьбе с наводнениями, при постройке и ремонте дорог и т. п. Движение готонг-районг пользуется поддержкой БТИ⁹⁶. Создаются организации готонг-районг, регулярно проводящие собрания крестьян, на которых обсуждаются важные вопросы жизни деревни.

Существование в настоящее время отдельных сельских общин на Яве с общинным землепользованием и некоторыми пережитками общинных отношений не может, однако, изменить того общего вывода, что процесс разложения сельской общины яванцев фактически уже закончился.

---

⁹⁶ БТИ — «Барисан Тани Индонесиа» (Индонезийский крестьянский союз) — массовая организация индонезийских крестьян, созданная 25 ноября 1945 г. В марте 1964 г. БТИ насчитывал более 7 млн. членов. Целью БТИ является ликвидация феодализма, раздел помещичьих земель между беднейшим и безземельным крестьянством.

В. А. Ранов, Л. Ф. Сидоров

РАЗВИТИЕ ПРИРОДЫ ПАМИРА КАК СРЕДЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Археологические работы двух последних десятилетий привели к открытию серии ярких и своеобразных памятников различных эпох древней истории Памира. Эти исследования не только вскрыли основные этапы заселения памирского нагорья, но и затронули ряд проблем истории природы Памира как среды существования человеческого общества. Причем вопрос о том, в каких природных условиях мог здесь в прошлом существовать человек, является одним из кардинальных вопросов, в равной степени глубоко волнующих как археологов, так и палеогеографов и вообще всех исследователей природы Передней, Средней и Центральной Азии. Одновременно результаты геологических, ботанических и зоологических исследований позволяют дать более детальную, чем это было ранее, картину развития природы Памира в позднечетвертичное время.

Для правильного объяснения новых фактов необходимо оценить с соответствующими позиций некоторые особенности современной природы Памира.

Памирское нагорье — полупустынная и пустынная область. Оно расположено в субтропических широтах выше верхней границы леса и является одним из самых суровых аридных высокогорий в нашей стране¹ и на Земле. Об этом можно судить по данным, приводимым, например, в работах Г. В. Ковалевского² о природе высокогорий земного шара, в частности Тибета, ближайший аналог которого или даже его часть представляет собой Памир³.

Своеобразно положение данной области в Высокой Азии и на континенте. Это крайняя западная часть аридных высоких нагорий Центральной Азии, отделенная от Тибета грандиозным орографическим и тектоническим узлом массивов Хиспар и Чогори, находящих-

¹ К. В. Станюкович, *Растительность высокогорий СССР*, Душанбе, 1960.

² Г. В. Ковалевский, *Географические особенности в распределении верхних границ земледелия на земном шаре*, — «Сборник памяти акад. В. Н. Любименко», Киев, 1938; Г. В. Ковалевский, *Вертикальные земледельческие зоны и верхние границы сельскохозяйственных растений в горах земного шара*, — «Известия Всесоюзного географического общества», т. 66, 1938, вып. 4.

³ М. А. Мензбир, *Зоологические участки Туркестанского края и вероятное происхождение фауны последнего*, М., 1914; М. Г. Попов, *О применении ботанико-географического метода в систематике растений*, — «Проблемы ботаники», М.—Л., т. I, 1950; В. М. Четыркин, *Средняя Азия*, М.—Л., 1958, и другие исследования.

ся в месте сочленения горных систем Кунылуня, Каракорума и Гиндукуша. Памир расположен между самобытными во всех отношениях физико-географическими странами — Передней, Средней, Центральной Азией и Индией.

Для обобщенной характеристики рельефа Памира наиболее применимо понятие «нагорье»⁴. Сглаженность склонов относительно не-высоких гор при огромных абсолютных высотах территории постоянно отмечалась исследователями как самая яркая его отличительная черта⁵. С. И. Клунников⁶ считал главными элементами ландшафтов Памира межгорные пролювиально-аллювиальные равнины. Уровни их колеблются от 3600 до 4300 м абсолютной высоты. Над ними полого возвышаются на 500—600 м хребты, и только отдельные горные узлы приподняты выше. Гребни обрамляющих памирское нагорье хребтов имеют значительно большие отметки, нередко порядка 6—7 тыс. м.

Наиболее характерная черта климата Памира — чрезвычайно резко выраженная континентальность⁷. Годовые амплитуды температуры воздуха достигают 73°, а на поверхности почвы — 102,5°⁸. Абсолютный минимум в январе для Мургаба — 47°, для Каракуля — 50°. Безморозный период в Мургабе на абсолютной высоте 3592 м около 60 дней, в Каракуле на уровне 3930 м он отсутствует. Средние годовые температуры повсюду отрицательны. Среднее годовое количество осадков для обеих метеостанций соответственно — 73,5 и 62,8 мм. Максимум их выпадений приходится на весенне-летний период⁹. Поэтому зима малоснежна или бесснежна, а ничтожное количество выпадающей влаги почти не избавляет от летней засухи. Воздушные массы проникают на Памир извне эпизодически и сильно иссушеными. Здесь они в короткий срок окончательно трансформируются. Большую климатообразующую роль играет местная горно-долинная циркуляция. Ветры летом во второй половине дня нередко достигают большой силы.

В растительном покрове высокогорий Памира господствуют ксерофиты: в альпийской ступени — подушковидные, в субальпийской — полукустарничковые. Низкотравные луга представляют собой небольшие вкрапления в общий фон разреженной полупустынной растительности. Древесная растительность отсутствует. Кустарники встречаются изредка по окраинам нагорья¹⁰.

⁴ Л. С. Берг, *О значении термина «нагорье»*, — «Землеведение», т. 22, 1915, вып. 3; С. С. Коржуев, Д. А. Тимофеев, *О геоморфологической терминологии*, — «Вопросы географии», сб. 46, М., 1959.

⁵ Д. Л. Иванов, *Что называть Памиром?*, — «Известия Русского географического общества», т. 21, 1885, вып. 2; Д. В. Наливкин, *Обзор геологии Памира и Бадахшана*, — «Труды Всесоюзного геологоразведывательного управления», Л., т. II, 1932, вып. 182; Д. Л. Иванов, *Памир — крыша мира*, М., 1948; К. К. Марков, *Геоморфологический очерк Памира*, — «Труды Института физической географии», М.—Л., вып. 17, 1935, № 1 и мн. др.

⁶ С. И. Клунников, *Геоморфологическая характеристика Памира*, — «Тезисы доклада на конференции по сельскохозяйственному освоению Памира», Л., 1936, стр. 2.

⁷ Н. Н. Иванов, *Пояса континентальности земного шара*, — «Известия Всесоюзного географического общества», т. 91, 1959, вып. 5.

⁸ И. А. Райкова, *Климат и растительность Памира*, — «Тезисы конференции по сельскохозяйственному освоению Памира», Л., 1936; *Улучшение пастбищ Восточного Памира*, — «Известия Таджикского филиала АН СССР», № 8, 1944.

⁹ «Агроклиматический справочник по Таджикской ССР», Л., 1959.

¹⁰ И. А. Райкова, *Климат и растительность Памира*; К. В. Станюкович, *Растительный покров Восточного Памира*, М., 1949; Л. Ф. Сидоров, *Луга Памира* (автореф. дисс.), Л., 1960; В. К. Луканенкова и Л. Ф. Сидоров, *О наивысших пределах произрастания кустарников в горах СССР*, — «Ботанический журнал», т. 46, 1961, № 2 и др.

В почвенном покрове нагорья преобладают сероземовидные примитивные почвы¹¹.

Фауна Памира имеет ряд особенностей, сближающих ее с животным миром нагорий Центральной Азии. Крупнейшие исследователи относили нагорье к западнотибетскому фаунистическому округу¹².

Завершая обзор географических особенностей Памира, необходимо подчеркнуть, что современные природные условия нагорья слишком суровы для обитания первобытных людей. Недаром один из лучших знатоков археологии Средней Азии А. Н. Бернштам, являющийся первооткрывателем исторических памятников этой области, высказал мнение о невозможности освоения ее человеком ранее, чем началось использование вычных животных¹³.

Однако в 1956 г. одним из соавторов были найдены орудия каменного века в самой безжизненной части нагорья, в долине реки Маркансу, именуемой местными жителями также «долиной смерчей» или «долиной смерти». Полученная небольшая коллекция подъемного материала в последующие годы была значительно умножена. Весьма существенно при этом обнаружение охотничьих стоянок людей каменного века¹⁴.

В различных районах Тибета, подобием или частью которого в природном отношении является Памир, также известны теперь стоянки каменного века¹⁵. В плане расширения круга исторических аналогий между этими двумя высокогорьями приведем высказывание Ю. Н. Рериха. «Известно, что в неприступных тибетских горах время от времени укрывались различные племена и даже народы Центральной Азии, бежавшие сюда от тех или иных политических событий, происходивших во внутренней Азии»¹⁶. На Памире тоже в свою очередь имеются следы различных культур и крупных караванных магистралей древности. Очевидно, нагорье в отдельные периоды прошлого находилось в сфере довольно интенсивного взаимодействия между народами Передней, Средней, Центральной Азии и Индии¹⁷, что

¹¹ И. Н. Антипов-Каратаев, *Выветривание и почвообразование на Восточном Памире*, — «Труды АН ТаджССР», Душанбе, т. I, 1951; В. Я. Кутеминский, *О почвах Памира*, — «Известия отделения сельскохозяйственной и биологической наук АН ТаджССР», 1960, № 1 (2) и др.

¹² Н. А. Северцов, *Заметки о фауне позвоночных Памира*, — «Записки Туркестанского отделения общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», т. I, 1879, вып. I; М. А. Мензбир, *Зоологические участки Туркестанского края*...; Д. Н. Каширков, *Животный мир Таджикистана*, — сб. «Таджикистан», Ташкент, 1925 и др.

¹³ А. Н. Бернштам, *Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая*, — «Материалы Института археологии», М., № 26, 1952, стр. 275; Саки Памира, — «Вестник древней истории», 1956, № 1, стр. 133.

¹⁴ В. А. Ранов, *Каменный век Таджикистана*, Душанбе, 1963.

¹⁵ Chiu Chung-lang, *Discovery of paleoliths on the Tibet-Tsinghai plateau*, — «Verhandlungen der Paläasitica», 1958, № 2—3, pp. 162—163; Ю. Н. Рерих, *Кочевые племена Тибета*, — сб. «Страны и народы Востока», вып. II, М., 1961, стр. 7 и др.

¹⁶ Ю. Н. Рерих, *Кочевые племена Тибета*, стр. 7.

¹⁷ Н. А. Аристов, *Этнические отношения на Памире и в прилегающих странах по древним, преимущественно китайским, историческим известиям*, — «Русский антропологический журнал», 1900, № 3; А. Н. Бернштам, *Историко-археологические очерки...*, А. Н. Мандельштам, *Материалы по историко-географическому обзору Памира и припамирских областей*, — «Труды АН ТаджССР», т. 53, 1957; Б. А. Литвинский, *Археологические исследования на Восточном Памире и проблема связей между Центральной Азией, Китаем и Индией в древности*, — «XXV Международный конгресс востоковедов», М., 1960; Б. А. Литвинский, *Раскопки могильников на Восточном Памире в 1959 г.*, — «Труды Института истории АН ТаджССР», т. 31, 1961; А. Н. Зелинский, *Древние пути Памира*, — сб. «Страны и народы Востока», вып. III, М., 1963 и др.

во многом обусловлено его географическим положением и природными особенностями.

Интерес к внутренней Азии в среде специалистов, занимающихся вопросами антропогенеза и изучения каменного века Евразии¹⁸, возник давно. Он связан прежде всего с хорошо известной центрально-азиатской гипотезой происхождения человека. В ее основе лежит представление о том, что «очеловечивание» соответствующего вида антропоидной обезьяны могло произойти только в связи с резким изменением природных условий, в которых ей приходилось существовать, и прежде всего с «дефорестацией», т. е. с исчезновением тропических лесов — основной среды ее обитания. Такой процесс можно объяснить быстрым подъемом области, в которой обитали антропоиды. Такой областью являются Гималаи и Тибет, испытавшие за неоген-четвертичное время вздымание огромного размаха, так как здесь сивглиksкие миогеновые антропоиды, особенно рамапитек, могли в дальнейшем развиться в ранние формы человека. Памятники каменного века Высокой Азии не могут пока помочь разрешению поставленных вопросов: они относятся к слишком поздним этапам этого периода, но их исследование — первый шаг, который позволит в дальнейшем ознакомиться с более далеким прошлым этой удивительной страны.

Прежде чем перейти к описанию памирских стоянок, следует кратко остановиться на тех данных, которые известны для других областей Высокой Азии. Это даст возможность более четко представить место памирских памятников среди аналогичных материалов из указанных областей и их значение для изучения этапов освоения высокогорной Азии в целом. При этом авторы не ставят перед собой задачи сравнительного анализа каменного инвентаря и сопровождающего его материала в различных памятниках. В данном случае нас интересует другое — максимальные верхние пределы распространения стоянок первобытного человека.

Знакомство с исследованиями по каменному веку, которые были проведены в разные годы, показывает, что, за исключением Памира, все другие работы в высокогорьях Азии не выходили за рамки случайных находок или беглого обследования небольших стоянок. Они начинаются в 30-х годах нашего столетия разведками в горных районах западной части провинции Сычуань и на востоке Сикана и связаны с именами Д. Андерсона, Г. Буля, А. Гейма, Д. Грэхэма, Д. Эдгара¹⁹.

К сожалению, в этих работах отсутствует сколько-нибудь подробное и четкое описание и подразделение материала. Наиболее обширной является сводка Чен Те-Куна, добросовестно описавшего весь материал по каменному веку Сычуани²⁰. Однако и здесь коллекции описаны суммарно, без детального подразделения по пунктам.

¹⁸ Следующие разделы настоящей статьи, посвященные вопросам изучения памятников каменного века Высокой Азии в целом и Памира в частности, а также выяснению культурных связей и местам памирских стоянок среди окружающих областей, написаны В. А. Рановым.

¹⁹ Основные публикации: G. T. Bowles, *A preliminary report of archaeological investigations on the Sino-Tibetan border of Szechwan*, — «Bulletin of the Geological society of China», vol. 13, 1933, № 1; J. H. Edgar, *Prehistoric remains in Hsikang or Eastern Tibet*, — «Journal West China border research society», vol. 6, 1933—1934; D. C. Graham, *Implements of prehistoric man in West China Union University Museum of archaeology*, — «Journal of the West China border research society», vol. 7, 1935; J. G. Andersson, *Topographical and archaeological studies in the Far East*, — «Bulletin the Museum of Far Eastern antiquities», Stockholm, № 11, 1939.

²⁰ Chêng Tê-Kun, *Archaeological studies in Szechwan*, Cambridge, 1957.

На запад от района находок каменных орудий (у западных пределов провинции Сычуань) располагаются травянистые степи (Grassland), представляющие собой часть тибетского плато, а на восток — плодородные плато Чжэнду. Сквозь горные поднятия этого района средняя высота которых выше 3 тыс. м над уровнем океана, прорываются реки Ялунцзян и Тао-ту с их притоками. Они прорезали узкие долины, которые можно подразделить на два типа: сухие галечниковые долины и долины, поросшие лесом. Последние обычно ведут к перевалам, а леса в них ближе к водоразделам сменяются высокогорными лугами. Земледелие в настоящее время развивается в этой области в основном в долинах. Они были заселены и раньше, о чем свидетельствуют археологические находки, особенно обильные в степном поясе, где они отмечаются на абсолютной высоте выше 3600 м, а также в скальных убежищах на уровнях от 1800 до 3600 м.

Для нас наибольший интерес представляют находки в долине р. Ялунцзян, левого притока Янцзы. Ниже приводится краткое описание пунктов с находками каменного века, в основном по сводке Чен-Те-Куна.

1. K'ang-Ting²¹. На междуречье рек Ялунцзян и Тао-ту Д. Эдгар описал 5 стоянок²²: *Jü-Lung Shih*. Расположена вблизи южной караванной дороги из K'ang-ting в Ri Mo Chong на высоте 4390 или 4420 м над уровнем океана. Каменные орудия со следами преднамеренной обработки (material showizy intelligent purpose)²³ собраны на речной террасе, преимущественно в оврагах, рассекающих ее; *A-Te*. Среди небольшой коллекции отмечены дисковидные скребки, укороченные топорики-тесла, маленькие скребки и жатвенный нож; *Cho-lung*. Д. Эдгар нашел каменные орудия на абсолютной высоте около 4530 м²⁴ у небольшого перевала. Долина — ледникового происхождения, но пока, по мнению этого автора, трудно ответить на вопрос, когда жил «дикий» человек — перед оледенением, в течение него или после него. Он полагает, что здесь, как и на некоторых других стоянках этой области, каменные орудия могли быть погребены в террасовых отложениях, а затем вновь были вымыты водой или появились на дневную поверхность в результате прокладки новых троп²⁵. Д. Грэхэм, изучивший эту коллекцию, выделяет из собранных здесь орудий 60 маленьких и 10 крупных²⁶. Среди орудий — ручное рубило, топоры, наконечники копий, прорвотки и другие изделия. *Jing-Kuan-Chai*. Расположен на слиянии двух долин у дороги из K'ang-Ting на Li-t'ang. Несмотря на то что ничего здесь не было найдено и основная часть орудий вынута из стен современных построек, Д. Эдгар считает, что все они принадлежат каменному веку. Среди собранного инвентаря имеются ручное рубило ашельского облика, топоры и галечные скребла; *T'ai-hing*. Д. Грэхэм нашел у этого местечка два оббитых топора, из которых один сделан из метеорита.

2. Долина Тао-ти, которая продолжается на северо-запад до поселка Lu-ho, является наиболее богатым районом распространения предысторических памятников в восточном Сикане. Основные работы проведены Г. Булем и Д. Андерсоном. Д. Андерсон собрал и кратко-

²¹ Ниже сохраняется английская транскрипция китайских названий согласно работе Чен Те-Куна.

²² J. H. Edgar, *Prehistoric remains...*, pp. 57—89.

²³ Ibid., pp. 57—59.

²⁴ Ibid., p. 58.

²⁵ Ibid., p. 57.

²⁶ D. C. Graham, *Implements of prehistoric man...*, p. 53.

описал керамику, полученную в значительной части из лессовых террас района Rotsung-Cholöpa, которые сопоставляются этим автором с верхнеплейстоценовой маланской террасой Китая. Абсолютная высота 3—3,5 тыс. м. Из семнадцати пунктов только в двух случаях стоянки не связаны с главной террасой Tao-tu — в одном случае находки встречены на более высоком уровне, а в другом — ниже, почти у самой воды. Находки Г. Буля связаны также в основном с лессовыми террасами восточной части долины Tao-tu. Наиболее важными являются стоянки Güi и Chachie. В первой собран значительный материал, а во второй коллекция отличается хорошо обработанными орудиями. Среди изделий, связанных с лессовыми стоянками, Г. Буль описывает острия, скребла, большие галечные скребла, провертки, комбинированные орудия, отщепы.

Интересно отметить, что в долине Tao-tu не было найдено полированных орудий. Чен Те-Кун подчеркивает, что подобные изделия не появляются так высоко, поскольку верхняя граница их распространения не поднимается выше 2100 м²⁷.

В целом Г. Буль разделяет изделия, собранные на западе Сычуани и востоке Сикана, на две группы. Первая — это пункты, связанные с лессовыми террасами или встреченные в непосредственной к ним близости. Другая включает коллекции, собранные вне лессовых отложений. Автор отмечает основные различия между этими двумя типами стоянок, которые сводятся к различию материала, характера обработки, связи с керамикой, и отмечает, не приводя, правда, достаточных оснований, что, по его мнению, орудия из лессовых стоянок принадлежат к инвентарю, связанному с домашним хозяйством, тогда как в коллекциях, собранных вне их, преобладают орудия, которые могут (в отдельных случаях) рассматриваться как орудия сельскохозяйственного назначения²⁸.

Изучение данных, приводимых Чен Те-Куном²⁹, приводит нас к заключению, что на восточных склонах Тибета была распространена культура, характеризующаяся в общих чертах преобладанием грубых каменных орудий на гальках или крупных отщепах с частично ретушированными участками³⁰. Совершенно отсутствует индустрия, которая известна под наименованием «пластинчатой» и характеризуется орудиями на правильных ножевидных пластинах и их сечениях.

В целом, небольшие и плохо описанные коллекции из Сикана позволяют, тем не менее, достаточно определенно представить облик существовавшей здесь культуры, близкой к так называемым «галечным культурам», очень характерным для различных этапов каменного века многих областей Восточной и Юго-Восточной Азии. Относительно возраста описанных выше памятников с уверенностью можно сказать, что высказывавшиеся первоначально предположения о их палеолитическом происхождении³¹ не имеют достаточных оснований. Не получили в науке признания и «ручные рубила ашельского типа», опубликованные Д. Грэхэмом, поскольку они не были подтверждены более массовым материалом³².

²⁷ Chêng Tê-Kun, *Archaeological studies in Szechwan*, p. 50.

²⁸ G. T. Bowles, *A preliminary report...*, p. 123.

²⁹ Chêng Tê-Kun, *Archaeological studies in Szechwan*, tabl. 1—5.

³⁰ G. T. Bowles, *A preliminary report...*, fig. 4—5.

³¹ D. C. Graham, *Implements of prehistoric man...* Для расположенных ближе к равнине стоянок палеолитический возраст некоторых орудий указан в работе: D. S. Dye, *Data on West China artefacts*, — «Journal of the West China border research society», vol. 2, 1924—1925, p. 63—72.

³² D. C. Graham, *Implements of prehistoric man...*, p. 48, tabl. 2.

Чен Те-Кун предполагает мезолитический или ранненеолитический возраст для стоянок Сычуани и Сикана, в которых распространены только оббитые орудия, отсутствует полировка их поверхности³³. Такая датировка описанных памятников вряд ли верна. Учитывая вероятную связь лесовых стоянок с земледелием и наличие керамики, можно думать, что большая часть исследованных памятников принадлежала культуре первых земледельцев горных районов и в целом должна охватывать самые поздние этапы неолита — энеолит. Заканчивая обзор, нужно отметить, что памятники этой культуры, распространенные в горных районах часто на большой абсолютной высоте, находятся в тесной связи с неолитической культурой более низких районов, расположенных восточнее.

Для собственно Тибета долгое время были известны только отдельные плохо документированные находки³⁴. В 1956 г. геолог Т. Р. Шао собрал 12 предметов каменного века, которые в 1958 г. были описаны С. Л. Шиу³⁵. Они группируются в четыре местонахождения. Три из них расположены на восточной окраине тибетского плато на высоте более 4300 м, а одно (Lartmu) — на уровне 3500 м на склонах плато к бассейну Цайдама на севере.

1. Местонахождение вблизи Huaiho. Два каменных орудия найдены на речных террасах. Одно из них — конический нуклеус микролитического типа, который может датироваться как мезолитом, так и палеолитом.

2. Местонахождение Totoho-уап. По мнению автора, здесь найдены три палеолитических орудия, одно из которых — выпуклое скребло из желтого халцедона.

3. Местонахождение Huohuoshili. Изделия также собраны на речной террасе одного из притоков реки Tungtienho. Палеолитические орудия в основном сделаны из окатанных галек. Среди них четыре галечных орудия представлены плоскими гальками, у которых обработаны концы или боковые стороны. Остальная часть гальки сохраняет необработанную поверхность. Другие находки представлены галечным нуклеусом, отщепом с ретушью и скребком.

4. Местонахождение Sanchiokuo. Расположено на цокольной террасе, в 98 км на юго-запад от местечка Гармю, западнее истоков Желтой реки. Найден кварцитовый скребок со вторичной ретушью и зубчатым рабочим краем.

Подводя итоги описанию найденных на Тибет-Цинхайском плато материалов каменного века, С. Л. Шиу приходит к выводу, что каменные орудия имеют «безусловно палеолитический возраст, за исключением микролитического изделия из Huaiho»³⁶. Эта датировка основывается на анализе техники обработки и патины собранных изделий. В настоящее время природные условия высокогорья, где были сделаны находки, очень суровы. Поэтому остается открытым вопрос, были ли люди, изготавлившие палеолитические орудия, специализированной человеческой расой, приспособившейся к жизни в высокогорье, или же описанные местонахождения были подняты уже после палеолитической эпохи на современную высоту³⁷.

³³ Chêng Tê-Kun, *Archaeological studies in Szechwan*, p. 130.

³⁴ Ю. Н. Перих, *Кочевые племена Тибета*, стр. 7; P. Aufschnaiter, *Prehistoric sites discovered in inhabited regions of Tibet*, — «East and West», vol. 7, 1956, № 1.

³⁵ Chiu Chung-lang, *Discovery...*, pp. 161—163; Kwang-Chin Chang, *New light on early man in Ch.na. Asian perspectives*, — «The Bulletin of the Far Eastern prehistory association», vol. 2, 1958, № 2, pp. 55—56.

³⁶ Chiu Chung-lang, *Discovery...*, p. 162.

³⁷ Ibid., p. 163.

Ввиду незначительного количества материалов и отсутствия каких-либо остатков культурного слоя очень трудно сопоставить эти находки со стоянками восточного склона Тибета, описанными ранее. Однако сразу же бросается в глаза определенное сходство между группой галечных орудий и скребел на крупных отщепах или гальках, которые имеются в памятниках сравниваемых территорий. Несмотря на отдельную находку микролитического нуклеуса, в целом коллекции каменного века, собранные в верховьях Янцзы и реки Желтой, принадлежат к одной и той же группе «галечных культур» Азии, представляя, по-видимому, ее наиболее поздние варианты. При этом не исключено, что находки на Тибет-Цинхайском плато имеют более древний возраст, чем материалы из области его восточных склонов, но вряд ли справедливо считать их палеолитическими. Скорее всего это мезолит или ранний неолит. Справедливость этого суждения подтверждается анализом памирского материала.

Имея так мало фактов, еще труднее говорить о занятиях населения, оставившего каменные орудия. В настоящее время в Тибете земледелие распространено до наивысших на земном шаре пределов, достигая абсолютной высоты 4640 м³⁸, но в более ранние эпохи человеческой истории это нагорье действительно могло иметь значительно более низкий уровень³⁹.

Работы по исследованию каменного века Памира проводились под руководством одного из авторов отдельными группами или отрядами Таджикской археологической экспедиции (ТАЭ) в 1956—1958 и 1960 гг. Разведками охвачена значительная часть территории Памира. Обследованы все главные долины и озерные котловины этого нагорья. К сожалению, поиски не проводились по западной окраине региона, в долинах Западного Пшарта и Беляндкиика, отдельные части которых безусловно могли быть удобными для жизни древнего человека. Явно недостаточно и количество исследованных пещер и гротов — всего 16. Раскопкам подверглись три объекта: стоянка Ошхона на реке Уйсу, навес Куртеке и грот Шахты в 40 км на юго-запад от поселка Мургаб. В ряде случаев проводились небольшие зачистки или ставились пробные шурфы.

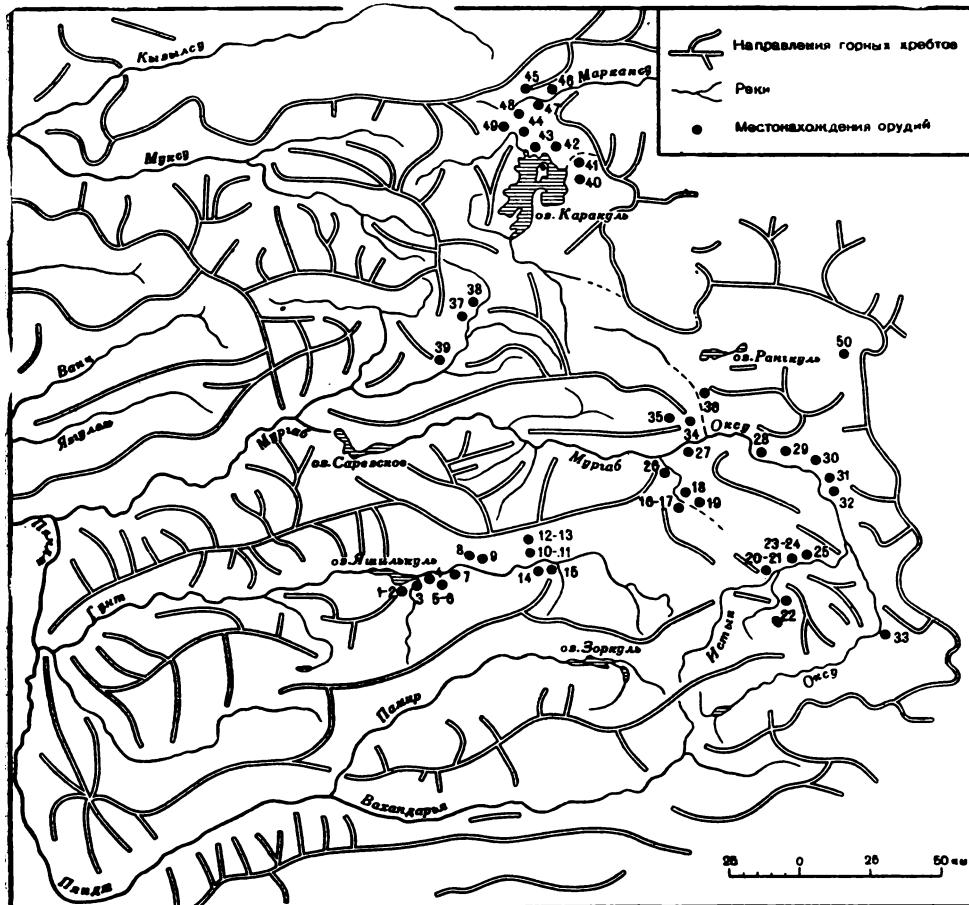
Основные результаты работ опубликованы⁴⁰. Однако в публикации еще не введен весь материал, полученный нами. Еще не проанализирован с достаточной полнотой наиболее важный памятник Памира — стоянка Ошхона, коллекция которой насчитывает 10 тыс. предметов каменного века. Поэтому периодизация памятников, которая предлагается в настоящей статье, может рассматриваться лишь как предварительная, тем более что задача данной работы не связана с чисто археологической тематикой.

Всего за четыре полевых сезона на Памире зафиксировано 50 пунктов с находками каменного века, на которых собрана коллек-

³⁸ Г. В. Ковалевский, *Географические особенности...*

³⁹ Об этом имеется много указаний в литературе. См., например: E. Norin, *Tertiary of the Tarim basin*, — «Bulletin of the Geological society of China», vol. 14, 1935, № 3; С. В. Зонн, *Высокогорные лесные почвы Восточного Тибета*, М., 1964, и ряд других работ.

⁴⁰ См., например: С. В. Бутомо, В. А. Ранов, Л. Ф. Сидоров, *Некоторые вопросы исследования каменного века Памира*, — «Советская археология», 1964, № 4; В. А. Ранов, *Стоянка Каратумшук*, — «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», вып. 80, 1960; В. А. Ранов, *Рисунки каменного века в гроте Шахты*, — «Советская этнография», 1961, № 6; В. А. Ранов, *Раскопки памятников первобытно-общинного строя на Восточном Памире в 1960 г.*, — сб. «Труды Института истории АН ТаджССР», т. 34, 1962, вып. 8.

КАРТА-СХЕМА РАСПОЛОЖЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ КАМЕННОГО ВЕКА НА ПАМИРЕ:

- 1—2. Яшилькуль I—II; 3. Яшилькуль III; 4. Бахмальджилга I; 5—6. Бахмальджилга II—III; 7. Акджаар; 8. Кулаккесты; 9. Акджаилга; 10—11. Муздарик I—II; 12—13. Муздарик III—IV; 14. Башгумбез; 15. Начало р. Аличур; 16—17. Грот Шахты и навес Куртеке; 18. Куртексай; 19. Сай Безымянный; 20—21. Истык I—II; 22. Джартыгумбез; 23—24. Чештепе I—II; 25. Чештепе III; 26. Карасу; 27. Мургаб; 28. Известковый камень; 29. Аксу; 30. Сай Кааратумшук; 31. Кааратумшук I; 32. Кааратумшук II; 33. Акбент; 34. Восточный Пшарт I; 35. Восточный Пшарт II; 36. Чечекты; 37. Кокуйбель I; 38. Кокуйбель II; 39. Переалочный пункт; 40. Поселок Каракуль; 41. Каараарт; 42. Морена на оз. Каракуль; 43. Оз. Каракуль; 44. Караджилга; 45. Маркансу I; 46. Маркансу II; 47. Ригель в долине Маркансу; 48. Ошхона; 49. Ошхонаджилга; 50. Шадпут.

ция, насчитывающая более 15 тыс. номеров. Средние абсолютные высоты стоянок, на которых собраны орудия, от 3500 до 4200 м. Поэтому сейчас с полным основанием можно сказать, что Памир является наиболее изученной в археологическом отношении областью Высокой Азии. Приступая к исследованию памятников каменного века Памира, мы не имели предшественников в этом. В литературе также не было разработанной методики соответствующих работ в высокогорной области с хорошо сохранившимся древнеледниковым рельефом. Трудности усугублялись и неразработанностью геоморфологических, стратиграфических и других вопросов четвертичной геологии Памира, о чем речь пойдет ниже. Как показано выше, мало могли помочь и исследования в восточной части Тибета. Во-первых, регионы несколько отличаются по природным условиям; во-вторых, ни археологические описания стоянок не отвечают со-

временным требованиям, предъявляемым к выполнению подобных работ. Эта методика вырабатывалась буквально на ходу, в поле, и при этом, конечно, долгое время приходилось действовать вслепую, не представляя в должной степени ни того, к какому возрасту могут относиться уровни, на которых были собраны каменные орудия, ни того, в каких природных условиях могли жить первобытные люди на данной стоянке. Позже мы попытаемся ответить на эти вопросы, сейчас же укажем, что в настоящее время поиски открытых стоянок, вернее местонахождений, в которых орудия лежат непосредственно на дневной поверхности, не представляют особых затруднений. Значительно труднее найти стоянку с сохранившимся культурным слоем. Помимо гротов, это удалось пока один раз, хотя некоторые прогнозы можно сделать и на этот счет.

Как уже отмечалось, основным типом памятника каменного века на Памире являются открытые местонахождения. Они связаны преимущественно с поверхностью аллювиальных террас главных рек и их притоков и в меньшей степени с моренами. Значительно более редким случаем является приуроченность к отложениям типа конусов выноса. Так, из 47 пунктов, в которые не включены две стоянки в гротах, 23 связаны с речными террасами, 14 с поверхностью морен, пять находятся на конусах выноса, четыре на древних эрозионных уступах днищ древних долин и т. д. Два местонахождения, открытые О. В. Головиным на Шурсу и Башгумбезе, геоморфологической привязки не имеют.

За исключением двух случаев, местонахождения, связанные с террасами, приурочены к послеледниковым первому и второму надпойменным уровням. С явно более древними, плейстоценовыми образованиями связаны находки у Мургаба и на Карасу. Здесь обработанный камень обнаружен на поверхности террас высотой 20—30 м.

Что касается находок на моренах, то здесь в каждом отдельном случае необходим специальный анализ. Так, в долине Аличура был обследован ряд боковых долин правого борта. Во всех случаях обработанный камень, приуроченный в основном к моренам, запирающим вход в боковую долину, был встречен и на более высоких уровнях на древних эрозионных уступах-заплечиках или остатках боковых морен основной долины, также более древних, чем валы, запирающие боковые долины. Интересно, что, за исключением трех пунктов (Бахмальджилга II—III, Яшилькуль I, Акджар), где материал мог быть переотложен позднее, все стоянки по р. Аличур связаны с довольно высокими уровнями по отношению к главной реке. Не исключено, что этот факт может быть объяснен особенностями формирования рельефа долины или иным, чем в других пунктах, возрастом археологических материалов, но так или иначе он требует объяснения, тем более что морены по рекам Аксу и Восточный Пшарт не дали пока находок. В незначительном числе обработанный камень собран с поверхности морен на оз. Каракуль, в устье р. Караджилга и по р. Маркансу. В первом и последнем случаях археологические остатки встречены и на низких террасах.

Количество изделий каменного века на открытых местонахождениях различно. Оно колеблется от нескольких предметов (Яшилькуль I — 6, Акджилга — 13 и т. д.) до нескольких десятков (Чечекты — 35, Кулаккесты I — 84 и т. д.) или несколько сотен (Известковый камень — 518, Каракуль — 490 и т. д.). Во всех случаях собран только обработанный камень. Никаких следов керамики на открытых местонахождениях нет. Не сохранилось также и костей.

Площадь распространения археологических находок различна. Иногда это узкая полоса на бровке террасы (Яшилькуль III — на протяжении 300 м собрано 48 предметов), иногда — определенное пятно на поверхности террасы или морены (Каратумшук — на площади 100×250 м — 258 предметов) или группа таких скоплений (Известковый камень — на протяжении 1,5 км вдоль берега отмечено 8 скоплений по 80, 40, 12 кв. м площадью). В пунктах, связанных с поверхностью морен, меньше концентраций и находок (за исключением Кулаккесты, давшей около 100 предметов). Создается впечатление, что в этом случае мы имеем дело или с временными остановками древних охотников, живших где-то в другом месте, например поближе к воде, или же места на моренах подверглись размытию.

Итак, подавляющее число пунктов с материалами каменного века связано на Памире с современной (дневной по археологической терминологии) поверхностью. Для речных террас всех без исключения долин Памира характерен почти сплошной панцирь из гальки и щебня, придающий памирским долинам своеобразный, ни с чем не сравнимый пустынный вид. На поверхности этих террас нет задернованных участков. Полупустынная и пустынная растительность разрежена. Луга представлены, как правило, в поймах или же, очень редко, в понижениях сильно размытых морен. Судя по инвентарю наиболее хорошо сохранившихся местонахождений (учитывая специфику и принадлежность памирских стоянок к определенному кругу культур каменного века), можно сказать, что это в ряде мест не случайные пункты остановок охотников, а настоящие стоянки, на которых люди жили сравнительно долго. В то же время здесь нет необходимых атрибутов настоящей стоянки: остатков жилищ или хотя бы открытых очагов, остатков культурного слоя и кухонных отбросов. Жить же на голой галечниковой поверхности, по всей вероятности, очень неудобно, если вообще возможно. В чем же здесь дело? Очевидно, люди каменного века жили в то время, когда еще во всех главных долинах Памира на террасах существовала, может быть, разреженная, но все же как-то закрепляющая почву степная растительность⁴¹. В дальнейшем в связи с усилением аридности климата на открытых ветрами поверхностях террас в основных долинах непрерывный процесс дефляции, усиленный нарастанием континентальности природной обстановки, привел к разрушению дернового слоя и постепенному «проецированию» — оседанию орудий вместе с галечным и щебнистым материалом. В итоге произошло своеобразное «обогащение» современной поверхности галькой и щебнем, среди которых и распространены изделия каменного века. Подобный процесс разрушения поверхности древних стоянок хорошо известен для ряда пустынных областей различных стран мира. Затем поверхность изделий покрывалась «пустынным загаром» той же интенсивности, что и окружающая галька. Как показали раскопки стоянки Ошхона, большая часть очагов была открытой, без каких-либо заграждений или приспособлений для варки (выкладка из камней и т. п.). В этом случае понятно, почему мы не встречаем на открытых местонахождениях следов очагов, поскольку на примере стоянок эпохи бронзы из Кайрак-кумов можно видеть, что «оседание» даже крупных очагов, выложенных из камня, по вертикали может происходить на метр и даже более⁴².

⁴¹ В. А. Ранов и Л. Ф. Сидоров, *К вопросу об изменениях природных условий Памира в голоцене*. — «Доклады АН ТаджССР», т. 3, 1960, вып. 3.

⁴² Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов, *Древности Кайрак-кумов*, — «Труды Института истории АН ТаджССР», т. 33, 1962.

Детально проведенные многолетние исследования не выявили ни на одном из открытых местонахождений каких-либо остатков жилищ⁴³. Поэтому приходится считать, что это были временные сезонные стоянки, где люди жили в лучшем случае несколько месяцев, по-видимому, в летнее время.

Единственная открытая стоянка с сохранившимся культурным слоем, которую удалось пока обнаружить на Памире, — Ошхона. Она находится на высоте около 4100 м, у южных склонов Заалайского хребта, неподалеку от подножия перевала Кызыларт. Всего в 15 км от нее лежит язык современного ледника Уйсу, а в 30 км по прямой находится высочайшая точка Заалая — пик Ленина. Стоянка расположена в правой стороне долины р. Уйсу, при выходе в нее р. Ошхонаджилга. Весь этот участок в прошлом был занят огромной (до 100 м) мореной последнего оледенения, которая затем была прорезана р. Ошхонаджилга, образовавшей при этом в левой стороне трехметровую террасу, врезанную в тело морены. Поверхность террасы обычна для Памира — это крупный песок, иногда дресва, обогащенные большим количеством щебня. У самого края террасы имеются крупные эрратические валуны. Ниже располагается небольшая, 50×25 м, площадка полутораметровой террасы, сложенная лессовидным суглинком водного происхождения. В правой стороне также отмечаются два уровня, но морена здесь очень размыта и постепенно снижается на восток к долине Маркансу.

Общая площадь стоянки огромна — около 1/4 кв. км. Ее можно разделить на две составные части — мастерские по предварительной обработке камня, отмеченные скоплением нуклеусов и заготовок на различных участках морены на восток от Ошхонаджилги, и жилые площадки, занимавшие обе упомянутые террасы в левом крае этой долины. Раскопки, общая площадь которых превышает 500 кв. м, вскрыли несколько культурных горизонтов, состоящих из серии очагов, вокруг которых концентрировались обработанный камень и кухонные остатки. Интересно, что очаги, специально выложенные камнями, встречаются только в одном, втором, горизонте на нижней площадке, где они сосуществуют с открытыми очагами, характерными для верхнего горизонта.

Для понимания условий, в которых формировались открытые местонахождения на Памире, очень важно изучение верхней, трехметровой, площадки, где культурный слой сохранился лишь на небольшом участке менее 20 кв. м, на самой бровке, тогда как на остальной площади террасы обработанный камень встречается непосредственно на дневной поверхности и никаких других находок или остатков культурного слоя здесь не обнаружено.

На нижнем уступе культурный слой сохранился хорошо. Он был вскрыт на площади в 250 кв. м (второй горизонт) и 20 кв. м (третий и четвертый горизонты). Во всех случаях это отдельные очаги, иногда сохранившие уголь или очажные пятна, отличающиеся по цвету красной пережженной почвы. Вокруг очагов и между ними находится огромное количество изделий из камня, немного костей, как правило,

⁴³ О. Е. Агаханянц в своей работе «К проблеме эволюции климатов Памира» («Труды Памирской биостанции АН ТаджССР», т. I, 1963), выступая против некоторых положений статьи авторов, указанной в сноске 41, высказал предположение, что такими жилищами могли быть юрты. Однако наш уважаемый оппонент, очевидно, совершенно не представляет уровня жизни людей каменного века в мезолите. Юрта — изобретение куда более позднего времени.

мелко расколотых. Найдены подвески и бусы из кости. Никаких следов жилищ, ямок от столбов и т. п. обнаружено не было.

Поскольку жилые горизонты, за исключением площади, непосредственно прилегающей к очагам, не насыщены остатками жизни человека и не отличаются по цвету от вмещающего их лессовидного суглинка, а также отсутствуют жилища на стоянке, постольку можно думать, что Ошхона была временной сезонной стоянкой. Судя по тому, что во всех горизонтах не заметно какого-либо существенного различия в каменном инвентаре, это место посещалось определенной группой древних людей или же их родственными группами в исторически единый отрезок времени, может быть, в течение нескольких летних сезонов.

На Ошхоне получены материалы, позволяющие охарактеризовать природу прошлого, что будет сделано в соответствующем месте. Здесь мы коснемся лишь некоторых особенностей этих материалов. К сожалению, большая часть собранных на Ошхоне костей не поддается определению. Все возможное в этом отношении сделано Н. К. Верещагиным и Р. Л. Потаповым. Среди животных, на которых охотились обитатели стоянки, были крупные млекопитающие (архары и козероги), грызуны (в основном зайцы и сурки), а также птицы. Одна из костей напоминает метаподий кулана, однако, как считает Н. К. Верещагин, достаточной уверенности в этом определении нет. В очагах стоянки сохранились угольные остатки, по которым одним из авторов и И. А. Шилкиной определены древесные породы — береза, арча и полукустарник терескен, употреблявшиеся как топливо. В речных отложениях Ошхоны, по анализам М. М. Пахомова⁴⁴, преобладает пыльца ксерофитных полукустарников и трав, древесные же почти не представлены. Нам кажется, что в данном случае определение углей имеет большее значение, чем данные анализа пыльцы. Мы исходили из того, что древесная растительность не могла быть привезена на стоянку, как это думает О. Е. Агаханянц⁴⁵, поскольку в эту эпоху еще не было никакого транспорта, на котором деревья могли быть доставлены за несколько десятков километров. Трудно представить и перенос их на себе. И то и другое не могло иметь особого смысла, так как произраставший и произрастающий по сей день вокруг стоянки терескен представляет собой отличное топливо.

Интересные данные в этом плане дали исследования пещер и гротов. Прежде всего следует отметить, что отложения скальных убежищ, обследованные на Памире, можно разделить на верхний горизонт — сухой пылеватый, как правило, содержащий остатки поздних эпох (не старше развитого неолита), очевидно, сформировавшийся в голоцене, и нижний, главным образом щебнистый, иногда залегающий в плотной пещерной глине, по-видимому, плейстоценовый⁴⁶. В щебнистых отложениях только в одном случае (в пещере Джамантал, на р. Карасу) встретились следы культурного слоя в виде остатков костищ и расколотых костей, не сопровождавшихся находками орудий. Во всех других случаях при вскрытии отложений, синхронных последнему оледенению (?), никаких остатков, связанных с жизнью человека, не обнаружено. Молодые голоценовые отложения подробно изучены в сае Куртеке, где раскопаны два объекта — грот

⁴⁴ О. Е. Агаханянц, М. М. Пахомов, А. К. Трофимов, *К палеогеографии Памира в голоцене*, — «Известия Всесоюзного географического общества», т. 96, вып. 6, стр. 507.

⁴⁵ О. Е. Агаханянц, *К проблеме эволюции климатов Памира*, стр. 268.

⁴⁶ Ср. В. А. Ранов, *Археологическое изучение пещер Таджикистана*, — «Труды Таджикского филиала Всесоюзного географического общества», вып. 2, 1961.

Шахты и навес Куртеке⁴⁷. Наиболее интересным оказался навес, где отмечены два горизонта: верхний, относящийся к эпохе бронзы, и нижний — к неолиту (энеолиту?). В небольшом навесе (длина — 12 м, ширина — 3,5 м) заложен небольшой раскоп (10 кв. м). Верхний культурный горизонт представляет собой сухую пылеватую массу с гумусно-кизячными прослойками. Здесь встречены очажные пятна, в том числе крупный костер длиной 70 см и толщиной 10 см. Найдены и растительные остатки. Среди животных остатков Р. Л. Потапов определил кости козерогов или архаров, зуб осла (?), кости и перья птиц, в том числе уларов. Нижний горизонт содержит слабые угольные прослойки — остатки очагов, заключенных в прослои речного песка и гальки.

В гроте Шахты площадь раскопок — до 20 кв. м. Здесь обработанный камень также встречается в двух горизонтах: гумусно-кизячном и подстилающем его желтым песке. Условно они могут сопоставляться с двумя горизонтами навеса Куртеке. Среди костей животных определены остатки архаров, козерогов (домашних баранов и коз?), зайцев, сурков, пищух, горной серебристой полевки, желтой пеструшки, пустельги, перепела и каких-то мелких птиц⁴⁸.

Как уже отмечалось, периодизация известных на Памире памятников может быть сделана пока предварительно. Данные, которыми можно оперировать в настоящей работе, отражают лишь первый этап исследования каменного века Памира. Только после того как будет найдено несколько стоянок с сохранившимся культурным слоем и будут получены стратиграфические обоснования последовательности культур, подкрепленные данными естественных наук, прежде всего радиоуглеродными датами, только тогда можно будет говорить о твердой периодизации и хронологии памятников каменного века. Для этого понадобится немалый срок. Но для понимания места, которое занимают стоянки древнего человека на Памире среди окружающих областей, для реконструкции природных условий, в которых они обитали, и для решения ряда не менее важных для современной науки вопросов можно создать предварительную, рабочую периодизацию этих памятников.

В настоящее время все известные на Памире памятники каменного века можно разбить на следующие группы.

1. Отдельные находки, типологически могущие быть старше основной массы памирского материала. Предполагается плейстоценовый возраст; 2. Несколько открытых местонахождений из Аличурской долины. Предположительно конец верхнего палеолита (имеется в виду палеолит сибирского типа); 3. Основная группа открытых памирских местонахождений и стоянка Ошхона в том числе. Датируется мезолитом — ранним неолитом; 4. Небольшое число открытых местонахождений и культурные горизонты скальных убежищ. Микролитоидная культура позднего неолита или энеолита.

Объяснить особенности памятников каменного века Памира только специфическими природными условиями высокогорья было бы неправильным. Необходимо оценить их культурные связи и место, которое они занимают среди археологических культур соседних областей или стран, стоящих, но подобных по природным условиям.

Несмотря на то что на Памире имеются следы жизни первобытных людей в различные периоды, говорить о непрерывном заселении

⁴⁷ Подробнее см.: В. А. Ранов, *Раскопки памятников...*, стр. 6—16.

⁴⁸ Fauna из грота Шахты определена Р. Л. Потаповым и В. А. Стальмаковой.

области в каменном веке нет оснований. На современном уровне наших знаний мы можем этот процесс представить следующим образом. Так как на Памире нет еще безуокоризненных находок палеолитического времени, то говорить об автохтонности здешних культур эпохи мезолита — неолита оснований мало. Возможно, конечно, что следы палеолита или в значительной степени уничтожены, или просто еще не найдены. Ниже этот вопрос будет рассмотрен детальнее, с учетом особенностей развития рельефа в позднеледниковое время. Если выделение аличурской группы памятников правильно, можно считать, что в самом конце плейстоцена на Памир пришли освоившие нагорье люди, находившиеся на завершающей стадии верхнего палеолита. Эта культура не имела, однако, большого распространения. Делая такой вывод, нужно, конечно, учесть, что не везде памятники того времени могли сохраняться. По имеющимся данным можно только сказать, что помимо Аличура эта группа памятников достаточно четко нигде не выделяется. Безусловно родственна ей основная группа памятников каменного века Памира.

Пока не найдены долговременные жилища, нельзя предполагать, что люди жили здесь постоянно. Поэтому можно думать, что вторая волна людей каменного века, заселившая Памир, по-видимому, также пришла извне, очевидно из тех же центров, поскольку по материалу они близки, более того, родственны. Новое заселение Памира представляется широким и более или менее одновременным явлением, имевшим место в конце мезолита — раннем неолите. На сегодняшний день нельзя проследить развитие этой культуры к позднему неолиту; хронологических различий внутри стоянок и местонахождений не отмечается. Таким образом, это был как бы единый исторический период, который в общем мог охватывать несколько тысячелетий. Можно, конечно, предположить и другое — длительное сохранение одних и тех же приемов обработки камня, процесс, достаточно хорошо известный для ряда культур Азии (преимущественно, правда, палеолитических). Решить, какое предположение более соответствует действительности, пока трудно. И лишь на самых последних стадиях каменного века, уже в период перехода к металлу, выделяется новая культура, микролитическая. Зарождение ее могло происходить, как показывает анализ кремневого инвентаря, в недрах предыдущей эпохи.

Следовательно, можно сказать, что на Памире мы имеем дело с очень своеобразной культурой каменного века, возможно, расчленяющейся на несколько хронологических этапов, которая сформировалась, по-видимому, вне Памира. Однако на ее характер и специфику огромное влияние оказали суровые условия памирских высокогорий.

Какие культуры каменного века, имея в виду поздний палеолит и постпалеолитические памятники, имеются вне Памира? На западе, в Центральном и Южном Таджикистане, а также в ряде других районов горной части Средней Азии распространена своеобразная и еще плохо изученная гиссарская культура. Это так называемый горный неолит⁴⁹. Но корни этого неолита уходят достаточно глубоко в местные автохтонные культуры верхнего палеолита или даже мустье⁵⁰. Гиссарская культура представляется пока как единое целое и не имеет

⁴⁹ А. П. Окладников, *Исследование памятников каменного века Таджикистана*, — «Материалы Института археологии», № 66, 1958.

⁵⁰ В. А. Ранев, *Два новых памятника каменного века в Южном Таджикистане*, — «Труды Института истории АН ТаджССР», т. 34, 1962; Д. Н. Лев, *Поселение древнекаменного века в Самарканде*, — «Труды Самаркандского государственного университета», новая серия, № 135, 1964.

внутри деления на хронологические этапы. Однако такое деление будет, вероятно, сделано в ходе дальнейших исследований. Для памятников гиссарской культуры характерно прежде всего употребление речной гальки как основы для производства орудий. Очень распространены галечные нуклеусы, близкие к памирским. Из галек изготавливались крупные грубые скребла или рубящие орудия. Гиссарская культура по характеру и набору орудий резко отличается от хорошо известных неолитических культур равнинной части Средней Азии — джейтунской и кельтеминарской. Характеристика последних давалась неоднократно⁵¹. Отметим только, что здесь развита пластинчатая техника, в основе производства орудий лежат устойчивые формы праильной ножевидной пластины. Джейтун — ярко выраженная земледельческая культура. Кельтеминарцы — охотники и собиратели. Что же касается гиссарской культуры, то ее экологическая основа остается неясной. Есть данные считать ее, вслед за А. П. Окладниковым, культурой первых земледельцев Таджикистана.

В Средней Азии наблюдаются две группы памятников верхнего палеолита. Такие, как Ходжа-Гор, стоянка на Красноводском полуострове, и третий слой пещеры Кара-Камар в Афганистане находят аналогии в памятниках различных стадий верхнего палеолита Передней Азии. А второй слой Кара-Камара и Самаркандская стоянка, на наш взгляд, принадлежат к другому кругу культур — азиатскому.

Близкой к Памиру и сравнительно легко доступной является Фергана. В южном крае долины как будто найдено небольшое количество изделий, напоминающих гиссарские, но в центральной Фергане Ю. А. Заднепровским открыта совершенно иная культура — микролитическая в полном смысле этого слова. Она отличается от кельтеминарских памятников бухарского оазиса и представляет собой какой-то особый вариант пластинчатых культур мезолита⁵².

Неясно еще, какие памятники дадут горные районы Киргизии. Интересно отметить, что в районе г. Фрунзе А. П. Окладников обнаружил небольшую группу памятников явно гиссарского облика, а на высокогорном озере Чатыркель Ш. А. Кадыров собрал обработанный человеком кремень, дающий определенное право сопоставить его с материалом с Памира. Важным фактором, установленным в последнее время, является то, что границы распространения палеолита сибирского или, как чаще говорят, сибирско-монгольского типа сдвинуты новыми находками на запад от Иртыша, где они определены в 1951 г. С. Н. Замятним, до Центрального Казахстана (Сары-Арка)⁵³.

Очень слабо изучен в археологическом отношении Синцзян. К уже привлекающимся для сравнения памятникам надо добавить новую стоянку в восточной части района⁵⁴.

На юге и юго-западе от Памира хорошо известны богатые палеолитические местонахождения Пенджаба⁵⁵. Что же касается неболь-

⁵¹ В. Н. Массон, *Средняя Азия и Древний Восток*, М., 1964.

⁵² Коллекция Ю. А. Заднепровского в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР.

⁵³ А. Г. Медоев, *Каменный век Сары-Арка в свете новейших исследований*, — «Известия АН Каз. ССР», серия общественных наук, вып. 6, 1964, стр. 94—95.

⁵⁴ Wu Chêng, *Some neolithic sites in Eastern Sinkiang*, — «Kaogu», № 7, 1964. Работа любезно указана нам Ю. А. Заднепровским.

⁵⁵ H. de Terra and T. T. Paterson, *Studies on the ice age in India and associated human cultures*, — «Carnegie Institute of Washington», publ., № 493, 1939, pp. 301—335; P. Graziosi, *Prehistoric research in Northwestern Punjab, Italian expeditions to the Karakorum (K²) and Hindukush*, — «Scientific report 5. Prehistory anthropology», Leiden, vol. I, 1964, pp. 1—54.

ших по масштабам исследований постпалеолитических культур, то новые исследования еще не опубликованы, а старые работы де Терра привели к открытию очень поздних, уже мезолитических культур. На наш взгляд, в этих памятниках обнаруживается определенное сходство с гиссарской культурой.

Анализ археологического материала показывает, что в целом на Памире преобладает техника, близкая к той, которая характерна для культур «галечного типа», подобных гиссарской, палеолитическим культурам Северо-Западной Индии, Восточного Тибета и отчасти сибирско-монгольскому палеолиту и производным от него постпалеолитическим культурам.

Сейчас трудно сказать, откуда пришли на Памир люди после оледенений. Заслуживает внимания мысль А. Г. Медоева о возможности передвижений части племен верхнего палеолита из Казахстана на юг, в горные районы Киргизии и Таджикистана⁵⁶. Не исключены связи с забайкальским палеолитом или близкими к нему культурами Монголии. Нельзя полностью исключить также и пока необъяснимые факты конвергентного развития на окраинах одной огромной общности сибирско-монгольского верхнего палеолита. Нельзя забывать, как кажется, и такого предположения, что люди, делавшие в Фергане микролитические тонкие пластинки из кремня, в горных районах вынуждены были пользоваться куда более грубым и не пластичным материалом, что вызвало к жизни иные формы и технику расщепления камня. Все эти вопросы в настоящее время решить нельзя. При подобных построениях надо учитывать и сравнительно раннюю дату Ошхоны — памятника, стоящего ранее всех постпалеолитических памятников Средней Азии, что делает их более сложными; необходимо тщательное сравнение Самаркандской стоянки с Ошхоной и другими памятниками Памира.

Для нас сейчас важно другое. Можно твердо сказать, что в горных местах Высокой Азии (Тяньшане, Памиро-Алае, Кунашыре, Гималаях, Тибете, Сино-Тибетских горах) существовала близкая по характеру орудий и технике расщепления камня культура, которая, охватывая огромные пространства и большой промежуток времени, распадается на ряд локальных культур и хронологических группировок. Памир является одним из центров развития этой культуры, в настоящее время изученным лучше других. Задача данной статьи — в выявлении указанной культурной общности. Конкретная же разработка характеристик, хронологии и локальных различий памятников, составлявших эту культуру или группу культур, — дело будущих исследований. На этом мы и закончим характеристику памятников каменного века Высокой Азии и Памира.

Переходя к проблемам истории развития природы Памира как среды существования человека, укажем в качестве важнейших археологических предпосылок следующие. Преобладающее количество орудий каменного века, обнаруженных в пределах нагорья, относится к мезолиту — докерамическому неолиту. Несколько более древний сравнительно массовый материал дала стоянка Кулаккесты и ряд других пунктов в Аличурской долине, и лишь единичные находки в Маркансу и на высоких террасах у поселка Мургаб имеют весьма архаичный облик и, возможно, палеолитическое происхождение.

Возраст ледниковых и флювиогляциальных образований, с которыми связаны домезолитические памятники, неясен. Хронология

⁵⁶ А. Г. Медоев, *Каменный век Сары-Арка...*, стр. 98.

четвертичных отложений Памира еще не разработана до конца, и в устраниении многих ее пробелов и неточностей могут, по нашему мнению, существенно помочь находки орудий каменного века. Ранее для этого не хватало не только археологических и палеогеографических, но собственно геоморфологических сведений. Значительно пополнили их в последнее время В. А. Васильев, В. В. Лоскутов, А. К. Трофимов⁵⁷. Однако предпринятые ими попытки разобраться в хронологии ледниковых отложений Памира нельзя признать вполне удачными.

Причины ошибок в определении возраста отдельных региональных комплексов кроются, как нам представляется, прежде всего в неверных исходных позициях по некоторым принципиальным вопросам. Остановимся только на том, что имеет значение для выяснения возраста элементов рельефа, несущих орудия каменного века.

Поднятие Памира и Бадахшана за неоген-четвертичное время принимается указанными авторами (как можно понять из их работ) одновременным и примерно одинаковым по размаху. Подобное представление давно уже бытует в литературе о новейшей тектонике этих областей⁵⁸. Вместе с тем иногда остаются не оцененными по достоинству факты, говорящие о разновременном дифференцированно-блоковом характере поднятий, о различной их скорости в отдельные отрезки времени в Бадахшане и на Памире и в пределах последнего. Вот некоторые из них.

Самые молодые из известных на памирском нагорье морские отложения приурочены к таким высоким поднятиям, как Заалайский и Музкольский хребты⁵⁹.

Остатки верхнемелового и третичного пенеплена сохранились кое-где в Бадахшане⁶⁰ и почти отсутствуют на Памире⁶¹, несмотря на несоизмеримо большую активность в первом речной эрозии в позднем квартере. Причем уничтожены эти остатки в рассматриваемой области в период максимального оледенения⁶². Иногда деформированные тектоникой остатки пенеплена приурочены к районам наивысших поднятий. Они имеются, например, у пиков Карла Маркса и Фридриха Энгельса⁶³.

Очевидно также, что в формировании рельефа Бадахшана и Памира велика роль движений позднечетвертичного времени, которыми деформированы отложения плейстоцена. Укажем для примера на исчезновение в среднем течении реки Аксу, у Каратумшука, высоких

⁵⁷ Имеются в виду прежде всего статьи в сборнике «Новейший этап геологического развития территории Таджикистана», Душанбе, 1962: В. А. Васильев, *Стратиграфия четвертичных отложений Таджикистана*; В. В. Лоскутов, *Геоморфология Таджикистана*; А. К. Трофимов, *О возрасте и истории развития древних оледенений Западного и Юго-восточного Памира*.

⁵⁸ См., например: Г. Л. Юдин, *К истории развития поверхности на Памире*, — «Известия Всесоюзного географического общества», т. 64, 1932, вып. 1, стр. 85; В. В. Лоскутов, *Геоморфология Таджикистана*, стр. 206—208, и ряд других работ.

⁵⁹ О. С. Вялов, *О взаимоотношении Памира и Алтая*, — «Известия Тадж. ФАН СССР», № 2, 1943; Э. Л. Левен, Е. Ф. Романько, *О палеогеновых отложениях на Памире*, — «Доклады Академии наук СССР», т. 134, 1960, № 3, и другие работы.

⁶⁰ С. И. Клунников, *Метаморфические толщи Южного Памира*, — «Таджикско-Памирская экспедиция», М.—Л., 1934—1935, стр. 426, и другие.

⁶¹ Вопреки мнению В. В. Лоскутова («Геоморфология Таджикистана», стр. 204 и 208) и многих других исследователей о сохранении здесь доледникового рельефа и о консервирующей роли при этом оледенения.

⁶² В. М. Рейман, Л. Ф. Сидоров, *О древнем оледенении Юго-восточного Памира*, — «Доклады АН СССР», т. 147, 1962, № 2.

⁶³ Л. Ф. Сидоров, *К характеристике лугов верховьев Шахдары*, — «Известия отделения биологических и сельскохозяйственных наук АН ТаджССР», № 1(4), 1961, стр. 33.

террас (о возрасте их речь пойдет ниже), вновь «вырастающих» до 30 м у селения Мургаб, и на смещение к югу водораздела в вершинной части Рушанского хребта, в районе оз. Яшилькуль, в период максимального оледенения, находившегося севернее. Об этом ясно говорят троговый характер перевалов и положение областей питания древних глетчеров к северу от них, под прежним водоразделом⁶⁴.

Отсюда ясно, что нельзя безоговорочно принимать моренные и террасовые комплексы по обе стороны перевалов, расположенных в тектонически активной зоне, отделяющей Памир от Бадахшана, за одновозрастные, как это делают В. А. Васильев и А. К. Трофимов⁶⁵. Кроме того, они вслед за О. К. Чедия гипертрофируют роль тектоники в ходе оледенений⁶⁶, обусловленных климатическими изменениями общепланетарного порядка⁶⁷.

Такие принципиальные установки приводят к выводам о «метахронности» ледниковых эпох в Таджикистане⁶⁸ и «миграции» оледенения к западной периферии Памира⁶⁹. И то и другое должно значительно затруднить сопоставление возраста и синхронизацию ледниковых и водных отложений различных районов Горно-Бадахшанской автономной области, и проводить их следовало бы не так просто, как это делается указанными авторами.

Многие палеогеографические ошибки проис текают и от недооценки значения природной границы между Памиром и Бадахшаном, относящимися соответственно к Центральной и Передней Азии⁷⁰.

Для нас в этой связи важно подчеркнуть общеизвестное положение о том, что Памир издревле был населен кочевниками, а Бадахшан — исконными земледельцами. В соответствии с этим повсеместно распространенные на Памире сакские захоронения в переходной к Бадахшану полосе постепенно исчезают. Западнее появляются древние крепости с хорошей системой фортификации, что говорит о длительном развитии строительного искусства, незнакомого кочевникам⁷¹. Такого рода культурные различия могут иметь глубокие исторические корни. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что весьма обычные в Бадахшане петроглифы⁷² очень редко встречаются на Памире. Обнаруженные же в пределах нагорья рисунки, выполненные минеральными красками, неизвестны в Бадахшане и относятся к более древней, чем петроглифы, эпохе⁷³.

Для уточнения времени формирования элементов рельефа, на ко-

⁶⁴ Первое установлено нами, о втором см.: О. П. Сапов, *К неотектонике Рушанского хребта*, — «Доклады АН ТаджССР», т. 7, 1964, № 7, стр. 33.

⁶⁵ В. А. Васильев, *Стратиграфия четвертичных отложений Таджикистана*, стр. 15; А. К. Трофимов, *О возрасте и истории...*, стр. 257.

⁶⁶ А. К. Трофимов, *О возрасте и истории...*, стр. 279; О. К. Чедия, *История геологического развития территории Таджикистана в кайнозое*, — сб. «Новейший этап геологического развития территории Таджикистана», стр. 308.

⁶⁷ К. К. Марков, *Палеогеография*, М., 1961.

⁶⁸ О. К. Чедия, *История...*, стр. 308; В. А. Васильев, *Стратиграфия четвертичных отложений Таджикистана*, стр. 31.

⁶⁹ О. К. Чедия, *История...*; А. К. Трофимов, *О возрасте и истории...*, стр. 279.

⁷⁰ Л. Ф. Сидоров, *О границе между Передней и Центральной Азией*, — «Известия Всесоюзного географического общества», т. 96, 1964, вып. 6.

⁷¹ А. Н. Бернштам, *Историко-археологические очерки...*, стр. 285.

⁷² А. В. Гурский, *Наскальные рисунки в Горно-Бадахшанской автономной области*, — «Доклады АН ТаджССР», вып. 3, 1952; В. А. Ранов, *Наскальные изображения у кишлака Лянгар*, — «Известия Отделения общественных наук АН ТаджССР», вып. 4, 1960, и др.

⁷³ В. А. Ранов, *Рисунки каменного века в гроте Шахты; Изучение памятников...*, стр. 34; *Следы писаниц в навесе Куртеке*, — «Известия Всесоюзного географического общества», т. 96, 1964, вып. 1.

торых зафиксированы орудия каменного века, и для выявления дальнейших перспективных поисков палеолитических памятников необходимо по возможности четко определить последовательность формирования плейстоценовых отложений. Такая попытка предпринята нами в двух статьях⁷⁴, где показано, что наиболее молодые морены находятся на Памире в верховьях и средних частях почти всех долин второго порядка. Они, по всей вероятности, соответствуют последней, второй стадии позднечетвертичного оледенения ($Q_{III_2}^{gl}$). Несколько более древний комплекс конечных морен приурочен к устьевым частям большинства долин второго порядка и относится, по нашему мнению, к первой стадии последнего оледенения ($Q_{III_1}^{gl}$).

На этих моренах и сопрягающихся с ними террасах обнаружено большинство орудий, в том числе и предположительно наиболее древней группы памирских стоянок из Аличурской долины. Наибольшее количество каменных изделий этого времени дала стоянка Кулаккесты, расположенная в устьевой части долины правого притока р. Аличур Кулаккесты. В этой долине, как и во всех долинах притоков Аличура, имеются два моренных вала ($Q_{III_{1-2}}^{gl}$). Более древний из них ($Q_{III_1}^{gl}$) благодаря обширной области питания плейстоценовых глетчеров далеко «выступает» из устьевой части долины. На нем и расположены стоянки людей каменного века.

Левый борт Аличурской долины, представляющий собой вместе с тем северный склон Южно-Аличурского хребта, прикрывает своеобразный моренный чехол. Этот моренный комплекс несомненно является древнейшим из рассматриваемых, так как морены ($Q_{III_1}^{gl}$) вложены в него. Следы обширного оледенения, предшествовавшего позднечетвертичному, представлены, хотя и менее ярко, и на правом крае долины Аличура (т. е. на южном склоне хребта Базардар). Остатки грандиозного моренного комплекса, прикрывающего нижнюю часть северного склона Южно-Аличурского хребта, прослеживающиеся на южном склоне хребта Базардар, широко представлены и в горном обрамлении Булункульской озерной котловины⁷⁵.

Изучение распространения следов максимального оледенения неизбежно приводит к выводу о заполнении льдами всей Аличурской долины в период апогея плейстоцена.

Суммируя имеющиеся в литературе факты, картину максимального оледенения бассейна оз. Яшилькуль можно представить в следующем виде.

Ледник, заполнивший Аличурскую долину, доходил до окрестностей кишлака Акджар, где и оставил морену, перекрытую ныне межледниками отложениями и позднечетвертичной мореной⁷⁶. С юга к нему присоединялся ледник, двигавшийся по долине Комарутек от перевала Харгуш. Через него перетекали льды из Зоркульской

⁷⁴ Л. Ф. Сидоров, *Наложение морен на Памире как свидетельство новейших поднятий*, — «Известия Всесоюзного географического общества», т. 97, 1965, вып. 1; Л. Ф. Сидоров, О. П. Сапов, *К четвертичной истории рельефа в бассейне озера Яшилькуль на Памире*, — «Известия Всесоюзного географического общества», т. 97, 1965, вып. 4.

⁷⁵ Л. Ф. Сидоров, *К вопросу о древнем оледенении Памира*, — «Доклады АН СССР», т. 127, 1959, № 4.

⁷⁶ Л. Ф. Сидоров, О. П. Сапов, *К четвертичной истории рельефа...*

котловины, подобно Аличуру заполненной ими. Об этом свидетельствует валунный материал, происхождение которого связано с Ваханским хребтом. Аналогичное явление наблюдается и в левой составляющей Аличура — Гурумды⁷⁷. У места слияния ледников, сползших с востока по основной долине и с юга, они «обтекали» останец коренных пород и придали ему характерную форму. Глетчер, спускавшийся в Аличур с юга, принимал крупные притоки справа, из долин второго порядка — Тамды, Шегембет и слева, через перевал Куруктагаркы, с пика Кызылданга. Этот массив был тогда мощным центром оледенения. Ледники, формировавшиеся на его склонах, заполняли Булункульскую котловину, преодолевая на пути горное образование, отделяющее ее от пространства у перевала Койтезек. Из этой котловины ледник выходил на север, в долину Аличура⁷⁸, через проход между горами Кыр и Ган, упирался здесь в ее правый край и останавливался. Несколько выше, у массива Ган, утрачивал энергию стока глетчер основной долины. Об этом свидетельствует погребенная морена у Акджара.

В целом ледники на склонах северных, восточных и западных экспозиций, судя по остаткам морен, соединялись в единый поток и заполняли все долины и котловины, над которыми возвышались гребни хребтов, отдельные горные узлы и вершины. Южные склоны Базардара, вероятно, оледеневали в несколько меньшей степени. Однако и здесь все долины заполнялись глетчерами.

Правый борт Аличурской долины освободился от максимального оледенения несколько раньше левого (обращенного на север). В период таяния ледников вдоль него стекали флювиогляциальные воды, размывшие моренные отложения. Этим в основном и объясняется их плохая сохранность на южных склонах Базардара.

Максимальное полупокровное оледенение сыграло главную роль в моделировании рельефа основной части территории бассейна оз. Яшилькуль. Именно с этой эпохи унаследованы его слаженный нагорный характер, малые и большие троги, в том числе и такие обширные, как Аличурская долина. Последнее было отмечено в свое время Д. В. Наливкиным и В. И. Поповым⁷⁹. Против этого мнения, но, очевидно, без достаточных на то оснований выступал Р. Д. Забиров⁸⁰.

Обратимся к проблеме хронологии межледниковых отложений и морен наиболее продолжительной ледниковой эпохи. Достоверных следов существенной активности ледников в период между максимумом их развития и позднечетвертичным оледенением на Памире не обнаружено. Следовательно, речь идет о последнем межледниковье. При решении этого вопроса принципиальное значение имеет наличие

⁷⁷ В. П. Ренгартен, *Геологическое строение района Мургаб-Истык на Восточном Памире*, — «Труды Таджикско-Памирской экспедиции 1933 г.», вып. 22, 1935; В. А. Николаев, *Геология Северного склона Аличурского хребта*, — сб. «ТКЭ 1933 г.», Л., 1934; С. И. Клунников, *Аличур и Гунт (Юго-Западный Памир)*, — сб. «ТКЭ 1932 г.», Л., 1933.

⁷⁸ Здесь сформировалась морена, переработанная затем флювиогляциальными водами Пра-Аличура в террасу.

⁷⁹ Д. В. Наливкин, *Предварительный отчет о поездке летом 1915 года в горную Бухару и на Западный Памир*, — «Известия Российского географического общества», т. 52, 1916, вып. 3; Д. В. Наливкин, *Обзор геологии Памира и Бадахшана*; В. И. Попов, *Материалы по истории древнего оледенения Памира, Бадахшана и Дарваза*, — «Труды Всесоюзного геологоразведывательного объединения НКТП СССР», вып. 242, 1932.

⁸⁰ Р. Д. Забиров, *Оледенение Памира*, М., 1955.

межледниковых отложений у Акджара. Возражения против позднечетвертичного возраста перекрывающей их морены, основанные только на особенностях ее внешнего вида, вряд ли можно принимать во внимание⁸¹. Отнесение их В. А. Васильевым⁸² к среднечетвертичному отелу представляется нам недостаточно обоснованным. Прежде всего потому, что имеющихся палеоботанических материалов для определения возраста флороносных глин явно недостаточно, и среди них слишком мало безусловно древних форм, не существующих в на-ши дни⁸³.

На основании упомянутых флористических данных и длительности последнего межледникового, исчисляемой по количеству лент в озерных глинах у Акджара в 80 тыс. лет, А. К. Трофимов считает возраст морены полупокровного оледенения раннечетвертичным⁸⁴. С этим трудно согласиться хотя бы потому, что квартер охватывает промежуток времени гораздо больше, чем 80 тыс. лет. Интересно, что в Альпах последнее рисс-вюрмское межледниковое также определяется в 75 тыс. лет и более⁸⁵, причем к риссу относится наибольшее развитие глетчеров, а максимальное оледенение Каракорума, Тибета и Гималаев большинством исследователей рассматривается как среднечетвертичное⁸⁶. Это, очевидно, не случайные совпадения.

Изложенное приводит нас к выводу о возможности позднечетвертичного происхождения межледниковых отложений у Акджара. Из этого следует, что полупокровное оледенение Аличура и окраин собственно Памира может быть только среднечетвертичным (Q_{II}).

На основе такого подхода к оценке возраста плейстоценовых отложений рассмотрим еще некоторые детали рельефа в бассейне оз. Яшилькуль.

Кроме флороносных глин и флювиогляциальных галечников в разрезах у Акджара к последнему межледниковому относятся остатки абразионного уступа озера, затоплявшего всю долину Аличура. Косвенно о возможности его существования говорит положение среднечетвертичной морены под позднечетвертичной (Q_{III₁})^{g1} в ме-сте сужения Аличурской долины массивом Ган. Морена Q_{III₁}^{g1} в этом месте несомненно в самом конце плейстоцена некоторое время служила запрудой, выше которой существовало озеро, оставившее глинистые отложения, отчетливо налегающие на эту морену по левому берегу р. Шегембет, перед слиянием ее с Аличуром. Прямыми свидетельством существования межледникового озера служит небольшой уступ в коренных породах, прослеживающийся по всему правому борту основной долины над моренами Q_{III₁}^{g1}, лежащими в устьевых частях притоков. В верховьях он оказывается примерно на одном уровне с

⁸¹ В. В. Лоскутов, *Геоморфология Таджикистана*, стр. 210. Определения возраста древнеледниковых отложений только по их облику могут привести к неверным палеогеографическим выводам. По внешнему сходству морены различных генераций довольно часто принимаются за одновозрастные. Так, например, Р. Д. Забиров («Оледенение Памира») трактует морены верховьев Аксу, А. К. Трофимов («О возрасте и истории...») — моренные комплексы перевала Койтезек и т. д.

⁸² В. А. Васильев, *Стратиграфия четвертичных отложений Таджикистана*.

⁸³ Л. Ф. Сидоров, О. П. Сапов, *К четвертичной истории рельефа...*

⁸⁴ А. К. Трофимов, *О возрасте и истории...*

⁸⁵ А. Холмс, *Основы физической геологии*, М., 1949.

⁸⁶ F. Louwe, *Die Eiszeit in Kashmir, Baltistan and Ladak*, — «Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin», № 1—2; E. Norin, *Tertiary of the Tarim basin*; H. de terra and T. T. Paterson, *Studies on the ice age in India*.

поверхностями валунно-галечных террас, происхождение которых В. П. Ренгартен справедливо связывал с подпруживанием пра-Аличура ледниками⁸⁷. Уступ, являющийся, по-видимому, клифом, прослеживается также по левому борту основной долины у устья притока Башгумбез в коренных породах и далее вниз по течению Аличура на их останцах, прикрытых мореной Q_{II}^{gl} . Между этими останцами лежат морены $Q_{III_1}^{gl}$. Они как бы прорывают линию клиффа, что со всей очевидностью говорит о межледниковом возрасте последнего.

Теперь, когда возраст аккумулятивных форм рельефа в бассейне Яшилькуля определен, нетрудно указать те из них, на которых наиболее реальна возможность обнаружения палеолитических орудий, до мустырских включительно. Это прежде всего левобережная терраса в устье Аличура и близлежащая морена, подпружающая оз. Булункуль. Менее перспективны благодаря значительной денудации остатки среднечетвертичных морен этого района, но наличие на них палеолитических орудий вполне возможно. В этом плане интересны и остатки клиффа на левом берегу р. Аличур.

Находки орудий на моренах $Q_{III_1}^{gl}$ у Кулаккесты представляются в свете изложенного выше совершенно закономерными. Это место, по-видимому, было весьма удобным для стоянок древнейших охотников Памира. Стоянки в устьевой части долины Кулаккесты существовали, вероятно, на берегу обширного озера в среднегорных условиях, среди древесных зарослей, обычных для побережий среднегорных водоемов (ива, тополь, береза и т. д.). То же можно сказать и о всех местонахождениях правого борта Аличурской долины.

Мы пока не имеем точных данных о возрасте стоянок Аличура. Судя по материалу, они должны быть старше Ошхона, и их условно можно сопоставлять с одной из стадий верхнего палеолита сибирского типа. Абсолютный возраст древесных углей со стоянки Ошхона 9530 ± 130 лет⁸⁸. Стоянка эта расположена на террасе, сопрягающейся с мореной $Q_{III_2}^{gl}$. Следовательно, последнее оледенение на Памире уже завершилось к этому времени. В Северной Европе именно в этот период, 10 тыс. лет назад, как показывают радиоуглеродные даты, закончилась последняя стадия вюрма — «сальпаусселька», а в Северной Америке — основной (классический) «висконсин»⁸⁹. Это лишний раз показывает, как широк круг совпадений в абсолютной хронологии основных событий плейстоцена, и говорит о необходимости учитывать возможность их синхронности в планетарном масштабе. Все местонахождения каменных орудий Аличурской долины связаны с элементами рельефа, более древними, чем морены $Q_{III_2}^{gl}$. Однако именно эти морены, расположенные в средних частях долин второго порядка, археологическому обследованию не подвергались в полной мере. А судить о возрасте стоянок Аличура без такого обследования лишь по имеющимся на сегодняшний день данным невозможно.

⁸⁷ Террасы эти расположены под левым бортом в верховьях основной долины, выше устьевой части левой ее составляющей Гурумды (см.: В. П. Ренгартен, *Геологическое строение района Мургаб-Истык...*, стр. 75).

⁸⁸ С. В. Бутомо, В. А. Ранов, Л. Ф. Сидоров, *Некоторые вопросы исследования каменного века Памира*, стр. 14.

⁸⁹ Л. Р. Серебряный, *Вопросы абсолютной хронологии последней ледниковой эпохи*. — сб. «Абсолютная геохронология четвертичного периода», М., 1964, стр. 99, 105.

Перейдем к рассмотрению рельефа и истории его формирования в бассейне р. Мургаб-Аксу, не менее важном для дальнейших археологических исследований на Памире. Верховья крупнейшей водной артерии этой области — Аксу — представляют собой один из ключевых районов для решения ряда проблем палеогеографии этого нагорья. Поэтому четвертичные отложения должны быть проанализированы здесь достаточно детально.

Конечные морены, оставленные глетчерами последней эпохи оледенения, хорошо сохранились на правобережье верхней Аксу. В основной долине, у выхода в нее притоков Тегерменсу, Беик, Ханюлы, Каракуль, они сливаются в единое моренное поле. Ниже по правому борту основной долины таких полей нет и конечные морены как бы втягиваются в устьевые части долин второго порядка — Кочусу, Шинды, Окширияк, Дункельдык. По аналогии с Аличуром это морены $Q_{III_1}^{gl}$. Выше них в перечисленных долинах всюду имеются моренные валы $Q_{III_2}^{gl}$. Поиски археологических памятников на последних также еще не начались.

На сложенных плотными известняками массивах Акташ и Аюджолу, противостоящих друг другу по обоим бортам основной долины, ниже (по течению Аксу) правобережного моренного поля $Q_{III_1}^{gl}$ и над ним, наблюдаются яркие следы, очевидно, более древнего оледенения. Отчетливые остатки экзарации (курчавые скалы, испещренные ледниками шрамами), гранитные эрратические валуны и остатки боковых морен прослеживаются здесь до отметок 4700—4800 и более метров абсолютной высоты. Уровень поймы у подножия Акташа 3830—3850 м. Это свидетельствует о существовании в верховьях Аксу ледникового покрова мощностью не менее километра.

Подобных следов более древнего оледенения множество и над конечными моренами $Q_{III_1}^{gl}$ в устьевых частях правых притоков Аксу — Кочусу, Шинды, Окширияк, Дункельдык и между ними. Слоны гор и перевалы, разделяющие две последние долины, изобилуют эрратическими валунами. Ту же картину можно видеть и на правобережье низовий Дункельдыка и в ряде других мест.

Сопоставление свидетельств двух эпох оледенений весьма убедительно говорит о сравнительно скромных размерах завершающего этапа ледникового периода (Q_{III_2}) при полупокровном характере предшествующего. Каких-либо фактов, указывающих на наличие промежуточных ледниковых эпох между ними, нет. Следовательно, максимальное оледенение верховьев Аксу можно считать также только среднечетвертичным (Q_{II}). Это заставляет пересмотреть датировку обширного моренного поля, загромождающего днище основной долины от края до края ниже устья р. Дункельдык и протягивающегося более чем на 30 км от урочища Каракия вниз за слияние Аксу и Истыка. Р. Д. Забиров, а вслед за ним и А. К. Трофимов⁹⁰ связывают его происхождение с деятельностью ледников последнего оледенения, сползавших в основную долину по правым притокам Балгын и Дункельдык. Однако в последнем случае взаимное расположение моренных отложений двух генераций явно не соответствует такому выводу. Если же допу-

⁹⁰ Р. Д. Забиров. *Оледенение Памира*, стр. 221; А. К. Трофимов, *О возрасте и истории...*, стр. 266.

стить, что глетчер из долины Балгын в Q_{III_1} самостоятельно сформировал данное моренное поле, двигаясь при этом преимущественно вверх по долине Аксу, то придется объяснять и другое. Какие причины обусловили образование в сравнительно небольшой долине второго порядка столь крупного и энергичного ледника? Почему валунный материал созданного им моренного поля петрографически аналогичен отложениям полупокровного оледенения верховьев Аксу? Обсуждение этих и связанных с ними вопросов неизбежно приведет к признанию за среднечетвертичным глетчером Аксу главной роли в генезисе крупнейшего в основной долине моренного поля.

Следует обратить особое внимание на возраст сопряженных с ним сложенных флювиогляциальным материалом высоких террас Аксу, хорошо выраженных в основной долине до поселка Мургаб (с перерывом у Каратумшука). Ряд авторов относит их формирование к последнему оледенению⁹¹. Имеются высказывания и в пользу их более раннего генезиса⁹². Как изложенное выше, так и более общие соображения, заставляют нас считать второе мнение вполне справедливым. Особенно трудно сопоставимы скромные размеры позднечетвертичного оледенения с весьма обширным моренно-террасовым комплексом Аксу, в который на 20—30 м врезан современный тальвег. Объяснить такой врез изменением базиса эрозии в верховьях этой реки в голоцене трудно, потому что у Акташа преобладала боковая, а не глубинная эрозия. Тут нет надпойменных террас. Это указывает на погребение днища древнего трога речными наносами, а не на врез.

Следовательно, высокие террасы Аксу-Мургаба сформировались до голоцена, точнее, в период стаивания ледников максимального оледенения, т. е. в самом начале позднего плейстоцена, охватывающего последнее длительное межледниковые и две стадии позднечетвертичного оледенения. Поэтому на них могут быть обнаружены палеолитические орудия вплоть до мустьевских⁹³.

Мы не будем детально анализировать рельеф в бассейнах оз. Каракуль и р. Маркансу, где также открыто много памятников каменного века. В целом и там наблюдается аналогичное размещение моренных комплексов различных генераций. Однако обширных межледниковых (производных размыва морен максимального среднечетвертичного оледенения) террас нет. Коррелятные им образования местами сильно размыты, например на северо-восточном побережье оз. Каракуль. Вместе с тем на остатках морен Q_{II} и сопряженных с ними террас также возможны находки палеолитических орудий, как и в других районах Памира. В частности, орудия палеолитического облика в долине Маркансу (ниже дома дорожного мастера) обнаружены на морене не моложе первой стадии позднечетвертичного оледенения ($Q_{III_1}^{gl}$).

⁹¹ Г. А. Дуткевич. Геологические исследования в Шоркуль-Мынхаджирском районе на Восточном Памире летом 1933 г. — «Труды ТПЭ 1933», вып. 36, 1934; Р. Д. Забиров. Оледенение Памира; А. К. Трофимов, О возрасте и истории... и др.

⁹² Г. Г. Мельник, Ш. Ш. Деникаев, В. М. Ромайкин, К стратиграфии и истории формирования четвертичных отложений Восточного Памира, — «Тезисы докладов и сообщений I Таджикского республиканского совещания по изучению четвертичного периода», Душанбе, 1959.

⁹³ Это подтверждают находки у Мургаба (см.: В. А. Ранов, Первые памятники..., стр. 189 и 190).

Мезолитические стоянки на Северном Памире, как и в ранее рассмотренных его районах, расположены на элементах рельефа не моложе раннеголоценового возраста. Особенным богатством материала среди них выделяется Ошхона, о которой подробно говорилось выше.

Нельзя составить представление об условиях жизни первобытных людей без попытки расшифровать хотя бы в общих чертах ход развития растительного покрова Памира под влиянием изменения климата нагорья. При этом изучение лесного прошлого ныне абсолютно безлесного высокогорья заслуживает особого внимания. Вопросы эти рассматривались уже нами⁹⁴, поэтому нет необходимости в настоящем изложении говорить о них во всех деталях.

К настоящему времени в пределах Памира является бесспорным непрерывное развитие лесной растительности по крайней мере с палеогена до среднечетвертичного времени. Палинологическое исследование глин из разрезов у Акджаара иллюстрирует богатство межледниковых лесов Южного Памира и соседних областей⁹⁵. К сожалению, присутствие в озерных отложениях пыльцы тех или иных растений не указывает еще на их былое произрастание поблизости благодаря возможности заноса ее ветром из весьма удаленных районов. Об этом говорит наличие в послеледниковых отложениях Памира пыльцы кедра и сосны⁹⁶, произрастающих ныне за Гиндукушем. Вместе с тем многочисленные реликты также свидетельствуют о возможности существования на Памире и в Бадахшане лесной растительности, вероятно, вплоть до голоцене и о флористических связях этих областей с Гималаями⁹⁷. К их числу относятся, например, характерные представители ельников *Rugola tianschanica* Pol. и *Neottia kamtschatica* (L.) Rchb. f., произрастающие в березняках близ ледника Федченко⁹⁸. *Rugola* вообще неоднократно гербариизировалась в Бадахшане. Обитающая в этой области и нередко заходящая на Памир рысь также интересна в этом плане. Это сугубо лесное животное, характерный обитатель тайги, живет в скалах и вполне может рассматриваться как реликт таежных лесов. Под таким углом зрения следует, возможно, рассматривать и происхождение обитающего по окраинам памирского нагорья, в Бадахшане и Тибете, бурого медведя (*Ursus arctos leuconyx* Severtz). Кроме того, анализ биологии, филогении и особенностей распространения обитающих на Памире птиц привел Р. Л. Потапова к выводу о недавнем проникновении в пределы нагорья тибетских видов, которое происходило в несколько этапов, по мере превращения его из лесистой горной области в полупустынное высокогорье⁹⁹. По внешним склонам Памира,

⁹⁴ Л. Ф. Сидоров, *Луга Памира...*, стр. 16; Л. Ф. Сидоров, *Развитие растительного покрова Памира в послеледниковое время*, — «Ботанический журнал», т. 48, 1963, № 5; Л. Ф. Сидоров, *К истории лесов Памира*, — «Тезисы докладов 18 Герценовских чтений Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, география и геология», Л., 1965; Л. Ф. Сидоров, Р. Л. Потапов, *К истории лесов Памира и прилегающих областей в позднечетвертичное время*, — «Ботанический журнал», т. 50, 1965, № 6.

⁹⁵ М. М. Пахомов, *Первые результаты палинологических исследований кайнозойских отложений Памира*, — сб: «Новейший этап геологического развития территории Таджикистана», Душанбе, 1962.

⁹⁶ М. М. Пахомов, *Первые результаты...*, стр. 62.

⁹⁷ Л. Ф. Сидоров, *К находке Carex rupnostachya Kar. et Kir. на Памире*, — «Ботанический журнал», т. 44, 1959, № 3; Л. Ф. Сидоров, Р. Л. Потапов, *К истории лесов Памира...*

⁹⁸ Г. М. Ладыгина, *К познанию растительности района ледника Федченко (долина реки Каинды)*, — «Ботанический журнал», т. 47, 1962, № 3, стр. 382.

⁹⁹ Р. Л. Потапов, *Распространение и биология птиц памирского нагорья* (автореф. дисс.), Л., 1963.

в Западном Кунылуне, сохранились до сих пор в укрытых местообитаниях рощи тяньшанской ели (*Picea schrenkiana* F. et M.)¹⁰⁰. По мнению Э. М. Мурзаева, которое мы вполне разделяем, это остатки «елового моста», соединявшего Наньшань с Таньшанем¹⁰¹.

Учитывая особенности ныне существующих элементов растительности, рассмотрим относящиеся к голоцену данные, полученные археологами. Прежде всего обратим внимание на остатки растений. Наиболее древними являются древесные остатки, собранные на стоянке Ошхона. Оказалось, что человек в начале голоцена использовал на топливо березу (*Betula* sp.), арчу (*Juniperus* sp.) и терескен (*Eurotia saggatoides* G. A. M. s. l.). Стоянка Ошхона расположена в одном из самых суровых мест Памира, на высоте около 4100 м. Ближайшие местообитания арчи и березы находятся: западнее, на расстоянии более 100 км в долинах Беляндкиика и Саукдары, за непроходимыми направлением высокими гребнями и ледниками хребта Зулумарт; севернее, на северном склоне Алайского хребта, за двумя хребтами Заалайским и Алайским и Алайской долиной; южнее находится ныне полупустынный Памир. Нам неизвестно, как далеко к востоку от стоянки произрастают береза и арча ниже по течению р. Маркансу. Во всяком случае на расстоянии значительно большем одного, а может быть, двух дневных переходов¹⁰². Это делает маловероятной доставку топлива издалека, тем более, что произрастающий до сих пор в изобилии вокруг терескен, которым тоже топили в те времена, вполне мог избавить от такой необходимости.

Наличие древесной растительности близ стоянки Ошхона свидетельствует о более мягких условиях, существовавших на южном склоне Заалайского хребта в мезолите, по сравнению с современными. Стоянка помещалась, вероятно, в тугайных зарослях на берегу р. Ошхонаджилга. Ныне это маленький ручеек, не имеющий постоянного стока летом и безводный остальное время года. Однако размеры и состав террас в долине бывшей реки говорят о наличии здесь в прошлом, возможно сезонного, но регулярного стока несравненно больших масс воды. В тугае росли, нужно полагать, не только береза, но и тополь, ива, облепиха и другие породы. Подобные тугайные заросли существуют в настоящее время на абсолютных высотах не более 3500 м (например, в долинах Беляндкиика и Саукдары). Отдельные экземпляры березы изредка встречаются на высоте до 3700—3800 м, но они скорее являются свидетельствами недавнего поднятия, а не показателем нормальных условий произрастания тугаев¹⁰³.

Следовательно, стоянка Ошхона за 9500 лет поднялась не менее чем на 500—600 м. Это предположение справедливо, если допустить постоянство природной обстановки в Памиро-Алае и неизменность положения снеговой линии за указанный период. Однако такие допуще-

¹⁰⁰ А. А. Юнатов, *О некоторых эколого-географических закономерностях растительного покрова Синьцзян-уйгурского автономного района. Природные условия Синьцзяна*, М., 1960.

¹⁰¹ Э. М. Мурзаев, *Центральная Азия в кайнозое*, — сб. «Идеи академика Обручева о геологическом строении Северной и Центральной Азии и их развитие», М.—Л., 1963.

¹⁰² Ссылку О. Е. Агаханяца на Свена Гедина (О. Е. Агаханяц, *К проблеме эволюции климатов Памира*, стр. 268), который якобы указывал на произрастание березников в 70 км от Ошхона ниже по течению Маркансу, не следует переоценивать. С. Гедин пересек Маркансу по караванной тропе, с которой ныне совпадает на этом участке трасса автотракта. Вниз по Маркансу, судя по картосхеме его маршрутов, он не спускался (см.: С. Гедин, *В сердце Азии. Памир — Тибет — Восточный Туркестан*, СПб., 1899).

¹⁰³ В. К. Луканенкова и Л. Ф. Сидоров, *О наивысших пределах произрастания кустарников в горах СССР*.

ния вряд ли основательны, так как интенсивные поднятия окраинных хребтов неизбежно вызывали иссушение медленнее поднимавшихся внутренних областей Памира и Бадахшана.

Учитывая это и приуроченность верховьев Маркансу к южным склонам Заалайского хребта, весьма активно поднимавшегося в квартете, поднятие района стоянки в голоцене придется считать несколько большим, примерно 800—1000 м, т. е. 8—10 см в год. Подобная скорость поднятия указана В. М. Синицыным и для Куньлуня (13—14 см в год в течение голоцена) ¹⁰⁴.

Интересно, что на топливо в очагах стоянки Шихона наряду с бересней и арчой использовался терескен. В ближайших к верховьям Маркансу районах современного произрастания тугаев и арчевников в Бадахшане, Алае и Западном Куньлуне они сочетаются со степями и терескенниками ¹⁰⁵. Поэтому возможно считать, что природные условия начала голоцена на Памире были близки к современным в среднегорьях указанных районов.

О существовании более мягких, чем современные, условий на Памире и несколько позднее говорят наскальные рисунки грота Шахты, датируемые мезолитом — ранним неолитом ¹⁰⁶. Грот находится на высоте 4200 м в левом борту ущелья Шахты. Все изображения сделаны минеральной краской и относятся к одним из древнейших на территории нашей страны. Наиболее примечательны изображение человека, замаскированного под страуса, и рисунки кабанов. Трудно представить себе одновременно на Памире человека и типичного обитателя саванн — страуса. Вероятно, древние охотники могли видеть его не обязательно здесь, но где-то поблизости. В этой связи следует иметь в виду, что находки яиц страуса имели место в Средней Азии в исторические времена ¹⁰⁷. Эта птица могла обитать и в Кашгарии, куда, возможно, спускались на зимовку мезолитические люди, летом охотившиеся на Памире. Недаром существует мнение о том, что данное изображение является тотемистическим ¹⁰⁸.

По-видимому, в первой половине голоцена страус мог еще существовать кое-где в Центральной и Средней Азии в условиях, близких по основным признакам саваннам.

Верхний предел современного распространения кабана — 3000 м ¹⁰⁹. Однако в мезолите он мог обитать и на Памире. На рисунках ясно видны стрелы, поразившие животных. Подобные сюжеты обычны среди наскальных изображений Евразии и Африки. Это типичная «охотничья магия» ¹¹⁰. К ней прибегали непосредственно перед охотой. По верхнему Пянджу, по рассказам местных жителей, в густых тугайных зарослях, произраставших непрерывной полосой до кишлака Вахан (абс. высота около 3000 м), еще лет 30—40 назад водились ка-

¹⁰⁴ В. М. Синицын, Центральная Азия..., стр. 146.

¹⁰⁵ В. К. Луканенкова, Особенности растительного покрова на контакте природных областей Бадахшана, Памира и Алая (бассейн р. Беляндкын), — «Ботанический журнал», т. 48, 1963, № 4; К. В. Станюкович, М. Б. Кривоногова, Г. М. Ладыгина и Л. Ф. Сидоров, Растительные пояса на Заалайском и Алайском хребтах в бассейне Кашгарской Кзыл-су, — «Известия отделения естественных наук АН ТаджССР», № 16, 1956.

¹⁰⁶ В. А. Ранов, Рисунки каменного века в гроте Шахты.

¹⁰⁷ М. Е. Массон, Яйца страусов в Узбекистане, — «Социалистическая наука и техника», 1935, № 5.

¹⁰⁸ В. А. Ранов, Изучение памятников..., стр. 32.

¹⁰⁹ В. И. Чернышов, Фауна и экология млекопитающих тугаев Таджикистана, — «Труды АН ТаджССР», т. 85, 1958.

¹¹⁰ В. А. Ранов, Изучение памятников..., стр. 34.

баны. В 1957 г. они заходили из Афганистана в район Ишкашима (устное сообщение профессора А. В. Гурского).

Во время раскопок культурного слоя в гроте Шахты и скальном навесе в том же сае Куртеке были найдены немногочисленные остатки растений хорошей сохранности. Удалось определить корневища и веточки терескена, мирикарии, щепочки и веточки ивы, часть соломинки тростника с узлом. В настоящее время из-за отсутствия воды в долине Шахты не может произрастать ни одно из перечисленных растений, кроме терескена. Ближайшие местообитания ивы и мирикарии находятся за 30 км, в урочище Джамантал, на высоте 3580 м, а тростника — в 40 км, на правом берегу р. Мургаб, в урочище Карадемур. На пространствах, отделяющих грот Шахты от указанных мест, в растительном покрове абсолютно преобладает терескен. Однако не исключена возможность произрастания ивы, мирикарии и тростника в долине Шахты в неолите, когда, судя по характеру аллювия, в гроте существовал постоянный или сезонный сток воды по ныне почти постоянно сухим руслам — саям. Природные условия тогда, вероятно, были более мягкими также благодаря несколько меньшим абсолютным высотам в бассейне р. Карасу.

Об этом говорят и находки в слое бронзы в долине Куртекесай, напротив ущелья Шахты, в гроте Найзаташ. Среди извлеченного оттуда материала¹¹¹ определены остатки терескена, полыни, ивы, мирикарии, чия. Интересно, что последний, судя по состоянию его дерновины, использовался как щетка или грубая мочалка.

К эпохе бронзы относится могильник, обнаруженный на левобережной надпойменной террасе Кокуйбелсу на абс. высоте 3500 м. В одном из захоронений последнего Б. А. Литвинский встретил при раскопках перекрытия из стволов ивы толщиной 10—12 см и крупные древесные угли. В настоящее время поблизости от могильника, в пойме, имеются только карликовые кустики ивы и мирикарии, а за ее пределами на террасах и шлейфах господствует терескен.

О том, что более мягкий, чем в наши дни, климатический режим существовал и позже (в середине первого тысячелетия до н. э.), говорят находки в сакских курганах, раскопанных в верховьях Аксу А. Н. Бернштамом и Б. А. Литвинским. Так, при вскрытии погребальных сооружений у Кызылрабата были обнаружены арчевые перекрытия¹¹². Предположение о доставке арчи для погребального ритуала издалека, по-видимому, не имеет под собой почвы. Во-первых, потому, что находки древесных остатков в захоронениях довольно случайны. В однотипных курганах одинаковой древности попадаются и арча и ива или вообще нет дерева. Во-вторых, в расположенных ныне на абс. высотах 4300—4400 м курганах (долина Андаминсу) древесных остатков совсем не обнаружено, о чем нас любезно информировал Б. А. Литвинский. По всей вероятности, ни арчи, ни ивы в этих местах 2,5 тысячи лет назад не было, так как и в то время курганы располагались уже в высокогорьях. Однако, если бы в арче была необходимость, она свободно могла бы быть доставлена с Кызылрабата, расположенного в одном дневном переходе от обнаруженных захоронений.

Везде в ближайших к Памиру районах произрастания арчи — в Западном Куналине, Алае, Бадахшане — ей сопутствует степная рас-

¹¹¹ В. А. Ранов, *Раскопки памятников...*, стр. 7, 9.

¹¹² А. Н. Бернштам, *Саки Памира...*

тительность¹¹³. Кроме того, арча в наиболее сухих районах у верхних пределов произрастания всегда тяготеет к северным склонам, где зимой устойчив достаточно мощный снежный покров. Это экологически сближает ее с типчаковыми степями высокогорий Памира. Вероятно, во времена саков арча также произрастала на Кызылработе в степном скружении. До настоящего времени здесь сохранились типчаковые степи и целый ряд ныне очень редких на Памире степных растений¹¹⁴. В этом плане интересно указание О. А. Федченко о сборах арчи на восточном склоне Сарыкольского хребта, невдалеке от Кызылработа, в ущелье Пистан, на высоте около 4 тыс. м¹¹⁵.

Несколько тысяч сохранившихся могильных курганов саков и почти повсеместное их распространение на Памире — свидетельства большой популярности этой области у скотоводов-кочевников в VII—II вв. до н. э. По количеству и расположению могильников в почти необитаемых ныне местах (главным образом из-за отсутствия там в настоящее время питьевой воды и хороших пастбищ) можно заключить, что возможности летних кочевок у саков были шире, чем у киргизов в начале нашего века¹¹⁶. Для имевшегося у саков, вероятно, значительного количества скота должны были существовать достаточно богатые пастбища. Современный, в основном полупустынный, растительный покров Памира ни в коей мере не отвечает этому требованию. Указанные обстоятельства заставляют думать, что саки могли располагать несколько более мощной кормовой базой лишь при достаточно широком распространении степей. Свидетельства былого степного этапа в формировании природы Памира приведены выше.

Во II в. до н. э. как по письменным источникам, так и по материалам раскопок установлено значительное передвижение народов Средней и Центральной Азии¹¹⁷. Большая часть кочевого населения Памира и сопредельных областей уходит в это время в Северную Индию. Наличие единичных родов и племен фиксируется по малочисленным захоронениям до начала нашей эры, однако широкое использование памирского нагорья скотоводами прекращается¹¹⁸. Трудно судить об основных, исторических предпосылках переселения. Однако ухудшение природных условий нагорья также могло быть одной из причин утраты его популярности у скотоводов. По-видимому, состояние пастбищ стало ограничивать возможности выпаса большого количества скота и кочевники перестали посещать Памир столь интенсивно, как прежде.

¹¹³ А. А. Юнатов, *К познанию...*; К. В. Станюкович, М. Б. Кривоногова, Г. М. Ладыгина, Л. Ф. Сидоров, *Растительные пояса на Заалайском и Алайском хребтах...*

¹¹⁴ Л. Ф. Сидоров, *Развитие растительного покрова Памира...*, стр. 634.

¹¹⁵ О. А. Федченко, *Четвертое дополнение к флоре Памира*, — «Труды Санкт-Петербургского ботанического сада», т. 28, 1909, вып. 3.

¹¹⁶ Памирские кара-киргизы в конце XIX в. путем сложных сезонных перекочевок добивались максимально полного использования весьма ограниченных пастбищных ресурсов Памира, возможного при экстенсивном способе ведения скотоводства [см.: Скерский, *Краткий очерк Памира*, — «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. 50, СПб., 1892, стр. 37; Кузнецова, *Памир*, — «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. 56, 1894, стр. 8—9; А. Е. Снесарев, *Северо-Индийский театр (военно-географическое описание)*, ч. I, Ташкент, 1903, стр. 71 и др.]. В этом смысле оно, возможно, несколько отличалось от существовавших во времена саков более благоприятных условий выпаса скота.

¹¹⁷ Н. А. Аристов, *Этнические отношения на Памире...*; С. С. Черников, *Роль андроновской культуры в истории Средней Азии и Казахстана*, — «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», М.—Л., 1957, и др.; А. Н. Мандельштам, *Материалы...*

¹¹⁸ Б. А. Литвинский, *Археологические исследования на Восточном Памире...*

Сведения, сообщаемые путешественниками, и описание Марко Поло говорят о наличии 1300—800 лет назад природной обстановки близкой современной¹¹⁹. Очевидно, смена степной фазы полупустынной произошла до их посещения Памира, возможно к рубежу нашей эры. Такое датирование резкого ухудшения природных условий нагорья соответствует и данным А. В. Шнитникова о 1800—1900-летних циклах изменения общей увлажненности материков в голоцене¹²⁰. Это совпадение, по-видимому, не случайно, несмотря на то, что Памир относится к числу наиболее активно поднимавшихся в послеледниковые областей. Тектонические движения и в данном случае лишь вносили корректиры, хотя и весьма существенные, в процесс иссушения, обусловленный причинами общепланетарного порядка. На широком фоне последнего поднятие Памира в обрамлении высочайших хребтов привело к формированию современного, чрезвычайно сухого и холодного природного комплекса, сопоставимого лишь с таковым в Тибете.

Не шло ли развитие природы последнего теми же путями, что и на Памирском нагорье? Есть много оснований для положительного ответа на этот вопрос.

Из примыкающих к Памиру территорий особенно значительное иссушение претерпели в голоцене Таримская впадина и Куньлунь¹²¹.

На основе изложенного выше общая картина смены условий жизни человека на Памире в позднем квартере представляется в следующем виде.

По мере вздымания памирского нагорья в обрамлении высочайших поднятий нарастало похолодание и иссушение его внутренних частей. Оно было несколько смягчено позднечетвертичным оледенением, проходившим в две стадии.

Последнее (рисс-вюрмское) межледниковые было длительным (более 80 тыс. лет) с довольно разнообразными по увлажнению природными условиями, по термическому режиму преимущественно среднегорными. Несколько ксерофилизованная растительность типа богатых степей с арчевниками преобладала на пологих склонах и по днищам крупных долин. В достаточно укрытых местообитаниях с повышенным атмосферным увлажнением существовали хвойные леса (с наличием ели, пихты, гималайского кедра). По берегам рек и озер росли разнообразные по составу тугай. В наиболее засушливых участках (например, в «дождевой тени») были представлены фитоценозы типа сухих степей, колючеподушечников, колючетравий полупустынь.

В эпоху последнего (вюрмского) оледенения несколько шире, чем в наши дни, были распространены ельники по окраинам Памира, в том числе в Бадахшане и Алае. Арча росла еще почти по всему нагорью на общем степном фоне.

¹¹⁹ См. цитату из сочинения Сюань Цзана в работе: П. А. Баранова, *Памир и его земледельческое освоение*, М., 1940, стр. 8; Поло Марко, *О разнообразии мира*, М., 1956, стр. 76.

¹²⁰ А. В. Шнитников, *Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария*, — «Записки Всесоюзного географического общества», новая серия, т. 16, 1957; *Динамика компонентов ландшафтной оболочки в эпоху голоцена*, — «Вопросы голоцена», сб. ст., Вильнюс, 1961.

¹²¹ Это прекрасно доказал В. М. Синицын (см. его работы: *К четвертичной истории Таримской впадины*, — «Бюллетень Московского общества испытателей природы», отделение геологическое, т. 22, 1947, вып. 3; *Геологический фактор в изменении климата Центральной Азии*, — там же, т. 24, вып. 5 и др.) и подтвердили многими фактами в одной из последних своих работ Э. М. Мурзаев (см.: Э. М. Мурзаев, *Центральная Азия в кайнозое*), хотя и пытался ранее отстаивать противоположную точку зрения.

Глетчеры вюрмского оледенения сократились благодаря иссушению до современных размеров, несмотря на продолжавшееся поднятие и связанное с ним похолодание.

В раннем голоцене значительная часть межгорных пространств не была еще поднята до уровня высокогорий и на них в поймах рек росли тугай из тополя, ивы, а также березы и других древесных пород, по склонам — арчевники, на обдуваемых, свободных зимой от снега, перегибах склонов и по вершинам моренных холмов произрастали терескенники, широкое распространение имели степи и луга.

В среднем голоцене субальпийские луга постепенно отступали в поймы рек, теснимые степями и фитоценотически близкими им полынниками, среди которых нередки были и современные полупустынные элементы. Терескенники получили значительное распространение. Склоны покрывали арчевые редколесья. По основным долинам сохранились кое-где вдоль рек тугай. Луговые травостои подвергались ксерофилизации. Достаточно мощный зимний снежный покров обеспечивал широкое распространение на высокогорных лугах всего Памира кобрезников.

Затем около двух тысяч лет назад, в субальпийской ступени на смену степям пришли современные терескеновые полупустыни и редкотравные опустыненные степи. Благодаря сильному уменьшению мощности зимнего снежного покрова, местами вплоть до полного его исчезновения, к настоящему времени на Северном Памире почти нет кобрезников, а на юге области они значительно деградировали.

Л. Н. Гумилев

СОСЕДИ ХАЗАР

В 1960 г. во время рекогносцировочного маршрута в дельту Волги наше внимание привлек бугор Степана Разина в Зеленгинском районе. На вершине бугра была найдена керамика и погребение хазарского времени. Организованная в 1961 г. экспедиция произвела детальную разведку могильника с зачисткой отдельных участков. Это оказалось не только своевременным, но даже несколько запоздалым шагом, так как местное население все время то ищет клады, по преданию закопанные здесь С. Разиным, то берет глину вместе с костями для кирпичного завода, то выкапывает кости и сдает их в утиль. Таким образом большая часть могильника уничтожена. Однако даже остатки его, обнаруженные нами, превзошли все ожидания.

Бугор Степана Разина — один из многочисленных бэрновских бугров дельты Волги. Абсолютная высота его вершины минус 4,6 м, а подножия минус 20 м. Современный урез воды в речке Подразинской минус 24 м. Следовательно, в эпоху трансгрессии Каспия, в XIII—XIV вв., волны моря едва омывали бугор, но все же делали его островом, так как глубины вокруг него равнялись 4—5 м¹. Зато в период низкого стояния Каспия, т. е. в I тысячелетии н. э., равнина восточной дельты была покрыта роскошной луговой растительностью и кочевникам ничто не мешало использовать ее для зимовок². На основании этих посылок мы вправе были сделать вывод, что могилы на бугре датируются не позднее чем XII в., что и подтвердилось в ходе работ.

Время и люди сильно деформировали обрис бугра. Восточная часть его срезана во время добычи глины для кирпичного завода. Прочие стороны оползли, и только вершина бугра сохранила первоначальные очертания миниатюрного плато, поросшего редкими колючими кустиками — гипничный ландшафт полупустыни. Гумусный слой отсутствует. Его заменяет супесчаная пыль, под которой идет слой сухой, очень плотной супеси мощностью до 20 см, иногда прерывающейся или утончающейся. Ниже — материк, мягкая супесь.

¹ Л. Н. Гумилев, *Хазария и Каспий*, — «Вестник ЛГУ», серия географическая, № 6, 1964.

² А. А. Алексин, Л. Н. Гумилев, *Каспий, климат и кочевники Евразии*, — «Труды Общества истории, археологии, этнографии», Казань, 1963.

Все находки связаны с твердым серым слоем; и даже когда они лежат в материке, их верхняя граница касается горизонта твердого слоя. Ряд зачисток показал, что полы бугра состоят из материковой супеси и лишены остатков костей или керамики. Все находки были сделаны на верхней части южной половины бугра.

Работами 1961—1962 гг. на поверхности бугра вскрыто 20 погребений: четыре трупосожжения, которые мы считаем тюркотскими³; четыре расчлененных костяка, похороненных сидя, в двух случаях сопровождавшиеся погребением женщины со смещеными шейными позвонками. Эти погребения мы относим к телесцам⁴; пять погребений, которые мы считаем хазарскими⁵; три погребения казахов XIX в.; одно погребение в подбое и одно — с конем.

Остановимся на двух погребениях, раскопанных Хазарской экспедицией в 1961 г., аналогии к которым находим далеко за пределами дельты Волги.

Особое внимание обращает на себя скелет в восточной части могильника. Он ориентирован на ONO (азимут 75°), лежит на спине, руки вытянуты вдоль тела, ступни ног отсутствуют, но следов обрубленных костей тоже нет. Костяк был засыпан рыхлой влажной землей. Такая консистенция земли возможна только при медленном заполнении подбоя. Действительно, контуры могильной ямы прослежены в северо-западной части раскопа, против правой ноги скелета. Подбой был сделан с юго-запада. В изголовье скелета лежит, как обычно, крестец барана; справа, от головы до бедра — узда железная, очень плохой сохранности; седло-подушка, кожаное, обшитое костяными пластинками; сабля с ручкой под углом к лезвию, в деревянных ножнах желтого цвета; стремя круглое, железное. На поясе железный нож с деревянной ручкой.

Могилы с подбоем, кроме древнемонгольских⁶ и сарматских⁷, отмечены К. Ф. Смирновым в предгорном Дагестане и датируются хазарским временем⁸.

Обнаруженное нами погребение по ориентировке, обряду и сохранившемуся инвентарю можно отнести к этой группе памятников, широко представленной на Северном Кавказе. Форма стремени и отогнутость ручки сабли заставляют считать наше погребение ранним в пределах допускаемых датировкой всей культуры, т. е. отнести его к VII—VIII вв.⁹.

Железное стремя появляется в Азии в V в. Круглая форма с расширением соответствует мягкой обуви, которую носили VI—

³ Л. Н. Гумилев, *Алтайская ветвь тюрок-тюю*, — «Советская археология», 1959, № 1, стр. 105—114.

⁴ L. Gumilev, *New data of Khazaria*, — «Acta archaeologica», № 2, Budapest, 1965.

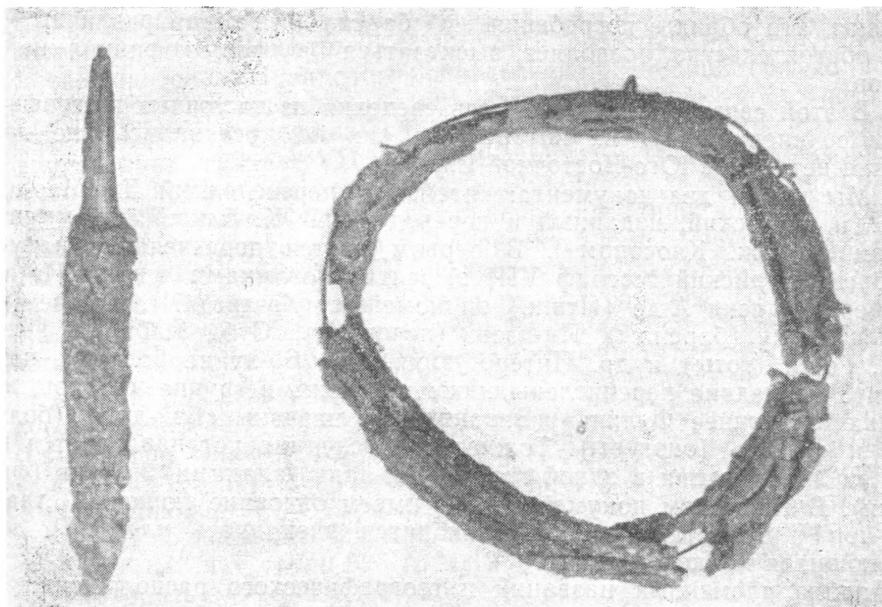
⁵ Л. Гумилев, *Хазарские погребения на бугре Степана Разина*, — «Сообщения Государственного Эрмитажа», вып. XXVI, 1965.

⁶ «Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука», М., 1957, стр. 32—33.

⁷ С. С. Сорокин, *Среднеазиатские подбояные и катакомбные захоронения как памятники местной культуры*, — «Советская археология», вып. XXVI, 1956, стр. 91—117. Приведена литература.

⁸ К. Ф. Смирнов, *Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана*, — «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», вып. XXXVIII, 1951, стр. 113—118; М. И. Артамонов, *История хазар*, Л., 1962, стр. 311.

⁹ Г. Ф. Корзухина, *Из истории древнерусского оружия XI в.*, — «Советская археология», вып. XIII, стр. 75; Н. Я. Мерперт, *Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем Средневековье*, — «Советская археология», вып. XXIII, 1955, стр. 160 и сл.; W. Arendt, *Türkische Sabel aus dem VIII—IX Jh.*, — «Archaeologia Hungarica», XVI, 1935, pp. 48—68.

СТРЕМЯ И НОЖ БАРСИЛА

VIII вв.¹⁰. Такие стремена в VII в. были распространены от Центральной Азии до Венгрии¹¹. Они резко отличаются от салтовских стремян с прямой подставкой, удобных для обуви с твердой подметкой¹². Равным образом слабо изогнутая сабля с отогнутой ручкой является переходной формой от меча к сабле и датируется эпохой, когда на востоке господствовали тюрки, а на западе хазары¹³.

Седло без деревянного каркаса и для VII в. было весьма несовершенно. Кочевники в VII в. умели делать седла, формы которых удержались до XX в. Это обстоятельство заставляет предположить, что тут мы имеем дело с всадником, но не кочевником, и на этом основании согласиться с М. И. Артамоновым, приписывающим всю эту группу сходных памятников барсилам, современникам и близким родственникам хазар¹⁴. Барсили впервые упомянуты Феофилактом Симокаттой как одно из северокавказских племен, подвергшихся нападению аваров¹⁵, и в «Армянской географии», которая локализует их «на острове» в дельте Волги, где они укрывались от хазар¹⁶. По ранним сведениям, барсили и хазары два разных народа, а по мнению авторов X в.— близко родственные племена¹⁷. Наши находки пока-

¹⁰ С. В. Киселев, *Древняя история Южной Сибири*, М., 1951, стр. 518; Л. Н. Гумилев, *Статуэтки воинов из Туок-Мазара*,—«Сборник Музея антропологии и этнографии», т. XII, Л., 1949, стр. 234.

¹¹ Л. Н. Гумилев, *Статуэтки воинов...*, стр. 246; М. И. Артамонов, *История хазар*, стр. 178.

¹² См.: С. С. Сорокин, *Железные изделия Саркела—Белой Вежи*,—«Материалы и исследования по археологии СССР», № 75, стр. 137, 148—150.

¹³ М. И. Артамонов, *История хазар*, стр. 454; С. А. Плетнева, *Печенеги, тюрки и половцы в южно-русских степях*,—«Материалы и исследования по археологии СССР», № 62, 1958, стр. 169; Г. Ф. Корзухина, *Из истории древнерусского оружия XI в.*; Н. Я. Мерперт, *Из истории оружия...*, стр. 167.

¹⁴ М. И. Артамонов, *История хазар*, стр. 312.

¹⁵ Феофилакт Симокатта, *История*, М., 1957, стр. 160.

¹⁶ М. И. Артамонов, *История хазар*, стр. 132.

¹⁷ П. К. Коковцев, *Еврейско-хазарская переписка в X в.*, Л., 1962, стр. 72.

зывают, что обряды погребения у барсил и хазар различны¹⁸, и это обстоятельство позволяет высказаться в пользу ранних источников.

В этой связи уместно привлечь сведения из восточных географических сочинений VIII в., которые до сих пор оставались вне поля зрения историков Юго-Восточной Европы.

Мы имеем два документа: китайский, переведенный Лю Мао-цзаем¹⁹, и тибетский, изданный и переведенный Ж. Бако²⁰ и комментированный Дж. Клосоном²¹. В первом дается перечисление племен, которые китайский географ VIII в. считал потомками хуннов. Из них на берегах реки А-де (Итиль) он помещает Хо-дие (?!), Хо-цзе (хазары), Бо-ху (барсилы), Пи-цзень (печенеги)... Суба (сабиры), Иевей (?!), Го-ти (готы) и др. Интересующие нас Бо-ху не болгары, потому что последние перечислены ниже отдельно, в группе народов, живущих «восточнее Фулинь» (Византии), и названы «Бэй-джу» (болгары) и «Эн-гу» (оногуры). Тождество последних устанавливается путем их локализации в одной группе с А-лань (аланами) и Хунь (финнами). В тибетском документе²² мы имеем описание тюркской страны Буг-чор²³, в составе которой находятся двенадцать племен²⁴, подчиняющихся тюркскому хану.

Анализ племенных названий и географического расположения перечисленных племен позволяет не только определить эпоху, отображенную в описании, но и получить данные по нашей теме. Привожу список полностью. 1°. Племя царя *Zama Monap'* (Азма Муганя) — род Аши-

¹⁸ Л. Гумилев, *Хазарское погребение и место, где стоял Итиль*, — «Сообщения Государственного Эрмитажа», вып. XXII, 1962, стр. 56—58; Л. Гумилев, *Хазарские погребения на бурге Степана Разина*.

¹⁹ Liu Mau-tsai, *Die chinesische Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken*, Wiesbaden, 1958, S. 127—128, 566—570.

²⁰ J. Bacot, *Reconnaissance en Haute Asie Septentrionale par cinq envoyés ouïgours au VIII siècle*, — «Journal asiatique», vol. CCXLIV, № 2, p. 137—153.

²¹ G. Clauson, *A propos du manuscrit Peltiot Tibétain 1283*, — «Extrait du journal asiatique», 1957.

²² Тибетская географическая рукопись из фонда Пельо № 1283 составлена из пяти докладов послов царя хоров (Тогонского царя) и содержит описание «царств и племен, обитающих на Севере». Доклады удачно выделены Дж. Клосоном, исходившим из особенностей подачи материала в тексте. Интересующий нас первый доклад содержит, по моему мнению, сведения, явившиеся уже в VIII в. историческими, касавшимися первой половины VII в., т. е. эпохи первого каганата, на что указывают список племен и описание исторической ситуации.

²³ В тексте: «Bug-chor de Idrugi». Дж. Клосон (стр. 12) считает, что здесь отражено титульное имя Калаган-хана Бюю-чор, т. е. Мочжо, отмечая неясность и необъяснимость того, почему тибетцы взяли именно это имя для названия целой страны. Предположение, что тибетцы познакомились с тюрками в царствование этого хана, отпадает, так как первая встреча их произошла в 604 г. и окончилась для тюрковtragически. В связи с этим неправильно и сопоставление За-ма-мо-нань-кагана с Озымш-ханом (742—744), так как последний не совершал походов на север (J. Bacot, *Reconnaissance...*, p. 146—147), а уйгуры не признавали за ним ханского титула и называли его просто Озымш-тегин [Памятник Моюн-чур]. (С. Е. Малов, *Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии*, М.—Л., 1959, стр. 35). Попробуем иначе. Первый член имени хагана — За-ма может быть эпитетом «Аз-ма» — не сбывающийся с пути, не заблуждающийся (в пустыне); второй — «Мо-нгань» — совпадает, по мысли Пельо, с именем фактического основателя первого каганата Мугань-хана (J. Bacot, *Reconnaissance...*, p. 151). Последнее подтверждается составом племен, ему подчиненных (см. ниже), и их географическим расположением, соответствующим западным границам первого каганата. Тогда Буг-чор — просто название той страны, в которой каганат находился, и действительно оно отражено в титулатуре тюркютских ханов. «Буг» — это Баџа (кит. Моху) — божественный, великий, а «чор» — чол (туркск.) или чуулу (монгр.) — каменистая пустыня. Композитум можно перевести как «Тюркская Великая Степь» или «Божеская пустыня тюрков».

²⁴ J. Bacot, *Reconnaissance...*, p. 145.

на ²⁵, 2°. Hali — фули, китайское искажение названия телохранителей тюркских ханов — бури (волки) ²⁶; 3°. A-ga-ste — Ашидэ, второй по знатности рода тюркотов ²⁷; 4°. Sar-du-li — состоит из этнонима «сир» ²⁸ и заключительного видового определения, относящегося ко всем перечисленным группам населения — толис, название восточного крыла тюркотского эля (державы) ²⁹; поскольку нам известно, что сиры (сэяньто) жили в начале VII в. в Джуングарии, то, следовательно, составляя восточное крыло, они относились к Западному каганату и тем самым все перечисленные собственно тюркские названия должны относиться к западным тюркотам. Дальше перечень племен идет с запада на восток; 5°. Lo-lad — аланы, с суффиксом монгольского множественного числа, что естественно, ибо доклад писал уроженец Тогона, т. е. сяньбиец; 6°. Par-sil — Барсилы; 7°. Rni-ke — название тюркского племени, жившего западнее Тарбагатая, отраженное в титуле «Нигю» ³⁰. 8°. So-pi — Суни, тюркское племя в Западной Джуングарии ³¹; 9°. Jol-to — такого названия нет, но можно предположить, что это заключающее список видовое определение «Тардыш», название западного крыла тюркского эля; 10°. Ian-ti — янто (?), телесское племя, в неизвестное время объединившееся с сирами и составившее племя сяяньто ³²; затем идут два среднеазиатских племени: 11°. He-bdəl — эфталиты ³³, включенные в каганат около 626 г., и 12°. Gar-tga-rig, название, о котором надо говорить в специальной работе.

Порядок и подбор племен показывают, что автор доклада описал западнотюркотский каганат в конце 20-х годов VII в. Раньше и позднее сочетания племен были иными.

Хазары здесь не упомянуты не случайно. Другой фрагмент того же документа, описывающий ситуацию в степи после 747 г., помещает на западе от уйгуров два племени, «происходящие от собак: Гара-гу-су и Гезир-гусу», что удачно расшифровано Дж. Клоссоном как Ка-ра-гуз и Кызыл-гуз, т. е. как Черные и Красные гузы. «Однако, — отмечает Клоссон, — если эпитет «кара» является общим для тюркских племенных названий, то о „красных“ племенах никогда не было слышно» ³⁴. Так, но тогда «кызыл-гусу» — хазары, о которых уйгурский осведомитель тибетского географа VIII в. знал только «онаслышке» ³⁵. Аберрация дальности помешала ему ввести в этот вопрос ясность, но нам это сделать значительно легче.

При сопоставлении западных и восточных источников и археологических данных становится несомненным, что барсилы и хазары — два разных народа, живших с V в. на одной территории, сначала враждяя, а потом в мире, и, наконец, к X в. слившихся в единый народ, что дало

²⁵ См.: G. Clauson, *A propos...*, p. 18.

²⁶ Н. Я. Бичурин (Иакинф), *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*, т. I, М.—Л., 1950, стр. 229.

²⁷ G. Clauson, *A propos...*, p. 18.

²⁸ С. Е. Малов, *Памятники древнетюркской письменности*, М.—Л., 1951, стр. 70.

²⁹ Л. Н. Гумилев, *Удельно-лесточная система у тюрок в VI—VIII веках*, — «Советская этнография», 1959, № 3, стр. 24.

³⁰ Н. Я. Бичурин, *Собрание сведений...*, т. I, стр. 279.

³¹ Г. Е. Грумм-Гржимайло, *Западная Монголия и Урянхайский край*, т. II, Л., 1926, стр. 233.

³² Н. Я. Бичурин, *Собрание сведений...*, т. I, стр. 339; Г. Е. Грумм-Гржимайло. *Западная Монголия...*, стр. 284.

³³ G. Clauson, *A propos...*, p. 19.

³⁴ Ibid., p. 15.

³⁵ В X в. благодаря деятельности еврейских купцов Раданитов, осуществивших регулярные торговые связи между Китаем и Провансом, не только в Китае узнали о существовании Хазарии, но в самой Хазарии стал известен даже китайский язык.

повород средневековым авторам, склонным к модернизации, отождествить их предков. Этот вывод подтверждает весь ход истории народов Северного Прикаспия.

Около 100 лет, с середины IV в. по 463 г., эта область принадлежала гуннам³⁶, которые интенсивно смешивались с местным сарматским населением. В 463 г. гунны, уже ослабленные после поражения при Недао, стали жертвой сарагур, уротов (утров) и оногур, захвативших гегемонию на Северном Кавказе и удержавших ее до 558 г., т. е. до вторжения авар. К числу древнеболгарских племен М. И. Артамонов относит и барсилов³⁷, являвшихся, следовательно, врагами смешанного гунно-сарматского населения — хазар. Однако хазары не прекратили борьбу³⁸. Когда же в конце VI в. на Северный Кавказ пришли тюркоты, то они обрели в лице хазар верных сподвижников, а хазары с помощью тюркотов восторжествовали над барсилами, которые с этого времени перестают фигурировать в истории как самостоятельный народ.

Наша реконструкция хода событий резко отличается от старой точки зрения, причисляющей названия болгарских племен с суффиксом «гур» в их названиях к уйгурам, а не к уграм³⁹. Эта концепция нашла свое воплощение в статье Дж. Гамильтона, который воспринял у Рашид ад-Дина даже его этимологию слова «уйгур» — союзник⁴⁰. Вывод Дж. Гамильтона сформулирован им самим так: «Позднее 400 г. конфедерация племен теле или тэгрэг, под именем он-уйгур, означающим, вероятно, „десять союзников“, стала известна. В V в. из-за потрясений в Средней Азии часть он-уйгуротов перекочевала в степи севернее Аральского моря и на Северный Кавказ. Среди прикочевавших племен можно различить Акказиров, или хазар (акацры), сариг-уйгуротов (сарагуры), булгар, утургуротов с кутургурями, (он)-огундуротов, абаров и ишгилей//изгилей (?!). В VII—VIII вв. западные племена уйгуротов двинулись в Европу и при этом со временем потеряли сходство с азиатскими уйгурами и свой облик восточных тюрок. В следующую эпоху, после разгрома Уйгурии в IX в., часть токуз-огузов (уйгуротов), вытесненная за западную границу, осела вокруг Аральского моря. Отрезанная от родины и перешедшая в ислам, эта группа превратилась в „огузов, гузов и узов“ и оттуда распространилась в Европу и Малую Азию»⁴¹.

Эта стройная концепция имеет один недостаток: она идет вразрез со всеми точно установленными фактами, а также со всеми новыми археологическими находками.

Проверим соображения Дж. Гамильтона по порядку. Этноним «теле» никак нельзя читать «тэгрэг», потому что название «теле» с суффиксом монгольского множественного числа — телеут — сохранилось до наших дней на Алтае. Прилагать к предкам уйгуротов название он-уйгур, или «десять союзников», неправильно, так как их было двенадцать родов⁴². Слово «уйгур» отнюдь не значит «союзник», и

³⁶ По-видимому, это были акацры. См.: М. И. Артамонов, *История хазар*, стр. 62, 84.

³⁷ Там же, стр. 131.

³⁸ Там же, стр. 132.

³⁹ В. Б. Радлов, *К вопросу об уйгурах*, — «Записки Императорской Академии наук», СПб., т. XXII, 1893, № 2, прил., стр. 108 и сл.; D. M. Dunlop, *The history of the Jewish Khazars*, New Jersey, 1954, p. 36. Критику этих взглядов см.: М. И. Артамонов, *История хазар*, стр. 66—68.

⁴⁰ Рашид-ад-дин, *Сборник летописей*, т. I, кн. 1, М.—Л., 1952, стр. 83—84.

⁴¹ J. Hamilton, *Toqouz-oγ ouz et On-ouïγ ouz*, — «Journal asiatique», 1962, № 1, pp. 48—50.

⁴² Н. Я. Бичурин, *Собрание сведений...*, т. I, стр. 216.

этимология Рашид ад-Дина, мягко говоря, устарела⁴³. Перекочевка болгарских племен в V в. не имела никакого отношения к предкам уйголов, так как болгары под давлением сабиров пришли в Европу в 463 г., а телесские племена из Монголии перебрались на западные склоны Тарбагатая в 492 г.⁴⁴. Кроме того, барсильский обряд погребения в могилах с подбоем и телесский — в незасыпанных ямах⁴⁵ не имеют ничего общего. Сопоставляя хазар с акацирами, Дж. Гамильтон противоречит сам себе, потому что акациры стали жертвой напавших с востока болгар и, следовательно, помещать хазар в число пришельцев нельзя, даже с его позиции. Затем хазары населяли речные долины, негодные для кочевания⁴⁶, и их обряд погребения — трупоположение на буграх — также резко отличается от телесского обряда⁴⁷. Непонятно, зачем Дж. Гамильтон поместил в число болгарских племен абаров или пусть даже псевдоаваров, пришедших в Причерноморье в 558 г., т. е. 100 лет спустя. Потеря «восточнотюркского облика», если таковая имела место, должна была быть радикальной, вплоть до изменений черепного показателя и всех антропологических черт, свойственных монголоидам⁴⁸.

Переход части уйголов на запад к Аральскому морю во второй половине IX в. представляется просто невозможным, потому что проходы через Тарбагатай и Саур в это время находились в руках карлуков, а никаких сведений о поражении этих последних нет ни в китайских, ни в иранских источниках. Гузы в степях западного Казахстана отмечены еще в тибетском документе VIII в. Кроме того, они не тождественны уйгуром ни по антропологическому типу, ни по языку⁴⁹. Наконец, эти степи были в VIII—IX вв. заняты печенегами, которые вообще остались вне поля зрения Дж. Гамильтона. А ведь проблема печенегов до их перехода в Поднепровье является краеугольным камнем для истории восточного Прикаспия и восточной границы Хазарии. Для уйголов и в эту эпоху в Прикаспии не остается места.

Разбору взглядов Дж. Гамильтона уделено столь большое внимание для того, чтобы показать, что, игнорируя новые советские работы на русском языке, теперь невозможно сказать не только нечто новое, но даже просто что-либо верное. Установив это, вернемся к археологическому материалу.

Второе погребение — стариц-монголоид с конем — обнаружено в южной части могильника. Сохранность погребения очень плохая: развалились пронизанные корнями кости, перержавело железо, истлели кожа, дерево и ткань. Однако почти все удалось зафиксировать *in situ*, хотя извлечены только фрагменты.

От коня сохранилась голова с железной уздой без перегиба и четыре ноги в беспорядке. Прочее, надо думать, было съедено на поминках, несмотря на то что конь был стар (15 лет). Седло — дереве-

⁴³ G. Clauson, *The name Uygur*, — «Journal of Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland», 1963, pt 3—4, pp. 140—149.

⁴⁴ Н. Я. Бичурин, *Собрание сведений...*, т. I, стр. 195.

⁴⁵ Там же, стр. 216.

⁴⁶ Л. Н. Гумилев, *Хазария и Каспий*.

⁴⁷ Л. Гумилев, *Хазарские погребения на бугре Степана Разина*.

⁴⁸ Племя хуни, или хиониты, осаждавшие в 359 г. Амиду и описанные Аммианом Марцеллином, монголоидных черт не имели (Аммиан Марцеллин, *История*, вып. 1, Киев, 1906, стр. 233), а именно они составляли большую часть псевдоавар. Не случайно, что в аварских могильниках в Венгрии европеоиды составляют 80% [P. Liptak, *On the problems of historical anthropology*, — «Acta biologica», VII, 1961, № 3—4, Szeged (Hungaria), p. 180].

⁴⁹ Н. А. Баскаков, *Тюркские языки*, М., 1960, стр. 103, 184—185.

ПОГРЕБЕНИЕ БАРСИЛА

вязаное, с высокой передней лукой, обтянутое черной кожей. Под ним войлочный потник и чепрак. То и другое почти истлели, но сохранились, окрасив слои супеси, разделенные микроскопической полоской кожи. Стремена железные, круглые, на широких ремнях. На крупе ременный подхвостник с бляхами (сохранились только следы и окраска) ⁵⁰.

Скелет лежал на спине, ориентирован на запад. Руки и ноги вытянуты. Нижняя челюсть оказалась отделенной от черепа и помещалась над тазом на глубине 31 см, тогда как весь скелет лежал на глубине 53 см. Зубы очень испорчены: в нижней челюсти их только четыре передних, в верхней отсутствуют именно их аналоги. Правая нога покойника носит следы сросшегося перелома. Из вещей обнаружены бараньи кости в изголовье и фрагменты одежды — желто-зеленая ткань ⁵¹, уцелевшая под скелетом. Это типичный печенег ⁵², подобный кочевникам, похороненным возле Саркела ⁵³.

Весьма важно для датировки могильника, что в нем нет погребений гузов. Гузы — единственный кочевой народ Великой степи, уберегший свою независимость от ханов династии Ашина ⁵⁴. В IX в. гузы являются союзниками хазар против печенегов, живших между Волгой и Уралом, но все кочевнические погребения на бугре Степа-

⁵⁰ Аналогичные седла были у тюрок VII в. (см. Л. Гумилев, *Статуэтки воинов...*, стр. 235).

⁵¹ В зеленый халат был одет Тун-джабгу-каган (E. Chavannes, *Documents sur les Tou-kiue (turks) Occidentaux*, — «Сборник трудов Орхонской экспедиции», вып. VI, СПб., 1903, стр. 194).

⁵² С. А. Плетнёва, *Печенеги, торки и половцы в южно-русских степях*, стр. 153—156.

⁵³ М. И. Артамонов, *История хазар*, стр. 315.

⁵⁴ J. Bacot, *Reconnaissance...*, p. 147.

на Рáзина относятся к эпохе каганата, а тогда гузы были врагами и самих тюркотов и их союзников — хазар.

Позднее, в 965 г., гузы совместно с русскими захватили Хазарию, и на многих буграх центральной части дельты встречаются фрагменты грубой, лепной керамики из черной глины с бурыми от слабого обжига поверхностями, сходные с курыканскими (Прибайкалье), туркменскими и кочевническими из Саркела. Но примесь этой керамики к местной невелика, потому что оккупация продолжалась недолго.

Печенеги общались с хазарами в оба периода своей истории: азатский, до IX в., и европейский — в IX—X вв. Для того чтобы решить, к какому времени относится раскопанный нами костяк, бросим взгляд на историю печенегов. В первые века нашей эры это был многочисленный народ, обитавший в восточной части современного Казахстана. В это время они назывались «кангар», а страна их в китайских источниках именовалась Кангюй⁵⁵.

Жестокое усыхание степной зоны Евразии в III в. подорвало могущество Кангюя⁵⁶. В V в. он исчезает с китайских карт «Западного края»⁵⁷. В эпоху первого тюркотского каганата кангары, локализующиеся в это время севернее Аральского моря, никакой политической роли не играли, надо думать, потому, что оказались включенными в Западный каганат. Падение каганата в 659 г. вернуло им свободу, но не силу. Они вели войны с тюргешами в начале VIII в.⁵⁸ и с уйгурами в конце того же столетия⁵⁹, но, видимо, без успеха. В это бедственное для них время они переменили имя и стали называться печенегами, сохранив древнее прозвание канг-эр (кангский муж) для храбрейших и знатнейших⁶⁰. В конце IX в. печенеги перешли Волгу и распространялись в Причерноморье, где и жили до XI в.

Надо полагать, что наш печенег попал в дельту Волги с востока, а не с запада. Об этом говорит форма стремени, появившаяся в Сибири в таштыкское время и встречающаяся в инвентаре кудыргинских могил⁶¹. В Восточной Европе такие стремена известны с VI по VIII в., когда они заменились стременами с плоской подножкой, полуовалом, образуемым боковыми прутьями и высокой пластинчатой петлей для подвешивания, отделенной от стремени перехватом⁶².

Сходство седла, обнаруженного в погребении, с седлами статуэток тюркских всадников из Турфана еще не позволяет приурочить наш погребение к VII в., но форма стремян исключает уже VIII в. Тот же результат дает анализ политической истории, ибо в IX в. гузы и хазары совместно воевали против печенегов⁶³, и захоронение печенега в хазарском могильнике маловероятно. Зато оно было вполне возможно в VII в., когда печенеги и хазары совместно служили в войсках тюркотских ханов.

Подведем итог. Могилы воинов тюркотского хана и хазарских женщин и детей расположены на тесном кладбище вперемежку, в одном слое, но с четкими интервалами между могилами, не менее 1,5 м. Это могло случиться лишь в том случае, если при погребении сосед-

⁵⁵ Л. Н. Гумилев, *Хунну*, М., 1960, стр. 166—167.

⁵⁶ А. А. Алексин, Л. Н. Гумилев, *Каспий, климат и кочевники Евразии*.

⁵⁷ Н. Я. Бичурин, *Собрание сведений...* т. III, М.—Л., 1953, карты.

⁵⁸ С. Е. Малов, *Памятники древнетюркской письменности*, М.—Л., 1951, стр. 41.

⁵⁹ J. Bacot, *Reconnaissance...*, р. 147; G. Clauson, *A propos...*, р. 16.

⁶⁰ Константин Багрянородный, *О народах*, М., 1899, стр. 140 и сл.

⁶¹ К. В. Киселев, *Древняя история Южной Сибири*, стр. 518.

⁶² Н. Я. Мерперт, *Из истории оружия...*, стр. 142; С. С. Сорокин, *Железные изделия Сарекла — Белой Вежи*, стр. 148—150.

⁶³ Константин Багрянородный, *О народах*.

ние могилы были видны. Очевидно, в VII в. они имели внешние признаки.

Но если так, то, значит, кочевники и хазары не только умирали, но и жили поблизости и в согласии. Этот вывод из археологического исследования подтверждает соображения М. И. Артамонова, основанные на анализе письменных источников и хода событий⁶⁴. Мы констатируем не просто проникновение кочевников в дельту Волги, но и их симбиоз с местным оседлым населением. При такой постановке проблемы становится понятно, почему тюркюты и хазары вместе ходили в Закавказье громить персов и почему византийские авторы смешивали их; хотя это были разные народы, но держава их была единой. Хазар, барсил, тюркютов и телесцев связывала не общность быта, нравов, культуры или языка, а общность исторической судьбы. Этнические различия не мешали им быть друзьями. И с этой точки зрения понятно, почему лишенная престола и гонимая на родине западная отрасль династии Ашина нашла убежище в Хазарии и правила там до начала IX в., когда власть от тюркских ханов перешла в руки еврейских царей⁶⁵. Остановимся вкратце на тех географических условиях, которые способствовали особому положению хазар и сделали их непохожими на других окружавших их степняков.

Дельта Волги с ее многочисленными бэровскими буграми, зелеными лугами и чистыми протоками, окаймленными ивами и камышом, сделалась подлинным отечеством хазар. Эта дельта — поистине зеленый остров среди окружавших его степей, и таким его описывает еврейско-хазарский документ X в.: «Страна наша не получает много дождей. В ней имеется много рек, в которых выращивается много рыбы. Есть в ней у нас много источников. Страна плодородна и тучна, состоит из полей, виноградников, садов и парков. Все они орошается из рек... Я живу внутри острова. Мои поля, виноградники, сады и парки находятся внутри острова»⁶⁶. Слово «остров» в средневековой арабской литературе применялось также и к рощам среди степей и для всякого ограниченного пространства. Видимо, здесь оно употребляется в том же смысле. К тому же, если мы учтем, что уровень Каспийского моря во II в. был минус 36 м, а в IV—VI вв. — минус 32 м, то окажется, что местом обитания хазар была обширная площадь, ныне покрытая водой. Природные условия дельт Терека и Волги сходны, и мы можем допустить, что распространение хазар шло с Кавказа, но не через сухие «черные земли», где их следов не обнаружено, а вдоль тогдашней береговой линии Каспия.

Археологические работы 1961—1962 гг. подтвердили это предположение. Все открытые нами хазарские памятники группируются в центральной части дельты, между Сумницеей Широкой и Старой Волгой. Наиболее населенной была южная часть современной центральной дельты. Хазарская керамика, как гончарная, так и лепная, находит аналогии в керамике восточного Кавказа. Но самым веским доказательством является находка поселения ранне-хазарского времени на расстоянии 15 км от берега, в Иголкинском банке. В этом месте глубина моря не более метра. В выкидах при углублении фарватера на мелководье нами найдена лепная, окатанная волнами керамика, сходная с хазарской, и кости животных. Абсолютная отметка слоя, откуда брался выкид, — минус 29,6 м. Поскольку поселение располагалось на ровной местности, то, при наличии ветровых нагонов

⁶⁴ М. И. Артамонов, *История хазар*, стр. 155—156.

⁶⁵ Там же, стр. 280—282.

⁶⁶ П. К. Коковцев, *Еврейско-хазарская переписка в X в.*, стр. 87, ср. стр. 103.

высотой до 2 м, надо считать уровень Каспийского моря во время существования этого поселения равным минус 32 м, что соответствует VI в.⁶⁷

Итак, большая часть средневековой Хазарии до сих пор находится под водой, а меньшая была затоплена во время трансгрессии XIII—XIV вв. Только наличие бэрновских бугров помогло найти материальные памятники культуры «прикаспийских Нидерландов»⁶⁸.

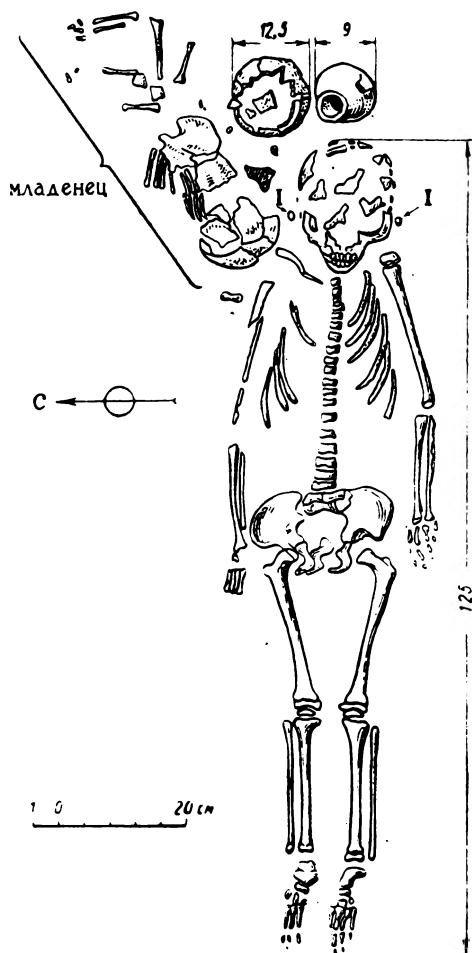
Центральная часть южной дельты должна была быть наиболее населенной частью Хазарии. И действительно, Семибуугры на протоке Табола буквально засеяны хазарской керамикой, а бугор Бараний на протоке Болда (4 км выше Тузуклея) поражает обилием захоронений и подъемного материала. Условия разведочного маршрута не позволили основательно исследовать этот интересный бугор; нами был собран лишь наиболее яркий подъемный материал, а погребения вскрыты выборочно. На вершине бугра из черепков был собран лепной горшок, судя по тесту, весьма архаический (Гос. Эрмитаж, ОИПК 90/20). На поверхности бугра встречались фрагменты серой лепной керамики с волнистым орнаментом, иногда с рифлением, обломки гусской керамики, прожженной только с боков, обломки железных ножей, бронзовые пластинки, одно медное колечко, фрагмент керамической, слегка изогнутой плитки черепицы. На южном крае центральной части бугра обнаружено детское хазарское погребение с двумя горшками, из которых один черноглиняный, с серой поверхностью и венчиком наружу, внешняя сторона его покрыта горизонтальными бороздками, высота 11,5 см, диаметр 12,5 см, толщина стенки 0,6 см (Гос. Эрмитаж, ОИПК 90/18); другой — плоскодонный, красный, гончарный, грушевидной формы, с плоской ручкой, тесто хорошо прожжено, высота 12,5 см, наибольший диаметр 10 см, толщина стенок 0,5 см, на широкой части — два кольца полосок, в основании шейки — одно, а над ней прочерчен узор в виде фестонов (Гос. Эрмитаж, ОИПК 90/186). Ребенок (по-видимому, девочка) был положен на спину головой к востоку, руки и ноги вытянуты, сосуды поставлены за головой. Под черепом найдены бронзовые серьги-колечки диаметром 1,3 см (Гос. Эрмитаж, ОИПК 90/18). В изголовье, на месте, где обычно находятся кости жертвенного барана, лежит скелет грудного младенца. Развалившийся по швам череп младенца находится у костей правого плеча скелета, тело его ориентировано на юго-запад. Другой детский скелет длиной 100 см, расчищенный в северо-западной части бугра, отличался тем, что ключица и ребра левой стороны грудной клетки были смещены и находились на черепе. Предметов, кроме фрагмента бронзовой серьги у правого виска (Гос. Эрмитаж, ОИПК 90/19), при нем не было. Третье погребение, на южной окраине бугра, также детское; ребенок ориентирован на запад. Длина скелета 60 см. Лежал на правом боку, под головой — железная иголка (Гос. Эрмитаж, ОИПК 90/21). Под поясницей скелета найдено дерево, вроде щита или подкладки.

Таким образом, мы видим, что хазарский обряд погребения, при принципиальном единобразии, в отдельных случаях варьируется, и поэтому дальнейшее изучение хазарских могильников целесообразно и перспективно.

Далее следует остановиться еще на ряде значительно более ранних погребений, также представляющих для нас несомненный инте-

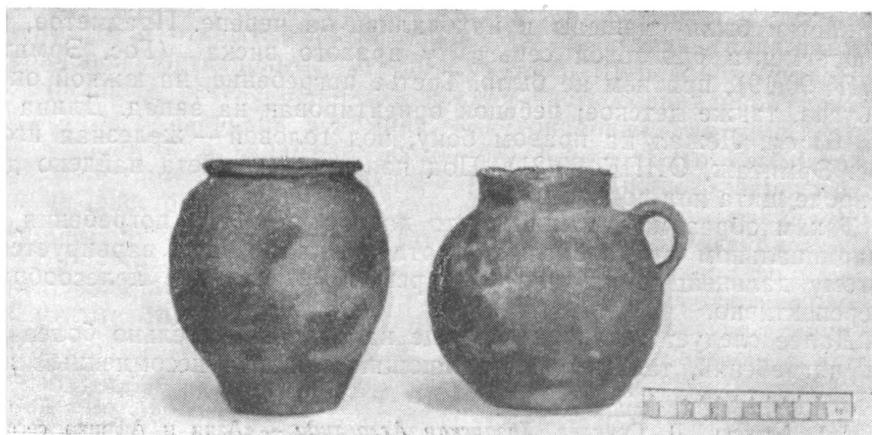
⁶⁷ Л. Гумилев, *Хазария и Каспий*.

⁶⁸ А. Алексин, Л. Гумилев, *Хазарская Атлантида*, — «Азия и Африка сегодня», 1965, № 2, стр. 52—53.

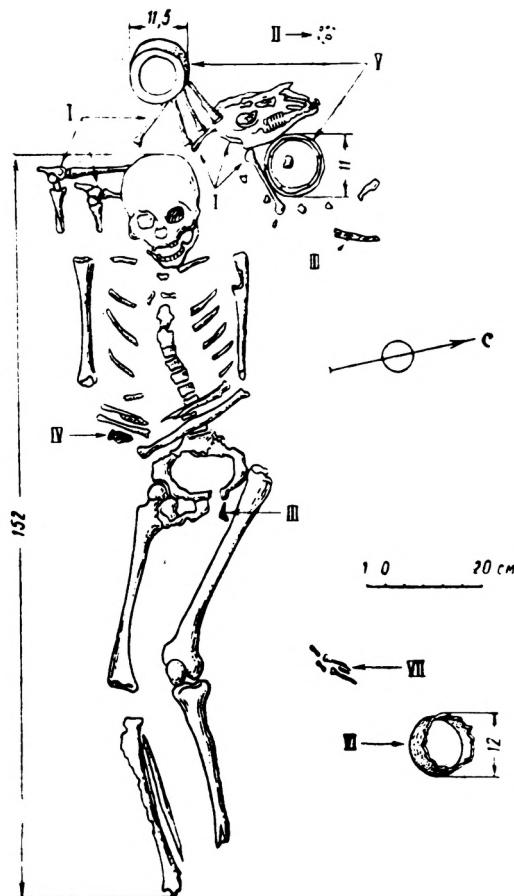

ПОГРЕБЕНИЕ (БАРАНИЙ БУГОР)

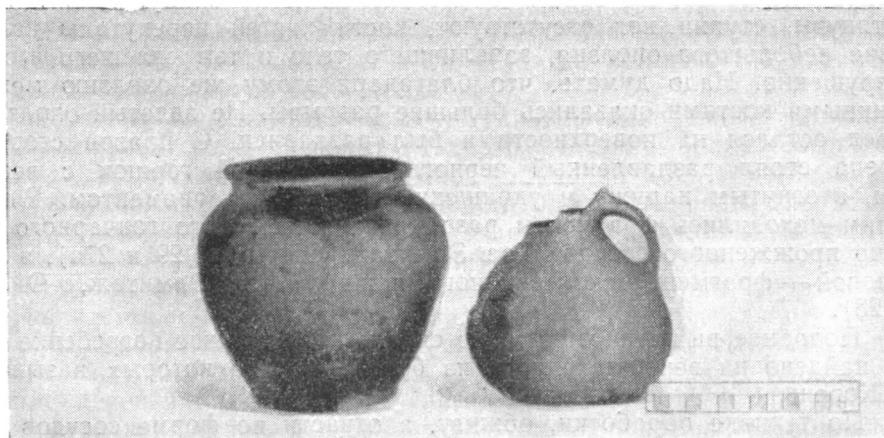
ГЛИНЯНЫЕ СОСУДЫ

ПОГРЕБЕНИЕ I (МАЛЫЙ
КАЗЕННЫЙ БУГОР)

ГЛИНЯНЫЕ СОСУДЫ

рес. Одно такое погребение было обнаружено на гребне Казенного бугра, в 5—6 км (по прямой) к северу от бугра Степана Разина.

Скелет лежал на спине головой на запад в углублении $h=20$ см, присыпанный эоловой пылью. С правой стороны скелета — бровка насыпной земли шириной 0,4 м, под ней — нижняя челюсть лошади и слой обугленной почвы. На 1,5 м юго-западнее разбитого черепа обнаружены фрагменты лепного обугленного сосуда и лошадиные зубы. Между остатками сосуда и плечом скелета найдены фрагмент железного ножа и пепел, перемешанный с песком, в котором лежал копчик барана. Обряд погребения аналогичен описанному на бугре Степана Разина.

Севернее Большого Казенного бугра находится Малый Казенный бугор, параллельный ему. Над северным обрывом центральной части бугра обнаружено погребение, ориентированное на запад, хорошо сохранившееся благодаря тому, что слой сцементированной супеси достигал над черепом 7—10 см. Наружу выступали только венчики двух сосудов. Скелет лежал на спине со скрещенными на животе руками и ногами, слегка согнутыми в колениях. Ступни ног и кисти рук отсутствовали. В изголовье находились кости и череп барана, а немного выше — фрагменты тонкой медной пластинки с дырочками и заклепкой, вокруг которой сохранились остатки ремешка. На месте кисти левой руки — частично сохранившееся бронзовое зеркальце диаметром 6,8 см, толщиной 0,2 см (Гос. Эрмитаж, ОИПК 90/24). Ниже таза лежал обломок железного ножа; другой, большой — у левого плеча. Это обломки одного ножа длиною 12,7 см, шириной 0,7 см, однолезвийного (Гос. Эрмитаж, ОИПК 90/23). Очевидно, нож был сломан при погребении, и обломки оказались в разных местах. У изголовья — два сероглининых лепных плоскодонных сосуда высотой 14,5 см, диаметрами 11 и 11,5 см. Венчики отогнуты наружу, на одном — ямочный орнамент (Гос. Эрмитаж, ОИПК 90/28, 27). Ноги скелета были засыпаны больше, чем голова, глубина засыпки 25 см, и на ней, на 40 см северней левой голени скелета, найден раздавленный плоскодонный лепной горшок, подобный вышеописанным (Гос. Эрмитаж, ОИПК 90/28), и несколько аморфных (может быть, птичьих) косточек. Отношение этого, третьего, горшка к погребению неясно.

Второе погребение на этом же бугре, но ниже предыдущего, ориентировано также на запад. Скелетложен на спину, руки и ноги вытянуты, ступни ног отсутствуют, кости кистей перепутаны вследствие небольшого оползня, завалившего тело и тем спасшего его от разрушения. Надо думать, что благодаря этому же оползню между длинными костями оказались большие разрывы. Не задетый оползнем череп остался на поверхности и был раздавлен. С правой стороны черепа стоял раздавленный черноглининый лепной горшок с венчиком, отогнутым наружу и украшенным ямочным орнаментом. Рядом с ним находились фрагменты раздавленного красного гончарного хорошо прожженного сосуда (Гос. Эрмитаж, ОИПК 90/29 и 27а), а над головой — фрагмент однолезвийного ножа (Гос. Эрмитаж, ОИПК 90/28).

Подобное вышеописанное, но сильно разрушенное погребение было найдено на вершине одного из бугров, группа которых называется Корень.

По технике обработки, обжигу, а отчасти по форме сосудов эти погребения можно было бы считать сарматскими погребениями II в. до н. э. — II в. н. э. Этому не противоречит ни ориентировка покойных, ни количество и расположение в могиле сосудов. Западная ориен-

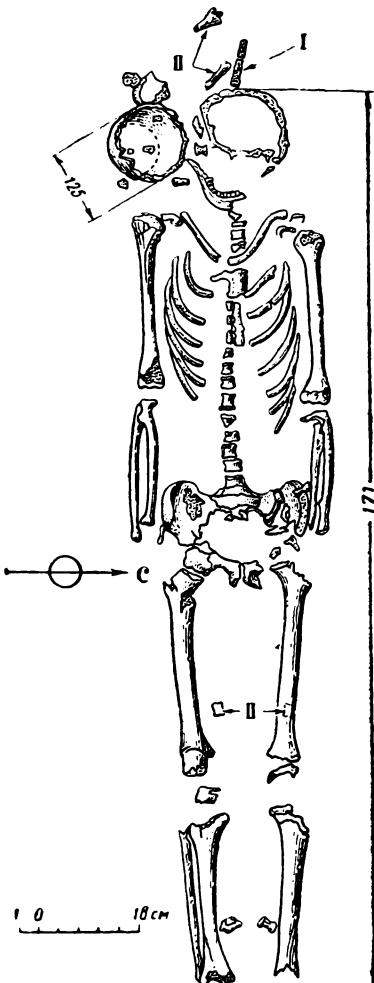
тировка погребенных и два сосуда в головах покойного наряду с другой ориентировкой покойных и другим расположением и количеством сосудов также имеет место в сарматских захоронениях.

Однако по пропорциям (несколько более вытянутым) сосуды из описанных выше погребений отличаются от сарматских, а западная ориентировка покойных и наличие в могиле именно двух сосудов, поставленных в головах, сближает их с хазарскими захоронениями VIII—IX вв.

Естественная граница Хазарии на востоке — песчаная пустыня Западного Казахстана. Около села Селитряного зеловые пески подходят к берегу Ахтубы; ниже между пологими бэрсовскими буграми врезаны продолговатые озера — остатки протоков Волги. Долина орошается последним к востоку непересохшим протоком — Кигачем. Река богата рыбой, а окружающие ее луга покрыты зеленою травой, так что описываемая территория могла быть подходящим местом для поселения. Действительно, в районе поселка Кордуан, недалеко от солоноватых ильменей, обнаружено скопление керамики VIII—X вв. на бугре с абс. отметкой минус 18 м. В IX в. здесь была одна из проток дельты. Эта находка не единична: в полупустыне, прилегающей к дельтовой равнине, около грязевых сопок в урочище Азау, в каждом выдуве встречаются фрагменты керамики, хотя и в небольшом количестве. Поэтому мы можем сделать вывод, что население этой территории было относительно густым. Эту степь населяли не сами хазары, так как керамика по тесту и обжигу принадлежит к тюркскому типу, распространенному от Прибайкалья (курыканы) до Туркмении (гузы), и встречается в Саркеле, где, как известно, гарнизон составляли наемники из кочевников.

Но почему хазары так легко уступали великолепные пастища соседям, пусть даже друзьям? На это отвечает палеогеография. В VI—IX вв., когда Каспийское море стояло на абс. отметке минус 32 м, были обнажены огромные площади, покрытые растительностью. Очевидно, эти просторы позволяли хазарам прокормить свой скот и ловить рыбу в протоках и мелком море у берега.

Несмотря на то что прилегающая к морю равнина тянется далеко на восток, она не вся служила местом обитания хазар. Уже в районе Джанбайского банка, ныне пересохшего, луга сменяются полупустыней. Здесь могли находить для себя пропитание только настоящие кочевники — гузы и печенеги. Для скота эти степи весьма удобны, так как весною и осенью полупустыня покрывается обильной

ПОГРЕБЕНИЕ II (МАЛЫЙ КАЗЕННЫЙ БУГОР)

растительностью и вместе с тем там нет гнуса, бича речных долин степной зоны.

Вопрос о восточной границе Хазарии осложняется тем, что от Шароновского банка, расположенного восточнее Ганюшкина, начинается караванная тропа, ведущая через Рын-пески на север. Ныне вдоль караванной тропы проходит автомобильная дорога от Ганюшкина на Сазды, небольшой казахский поселок, и дальше на север. По пути имеются колодцы, расположенные в котловинах выдувания. Там обнаружено скопление фрагментов керамики всех эпох и типов: сарматской, тюркской, татарской, а также кремневые отщепы. Караванная тропа ведет, по-видимому, в Приуралье, где так часто находки персидских предметов искусства. Судя по обнаруженной керамике, тропа функционировала и до возникновения Волжской Хазарии и после ее исчезновения. Остается неясным отношение хазар к этой тропе и торговле, проходившей в обход той, которая шла по Волге. Вряд ли стоило тащиться через пустыню, когда был свободен путь к реке, но если учесть стояние Каспия на уровне минус 32 м, то от Шароновского банка на Мангышлак был прямой путь по сушем с одной небольшой переправой, что давало возможность избежать перевозок и блуждания по протокам дельты, где много мелей, а течение быстрое.

Западная граница Хазарии была очерчена не менее резко. Ныне к дельте примыкает «область подстепных ильменей» — прекрасных озер, врезанных среди бэрковских бугров. Наполняются эти озера при разливах Волги, но в VI в., когда уровень Волги был ниже, озер не было, а сухая, холмистая степь замыкала богатую зеленую Хазарию. Эти географические условия, по-видимому, сыграли решающую роль в отношениях между хазарами и их степными соседями, что отразилось на особенностях погребальных обрядов тех и других.

А. Н. Зелинский

ДРЕВНЕЕ ПОГРЕБЕНИЕ НА ЮЖНОМ ПАМИРЕ

Долина Вахана, протянувшаяся в широтном направлении вдоль Восточного Гиндукуша, — одна из наиболее важных и древних связующих артерий между Восточным Туркестаном, Северной Индией и персидским миром. Естественно, что все археологические находки из этого района привлекают к себе пристальное внимание.

К числу таких памятников относится погребение в западной части долины Вахана перед ее выходом к Ишкашиму. В этом районе, над селением Намангут, вдоль края одной из каменистых террас южного склона Ваханского хребта были обнаружены три каменные выкладки, вытянутые в широтном направлении на расстоянии нескольких метров друг от друга¹. Особенно хорошо прослеживалась центральная выкладка из крупных камней разного размера. Диаметр этой выкладки был 1,5 м по линии С — Ю и около метра по линии З — В. При вскрытии этой выкладки на глубине около 20 см от современной дневной поверхности был обнаружен скорченный костяк, положенный на спину и ориентированный в направлении с севера на юг. Круглые контуры небольшой могильной ямки прослеживались в каменистом грунте с большим трудом и выходили за границы каменной выкладки. Кости скелета сохранились чрезвычайно плохо, а ввиду отсутствия черепа антропологический тип погребенного установить невозможно.

Вместе с костяком найдены фрагменты трех керамических сосудов, один из которых оказалось возможным восстановить. Он представляет собой почти полусферическую чашу грубой ручной лепки из красноватой глины с несколько отогнутой наружу закраиной. Этой форме сосуда можно найти близкие аналоги среди керамики кочевников-саков Восточного Памира². Фрагменты второго сосуда близки первому; фрагменты же третьего отличаются от двух предыдущих: они сделаны из темной, хорошо отмученной глины, имели тонкий профиль (до 0,5 см) и сохранили следы черного лощения.

¹ Описываемое погребение было обнаружено, раскопано и зафиксировано Ю. Г. Рычковым — руководителем Памирской антропологической экспедиции МГУ 1957 г., в которой принимал участие автор заметки. Следует отметить, что это первое домусульманское погребение, обнаруженное на территории Вахана и всего Западного Памира.

² А. Н. Бернштам, *Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая*, — «Материалы Института археологии», М., № 26, 1952, стр. 311.

Все выкладки, кроме центральной, не дали никаких следов захоронений и, по-видимому, играли роль кенотафов. Сам внешний вид этих трех выкладок не типичен для погребальных памятников Восточного Памира, известных нам по исследованиям А. Н. Бернштама³. Похожие каменные выкладки есть в небольшом могильнике Дарай-Абхарв на юго-западном Памире (Ишкашимский район), относящемся к рубежу нашей эры⁴. Они также встречаются среди погребальных памятников Северного Тибета, открытых экспедицией академика Н. К. Рериха⁵.

Керамика и характер обнаруженного погребения позволяют высказать предположение, что оно оставлено сакскими племенами, вероятно спустившимися в долину Вахана с Восточного Памира. Что касается скорченности покойника, то ввиду архаизма многих памирских погребений это не может служить аргументом в пользу слишком ранней датировки подобных памятников, что было подчеркнуто в свое время А. Н. Бернштамом⁶. Близкое по типу скорченное погребение с аналогичной керамикой было обнаружено автором летом 1962 г. в районе пастбища Мзилдыгер в горах над селением Намангут. По всем данным, оно также относится к сакскому времени⁷.

Необходимо отметить, что у селения Намангут, над которым были обнаружены описанные выкладки, находятся развалины одной из крупнейших крепостей Памира и Припамирия — крепости Каахка, по-видимому, относящейся к кушанскому времени⁸. Эта крепость контролировала древний путь по долине Вахана, и ее руины ждут своего исследователя. Кроме того, на левом берегу Пянджа, против крепости Каахка, в Гиндукушском хребте имеется проход через перевал Истраг к верховьям Инда. Этот путь не относится к числу легких, однако он проходим для всадников и является кратчайшим путем из Вахана в Читрал⁹.

Вторжение сакских племен из района Тянь-Шаня, через Памир, в Северную Индию в середине II в. до н. э. под напором юечжийских племен связано с важнейшим событием в истории и этногенезе Центральной Азии — речь идет о полном поражении, которое хуны нанесли юечжам между 174 и 165 гг. до н. э., заставив последних откочевывать на западный Тянь-Шань¹⁰, откуда, двигаясь к юго-западу, они около 128 г. до н. э. положили конец существованию Греко-Бактрийского царства. Так, у Бичурина читаем: «Когда хуны разбили Большого Юечжи, то Большой Юечжи занял на западе государство Дахя (Бактрия), а сэский владетель занял на юге государство Гибинь

³ Там же, стр. 311, 312.

⁴ А. Н. Зелинский, *Могильник Дарай-Абхарв в верховьях Пянджа*, — «Советская археология», 1960, № 3, стр. 296 и след.

⁵ Ю. Н. Рерих, *Звериный стиль среди кочевников Северного Тибета*, Прага, 1930, стр. 10—14; J. N. Roerich, *Trails to Inmost Asia*, London, 1931, р. 416; Ю. Н. Рерих, *Кочевые племена Тибета*, — сб. «Страны и народы Востока», М., вып. II, 1961.

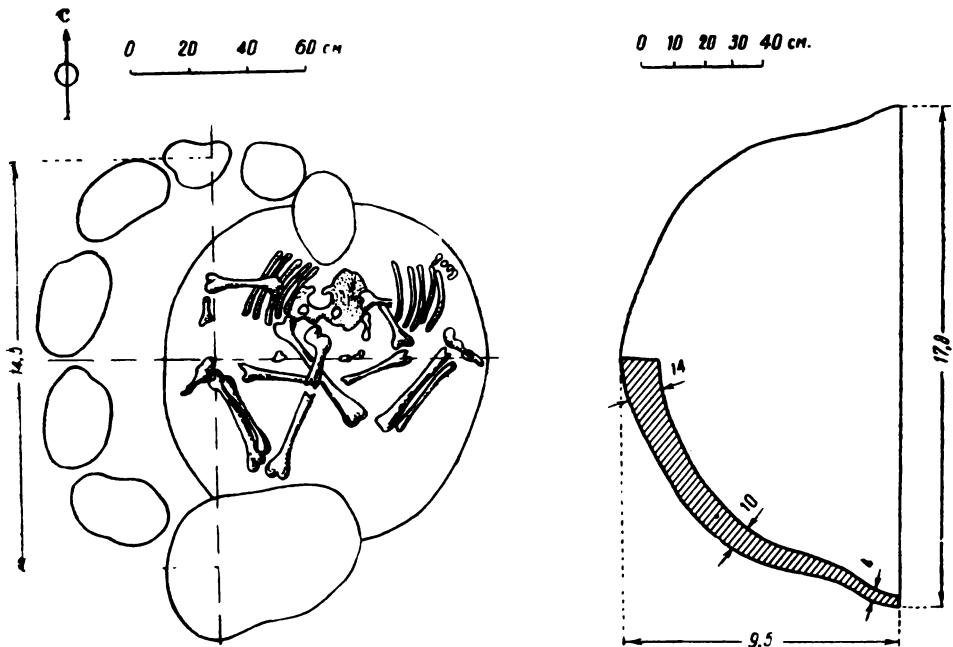
⁶ А. Н. Бернштам, *Историко-археологические очерки...*, стр. 282—283.

⁷ А. Н. Зелинский, *Археологическая разведка в Вахане (Юго-Западный Памир) летом 1962 года*, — сб. «Материалы по этнографии», Л., вып. 4, 1965 (в печати).

⁸ А. Н. Зелинский, *Древние крепости на Памире*, — «Страны и народы Востока», М., вып. III, 1964, стр. 148.

⁹ А. В. Станишевский, *Афганистан*, М., 1940, стр. 18. Об этом пути см. также: Л. Ф. Костенко, *Туркестанский край*, т. II, СПб., 1880, стр. 191; А. Е. Снесарев, *Северо-Индийский театр*, т. I, Ташкент, 1903, стр. 144.

¹⁰ Л. Н. Гумилев, *Хунну. Срединная Азия в древние времена*, М., 1960, стр. 68—69, 81—86; см. также: Ю. Н. Рерих, *Тохарская проблема*, — «Народы Азии и Африки», 1963, № 6, стр. 119.

ПОГРЕБЕНИЕ ОКОЛО СЕЛ. НАМАНГУТ

(Кашмир)»¹¹. Сторонниками точки зрения, что сакские племена в своем движении в северную Индию прошли через Памир, выступали В. В. Григорьев¹², А. Гутшмидт¹³, Н. А. Аристов¹⁴, а в последнее время А. Н. Бернштам¹⁵, А. М. Мандельштам¹⁶, А. К. Нарайн¹⁷ и Б. А. Литвинский¹⁸. В Гибинь саки прошли через так называемый «висячий переход», также упомянутый в источнике¹⁹. Локализация легендарного «висячего перехода» весьма затруднительна, но, по-видимому, наиболее близка к истине точка зрения А. Херманна, который ищет его в Канджуте²⁰.

Анализ наиболее возможных путей, какими сакские племена могли пересечь Гиндукуш, показывает, что их основная масса, по-видимому, прошла через перевалы на восточном конце Гиндукуша, у его

¹¹ Н. Бичурин, *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена*, т. II, М., 1950, стр. 190—191. Отождествление Гибини Ханьского времени с Кашмиром сделано Э. Шаванном (см.: E. Chavannes, *Documents sur les Toukiue (Turcs) occidentaux*, S.-Pb., 1903, p. 336).

¹² В. В. Григорьев, *О скифском народе саках*, СПб., 1871, стр. 32.

¹³ А. Gutschmid, *Geschichte Irans und seiner Nachbarländer von Alexander dem Grossen bis zum Untergang der Arsaciden*, Tübingen, 1888, S. 60.

¹⁴ Н. А. Аристов, *Этнические отношения на Памире и в прилегающих странах по древним, преимущественно китайским, историческим известиям*, — «Русский антропологический журнал», 1900, № 3, стр. 62. Путь основной массы саков Аристов локализует через перевал Барогиль и долину реки Ярхуна.

¹⁵ А. Н. Бернштам, *Историко-археологические очерки...*, стр. 280—281.

¹⁶ А. М. Мандельштам, *Материалы к историко-географическому обзору Памира и Припамирских областей*, — «Труды АН ТаджССР», т. 53, 1957, стр. 79.

¹⁷ А. К. Нарайн, *The Indo-Greeks*. Oxford, 1957, p. 125.

¹⁸ Б. А. Литвинский, *Археологические открытия на Восточном Памире и проблема связей между Средней Азией, Китаем и Индией в древности*, — «XXV международный конгресс востоковедов», М., 1960, стр. 9—10.

¹⁹ Н. Бичурин, *Собрание сведений...*, стр. 179.

²⁰ А. Herrmann, *Die Verkehrswege zwischen China, India und Rom um 100 nach Chr. Geb.*, Leipzig, 1922, S. 6.

стыка с Каракорумом, наиболее важными из которых в стратегическом отношении являются перевалы Килик — 4755 м и особенно Мингтеке (Тысяча козерогов) — 4629 м, через который пролегает кратчайший путь из Южного Сарыкола в Кашмир²¹.

Однако поскольку все более или менее удобные вьючные перевалы с Памира через Гиндукуш насчитываются единицами, то мы не вправе пренебречь предположением, что и через перевал Барогиль — 3798 м, а также лежащий к западу перевал Истраг — 5298 м могла пройти известная часть сакских племен на пути с «Крыши мира» в Кашмир. Если это так, то описанное погребение могло принадлежать кочевнику, который нашел свою смерть у подножий Гиндукуша — последней преграды на пути в Индию.

---

²¹ А. Н. Зелинский, *Древние пути Памира*, — сб. «Страны и народы Востока», вып. III, 1964, стр. 114—115 и карта.

М. А. Салахетдинова

ОБ ОДНОМ НЕИЗВЕСТНОМ ПЕРСИДСКОМ СОЧИНЕНИИ ПО ИСТОРИИ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ

Значение арабских и персидских источников для изучения ранних периодов истории народов Восточной Европы (X—XV вв.) уже давно высоко оценено наукой. Персоязычные же памятники, касающиеся истории народов Восточной Европы более позднего периода (XVI—XVIII вв.), до сих пор в литературе не упоминались.

В этой связи большой интерес представляет персидское анонимное сочинение под названием «Хикайат», хранящееся в рукописных фондах Института народов Азии. По содержанию его можно разделить на две части: первая часть относится к истории Казанского ханства, вторая — к истории башкир за период от второй половины XVI по первую половину XVIII в., где особую ценность для историка представляют сведения о политических событиях, происходивших на территории Башкирии в 30—40-х годах XVIII в.

Об авторе этого сочинения мы не располагаем никакими определенными сведениями. Исходя из содержания сочинения, можно сказать, что автор его жил в Поволжье во второй половине XVIII в.

В первой части своего произведения автор сообщает, что приводимые им сведения взяты из исторических сочинений, но не указывает из каких; при изложении событий в Башкирии он говорит, что передает их со слов «глубоких стариков», имен которых он не приводит, за исключением одного случая.

Автор не владел русским языком, следовательно, не мог непосредственно пользоваться источниками, изложенными по-русски.

Сочинение написано не ранее последней четверти XVIII в., поскольку в нем есть упоминание о восстании Пугачева, но и не позже конца XVIII в., так как были еще живы участники восстания башкир 1735—1741 гг., со слов которых записана часть рассказов.

В нашем списке сочинение не имеет конца; судя по палеографическим данным, оно переписано в Поволжье на европейской бумаге с водяным знаком, содержащим дату 1820 г. Оно занимает конец сборной рукописи В 4070 (лл. 376—456), в начале которой (лл. 1б—37а) помещено сочинение на турецком языке «Усул ал-хикам фи ни-йм ал-умам» Ибрагима Эфенди¹ (рукопись из коллекции Алимова, Астрахань, 1938, № XII, 10, размер 22×17).

¹ Об этом сочинении см.: Ch. Rieu, *Catalogue of the turkish manuscripts in the British Museum*, London, 1888, p. 2386.

Интересующее нас сочинение начинается с легенды о том, как Тимур подступил к городу Владимиру с намерением завоевать его и как он вынужден был отказаться от этого, якобы услышав «божье повеление»². Есть упоминание, также легендарного характера, о завоевании Тимуром Булгар³. Далее кратко сообщается о причине постройки города Казани, перечисляются ханы, правившие Казанским ханством, приводятся некоторые сведения о хане Шигали, о завоевании Казани Иваном Грозным, о переселении татар в различные места после падения Казанского ханства.

Рассказы о перечисленных событиях (за исключением первого легендарного рассказа) опубликованы в «Истории Татарии в документах и материалах»⁴ и представляют собой перевод из одной татарской рукописи. В «Истории Татарии...» не указаны ни автор, ни название этой рукописи, о ней лишь сказано, что она переписана в 1864 г. Нурмухаммедом сыном Азмединя и включена в сборник⁵, который также не охарактеризован.

Сопоставление этого перевода с начальной частью нашего «Хикайат» обнаруживает такое близкое сходство между ними, которое позволяет утверждать, что татарский текст, с которого сделан перевод, и наш персидский восходят к одному и тому же сочинению; что один из них является переводом по отношению к другому, однако трудно установить, какой из них является оригиналом, какой переводом. Татарская рукопись, возможно, помогла бы решить этот вопрос, однако мне пока не удалось выяснить, где она находится в настоящее время (в свое время она хранилась в Татарском институте марксизма-ленинизма)⁶. Без татарской рукописи невозможно определить, какие из имеющихся расхождений между переводом из нее и соответствующим отрывком из нашего персидского сочинения являются собственностью татарской рукописи, какие появились в результате перевода ее на русский язык.

Следует все же отметить, что персидская рукопись содержит больше сведений, чем перевод татарской рукописи, кроме того, она вносит некоторые поправки в этот перевод. Например, дата 961 г. х. (1553-54 н. э.), приведенная в персидской рукописи, относящаяся к завоеванию Казанского ханства русским государством, ближе к истине, чем 966 г. х. (1558-59 н. э.), указанная в переводе татарской рукописи. Несомненно являются правильными отмеченные в персидской рукописи названия Сары-тау (Саратов) и Кыз-Тауы (название горы недалеко от Свияжска), а не Сары-Танг и Тавай, указанные в переводе татарской рукописи⁷.

Данные по истории татар, имеющиеся в «Хикайате», не являются оригинальными по содержанию, однако они интересны тем, что зафиксированы в персоязычном сочинении; кроме того, они важны для изучения самого сочинения. Известный татарский историк XX в. Хади Атласов в своем произведении «Казан ханлыгы»⁸ («Казанское хан-

² Эта легенда приведена также в сочинении на татарском языке: *تاریخ بلغار*، انتساب من تاریخ المتعدد و من الرسالة المتعددة

Казань, 1883, стр. 32.

³ Легенда о том, что якобы Тимур завоевал Булгар, широко распространена в Поволжье.

⁴ «История Татарии в документах и материалах», М., 1937, стр. 122—124.

⁵ Там же, стр. 122, 133.

⁶ Там же, стр. 124.

⁷ Там же, стр. 123.

⁸ Хади Атласов, *Казан ханлыгы*, Казань, 1914.

ство») использовал принадлежащую ему персидскую рукопись «Джаза-и джанг» («Возмездие за войну»), на что обратил внимание В. Б. Бартольд в своей краткой рецензии на эту книгу Атласова⁹.

К сожалению, Атласов не охарактеризовал ни рукопись, ни само сочинение, о котором вскользь заметил, что оно, по-видимому, написано примерно 100 лет тому назад¹⁰; высоко оценивая сведения, изложенные в «Джаза-и джанг» об основании города Казани и о казанских ханах, он опубликовал большой отрывок из этого источника (почти всю вторую страницу)¹¹. Сличение этого отрывка с соответствующим отрывком из нашей рукописи (л. 37б) показывает почти идентичность их. Незначительные расхождения, касающиеся употребления нескольких слов, следует отнести за счет переписчика.

Это обстоятельство дает основание полагать, что «Джаза-и джанг» и «Хикайат» — одно и то же сочинение, представленное двумя списками. В пользу такого предположения говорит еще одно обстоятельство.

Анонимный автор сочинения «Хикайат» рассматривает бедственное положение башкир, в котором они оказались после подавления восстания 1735—1741 гг., как божье наказание их за неповиновение божественному предопределению, за выступление их против русского государства¹². С этой точки зрения название «Джаза-и джанг» вполне подходит к сочинению, именованному в нашем списке «Хикайат», что, по-видимому, сначала относилось лишь к первому легендарному рассказу из нашего сочинения, затем было перенесено на все произведение. В остальной части «Хикайат» освещаются следующие основные события: добровольное выражение покорности башкир русскому государству, постройка города Уфы, восстание башкир под руководством Акая сына Кучмамета и подавление восстания русскими войсками.

Эти вопросы также освещены в татарской рукописи, перевод и страница текста которой опубликованы в «Истории Татарии...»¹³. Здесь рукопись высоко оценена как единственный источник, отражающий движение башкир 1735—1741 гг. со слов его участников. К сожалению, в «Истории Татарии...» эта рукопись не получила полной и четкой характеристики, а из того, что сообщается о рукописи¹⁴, неясно, написано ли или переписано сочинение в 1864 или 1869 г.; является ли Нурмухаммед сын Мухаммаджана автором или переписчиком рукописи; ничего не сказано ни о названии, ни об авторе сочинения, ни о сборнике, в состав которого оно входит. Это тем более досадно, что нам неизвестна судьба этой рукописи, хранившейся при издании перевода из нее в Татарском институте марксизма-ленинизма.

Надо полагать, что как отрывок из татарской рукописи, посвященный истории Казанского ханства, так и отрывок, относящийся к истории башкир, переписаны в 1864 г. одним и тем же лицом — Нурмухаммедом, имя отца которого в первом случае, вероятно, ошибочно написано каким-либо переписчиком или прочитано переводчиком «Азмездяном» вместо Ахмедджан или Мухаммаджан, по-видимому, оба эти отрывка не озаглавлены как части одного сочинения (которое

⁹ См.: «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», Пг., т. XXIII, 1916, стр. 421.

¹⁰ Хади Атласов, *Казан ханлыгы*, стр. 21.

¹¹ Там же, стр. 22.

¹² Рукопись В 4070, лл. 42б, 45б.

¹³ «История Татарии в документах и материалах», стр. 402—406, где перевод напечатан с рассказа о постройке г. Уфы.

¹⁴ Там же, стр. 363, 406.

при включении в сборник могло лишиться собственного названия). Этим в какой-то мере можно объяснить то, что составители упомянутой «Истории Татарии» в раздел «Казанское ханство» включили ту часть перевода татарской рукописи, которая относится к присоединению башкир к русскому государству¹⁵.

Сопоставление русского перевода татарской рукописи с нашей персидской вероятно могло бы оказать какую-нибудь помощь для выяснения этого вопроса. Однако нам неизвестны принципы, которыми руководствовался переводчик татарской рукописи. В «Истории Татарии» о переводе лишь замечено, что при его издании было стремление сохранить «своеобразный колорит языка рукописи»¹⁶. Мы можем составить себе некоторое представление об этом переводе, сличив изданный отрывок из татарской рукописи с его переводом.

Сравнение показывает, что перевод отражает содержание татарского текста лишь в общей форме, а не является адекватной передачей его, поскольку некоторые фразы и слова оригинала не переведены вовсе, часть же из них переведена неверно или неточно.

Так, например, оставлены без перевода следующие предложения:

برداکی مر تولی حشارتلارنى يیدیلار (Если всякого рода гадов, [имеющихся] на земле);

طابیدیلار اوشانداق طارق و آغریقلار اولدی ایتماسیلیكا لایق

(Не находили одной коровы и одной лошади для десяти домов, появившиеся такие трудности и тяжелые обстоятельства, что лучше не говорить [об этом]).

Кроме этих случаев, в татарском тексте имеется еще восемь фраз, из которых три оставлены без перевода, остальные переведены не полностью, не считая нескольких слов, переведенных неточно или неверно (и все это на одной странице опубликованного текста рукописи).

Итак, наличие несоответствий между сопоставляемыми персидским и татарским текстами, с одной стороны, между татарскими текстом и его переводом, с другой, не дает основания привлечь русский перевод для сравнения с персидской рукописью с целью получить какие-либо данные о том, на каком языке первоначально был составлен рассматриваемый нами «Хикайат» — на персидском или на татарском.

Однако сопоставление второй части «Хикайат» с русским переводом татарской рукописи следует провести не только и не столько для текстологических исследований персидского памятника, сколько для того, чтобы узнать, что он дает нового как исторический источник по сравнению с переводом из татарской рукописи. Делая такое сравнение, мы видим, что персидский текст содержит важные для историка сведения, которых нет в переводе из татарской рукописи. К ним относятся:

1) указание на размер ясака, который первоначально платили бобыли¹⁸ после выражения покорности башкир русскому государству:

¹⁵ Там же, стр. 123, 124.

¹⁶ Там же, стр. 363.

¹⁷ В наших примерах слова даются в том написании, в каком они приведены в изданным отрывке рукописи.

¹⁸ Бобылями называли особую социальную группу, состоявшую главным образом из пришлых в Башкирию народностей (татар, чувашей, мари, удмуртов), а также из бедных, разорившихся башкир, которые жили на башкирских землях и платили башкирским земельным собственникам оброк или выполняли для них различные виды работ, или за них исполняли некоторые повинности перед государством (см.: «Материалы по истории Башкирской АССР», ч. I, М.—Л., 1936, стр. 16).

بويلان همین تور جهل تین هرماهی دادند¹⁹ (Таким образом, бобыли каждый месяц давали 40 [шкурок] белки).

Если считать, что каждый дом платил в виде ясака по одной шкурке белки в год²⁰, то, согласно данным нашей рукописи, число бобылей, добровольно выразивших покорность русскому государству, составит 480 дворов (40×12)²¹;

2) сведения о потомках одного из руководителей и участников восстания башкир 1703—1711 гг. Кучмамета ибн Улакая (о его втором сыне и внуках). В частности, любопытно следующее сообщение о втором сыне Кучмамета, Атка (или Итка);

و لی ظالم بود بناو آنکه راهرباند کی بويلانرا و زندنی و مال و منال ايشان جبرآ
ستاندندی لهذا بعد از مردن پدر زیستن در آنخا ترسید بایدیل سفید برف

(Он был правителем-тираном; поскольку [в дни его правления] грабили прохожих бобылей и насильно отнимали у них имущество и скот, то после смерти отца он побоялся жить там²² и переселился к реке Белой).

Слабое участие бобылей в восстании башкир 1735—1741 гг.²³ может быть объяснено именно тем, что они терпели произвол своих правителей, вместе с которыми не пожелали участвовать в восстании;

3) название живущих на побережье Демы племен (чуби, баганиш, уршак), к которым пришли на совещание башкиры других племен после пленения русскими войсками одного из руководителей восстания Акая;

4) более полный перечень племен, собравшихся на совещание (кроме названных в переводе из татарской рукописи, в нашей рукописи упомянуты племена: минг, бурай, канглы, джанай, булар, четыре группы из чурми), а также лиц, участвовавших в совещании (кроме тех, которые приведены в переводе из татарской рукописи, в персидском сочинении указаны Умар-хахен от байлар, Джаркай и Аткал от кирилан, от тамьянцев Китсен-тура);

5) названием места كول اچلى، куда пришли русские войска для подавления восстания башкир;

6) повествование (которое ведется в 1-м лице) о бегстве одного из известных участников восстания Курманула ибн Акманая из тамьянцев, после того как повстанцы потерпели сильное поражение от русских войск;

¹⁹ В тексте над строкой между словами تین هر стоит почему-то предлог *j!*.

²⁰ О незначительном размере ясака для бобылей свидетельствует грамота от 1 января 1678 г. из Приказа Казанского Дворца Уфимскому воеводе, в которой сказано, что бобыли должны были платить государству «денег по 20 шти алтын, по 4 деньги на год, да по кунице на человека» («Материалы по истории Башкирской АССР», ч. I, стр. 16—17); а это произошло после того, как в 1674 г. вследствие тяжелого экономического положения России после длительных войн с Польшей, Швецией, Турцией. Крымом бобыли были обложены «новонакладными денежными и куничными ясаками» (материалы А. П. Чулошникова, хранящиеся в Архиве Ленинградского отделения Института истории, ф. № 262, опись № 1, папка II, стр. 71); до этого размер ясака для бобылей мог быть еще меньше.

²¹ Согласно данным А. П. Чулошникова, при переписи 1629 г. ясаком было обложено в Башкирии всего лишь 888 дворов (Архив Ленинградского отделения Института истории, ф. № 262, опись № 1, папка II, стр. 60).

²² Речь идет о местожительстве Кучмамета, которое, согласно нашей рукописи (л. 40а), находилось в 25 милях от города Мензелинска, по данным татарской рукописи (см. «История Татарии в документах и материалах», стр. 402) — в 50—60 верстах от Мензелинска.

²³ «Материалы по истории Башкирской АССР», ч. I, стр. 53.

7) рассказ о возвращении на родину некоторых участников восстания, в частности Урманая;

8) подробное описание положения тех повстанцев, которые не решались вернуться на родину.

Кроме перечисленных случаев, которые отсутствуют в русском переводе из татарской рукописи, в нашем «Хикайат» имеются такие отрывки, которые сильно отличаются от соответствующих отрывков в русском переводе.

Так, например, в персидском тексте:

دران روز صعب کتسی تورا برادر کوکجه‌ترخان و حریکنند کانی چند از طمیانان
بجماعت خویش دست ندادند سرکرنه بجا نبی رفتند کوران از پس او نرقند²⁴

(В этот трудный день брат Кукча тархана Китсен-тура и много других воинов из тамьянцев не оказали помощи своему народу, убегая, они пошли в другую сторону, неверные не преследовали их).

В русском переводе: «В этот день родственник Кукча-тархана Китсен-тура с многими товарищами из Тамьяна участвовал в бою. И они не были захвачены врагами — ушли в другую сторону. Русские их преследовали»²⁵. Ясно, что эти отрывки совершенно противоположны по смыслу.

Говоря о былом могуществе тамьянцев, потерпевших от русских сильное поражение, что очень ясно видно из контекста, наш анонимный автор пишет:

کجاها طمیانان نزدیک منزله زیستند در جنک آغاز کنند کان واورماقی روند کان
شان بودند²⁶

(«Когда тамьянцы жили близ Мензелинска, во время войны они были первыми зачинщиками, выступали и шли на битву»).

В русском переводе: «Тамьянцы, живя ближе к Мензелинску, начали войну»²⁷, т. е. будто речь идет не о прошлом, а о настоящем времени, что никак нельзя представить себе при бедственном положении тамьянцев, как всех башкир, после подавления их восстания русскими войсками.

بعد ازین هر کسی که باشقورت نام دارد صخراوی بوده است نخزینه کاور اسی
نهادند و قبایل کرفتند ایشانرا کاور نام نهاد بیزان خویش وور باشقر و ونطوفشک
و ازیتک کفت نیانم چه معنی دارد²⁸

(После этого всякий, кто назывался башкиром [и] был степняком, сдавал в казну неверных одну лошадь и получал [об этом] документ. Неверные называли их на своем языке «вор башкир, бунтовщик и изменник». Не знаю, что это значит). В переводе же из татарской рукописи сказано: «Каждый степной башкирин, сдав одну лошадь, получал бумагу, в которой его называли неизвестно почему, «изменник-бунтовщик»²⁹.

Следует отметить, что в переводе из татарской рукописи указано место (деревня Ураза на реке Ирне)³⁰, где Акай напал на чuvашей и где он был окружен и схвачен русскими войсками. Это единственный случай, который отсутствует в нашем персидском сочинении.

²⁴ Рукопись В 4070, л. 43а.

²⁵ «История Татарии в документах и материалах», стр. 404.

²⁶ Рукопись В 4070, л. 42б.

²⁷ «История Татарии в документах и материалах», стр. 404.

²⁸ Рукопись В 4070, л. 45а.

²⁹ «История Татарии в документах и материалах», стр. 405.

³⁰ Там же, стр. 402.

Интересно отметить основные особенности языка нашей персидской рукописи:

1. В первую очередь обращает на себя внимание простота изложения. Здесь нет вычурных, цветистых выражений, столь свойственных большинству персидских сочинений. Поражает своей простотой даже послание, которое отправили восставшие башкиры разных племен генерал-лейтенанту А. И. Румянцеву (специально посланному царским правительством для подавления их восстания):

بنام خدای بی همتا از مجمع مسلمانان بتو که کاور اورمانسا و تزا راه نمی دهم
اول آنکه آقای ابن کوچمترابما دهی و ثانیاً بسلامت بمترله باز آی از خندق بیرون
نیای والا باستعانت خدای تعالی بتو حرب میکینم و السلام علی من اتیع الهدی³¹

(Во имя бесподобного бога! От собрания мусульман тебе, неверный Румянцев. Не дадим тебе дорогу. Во-первых, выдай нам Акая сына Кучмамета, во-вторых, вернись подобру-поздорову в Мензелинск и не переходи за черту, в противном случае, прося помочи у великого бога, будем с тобой сражаться. Мир тому, кто идет путем правым!).

2. Наличие элементов разговорного языка, что обнаруживается как в области грамматики (ситанксиса и морфологии), так в лексике и написании отдельных слов.

К ним относятся часто встречающаяся инверсия членов предложения (например, предшествования прямого дополнения подлежащему), употребление наречия *کجاها* в качестве союзного слова в значении „там“, „где“, „когда“, употребление в перфекте глагола 3-го лица ед. ч. прошедшего времени вместо причастия прошедшего времени *کرد است* (راه روند کرده است), употребление прилагательных с суффиксом *اگی* (راه روند کرده است)، написание в некоторых случаях *اونها* вместо *لها*, передача имен собственных в форме, близкой к произношению: *کوچمت*, *اوراز مت*, *شیغالی*³².

3. Наличие тюркских слов, употребляемых и в татарском языке: *اورماق* в значении «сеча», «битва», *قابورغا* «хромой», *آقصاق* «ребро», *کاور* «неверный», слова *تین* «белка», *قوراشون* «олово», *بچه* и *خدمت* «всюду встречаются в форме *بچه خدمت* и *خدمت*», т. е. как они писались и произносились в татарском языке, слово *لور* написано везде в виде *تور*, как обычно писалось в татарском языке. Несомненно, большинство из приведенных случаев было свойственно языку нашего персидского памятника, и лишь некоторые из них могли быть внесены в наш список переписчиком.

На основании имеющихся в нашем распоряжении данных (персидского сочинения «Хикайат», небольшого отрывка из персидской рукописи «Джаза-и джанг», опубликованного Атласовым, напечатанных в «Истории Татарии...» двух переводов и одной страницы текста из татарской рукописи) и всего сказанного о них можно сделать следующие выводы: 1. Представленное нашим списком персидское сочинение «Хикайат», которое могло бы быть названо и «Джаза-и джанг», по времени написания относится к концу XVIII в. 2. Мы не располагаем пока достаточными данными, чтобы сказать с уверенностью, на каком языке было первоначально составлено это произведение, на персидском или на татарском. 3. Но независимо от этого оно представляет большой интерес как памятник персидской литературы, написанный в Поволжье, со свойственными ему специфическими особенностями.

³¹ Рукопись В 4070, лл. 40б—41а.

³² Там же, лл. 39а, 396.

ностями. 4. «Хикайат» как исторический источник важен тем, что он дополняет и исправляет данные, которые имеются в переводах из татарской рукописи, опубликованных в «Истории Татарии...», кроме того, содержит ряд сведений по истории башкир, которых нет в известных нам источниках.

Учитывая в особенности последнее обстоятельство, мы подготовили к изданию русский перевод этого памятника, с тем чтобы сделать его доступным для широкого круга исследователей.

T. K. Шафрановская

МОНГОЛИСТ XVIII ВЕКА ИОГАН ИЕРИГ

И. Бакмейстер писал в 1776 г. о библиотеке Академии наук: «Библиотека обильно снабжена тангутскими и монгольскими письмами, кои писаны золотом, серебром и чернилами; но за незнанием сих языков не имеем дальнейшего о них сведения. С некоторого времени Академия для обучения помянутым языкам содержит между сими народами студента»¹. Бакмейстер имел в виду Иогана Иерига (Jaerig, Jährig), находившегося в 1776 г. возле Астрахани и изучавшего по предложению Академии наук калмыцкий язык. Студентом в обычном понимании этого слова он не был. В Академии его называли переводчиком, а позднее эмиссаром Академии.

В 1779 г. были напечатаны извлечения из отчетов Иерига, присланных в Академию наук (о цвете лица калмыков, о средствах калмыков против кожных болезней, о водяных крысах, о средстве калмыков от гангрены, о средстве тех же кочевников, вызывающем кровотечение из носа, о растении, называемом *Prenantes chondrilloides*)². Опубликованное извлечение привлекло внимание современников. В библиографическом издании «*Russische Bibliothek*» появилось подробное его изложение³.

Через несколько лет академик П. С. Паллас прочитал в Академии наук доклад о путешествиях И. Иерига в районах Астрахани и Селенгинска. Извлечение из доклада было напечатано в 1788 г. в «*Nova Acta*»⁴.

Адъюнкт по истории Петербургской Академии наук и ее библиотекарь И. Ф. Буссе издавал «*Journal von Russland*». В 1796 г. Буссе поместил в нем статью о монгольских книгах, рукописях и рисунках буддийских святых, присланных Иеригом в Петербург⁵.

¹ И. Бакмейстер, *Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Синкпетербургской имп. Академии наук*, [СПб.], 1779, стр. 87. Первое издание книги, напечатанное на французском языке, вышло в 1776 г.

² «*Acta Academiae Scientiarum Petropolitanae*», vol. I, 1779, pp. 65—68 (отд. «История»).

³ «*Russische Bibliothek*», vol. VIII, N. 5—6, S. 12—13, издававшаяся Людвигом Бакмейстером (однофамильцем только что упоминавшегося Иогана Бакмейстера).

⁴ «*Nova Acta Academiae Scientiarum Petropolitanae*», vol. III, 1888, pp. 81—85 (отд. «История»).

⁵ «*Ueber die Mongolische Bücher der hiesigen Academischen Bibliothek*», — «*Journal von Russland*», Bd II, 1796, S. 122—144, 194—200.

Таким образом, в изданиях XVIII в. имя Иерига, занимавшегося изучением монгольских языков, встречается не раз⁶. Но сведения об оставленном им рукописном наследии были сообщены в печати впервые лишь в 1846 г. академиком Б. А. Дорном. В его труде «Das Asiatische Museum» помещены списки рукописей Иерига (главным образом по изучению монгольских языков и истории монгольских народов), хранившихся в Азиатском музее Академии наук⁷. В более поздние годы имя Иерига продолжает встречаться в литературе. Говорится чаще всего о сборах им материалов по монгольскому языкоznанию. В общем совершенно очевидно, что во второй половине XVIII в. «собиранием материала для изучения монгольского языка занимался переводчик Академии И. Иериг, после которого остались многочисленные материалы по монгольскому и другим языкам». Именно это и сказано в «Истории Академии наук СССР», изданной в 1958 г.⁸.

Все же по имеющейся литературе очень трудно составить какое-либо представление о Иогане Иериге (в какой обстановке, при каких обстоятельствах и где именно осуществлялась его деятельность монголиста).

Между тем протоколы Конференции (общего собрания) Петербургской Академии наук, составлявшиеся очень тщательно, содержат много сведений о Иериге⁹. Основываясь преимущественно на этих протоколах, приведем некоторые данные, освещающие условия работы Иерига, уточняющие места его путешествий и содержащие отдельные сведения из его биографии.

* * *

Академик П. С. Паллас возвращался в 1773 г. из длительной и удачной экспедиции по азиатским районам России. На обратном пути в Петербург Паллас остановился в Царицыне (Волгограде). Отсюда он отправил 13 сентября 1773 г. в Академию наук письмо. В нем говорилось, что некто Иоган Иериг предлагает Академии свои услуги на три года с оплатой по сто рублей в год. Далее сообщалось, что Иериг изучал по своему желанию монгольский язык и овладел им настолько, что не только говорил с калмыками, но также читал и понимал их письменность. В 1772 г. Иериг передал академику С. Г. Гмелину (племяннику исследователя флоры Сибири И. Г. Гмелина), направлявшемуся в экспедицию на Кавказ, интересные записки, касавшиеся религии и нравов калмыцкого народа. Иериг предполагал продолжить изучение монгольского языка, ознакомиться с тангутской (тибетской) письменностью и сообщать сведения по истории калмыков. По мнению Палласа, Академии наук следовало поддержать полезные занятия Иерига.

На заседании Конференции Академии наук письмо Палласа было подробно обсуждено. Взвешивались все за и против. Выяснялась возможная польза, которую Академия сможет получить от человека, зна-

⁶ См. также: «Acta Academiae Scientiarum Petropolitanae», 1782, p. 92; 1783, pp. 31—36, 47; 1784, p. 22; 1792, pp. 9, 21.

⁷ B. Dorn, *Das Asiatische Museum der Academie der Wissenschaften zu St. Petersburg*, St. Petersburg, 1846, S. 122, 217—218. В настоящее время часть рукописного наследия Иерига находится в Ленинградском отделении архива Академии наук СССР.

⁸ «История Академии наук СССР», т. I, М.—Л., 1958, стр. 409.

⁹ Протоколы Конференции со сведениями о Иериге опубликованы в издании «Протоколы Конференции имп. Академии наук с 1725 по 1803 гг.», т. III—IV, СПб., 1900—1911. За интересующие нас годы протоколы составлялись на французском языке конференц-секретарем академиком И. А. Эйлером (сыном Леонарда Эйлера).

ющего монгольский язык. Решили принять предложение Иерига и просить директора Академии В. Г. Орлова о высылке денег. Орлов, обладавший широтой взглядов, согласился с этим мнением Конференции.

В Царицын были посланы письма Палласу и Иеригу. В них высказывалась надежда, что Иериг оправдает доверие, оказанное ему Академией. Паллас был удовлетворен. В следующих своих письмах в Петербург он сообщал, что составляет инструкцию для Иерига, устанавливаивает круг его обязанностей и переговорил уже с губернатором Астрахани, чтобы Иеригу, находившемуся теперь уже на службе в Академии, оказывалось всяческое содействие.

В XVIII в. при дальних расстояниях, как известно, различные мероприятия осуществлялись довольно медленно. Многое затруднялось и недостаточно четкой доставкой писем и посылок. Через год, 24 декабря 1774 г., Иериг направил в Академию свой четвертый отчет. Он жаловался, что из Петербурга на его первые отчеты никто не откликнулся. Иериг просил еще, чтобы ему выслали необходимые бумаги, которые дали бы возможность получать жалованье. Это позволило бы ему направиться непосредственно к калмыкам и выполнить порученные ему обязанности.

После этого в Конференции забеспокоились. Конференц-секретарь наводил справки в академической канцелярии о посланных бумагах, о первых трех отчетах, которые так и не удалось разыскать. Но постепенно деятельность Иерига налаживалась. 15 апреля 1775 г. он сообщил, что находился сначала в Астрахани, а затем двинулся в Енотаевку (Енотаевск). Оттуда он прислал переводы калмыцких сказок на немецкий язык и сообщение о «чудесах святого» Dordso Shodbah.

С этого времени присылавшиеся Иеригом отчеты и письма систематически читались на заседаниях Конференции. После этого все, что посыпалось Иеригом (отчеты, письма, переводы) передавались Палласу, который рассчитывал воспользоваться материалами Иерига для подготовлявшегося им труда *«Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften»*. Первая часть этой работы вышла в 1776 г., а вторая — значительно позже, в 1801 г.¹⁰. Паллас же писал ответы, направлявшиеся из Петербурга Иеригу.

В июле того же 1775 г. Иериг находился в 40 верстах от Енотаевки. Письмо в Петербург он направил «из пустыни» (из степей). Он обращался в Академию с тремя просьбами: увеличить жалованье, так как получаемых им денег не хватало, прислать какой-либо указ, облегчивший бы ему выполнение предъявляемых им требований в особенности вдали от городов, и выслать ему несколько книг из библиотеки Академии наук. Книги должны были оказать ему большую помощь. Конференция полностью поддержала просьбы Иерига об увеличении жалованья, «которое он заслужил своим приложением», и о высылке указа. В отношении же книг, запрошенных Иеригом, Конференция не сочла возможным их высылать. В следующих письмах Иеригу пришлось ограничиваться более скромными пожеланиями о предоставлении литературы. Он просил, чтобы ему прислали первую, уже вышедшую часть истории монгольских народов Палласа и календарь («месяцеслов») на следующий год, издававшийся Академией и пользовавшийся большим успехом в XVIII в. Эти издания были немедленно отправлены Иеригу, а календарь он получал и на следующие годы.

В конце 1775 г. Иериг сообщал, что ему удалось «в калмыцкой

¹⁰ На основании сохранившихся бумаг Иерига было бы несомненно интересно выяснить, насколько Палласу удалось в его труде о монгольских народах воспользоваться присылавшимися материалами.

орде» подружиться с ламой, который ежедневно давал ему уроки калмыцкого языка. Тогда же Иериг просил, чтобы ему сообщили заглавия калмыцких рукописей, находившихся в Библиотеке Академии наук. Ему хотелось выяснить, нет ли среди них достаточно ценных, которые смогли бы пролить дальнейший свет на историю калмыков. Переписка заглавий рукописей была поручена студенту Н. П. Соколову (впоследствии химик и академик), имевшему представление о калмыцком языке.

Вообще в конце 1775 г. от Иерига было получено много писем и различных материалов о быте и религии калмыков. В начале 1776 г. Географический департамент при Академии наук предложил Иеригу дать ответы на вопросы, относящиеся к географической карте Джунгарии. Иериг постарался подготовить ответы со всей тщательностью.

Директор Академии В. Г. Орлов покинул свой пост. В середине 1775 г. его заменил придирчивый и мелочный С. Г. Домашнев, ставшийся всех подтягивать и подгонять. И Иеригу, несомненно под влиянием Домашнева, писали, что Конференция поручила секретарю указать Иеригу на недопустимость слишком длительных периодов молчания. Иеригу приходилось оправдываться, объяснять, что он долго не писал в ожидании рекомендательного письма, обещанного Академией. Но расставаться с Академией ему не хотелось. Наступил 1777 г., и трехлетний срок заключенного с ним соглашения подходил к концу. Иериг просил, чтобы Академия снова воспользовалась его услугами на условиях, которые в Петербурге сочтут подходящими. Соглашение было продлено на год. И вновь в Академию поступали новые и новые материалы, собиравшиеся Иеригом. Круг его интересов расширялся. Он интересовался Джунгарией, последней войной калмыков, «названной Джунгарской», изучал «тангутский» (тибетский) язык, прислал перевод письма Далай-ламы, сообщил содержание астрологического сочинения индийского происхождения, писал о лечении болезней у калмыков — проглатывании листочеков с магическими надписями.

При содействии астраханского губернатора Иериг смог познакомиться с новым учителем тибетского языка, которым был очень доволен. В Петербург он смог уже посыпать переводы и извлечения также из сочинений на тибетском языке.

Изредка от переводчика Иерига в Академию поступали образцы растений и животного царства из степей возле Астрахани и Енотаевки. В одной из посылок находились образцы растений, которыми калмыки лечат лошадей. В начале 1779 г. он встречался с другим путешественником, связанным с Академией, — К. И. Габлицем. При его участии в Петербург было послано большое количество травы — *Sägyäng*, которой калмыки пользовались при лечении различных болезней. В Академии были получены подробное описание и шкурки небольшого зверька *Mogin kyočhüli*. К отчетам Иерига прилагались почти всегда многочисленные дополнения: тетрадь с несколькими рассказами и наблюдениями; извлечение из монгольского сочинения Чингисхана; астрологическая таблица, написанная монгольскими письменами, и т. п. Все это неизменно передавалось в распоряжение Палласа.

В эти годы основным местом пребывания Иерига была Енотаевка. Оттуда он совершал многочисленные экскурсии и подолгу оставался среди калмыков. Несомненную помощь ему оказывало местное начальство. Он сообщал как-то раз, что ждет только прибытия губернатора Якоби, чтобы получить возможность совершать переезды вместе с калмыками. Но многое зависело и от личной инициативы. Иериг просил, например, выслать ему возможно большее количество китайских ду-

хов и эсценций для распределения среди монгольских священников и установления с ними хороших отношений и дружбы. Энергичная деятельность Иерига привела к тому, что даже директор Академии наук Домашнев, всегда подозрительно относившийся к расходам на научные работы, решил в начале 1778 г. продлить соглашение с Иеригом еще на год. Домашнев считал, что пребывание Иерига среди калмыков дает все новые обильные сведения по истории и этнографии этого народа.

Паллас внимательно следил за деятельностью Иерига. Надо было думать в 1779 г. о дальнейшем продолжении заключенного с ним соглашения. Паллас решил, что для всестороннего изучения монгольских народов переводчику Академии следует направиться в район Селенги, где можно лучше изучить также и тибетский язык. Кроме того, Паллас полагал, что Иеригу надо обращать больше внимания на природу тех мест, где он совершал экскурсии сейчас и куда направится в дальнейшем. 19 августа 1779 г. Конференция Академии обсудила и одобрила новую инструкцию.

В конце года от Иерига было получено письмо. Он благодарил Академию за предоставленную ему возможность совершить далекое путешествие на Восток и просил только, чтобы ему присвоили чин, прислали рекомендательное письмо и обеспечили средствами. Выполнение просьб приходилось ждать месяцами, и Иериг направился в длительную экскурсию по калмыцким улусам. Но поездка не была удачной. При падении повозки он сломал себе ключицу. Тем не менее Иеригу удалось собрать образцы растений, семена и минералы (сборы между Уралом и Волгой).

В Петербурге долго рассматривали полученные от Иерига стебли растения, которые дают вязкое вещество. Калмыки жуют это вещество от зубной боли. Химику, тогда еще адъюнкту, И. И. Георги поручили произвести химический анализ стеблей и присланного куска вязкого вещества. Путешествие на Восток задерживалось. Иериг постарался получить поручения от калмыцкого духовенства и рекомендательные письма. После всего этого и получения бумаг и средств из Петербурга Иериг двинулся на Восток, но по дороге в Саратов потерял деньги. В письмах из Саратова он умолял, чтобы ему выслали хотя бы 75 рублей для продолжения путешествия. В Петербурге учили создавшееся тяжелое положение, деньги были посланы, и Иериг двинулся по направлению к Оренбургу.

И из Саратова и из Оренбурга Иериг продолжал высыпать материалы собранные еще во время его пребывания среди калмыков в районе Астрахани. Большой интерес представляла полученная от него «Карта стран, по которым он ездил в своих путешествиях среди калмыков с 1773 до 1780 г.». Ценными были и его разъяснения непочтных терминов, встречающихся в истории Сибири И. Э. Фишера.

В конце 1780 г. в Петербурге было получено письмо Иерига из Иркутска. Дорога от Красноярска до Иркутска была ужасной. Сильные ливни размыли путь. Вскоре после этого от Иерига был получен счет на 175 рублей 38 копеек, которые он израсходовал на лошадей от Астрахани до Иркутска и проехал при этом 6283 версты. Было постановлено уплатить Иеригу эти деньги за вычетом суммы, предоставленной в начале путешествия.

В Иркутске Иериг не хотел задерживаться. Он надеялся поскорее выехать в Кяхту и совершить путешествие в Тибет. Соответствующие переговоры велись в высоких инстанциях, выдвигались различные предположения, в Петербурге обращались к Строганову и Панину, но пу-

тешествие в Тибет не состоялось. Иеригу пришлось обосноваться в населенном месте Гусиное Озеро, где находился крупный дацан (буддийский монастырь). Здесь вскоре удалось установить дружеские отношения с местными ламами. Это дало возможность ознакомиться с рядом книг и рукописей на монгольском и тибетском языках. Иериг считал, что их следовало бы приобрести для библиотеки Академии наук. Но он опасался покупать дублеты. Поэтому Иериг просил выслать каталог монгольских и тибетских книг и рукописей академической библиотеки. На Конференции обсудили вопрос о каталоге и постановили, чтобы И. Бакмейстер, исполнявший обязанности унтер-библиотекаря, составил его. Однако на следующем заседании Бакмейстер сказал, что он не может составить каталога из-за незнания монгольского и тибетского языков, и указал на трудность подыскать кого-либо с такими знаниями.

В следующем письме из района Гусиного Озера Иериг прислал немецкий перевод индийской астрологической рукописи. Он сообщал, что нанятый им учитель тибетского языка поглощает значительную часть его жалованья. Поэтому Иериг хотел даже отказаться от дальнейшей учебы. Это позволило бы уделить больше времени сбору материалов по истории тех мест, где он находился, и различных древностей. Паллас высказал об этом свое мнение, и Конференция согласилась, что тибетский язык должен быть основным занятием переводчика Иерига. Обучение же языку не послужит препятствием для сбора исторических материалов: ведь Иериг до сих пор изучал язык и занимался сборами коллекций. Палласу было поручено написать Иеригу, чтобы он удвоил свои усилия по изучению тибетского языка. Тогда же Иериг прислал и описание пути от Тобольска до Кяхты (перечень населенных мест и почтовых станций). Это описание решено было напечатать в одном из календарей («месяцослов») на будущий год. Сведения Иерига оказались точнее и подробнее тех, которые были уже опубликованы Академией несколько лет назад.

В январе 1781 г. Иериг направился в Удинск (надо полагать, в Нижне-Удинск) и приступил к выполнению нового поручения Академии. Ему было предложено выбрать из местного населения двух учеников. Предполагалось, что Иериг начнет обучать русской грамоте и письму двух юношей, знающих свой родной монгольский (в данном случае бурятский) язык. Со временем, получив образование, изучив русский язык, они могли бы стать переводчиками. Воевода в Удинске отыскал сначала только одного ученика — молодого человека по имени Самуил. Его стали звать Самуилом Шиффером. Со вторым учеником дело сперва не ладилось. Воевода хотел выбрать ученика из какого-то благородного семейства. Потом удалось сговориться с младшим братом Самуила. Второго ученика стали называть Павлом Те-Иеригом. В письмах, направляемых в Петербург, Иериг отзывался с большой похвалой о способностях, прилежании и усидчивости учеников. Несколько раз Иериг настойчиво повторял, чтобы Академия позаботилась об обеспечении Самуила и Павла. После неизбежных проволочек положение учеников упрочилось. А в начале 1782 г. Иериг просил разрешить вычеркнуть имена Самуила и Павла из списков местных жителей и сообщить при ревизии населения, что его ученики приняты на службу в Академию наук.

Большую часть времени Иериг проводил в Гусином Озере. Отсюда он посыпал чаще всего свои отчеты и письма. Но отдельные письма он направлял иногда из какой-либо пагоды возле Гусиного Озера, иногда «из пустыни». Сам Иериг продолжал изучать монгольский и

тибетский языки. Он обращал внимание на существенную разницу монгольских диалектов, устанавливая их различия, интересовался древним монгольским языком. Дело с учителями налаживалось у Иерига с трудом. В середине 1781 г. ему пришлось расстаться с ламой, обучавшей его тибетскому языку. Удовлетворить условия, выдвинутые учителем, не было возможности. Но вскоре ему удалось познакомиться и подружиться со старым ламой Бандидой. Иериг отзывался о нем с большой похвалой, перечислял в письмах значительную помощь и различные услуги, оказываемые ламой. Между тем Иериг со своей стороны не имел возможностей, чтобы отблагодарить Бандиду. Поэтому он просил, чтобы Академия вознаградила каким-либо образом достойного учителя. В Конференции все это обсуждалось, и по предложению Палласа решено было выхлопотать Бандиде серебряную медаль. Старому ламе медаль доставила, по-видимому, большое удовлетворение. Но разрешение носить медаль на шее не было прислано. Иериг возобновил свои просьбы — выслать ламе Бандиде официальное разрешение носить медаль на шее. Иериг хотел еще, чтобы Академия приняла ламу в число своих членов-корреспондентов и присудила ему вознаграждение по 15 рублей в год. Для решения первой и третьей просьбы Конференция решила обратиться к директору Академии. В отношении же избрания членом-корреспондентом было постановлено, что такое отличие не доставит удовольствия монгольскому ламе и не подходит для него. Это, по-видимому, не обидело ламу. После назначения в 1783 г. директором Академии Е. Р. Дацковой Иериг прислал изображение Boungan Gongar, переданное Бандидой в знак уважения Дацковой.

В течение всего своего пребывания в районе Гусиного Озера Иериг посыпал в Петербург многочисленные извлечения и переводы из различных монгольских рукописей и изложения устных преданий. Они касались истории, религии, быта монголов. Он собирал изображения святых, высыпал и оригиналы и выполненные им копии. Иериг интересовался тибетскими рукописями, выяснял истоки религии в Индии и существовавшие там астрологические воззрения. Из Гусиного Озера Иериг посыпал также образцы лекарств из Индии и Тибета, травы, семена, минералы. Семена пробовали высаживать в Ботаническом саду Академии наук. Покупал Иериг и книги и рукописи, предназначавшиеся для библиотеки Академии наук.

Немало времени отняло у Иерига составление монгольского словаря «Mongolischer Wörterspiegel». Он высыпал его в Петербург по частям в течение длительного срока. В одном из своих писем Иериг сообщил, что иркутский генерал-губернатор предложил ему написать подробную историю народов, живущих в районе Иркутска с древнейших времен и до текущего века. Копия этого сочинения «Nachrichten zur Völker-Geschichte des Nordischen Asiens» высыпалась по частям в Академию.

В начале 1784 г. Иериг срочно покинул Гусиное Озеро. Там свирепствовала эпидемия оспы, и всякие сношения с внешним миром прекратились. Письмо об эпидемии было послано «из пустыни». Во время этих странствий Иеригу посчастливилось найти неизвестный путь из Селенгинска в Иркутск. Новый путь был короче прежнего. Иериг обнаружил еще и другие неизвестные дороги, которые он обследовал верхом. Конференция просила Иерига составить план и описание новой дороги. Он прислал топографическую карту нового пути. Его рукописная карта сохранилась и находится в библиотеке Академии наук СССР: «Plan verschieden Passagen von der Grenz-Pforte bis an den Baikal. Mongolischer Translauter Johannes Jaehrig invent et fecit etc. 1784, meus».

May». На карте нанесены: Байкал, его речной бассейн, бассейн реки Селенги и пути от берегов Байкала до Кяхты.

Иериг писал достаточно часто и направлял в Петербург многочисленные посылки. Тем не менее при малейшем перерыве в получении от него сведений канцелярия Академии начинала волноваться. Нужны были оправдательные документы для отправки денег. Иеригу в 1784 г. послали напоминание о своевременном представлении отчетов. В ответе Иериг жаловался на тяжелые условия жизни в далеких краях. Между тем он старался выполнять поручения Академии и только что вернулся из путешествия к самой высокой горе между реками Селенгой и Джидой. В пути он собрал образцы растений и многочисленные семена.

В 1785 г. состоялась первая встреча Иерига с Эриком Лаксманом, покинувшим в то время Академию наук. Лаксман жил в Иркутске и, несмотря на свой уход из академиков, поддерживал с учеными Петербурга оживленную переписку. Он совершал экскурсии в районе Иркутска, собирая образцы растений и минералов. Лаксман написал в Петербург, что переводчик Иериг приехал к нему и был очень недоволен старым ламой, с которым он имел дело до сих пор. По-видимому, дружба с ламой Бандидой порвала по каким-то неизвестным причинам. Кроме того, Иериг жаловался, что без звания и чина он не встречает поддержки со стороны местного начальства. Е. Р. Дашкова учла жалобы Иерига. Она удовлетворила его просьбы и распорядилась о его возвращении в Петербург. Иеригу было сообщено, что он сможет получить две трети своего годового жалованья и еще 50 рублей на дорогу. Преполагалось, что он двинется в путь осенью 1786 г. А до этого сможет еще побывать на гористых берегах Байкала и собрать для Академии растения, семена и различные корни.

В середине 1786 г. Иериг находился в горных местах возле Байкала. Ему удалось собрать хорошую коллекцию растений. Свое путешествие в Петербург он хотел начать по первому санному пути. Но в начале 1787 г. от Иерига было получено печальное письмо. Он пострадал при падении с лошади. Деньги на дорогу все еще не были получены. Возвращение в Петербург откладывалось. Между тем распоряжение Дашковой о высылке денег было отдано уже более года назад. Иериг, несмотря на плохое состояние здоровья, решил ехать в Иркутск и там дожидаться получения средств на дорогу. Создалось неприятное положение. В Петербурге стали подозревать, что Иериг затягивает свой отъезд и не выполняет распоряжений Дашковой. А Иериг, добравшись до Иркутска, нашел там только ассигнацию в 60 рублей на дорогу, а жалованья не получил.

Эрик Лаксман взялся за улаживание назревавшего конфликта. Он написал подробное письмо в Петербург и приложил к нему длинное разъяснение Иерига. В письме Лаксмана говорилось, что Иериг получил только 60 рублей. С такими деньгами он не мог отправиться в путь с двумя учениками и ящиками с коллекциями. Только один ящик с минералами весил более 20 пудов. А Лаксман хотел еще присоединить к этому грузу значительную коллекцию, собранную им для Академии. Иеригу необходимо нанять четырех лошадей. От Иркутска до Петербурга они будут стоить по меньшей мере 350 рублей. Поэтому Лаксман посоветовал Иеригу вернуться в район Селенгинска, чтобы не терять напрасно времени в ожидании путешествия в Петербург.

В письме самого Иерига содержалось разъяснение по поводу получившейся задержки с возвращением. Все зависело от больших расстояний и медленной доставки писем. Конференция постановила со-

общить обо всем Дашковой, чтобы оказать помошь распоряжениями. 26 июля 1788 г. Лаксман писал, что он сразу же сообщил Иеригу о полученных в Иркутске указаниях и распоряжениях Дашковой и о скором отъезде переводчика в Петербург. В Конференции 27 ноября 1788 г. было получено письмо Иерига из Екатеринбурга (Свердловска). Он сообщал о приезде в этот город. 28 ноября 1788 г. Иериг был в Москве. В Петербург он вернулся в конце 1788 г. В 1791 г. Академия наук присудила ему пожизненную пенсию за его заслуги.

В течение нескольких лет Иериг оставался в Петербурге. А затем по предложению Медицинской коллегии согласился стать переводчиком в комиссии по торговле ревенем. В начале 1794 г. он находился в Кяхте. Теперь Иериг не был связан непосредственно с Академией. Тем не менее с 1792 и до 1795 г. он продолжал интересоваться монгольскими и тибетскими языками. И, как и раньше, в Петербург поступали отчеты о результатах его занятий. Только отчеты и письма посыпались теперь в Академию реже. Иериг работал над грамматикой монгольских языков (основы монгольских языков). В 1792 г. от него были получены «Anfangsgründe der Tibätischen Schrift- und Sprach-Lehre». Через два года Иериг прислал «Mongolische Buchstabe-Forschung» с объяснением, каким образом следует пользоваться монгольскими письменными знаками при печатании монгольских текстов. В конце апреля 1795 г. Иериг возвратился в Петербург.

В июне 1795 г. конференц-секретарь И. А. Эйлер сообщил на заседании Конференции о смерти Иогана Иерига — переводчика, много сделавшего для изучения языков и истории монгольских народов, пенсионера с 1791 г. и члена Вольного экономического общества, скончавшегося утром 15 июня 1795 г.

* * *

На протяжении длинного ряда лет с 1773 по 1794 г. Иериг был связан с Петербургской Академией наук. Можно предположить, что он был петербуржцем. Во всяком случае в 1786—1788 гг. переговоры шли все время о его возвращении в Петербург. Двоюродный брат Иерига, выдающийся химик своего времени Т. Е. Ловиц, был также петербуржцем.

Нельзя не обратить внимания на разнообразие работ, выполнявшихся Иеригом. В основном он был монголистом, но в круг его деятельности входило также изучение тибетского языка. Он интересовался не только языкознанием, но также историей и этнографией монгольских народов. Его внимание не раз привлекали и индийские материалы по истории религии и астрологии. К тому же Иериг был еще и естествоиспытателем. Он собирал коллекции минералов, растений, иногда он обращался и к зоологии. Иериг был энциклопедистом, подобно руководителям и основным деятелям знаменитых академических экспедиций 1780—1783 гг. (Паллас, Гмелин, Лепехин, Фальк, Гильденштедт), изучавших все, что им удавалось наблюдать во время путешествий.

Рукописное наследие Иогана Иерига сохранилось. Оно содержит множество материалов, написанных, впрочем, трудным для чтения готическим почерком. В дальнейшем на основании изучения его рукописей удастся несомненно точнее выяснить его место в развитии монголистики в нашей стране в XVIII в.

М. Б. Горнунг и И. Н. Олейников

ВКЛАД ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЕНЫХ В ИЗУЧЕНИЕ ПРИРОДЫ ВОСТОЧНОЙ АФРИКИ

Первое непосредственное знакомство русских ученых с природой Восточной Африки произошло сравнительно недавно. Если на северном побережье Африканского континента русские путешественники побывали еще в XVIII в., то начало русских путешествий по странам тропической Африки относится уже к XIX в., в основном ко второй его половине.

В отличие от исследований большинства западноевропейских ученых и путешественников русские путешествия в Африку не были связаны с политическими акциями и колониальными предприятиями: они всегда преследовали чисто познавательные цели, отношение же русских путешественников к африканским народам носило, как правило, доброжелательный и глубоко гуманный характер.

Несмотря на то что эти путешествия были в общем немногочисленны, они оставили заметный след в истории исследования природы Африки. Основным полем деятельности русских исследователей Африканского континента в XIX — начале XX в. были тропические страны Северной и Северо-Восточной Африки, где в разное время побывали А. С. Норов, А. А. Рафалович, Е. П. Ковалевский, Л. С. Ценковский, Э. И. Эйхвальд, П. А. Чихачев, А. В. Елисеев, Н. С. Леонтьев, А. К. Булатович, Л. К. Артамонов, П. В. Щусев, И. Н. Клинген, А. Н. Краснов, И. И. Пузанов, Д. А. Драницын и многие другие русские ученые и путешественники¹. Значительный вклад русская наука внесла и в изучение Центральной Африки, где в течение многих лет путешествовал В. В. Юнкер, по праву считающийся одним из наиболее выдающихся европейских исследователей «Черного континента».

Что касается собственно Восточной Африки — в понимании ее как крупного природного региона, охватывающего высоко поднятое и разбитое сбросами Восточно-Африканское плоскогорье с его Великими озерами и выходящего на востоке широким фронтом к Индийскому океану, — то среди всех побывавших там до середины XX в. европей-

¹ Более подробно с деятельностью отечественных путешественников по Африке можно познакомиться в работах: М. П. Забродская, *Русские путешественники по Африке*, М., 1955; Ю. Д. Дмитревский, *Изучение советскими учеными природы зарубежных стран (1917—1959)*, — «Известия Всесоюзного географического общества», 1959. № 3.

ских ученых и путешественников мы можем, к сожалению, назвать лишь немногие русские имена.

В 1886 г. Восточную Африку посетил В. В. Юнкер, пересекший территорию Уганды и Танганьики от границ Судана до Занзибара на обратном пути из своей второй (и последней) центральноафриканской экспедиции; результаты наблюдений Юнкера в ходе этого маршрута нашли отражение в его капитальном труде «Путешествия по Африке»².

В начале XX в. в Восточной Африке побывало несколько русских ученых-зоологов. С. В. Аверинцев, до этого проводивший совместно с И. И. Пузановым зоологические исследования на берегах Красного моря, посетил в 1910 г. восточноафриканское побережье к югу от г. Танга и совершил поход в горы Узамбара. Им оставлены интересные описания природы обследованных районов³. Зоолог З. Ф. Сватош, прикомандированный в 1911 г. Зоологическим музеем Академии наук к охотничьей экспедиции А. К. Горчакова, совершил несколько экскурсий по территории Кении, собрав обширную коллекцию чучел, шкур, черепов и скелетов крупных млекопитающих, а также насекомых⁴. В 1912—1914 гг. состоялось большое путешествие по Восточной Африке зоолога В. В. Троицкого, проникшего от Момбасы к району озер Виктория и Танганьика. Целью его было в основном изучение водной фауны и сбор зоологических коллекций; немалое внимание он уделял, кроме того, гидрографическим изысканиям⁵. Зоологические исследования на берегах озера Виктория в 1912 г. производил также В. Н. Никитин⁶. Наконец, в 1914 г. Восточную Африку пересекла от побережья Индийского океана до озера Виктория экспедиция В. А. Догеля и И. И. Соколова, также собравшая богатые зоологические материалы. Опубликованные этими учеными описания растительности и животного мира Восточной Африки не утратили своей ценности и в настоящее время⁷. Кроме этих ученых в Восточной Африке в те же годы путешествовали художник А. А. Чикин, охотник В. В. Городецкий и немногие другие русские.

После первой мировой войны и победы Великой Октябрьской революции в России научные связи нашей страны с находившимися под колониальным гнетом странами Африки резко сократились. Империалисты воздвигли между Советским Союзом и своими африканскими колониями почти непроницаемый барьер, всеми мерами стараясь воспрепятствовать какому-либо общению порабощенных ими народов с представителями первого в мире социалистического государства. Поэтому за период между первой и второй мировыми войнами из советских ученых в Африке побывали лишь считанные единицы; Восточную Африку, в частности, посетил в 1929 г. геолог Н. М. Федоровский, участвовавший в работе XV Международного геологического конгресса в Претории и на обратном пути на родину побывавший в

² В. В. Юнкер, *Путешествия по Африке*, М., 1949.

³ С. В. Аверинцев, *По побережью Черного континента*, — «Природа», 1912, № 2, 12; *Предварительный отчет о поездке на стипендию, учрежденную при Бейтензоргском ботаническом саде*, ч. 1, СПб., 1913.

⁴ З. Ф. Сватош, *Краткий маршрут, экспедиции А. К. Горчакова по Восточной Африке*, — «Ежегодник Зоологического музея Академии наук», т. 17, 1912.

⁵ В. В. Троицкий, *Поездка в Центральную Африку с 21 февраля 1912 г. до 27 марта 1914 г.*, — «Ежегодник Зоологического музея Академии наук», т. 20, 1915; *Путешествие в страну чернокожих*, М.—Л., 1928.

⁶ В. Н. Никитин, *На берегах Виктория-Нианца*, — «Природа», май, 1914.

⁷ В. А. Догель, *Натуралист в Восточной Африке*, М., 1916; В. А. Догель, *Погода в тропиках*, Л., 1924; И. И. Соколов, *В тропической Африке*, — «Человек и природа», 1923, № 10—11.

Занзибаре и Момбасе, откуда им была совершена кратковременная поездка в глубь Кении⁸.

Только после второй мировой войны и последовавших за ней огромных перемен в мире — в том числе и в странах Африки, сбросивших оковы колониального рабства и вставших на путь национальной независимости, — путешествия в Африку советских людей возобновились, принимая с каждым годом все более широкий размах. В ряде случаев они вылились в продолжительные полевые исследования (геологические, гидрологические и др.), проводившиеся и проводящиеся советскими учеными на территории молодых африканских государств в порядке оказания им научно-технической помощи. Это относится главным образом к странам Северной и Западной Африки, в частности к Объединенной Арабской Республике, Гвинее, Гане и другим африканским государствам. Научные контакты СССР с позже освободившимися от колониального гнета странами Восточной Африки начали устанавливаться лишь в самое последнее время и еще не успели приобрести характер глубоких полевых исследований на местах. Можно надеяться, однако, что в будущем эти связи расширятся к обоюдной пользе независимых восточноафриканских государств, нуждающихся в научно-технической помощи, и советских ученых, для которых познание богатой и разнообразной природы Восточной Африки представляет большой интерес.

Несмотря на то что советские ученые долгое время были лишены возможностей для личного ознакомления со странами Африки, вопросам изучения природы Африканского континента в нашей стране всегда уделялось пристальное внимание. Оно было обусловлено общим бурным развитием науки в СССР, в ходе которого уже давно проявилась тенденция к анализу и обобщению всей накопленной в мировой научной литературе суммы знаний о природе Советского Союза и зарубежных стран, в том числе и стран Африки. Особенно видное место у нас всегда отводилось вопросам научно-картографического анализа различных природоведческих материалов — геологических, климатических, почвенных, геоботанических и др. В этой связи необходимо отметить создание в СССР таких выдающихся картографических работ, как Большой Советский Атлас Мира, опубликованный в 1937—1940 гг., и Морской Атлас, начатый изданием в 1950 г.; в первом томе Большого Советского Атласа (1937 г.) и во втором томе Морского Атласа (1953 г.) содержится ряд интересных мировых карт отдельных компонентов природной среды, отражающих оригинальные научные концепции советских природоведов. В 1964 г. в СССР выпущен первый в истории мировой географической науки комплексный Физико-географический Атлас Мира (ФГАМ), в котором достойное место удалено картам природы Африки; на отдельных картах этого атласа мы остановимся ниже.

В Советском Союзе постоянно издаются также общегеографические карты Африки и отдельных ее стран и районов; среди них отметим карты Атласа Мира (1954 г.), являющегося одним из наиболее полных справочных всемирных общегеографических атласов, издававшихся в какой-либо стране в последние десятилетия.

Интерес советских людей к Африке и ее природе, особенно возросший в послевоенные годы, отражен в появлении в СССР ряда работ, посвященных физико-географической характеристике Африканского материка и его природных районов. В их числе — книги

⁸ Н. М. Федоровский. В стране алмазов и золота, М.—Л., 1934.

А. С. Баркова, С. Т. Белозерова, С. М. Лукоянова, в которых большое внимание уделено описанию Восточной Африки⁹. Ознакомлению широких кругов советских читателей со своеобразной, изобилующей яркими контрастами природой Восточной Африки немало способствовал популярно-географический очерк Л. А. Михайловой «В стране Великих Озер» (М., 1958). Следует упомянуть также фундаментальные сводки по физической географии, изданные в последние годы как учебные пособия для вузов, в которых обобщен новейший материал по природе Африки¹⁰. Особенно ценную сводку знаний о всем Африканском континенте представляет энциклопедический справочник «Африка»¹¹.

Попытаемся вкратце подытожить то основное, что сделано советской наукой при изучении Африканского материка для характеристики природной среды и природных ресурсов Восточной Африки, хотя и не всегда возможно четко отделить исследования этого региона от исследований всего континента.

Большой интерес у советских ученых вызывают особенности геологического строения Африки — огромной древней платформенной глыбы, имеющей много общего с древними платформенными образованиями на территории СССР, особенно с Сибирской платформой. На основе изучения и обобщения обширных материалов геологических съемок и литературных данных в Советском Союзе в различное время и для различных изданий была создана серия общегеологических карт Африки, из которых как новейшую следует указать геологическую карту материка в масштабе 1 : 20 000 000, подготовленную Всесоюзным научно-исследовательским геологическим институтом Геологического комитета СССР (ВСЕГЕИ) для Физико-географического Атласа Мира. В разные периоды советскими геологами был составлен также ряд оригинальных карт и схем тектоники Африки, каждая из которых по сравнению с предыдущими представляет новый шаг вперед, отражая как общий прогресс геологической изученности континента, так и эволюцию теоретических взглядов советских тектонистов¹². Последней работой в этой области является составленная в Геологическом институте АН СССР тектоническая карта Африки в масштабе 1 : 30 000 000, предназначенная для ФГАМ.

Особое внимание советских геологов всегда привлекала проблема происхождения восточноафриканских грабенов — величайшей в мире системы молодых тектонических разломов, протягивающейся вдоль восточной окраины материка на расстояние свыше 6 тыс. км по меридиану. Взгляды советских ученых на механизм формирования этого грандиозного комплекса расколов земной коры нашли отражение в фундаментальных общетеоретических и региональных геологических

⁹ А. С. Барков, *Физическая география частей света. Африка*, М., 1953; С. Т. Белозеров, *Африка (физико-географический очерк)*, Киев, 1951 (изд. 2-е, переработ. и доп., Киев, 1957 [на укр. яз.]); С. М. Лукоянов, *Африка (физико-географическая характеристика)*, Л., 1962.

¹⁰ Л. А. Михайлова, *В стране Великих Озер*, М., 1958; Т. В. Власова, *Физическая география частей света*, М., 1961; «Физическая география частей света», под общей ред. А. М. Рябчикова, М., 1963.

¹¹ «Африка. Энциклопедический справочник», т. 1—2, М., 1963.

¹² В качестве примеров можно назвать тектоническую схему Африки В. В. Белоусова, опубликованную в 3-м томе «Большой Советской Энциклопедии» (2-е изд., 1950 г.); тектоническую карту Африки А. Н. Мазаровича во 2-м томе его труда «Основы региональной геологии материков» (1952 г.); схемы тектоники Африки В. Е. Хайна в 1-м томе «Малой Советской Энциклопедии» (3-е издание, 1958 г.), в 1-м томе «Краткой географической энциклопедии» (1960 г.) и в 1-м томе энциклопедического справочника «Африка» (1963 г.).

работах А. Д. Архангельского, А. Н. Мазаровича, В. В. Белоусова и др.¹³. В советской геологической и географической литературе имеется также ряд статей, специально посвященных характеристике восточноафриканских разломов и их сравнению со сходными геологическими структурами и соответствующими им формами рельефа на территории СССР, в особенности с грабеном озера Байкал¹⁴.

Согласно представлениям видного советского тектониста В. В. Белоусова, изложенным в упомянутых работах и разделяемых в настоящее время большинством советских геологов, восточноафриканские разломы сформировались на фоне обширных поднятий (антеклиз) докембрийского складчатого фундамента Африканской платформы — собственно восточноафриканской антеклизы, расположенной между бассейном р. Конго на западе и побережьем Индийского океана на востоке, и эритрейской антеклизы, занимающей крайний северо-восток Африканского континента и прилегающую часть Аравийского полуострова Азии. Оба эти районы испытали в мезокайнозое длительное интенсивное поднятие. Под влиянием растягивающих усилий, возникших в земной коре в результате поднятия, сводовые части антеклиз раскололись и обрушились на большом протяжении, образовав соответственно две системы разломов: восточноафриканскую, состоящую из трех основных ветвей и простирающуюся от нижнего течения р. Замбези на юге до озера Рудольф на севере, и Эритрейскую, продолжающую ее к северу и включающую грабены Эфиопии, Аденского залива, Красного моря, а также — уже на территории Азии — Мертвого моря и долины Иордана. Формирование грабенов началось в олигоцене (хотя некоторые из них, по-видимому, наметились много раньше), наибольшего же развития этот процесс достиг в плиоцене — четвертичном периоде.

Учитывая большую амплитуду новейших вертикальных движений в Восточной Африке, в общем не свойственную типично платформенным областям, В. В. Белоусов относит восточную часть Африканского континента (как и некоторые аналогичные районы земного шара, в том числе Байкальскую зону разломов) к особой тектонической категории активизированных участков платформ. В этом прежде всего заключается то принципиально новое, что внесено советскими исследователями в геологическое строение Восточной Африки.

В последние годы в СССР возрос также интерес к изучению четвертичной геологии Африки, что находится в непосредственной связи с ростом технической помощи, оказываемой Советским Союзом молодым африканским государствам в строительстве гидротехнических и других сооружений. Велущиеся советскими инженерами и рабочими строительные работы в Африке требуют знания четвертичных отложений, служащих основанием для большинства инженерных сооружений.

Четвертичным отложениям Африки и Передней Азии посвящена недавно опубликованная сводная работа Н. И. Кригера¹⁵. Большое место в ней отведено Восточной Африке, территория которой имеет

¹³ См. упомянутую выше работу: А. Н. Мазарович, А. Д. Архангельский, *Геологическое строение и геологическая история СССР*, т. 1, М.—Л., 1947; В. В. Белоусов, *Основные вопросы геотектоники*, М., 1954: (изд. 2, переработ., М., 1962).

¹⁴ Л. С. Берг, *Сравнение озер Байкала и Танганьики*, — «Известия Географического института», Пг., вып. 3, 1922; М. А. Боголепов, *Великая система восточно-африканских трещин*, — «Землеведение», 1928, вып. 4; Е. В. Павловский, *Сравнительная тектоника мезозойских структур Восточной Сибири и Великого Рифта Африки и Аравии*, — «Известия АН СССР», серия геологическая, 1948, № 5.

¹⁵ Н. И. Кригер, *Четвертичные отложения Африки и Передней Азии*, М., 1962.

особо важное значение для изучения четвертичной истории всего континента, так как схема истории развития восточноафриканских озер положена в основу стратиграфии четвертичных отложений Африки. В самое последнее время во ВСЕГЕИ подготовлена для ФГАМ карта генетических типов четвертичных отложений Африки в масштабе 1 : 30 000 000.

Отметим, наконец, что советская геологическая и географическая литература насчитывает довольно много работ, посвященных минеральным ресурсам Африки — как континента в целом, так и отдельных африканских стран¹⁶. В ФГАМ публикуется новейшая карта полезных ископаемых Африки в масштабе 1 : 30 000 000.

В области геоморфологического изучения Африки советскими учеными необходимо упомянуть проведению в Институте географии АН СССР работу по составлению геоморфологической карты Африки в масштабе 1 : 30 000 000 (масштаб авторского оригинала 1 : 20 000 000) для ФГАМ. Такая карта создана по существу впервые, так как существовавшие до сих пор карты рельефа Африки являлись не геоморфологическими в прямом смысле этого слова, а гипсометрическими, орографическими или морфолого-тектоническими.

В основу работы по созданию этой карты положены идеи советского географа акад. И. П. Герасимова (руководитель работы), создавшего новую принципиальную схему классификации рельефа Земли, с выделением элементов рельефа трех классов: высшего класса, или геотектуры, среднего, или морфоструктуры, и низшего, или морфоскульптуры¹⁷. Понятие геотектуры распространяется на наиболее крупные черты рельефа Земли (континентальные выступы и океанические впадины, горные сооружения орогенических поясов и равнинно-платформенные области). Морфоструктурные и морфоскульптурные элементы рельефа возникают в ходе исторически развивающегося, противоречивого взаимодействия эндогенных и экзогенных сил; при этом в образовании морфоструктуры ведущую, активную роль играет эндогенный фактор — тектонические движения (равнины, плато, хребты и т. п.), тогда как особенности морфоскульптуры зависят главным образом от характера экзогенных процессов (долины, котловины и т. п.).

На территории Восточной Африки авторами этой геоморфологической карты (Н. М. Богданова, М. Б. Горнунг, И. Н. Олейников) выделены следующие основные типы морфоструктуры: цокольные глыбовые горы и нагорья, расположенные вдоль линий тектонических разломов; цокольные равнины (почти равнины), характерные для не затронутых сбросами частей Восточноафриканского плоскогорья; плато и пластовые равнины на горизонтально залегающих осадочных породах континентального происхождения в древних внутриплатформенных прогибах и грабенах; пластовые низменности в краевых зонах платформы, подвергавшихся опусканиям и морским трансгрессиям в мезозое и кайнозое; аккумулятивные краевые низменности: аккумулятивные равнины в молодых внутриплатформенных прогибах; аккумулятивные равнины в молодых сбросовых впадинах (грабенах); молодые лавовые плато; молодые лавовые поля в грабенах. В качестве отдельных элементов морфоструктуры на карте показаны также наи-

¹⁶ Среди них особо следует выделить исследования М. С. Розина: *География полезных ископаемых Африки*, М., 1957; *География горнодобывающей промышленности мира*, М., 1962.

¹⁷ И. П. Герасимов, *Опыт геоморфологической интерпретации общей схемы геологического строения СССР*, — «Проблемы физической географии», т. 12, М.—Л., 1946.

более значительные тектонические и денудационные уступы и крупные вулканические конусы.

Для морфоскульптуры Восточной Африки, развивающейся в условиях жаркого переменно-влажного тропического климата, характерно преобладание флювиогенных форм. Наблюдается тесная связь морфоскульптурных особенностей рельефа с характером морфоструктуры. Наибольшим распространением пользуются ландшафт островных гор (на цокольных равнинах) и комплекс столовых, столово-ступенчатых и столово-останцовых форм (на плато и пластовых равнинах). В районах, подвергшихся наиболее энергичному поднятию и тектоническому раздроблению, наблюдается комплекс форм глубокого эрозионного расчленения горных стран. Особо выделены на карте области преобладания аккумулятивных форм рельефа: районы древней аллювиальной и аллювиально-озерной аккумуляции; районы древней морской и аллювиально-морской аккумуляции, а также районы интенсивной современной аллювиальной аккумуляции (дельты крупных рек).

Из советских работ, специально посвященных рельефу Восточной Африки, следует упомянуть также интересную статью М. П. Забродской о вертикальной зональности геоморфологических процессов в восточноафриканских горах¹⁸.

В области климатологических исследований в той или иной мере касаются территории Африки почти все ведущиеся советскими учеными работы по изучению процессов атмосферной циркуляции, как основного фактора климатообразования. Среди них следует особо выделить труды Б. П. Алисова, разработавшего стройную классификацию климатов земного шара, основанную на циркуляционных признаках и получившую широкое признание у советских климатологов и за рубежом¹⁹. Б. П. Алисов дает, в частности, схему классификации климатов Африканского континента и его деления на климатические пояса (зоны) и области. Восточная Африка отнесена им к субэкваториальному (экваториально-муссонному) поясу, в пределах которого она образует самостоятельную климатическую область.

Значительный интерес представляют работы советских климатологов и гидрологов по изучению теплового и водного балансов поверхности Земли. Эти работы уже приобрели важное практическое значение как научная основа проектирования многих мелиоративных мероприятий на территории Советского Союза. Но помимо исследований в пределах СССР советскими учеными проанализирован и обобщен огромный материал мировой климатологической статистики и создан ряд оригинальных мировых карт водного и теплового баланса. В их числе отметим подготовленные сотрудниками Главной геофизической обсерватории им. А. И. Войкова под руководством М. И. Будыко мировые карты суммарной солнечной радиации, радиационного баланса, затраты тепла на испарение и т. п.²⁰.

Серия интересных карт, характеризующих в своей совокупности атмосферное увлажнение тропических и смежных с ними областей (карты годовой суммы атмосферных осадков, годовой испаряемости, годового коэффициента увлажнения, годового баланса увлажнения

¹⁸ М. П. Забродская, *К вопросу о вертикальной зональности рельефа в горах тропического пояса (на примере вулканических массивов Восточной Африки)*. — «Известия Воронежского отделения Географического общества СССР», вып. 3, 1961.

¹⁹ Б. П. Алисов, *Климатические области зарубежных стран*, М., 1950.

²⁰ Эти карты опубликованы в «Морском атласе» (т. 2, 1953 г.) и в специальном «Атласе теплового баланса» (Л., 1955).

и т. д.), создана Н. Н. Ивановым²¹. Наконец, целый набор мировых климатических карт — как комплексных (карта климатических поясов и областей), так и характеризующих отдельные элементы климата, — помещен в ФГАМ.

Важной вехой в развитии советской и мировой гидрологии явилось создание М. И. Львовичем детальной классификации рек земного шара, базирующейся на двух главных признаках: источниках питания рек и сезонном распределении стока²². На основе именно этой классификации составлена оригинальная карта типов водного режима рек Африки, опубликованная в энциклопедическом справочнике «Африка». Реки Восточной Африки отнесены на ней к категории рек с преимущественно дождевым питанием и преобладанием осенного стока. В этом же справочнике опубликована схематическая карта годового стока рек Африки, а в ФГАМ включены карты речного стока и типов водного режима рек мира.

Говоря о проблемах, связанных с внутренними водами Африки, нельзя не отметить многолетний труд советского географа Ю. Д. Дмитревского в области изучения водных ресурсов Африканского континента, значение которого для развития хозяйства молодых африканских государств поистине трудно переоценить. В многочисленных работах этого автора дан анализ водных ресурсов Африки под углом зрения возможностей их хозяйственного использования²³.

Ю. Д. Дмитревский произвел районирование Африки по общему природному водному потенциалу. Он составил также схему районирования материка по природным предпосылкам для искусственного орошения и выделил основные экономико-географические типы районов орошаемого земледелия; создал схему районирования Африки по удельным запасам гидроэнергии; разработал классификацию внутренних водоемов Африки с точки зрения потенциальных возможностей судоходства и выделил основные типы воднотранспортных районов; выявил основные экономико-географические типы районов рыболовства. Наконец, ему принадлежит первая комплексная экономико-географическая классификация африканских внутренних вод, которая позволила определить основные экономико-географические типы водохозяйственных районов Африки. В этих трудах с особой четкостью дана характеристика водных богатств Восточной Африки. Помимо работ, касающихся водных ресурсов Африки в целом, Ю. Д. Дмитревским опубликованы книги и статьи, характеризующие наиболее значительные африканские реки и их бассейны. Среди них надо особо отметить его две книги о Ниле, в питании которого столь важную роль играют Великие Озера Восточной Африки²⁴.

²¹ Н.Н. Иванов. *Атмосферное увлажнение тропических и сопредельных стран земного шара*, М.—Л., 1958.

²² М. И. Львович, *Элементы водного режима рек земного шара*, Свердловск — Москва, 1945.

²³ Ю. Д. Дмитревский, *Об экономико-географической классификации внутренних водоемов Африки*, — «Известия Всесоюзного географического общества», 1957, № 4; *Некоторые вопросы водохозяйственного районирования стран Африки*, — сб. «Вопросы географии», сб. 53, М., 1961; *Некоторые вопросы ирригации в Африке*, — «Страхи и пасторы Востока», вып. II, 1961; *Гидроэнергетика Африки*, — «Страны и народы Востока», вып. II, 1961; *Некоторые аспекты использования водных ресурсов Африки*, — «Известия АН СССР», серия географическая, 1962, № 3; *Внутренний водный транспорт Африки*, — «Ученые записки Вологодского педагогического института», т. 27, 1962. В настоящее время подготовлена к печати крупная монография Ю. Д. Дмитревского «Внутренние воды Африки. Опыт экономико-географической характеристики».

²⁴ Ю. Д. Дмитревский. *Нил. Очерки хозяйственного использования*, Вологда, 1958; *Нил. М., 1961.*

Ценный вклад в изучение природы Африки внесла советская школа почвоведения, занимающая, по всеобщему признанию, ведущее положение в мировой науке о почвах. В Советском Союзе успешно развивается генетическое направление почвоведения, основы которого были заложены еще в конце прошлого века создателем научного почвоведения В. В. Докучаевым, выдвинувшим и обосновавшим представление о почве как о самостоятельном естественно-историческом теле, возникающем и развивающемся в результате взаимодействия почвообразующих факторов — климата, материнских пород, растительности, микроорганизмов, животного мира, рельефа. В. В. Докучаевым была составлена в 1900 г. первая мировая почвенная карта. Следя за его традициями, советские почвоведы не прекращают работы по созданию почвенной карты мира. Этой работой занимались такие крупнейшие русские ученые, как К. Д. Глинка и Л. И. Прасолов. Под редакцией последнего была составлена, в частности, мировая почвенная карта в Большом Советском Атласе Мира (1937 г.).

Непосредственно Африке большое внимание было уделено советским почвоведом З. Ю. Шокальской, опубликовавшей в 1944 г. детальную почвенную карту этого материка (под редакцией Л. И. Прасолова), а четырьмя годами позже выпустившей в свет капитальную научную монографию о почвах Африки с приложением той же карты в схематизированном виде²⁵. Монография и карта З. Ю. Шокальской, составленные на основе обобщения многочисленных картографических и литературных данных по почвам Африки (главным образом довоенного периода), получили в свое время высокую оценку советской и международной научной общественности. Карта Шокальской неоднократно перепечатывалась в других изданиях, в том числе и за рубежом.

В 1956 г. на VI Международном конгрессе почвоведов в Париже экспонировался один из вариантов почвенной карты мира, составленной группой работников Почвенного института им. В. В. Докучаева под руководством акад. И. П. Герасимова. Эта карта затем была опубликована в генерализованном виде в журнале «Природа» и в сборнике, посвященном памяти Л. И. Прасолова²⁶. Фрагмент той же карты, покрывающий территорию Африки, в масштабе 1:50 000 000 был помещен в первом томе 3-го издания Малой Советской Энциклопедии (1958 г.).

Работы по созданию новых вариантов мировой почвенной карты с использованием новых почвенно-карографических материалов продолжались и в последующие годы²⁷. Последним вариантом является почвенная карта мира, подготовленная в Почвенном институте им. В. В. Докучаева для ФГАМ. Для этого атласа советскими учеными составлена также новая почвенная карта Африки в масштабе 1:20 000 000²⁸.

На равнинных территориях Восточной Африки (включая возвышенные равнины центральной части Восточноафриканского плоско-

²⁵ З. Ю. Шокальская, *Новая почвенная карта Африки*, — «Почвоведение», 1944, № 9; *Почвенно-географический очерк Африки*, М.—Л., 1948.

²⁶ И. П. Герасимов, *Новая почвенная карта мира*, — «Доклады VI Международного конгресса почвоведов», М., 1956; *Почвенная карта мира*, — «Природа», 1956, № 10; Работа акад. Л. И. Прасолова по составлению мировой почвенной карты, — «Вопросы генезиса и географии почв», М., 1957.

²⁷ И. П. Герасимов, *Новая почвенная карта мира и научные проблемы, связанные с ней*, — «XIX Международный географический конгресс в Стокгольме».

²⁸ В уменьшенном масштабе (1:50 000 000) и схематизированном виде она была опубликована ранее, в 1-м томе энциклопедического справочника «Африка» (1963 г.).

горья) советские почвоведы выделяют следующие зональные типы почв: красные латеритные почвы сезонновлажных тропических лесов и высокотравных саванн; коричнево-красные латеритизованные почвы ксерофитных тропических лесов; красно-бурые почвы сухих саванн; красновато-бурые почвы опустыненных саванн. Кроме того, довольно широким распространением в Восточной Африке пользуются интразональные черные и серые тропические гидроморфные почвы, развитые в плохо дренированных понижениях рельефа. Особо выделяются также аллювиальные почвы речных долин, болотные почвы, почвы мангровых зарослей. В горах и на высоких нагорьях преобладают горные красные почвы сезонновлажных тропических лесов и горные красновато-бурые почвы саванн.

Современные взгляды советских почвоведов на особенности почвообразовательных процессов и почв тропических областей, чрезвычайно важные для оценки почв Восточной Африки, изложены в работах И. П. Герасимова, М. А. Глазовской, И. А. Денисова, В. М. Фридланда и др.²⁹. Советским ученым принадлежат и оригинальные работы, дающие оценку возможностей использования почв тропической Африки в сельском хозяйстве³⁰.

В области биогеографического изучения Африки следует отметить создание в СССР ряда оригинальных карт растительности Африканского материка, в том числе карты растительности в масштабе 1 : 30 000 000 В. Д. Александровой и А. И. Зубкова (под редакцией Е. М. Лавренко), впервые опубликованной в качестве приложения к уже упоминавшейся книге А. С. Баркова (1953 г.). Для ФГАМ в Ботаническом институте АН СССР подготовлена А. И. Зубковым новая карта растительности Африки в масштабе 1 : 20 000 000³¹.

Восточная Африка выделена на этой карте как область господства различных формаций саванн и редколесий. В качестве основных типов растительности здесь выделены редколесья с преобладанием брахистегии, прибрежные парковые саванны с преобладанием баобаба, высокотравные саванны, типичные саванны и опустыненные саванны. В наиболее увлажненных районах Межозерья на крайнем северо-западе Восточной Африки отмечены также парковые леса, а на резко засушливом северо-востоке Восточноафриканского плоскогорья (в районе озера Рудольф) — злаково-кустарниковые пустыни. В устьях наиболее крупных рек показаны мангровые леса, на высоких вулканических массивах Килиманджаро, Кении и других — высокогорная растительность.

В первом томе энциклопедического справочника «Африка» помещены также схематические карты флористического и зоогеографического районирования Африканского континента, а в ФГАМ — карты ареалов некоторых наиболее характерных для Африки растений и животных. Заметный вклад внесли советские ученые и в разработку

²⁹ И. П. Герасимов, *Современные латериты и латеритные почвы*, — «Известия АН СССР», серия географическая, 1961, № 2; И. П. Герасимов и М. А. Глазовская, *Основы почвоведения и география почв*, М., 1960; И. А. Денисов, *Характерные особенности вертикальной зональности почв Центральной Африки*, — «Почвоведение», 1961, № 6; И. А. Денисов, *О генезисе «латеритов» и «латеритных почв» Центрального Конго*, — «Проблемы почвоведения», М., 1962; В. М. Фридланд, *Почвы и коры выветривания влажных тропиков*, М., 1964.

³⁰ И. А. Денисов, *Использование тропических почв Африки в сельском хозяйстве*, — «Почвоведение», 1962, № 7.

³¹ Схематизированный вариант этой карты в масштабе 1:50 000 000 опубликован в 1-м томе энциклопедического справочника «Африка» (1963 г.).

проблем комплексного физико-географического районирования Африки. Советскими географами в последние годы был предложен ряд схем природного районирования Африканского континента. Во всех этих схемах Восточная Африка выделяется в самостоятельный и очень специфичный крупный природный регион. Заслуживает особого внимания карта физико-географического районирования Африки в масштабе 1 : 30 000 000 для ФГАМ, подготовленная на основе глубокого анализа всего комплекса природных компонентов на географическом факультете Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

* * *

В этой краткой статье мы могли дать лишь беглый обзор той значительной работы, проведенной и проводимой в нашей стране по изучению природных особенностей Африки, которая позволяет лучше понять и оценить физико-географическую специфику и естественные возможности далекой от нас Восточной Африки.

Гигантский подъем производительных сил, достигнутый нашей страной за годы Советской власти и доказавший огромную жизненность социалистического строя и Советского государства, в то же время подтвердил правильность основных направлений исследований советских природоведов, принимавших активное участие в освоении естественных ресурсов и преобразовании природы своей Родины. Именно поэтому советские ученые, особенно специалисты в области учета и оценки природных ресурсов, могут оказать немалое содействие африканским народам в определении путей наиболее рационального использования естественных богатств Африки, необходимого для создания и укрепления независимой национальной экономики африканских государств. Это уже проверено на практике в ряде стран Северной и Западной Африки. На базе своего национального опыта и обобщения достижений мировой науки ученые нашей страны могут помочь своими знаниями и опытом многим молодым государствам в Восточной Африке. Залогом успеха в этом деле служит то, что отношение советских людей к африканским народам определяется во всем чувствами дружбы и солидарности, основанными на великих идеях пролетарского интернационализма, являющегося одним из краеугольных камней нашего социалистического общества.

Ю. Д. Дмитревский

ГИДРОЭНЕРГЕТИКА СТРАН ЮЖНОЙ И ВОСТОЧНОЙ АФРИКИ

В ранее опубликованных работах¹ мы рассмотрели проблемы гидроресурсов и развития гидроэнергетики в Африке в целом, в бассейнах Нила, Замбези, Оранжевой. В данном сообщении попытаемся охарактеризовать освоение гидроресурсов в странах Южной и Восточной Африки вне бассейнов названных выше крупнейших рек.

Нужно иметь в виду, что запасы «белого угля» в Южной и Восточной Африке очень велики. Если даже исключить гидроэнергетический потенциал бассейнов Замбези, Нила, Оранжевой, то, по данным В. Слебингера, эти запасы при полном использовании стока составляют 220—230 млн. квт; из них на долю Восточной Африки приходится 90—100 млн. квт². Как покажет дальнейшее изложение, использование этих огромных ресурсов пока очень незначительно.

Большими запасами гидроэнергоресурсов располагает Ангола. Однако до последнего времени гидростанции были здесь небольшой мощности. Например, одна из наиболее крупных станций, снабжавшая город Луанду, имела мощность всего 6 тыс. квт. Она не обеспечивала потребности города, который получал электроэнергию также с тепловой станции. В последние годы в Анголе построен ряд более крупных гидроэлектростанций с целью не только увеличить энергоснабжение основных городских центров, но и повысить энергетическую базу страны для привлечения новых иммигрантов из Португалии.

В 60 км к северо-востоку от Луанды построена гидростанция Мабубаш (1954 г.) на реке Данде (проектная мощность 17,5 тыс. квт, годовая выработка энергии 56 млн. квт·ч), снабжающая электричеством административный центр страны. Станция Биопиу (1957 г., 15 тыс. квт, годовая выработка энергии 38 млн. квт·ч) на реке Катумбела снабжает города Лобиту и Бенгела. Гидростанция Матала (1959 г., 27 тыс. квт, по проекту 40 тыс. квт, выработка энергии 69 млн. квт·ч в год) на реке Кунене, недалеко от города Капелонго, дает энергию городам Сада-

¹ Ю. Д. Дмитревский, *Нил. Очерки хозяйственного использования*, Вологда, 1958; *Замбези*, — «Ученые записки Вологодского пединститута», т. 24, 1959; *Река Оранжевая и водные проблемы Южно-Африканского Союза*, — «Страны и народы Востока», вып. I, М., 1959; *Гидроэнергетика Африки*, — «Страны и народы Востока», вып. II, М., 1961, и др.

² V. Slebinger, *Statistics of the existing water-power resources*, — «Transactions of the fourth world power conference», London, vol. 4, 1952, pp. 2152—2154.

Бандейра, Мосамедиш, а также поселениям португальских колонистов в долине Кунене и других районах.

Водохранилища вновь воздвигаемых гидростанций предполагалось использовать и для ирригации, но площади орошения определены не были.

Существуют проекты использования энергии реки Кванза. Один из них осуществляется. С 1958 г. в 200 км от Луанды ведется строительство крупной гидростанции у водопадов Камбамбе (годовое производство энергии по проекту 3 млрд. квт·ч). Строительство части первой очереди (130 тыс. квт, 400 млн. квт·ч) завершено в 1962 г. Большая часть энергии будет передаваться в Луанду. Завершение первой очереди предусматривает удвоение мощности и производства энергии³.

В Мозамбике, где возможная годовая выработка электроэнергии за счет использования водных ресурсов достаточно велика, гидроэнергетика развита слабо.

Недавно вступила в строй гидростанция Мавузи на притоке Бузи, реке Ревуэ, в 56 км от Вила-Пери. Она снабжает энергией города Бейра, Вила-Пери, промышленный район Шимойю. Часть электроэнергии экспортируется в Южную Родезию по линии передачи Мавузи — Умтали. За 10 лет должно быть передано в Южную Родезию 1,5 млрд. квт·ч электроэнергии. Электростанция Мавузи (проектная мощность 65 тыс. квт, первая очередь 12,4 тыс. квт) принадлежит компании «Со-сиедади гидроэлектрика до Ревуэ».

На этой же реке Ревуэ в 50 км выше ГЭС Мавузи строится вторая гидростанция — Шикамба (Чикамба) проектной мощностью 50 тыс. квт (первая очередь 21 тыс. квт). Изучается проект использования энергии правого притока Лимпопо, реки Олифантс.

Новые проекты связаны с проблемой использования гидроэнергоресурсов нижней Замбези. Изучались также возможности строительства гидростанций на реке Лурио (пров. Ньяса) и на некоторых других артериях.

В Юго-Западной Африке, где гидроэнергетика практически отсутствует, рассматриваются возможности использования энергии реки Кунене, протекающей по северной границе страны (в частности, в створе водопада Руакана). Воды Кунене предполагается использовать также для водоснабжения и ирригации⁴.

Обсуждается проект строительства гидростанции на реке Малибомотсо в Басутоленде для снабжения энергией ЮАР. Реализация проекта представляется маловероятной⁵.

В Свазиленде в последние годы строилась первая значительная (по местным масштабам) гидростанция в Эдвалени. Первую очередь предполагалось ввести в строй в конце 1964 г. Позднее этот срок был передвинут на 1965 г. Общая проектная мощность станции 30 тыс. квт⁶. Заем для строительства ГЭС предоставил МБРР⁷.

Основные перспективы развития гидроэнергетики Южно-Африканской Республики связаны с освоением рек бассейна Оранжевой.

Гидроэнергетика Замбии, Малави, Южной Родезии и перспективы

³ «Hydro-electric power in Angola. Cambambe plant may become one of the largest in Africa», — «African world annual», vol. 58, 1962, pp. 23—24.

⁴ «South-West Africa», — «Industrial review of Africa», vol. 12, 1960, № 2.

⁵ «The fate of the High Commission territories», — «Times review of industry», vol. 14, 1960, № 165.

⁶ «Power for Swaziland», — «New Commonwealth», vol. 41, 1963, № 10, pp. 653—654.

⁷ «Development projects in Swaziland», — «Africa world», 1964, September, pp. 4—5.

ее развития связаны с использованием водных ресурсов бассейна Замбези.

Реки Мальгашской республики, как правило, не отличаются большой длиной, но благодаря ступенчатой поверхности острова во многих районах имеют значительное падение, порожисты. Реки восточного и северного Мадагаскара, а также реки, начинающиеся на центральных массивах острова, многоводны. Все это обогащает Мадагаскар водной энергией. Характерные особенности гидроэнергетики Мальгашской республики — большая роль мелких гидростанций, число которых довольно велико, разбросанность гидростанций по острову, большой удельный вес гидроэнергетики в энергетическом балансе страны.

Наиболее значительный узел гидростанций находится в районе, окружающем столицу Тананариве, и в первую очередь снабжает энергией этот город с почти трехсоттысячным населением. К гидростанциям этого района относится Антеломита (12 тыс. квт) на реке Икопа (левом притоке крупнейшей реки острова Бецибока). В бассейне реки Икопа есть также гидростанция на реке Мандрака (15 тыс. квт — самая крупная в стране). Южнее Тананариве мелкие гидростанции Анцирабе на реке Манаидона и Фианаранцо на реке Манандрай. Существуют проекты создания гидростанций Рогез на реке Вахитра, в 120 км восточнее Тананариве, и на реке Снибе, в 30 км северо-западнее Таматаве⁸. Первая из них должна дать возможность электрифицировать железную дорогу между Тананариве и обслуживающим его портом Таматаве на восточном побережье Мадагаскара. Город Таматаве снабжается электроэнергией с гидростанции Волобе (3 тыс. квт) на реке Ивондро. В последние годы предполагалось увеличение мощности этой станции, но, по мнению П. Серрина, и это не обеспечило бы потребностей района в электроэнергии⁹.

На севере острова гидростанций нет, но существует проект создания гидростанции в 20 км южнее Диего-Суарес.

Основные проекты гидроэнергостроительства предусматривают использование в первую очередь рек бассейна Бецибока. Существуют проекты строительства гидростанций на самой реке Бецибока, в 150 км от порта Мажунга (гидростанция Амбодирока), и на ее притоке, реке Икопа, в 250 км от Мажунга (станция Антафоффо), для снабжения электроэнергией западных районов острова. Всего на реке Икопа проектируется создание семи гидростанций общей мощностью более 2 млн. квт; крупнейшую гидростанцию страны предполагается воздвигнуть на реке Фирингалава, правом притоке реки Икопа (проектная мощность 540 тыс. квт). В среднем течении реки Бецибока проектируется постройка двух станций общей мощностью 330 тыс. квт¹⁰.

Среди монополий, владевших энергетикой страны, следует назвать частную компанию «Электрисите э о де Мадагаскар» и «смешанное» общество «Энержи де Мадагаскар», которому принадлежит, в частности, гидростанция Мандрака¹¹.

На небольшом острове Реюньон (из группы Маскаренских островов), принадлежащем Франции, есть очень мелкие гидростанции, среди которых самой значительной была Сен-Дени, на севере острова, мощ-

⁸ Есть сведения о том, что эта гидростанция уже строится.

⁹ P. Serryn, *L'équipement électrique de l'Union française*, — «Revue générale d'électricité», vol. 61, 1952, № 6, p. 259.

¹⁰ G. Vie, *Aménagements hydroélectriques projetés à Madagascar*, — «Construction», vol. 16, 1961, № 1, pp. 25—27.

¹¹ «L'électricité outremer. Madagascar», — «Industries et travaux d'outremer», № 122, pp. 113—116.

ностью всего 280 квт. В 1960 г. закончено строительство гидроэлектростанции мощностью 3,6 тыс. квт на реке Ланжевен, близ поселка Сен Жозеф, на юге острова¹². Важная роль в энергетике острова принадлежит «смешанному» обществу «Энержи электрик де ла Реюньон».

Имеется производство электричества за счет использования гидроэнергии и на принадлежащем Великобритании острове Маврикий. Гидростанцию О-Бле мощностью 9,3 тыс. квт предполагалось расширить и довести до 22 тыс. квт¹³.

В Танзании наибольшее значение в современной гидроэнергетике имеет использование реки Пангани (Руву), берущей начало в массиве Килиманджаро. Еще до второй мировой войны в 70 км от устья была построена гидроэлектростанция. В 1936 г. мощность ее была увеличена до 7,5 тыс., а затем и до 17,5 тыс. квт. Гидростанция снабжает энергией плантации сизаля, а также прибрежные города Пангани, Танга и город Момбасу в Кении¹⁴. Танга и Момбаса — порты с растущим населением и промышленностью. В последние годы рассматривались проекты расширения энергетического использования Пангани, чтобы снабжать ее энергией и столицу Танзании — Дар-эс-Салам¹⁵. Строились небольшие гидростанции в районе Танга (общей мощностью 21 тыс. квт). Первый ток они должны были дать еще в 1964 г.¹⁶.

Небольшие гидростанции Танзании находятся в Моши (бассейн Пангани, у подножия Килиманджаро), Иринга (река Малая Руаха), Мбея (на юго-западе страны)¹⁷.

Существуют проекты строительства плотины на реке Руфиджи, в 200 км от устья (что сделало бы реку на этом протяжении постоянно судоходной), создания крупной гидростанции (500 тыс. квт), орошения больших массивов земель. Имеется также проект создания небольшой гидростанции на Малагарази.

В Кении в 1933 г. были созданы первые небольшие гидроэнергетические установки на реке Тана¹⁸. В конце 1953 г. вошла в строй гидростанция Ванджи, а в августе 1956 г. — новая гидростанция (на нижней Тана) мощностью 8 тыс. квт¹⁹. Она снабжает энергией столицу Кении — Найроби и окружающий район. Небольшие гидростанции созданы на правом притоке Тана, реке Тика, и левом притоке Марагуа. Все эти станции (общей мощностью около 22 тыс. квт)²⁰, однако, не обеспечивают потребностей, и электроэнергия экспортируется из Уганды с гидростанций Оуэн — Фоллс (на реке Виктория-Нил). В начале 1958 г. вошла в строй линия электропередачи Тороро (Уганда) — Найроби (Кения) протяженностью 400 км.

Проектируется создание гидростанции Севен-Фокс на реке Тана.

¹² G. Loze, *L'aménagement hydro-électrique de la rivière Langevin (Île de la Réunion)*, — «Construction», vol. 16, 1961, № 1.

¹³ «Mauritius electricity and water», — «New Commonwealth», vol. 34, 1957, № 2, p. 88.

¹⁴ N. Hiele, *Die Wasserkräfte von Aquatorialafrika werden erschlossen*, — «Umschau in Wissenschaft und Technik», Bd 56, 1956, № 2, s. 33—34.

¹⁵ Hailey, *An African survey revised 1956*, London — New York — Toronto, 1957, p. 991.

¹⁶ «Tanganyika», — «Industries et travaux d'outremer», 1964, № 122, p. 144.

¹⁷ N. C. Pollock, *Industrial development in East Africa*, — «Economik geography», vol. 36, 1960, № 4, p. 348.

¹⁸ Hailey, *An African survey revised 1956*, p. 994.

¹⁹ «United Nations. Economic development in Africa 1954—1955», New York, 1956, p. 26.

²⁰ «L'électricité outremer. Kenya», — «Industries et travaux d'outremer», 1964, № 122, pp. 142—143.

в 120 км от Найроби (мощностью 240 тыс. квт, первая очередь 100 тыс. квт²¹).

В Уганде почти монопольную роль в энергетике играет гидростанция Оуэн-Фоллс. Новые проекты гидростроительства связаны также с использованием вод системы Нила.

В Сомали возможности использования гидроэнергоресурсов связаны в первую очередь с освоением реки Джуби. Условия гидроэлектростроительства здесь требуют больших капиталовложений.

Эфиопия — одна из наиболее обеспеченных гидроэлектроресурсами стран Африки. Велики запасы гидроэнергии в бассейне Нила, особенно Голубого. Однако освоение гидроэнергоресурсов началось с других районов и находится пока в начальной стадии.

В 1938—1939 гг. «Компани национале импрезе электрихе» («Кониэль»), созданная итальянскими энергетическими компаниями с целью монополизации производства и распределения электроэнергии в африканских владениях Италии, построила наряду с четырьмя небольшими тепловыми станциями две маленькие гидростанции — Акака (Акака) мощностью 6,6 тыс. квт, в 64 км южнее Аддис-Абебы, и Джимма²².

В 1957 г. вступили в строй небольшие гидростанции у Аддис-Абебы (5 тыс. квт) и у озера Аламайя (2,1 тыс. квт)²³. В 1958—1960 гг. несколькими очередями вошла в строй крупнейшая в стране гидростанция Коко (Аваш I) на реке Аваш²⁴, выше Малка-Сире, в 100 км от Аддис-Абебы. Она предназначена для снабжения энергией столицы и города Диредава. Проектная мощность станции 50 тыс. квт, годовая выработка до 100 млн. квт·ч. Строительство велось по проекту, составленному норвежской фирмой «Норконтсультант», на средства, полученные Эфиопией от Италии в счет reparаций²⁵.

Недавно началось строительство гидростанции Аваш II, которое позволит увеличить мощность на 70 тыс. квт. Для финансирования этого строительства МБРР в 1964 г. выделил 23,5 млн. долларов²⁶.

В 1963 г. вошла в строй первая очередь (7,7 тыс. квт) гидростанции Тис-Аббай на Голубом Ниле, недалеко от озера Тана (полная проектная мощность 14 тыс. квт)²⁷.

Производство электроэнергии в стране сосредоточено в руках пяти компаний, из которых крупнейшие — государственная «Эфиопиэн электрик лайт энд пауэр компани», которая контролирует 59% выработки электроэнергии в стране, и частная «Сочьета электриха делль Африка ориентале» (последняя, контролируя 24% производства, обслуживает главным образом Эритрею)²⁸.

²¹ N. C. Pollock, *Industrial development in East Africa*, p. 348.

²² R. Roschi, *La CONIEZ in Ethiopia*, — «Africa, Revista Bimestrale. Studie documentale», 1957, № 6.

²³ Д. Г. Вобликов, Эфиопия, М., 1959, стр. 39.

²⁴ А. С. Абрамов, Эфиопия — страна, не вставшая на колени, М., 1961, стр. 57.

²⁵ Д. Г. Вобликов, Эфиопия, стр. 40.

²⁶ «Le développement de la production d'électricité en Ethiopie encourage par un prêt de la banque mondiale», — «Industries et travaux d'outremer», 1964, № 127, pp. 550—551.

²⁷ «Review of current economic conditions in Ethiopia», — «Ethiopian economic review», 1963, № 6; «Basis data on the economy of Ethiopia», — «Overseas business reports», 1963, № 17.

²⁸ «L'Ethiopia», — «Notes et études documentaires. La documentation française», 1961, № 2828.

Б. А. Вальская

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ПУТЕШЕСТВИИ Е. П. КОВАЛЕВСКОГО В ЕГИПЕТ, ВОСТОЧНЫЙ СУДАН И ЗАПАДНУЮ ЭФИОПИЮ

В 1959 г. в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина¹ была составлена опись архивного фонда выдающегося путешественника, писателя и дипломата, почетного академика и почетного члена Географического общества Егора Петровича Ковалевского. Фонд поступил в библиотеку еще в 1884 г., и в течение 75 лет исследователи могли пользоваться только кратким перечнем рукописей, опубликованным в отчетах библиотеки за 1884 и 1888 гг., который не раскрывал в достаточной степени содержания фонда.

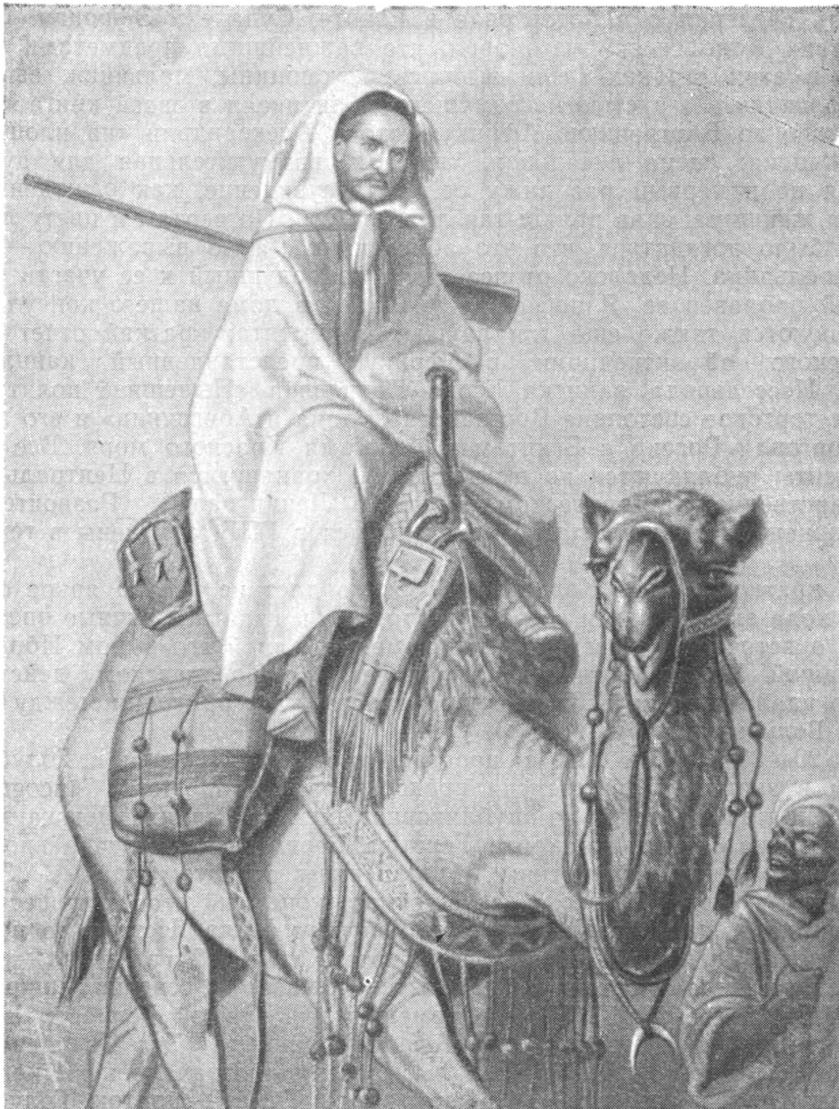
Из новой подробной описи видно, какое большое место в жизни и деятельности Ковалевского занимал Восток. Это не только путешествия Ковалевского в Египет, Судан, Эфиопию, Сирию, Палестину, Турцию, Монголию, Китай и Среднюю Азию, но и его обширная, разнообразная и еще мало изученная дипломатическая деятельность в качестве директора Азиатского департамента Министерства иностранных дел.

В фонде имеется много интересных материалов, связанных с экспедицией Ковалевского в Африку, куда русский путешественник отправился по просьбе египетского паша Мухаммеда Али для поисков и разведки золота и для устройства на притоке Голубого Нила, реке Тумат, предприятий для промывки золотоносных песков.

В 40-х годах XIX в. Россия занимала первое место в мире по добыче золота. С 1841 по 1850 г. в стране было добыто свыше 225 тыс. кг, а во всех остальных странах мира — только около 55 тыс. кг, т. е. почти в пять раз меньше². Поэтому не удивительно, что многие страны мира неоднократно обращались к русскому правительству с просьбой оказать помощь в поисках золота и в организации предприятий по промывке его. С такой просьбой обратился к русскому правительству и Мухаммед Али, паша Египта, который уже давно интересовался разработкой месторождений золота в Восточном Судане. В 1847 г., после повторной просьбы Мухаммеда Али прислать в Египет нескольких горных инженеров, русское правительство дало

¹ Далее ГПБ.

² «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона», т. 24, стр. 649.

Е. П. КОВАЛЕВСКИЙ

согласие на командирование в Египет Ковалевского, который уже давно стремился попасть в Африку.

До сих пор было известно, что при отъезде Ковалевского в Египет он получил инструкцию от штаба корпуса горных инженеров, составленную акад. Г. П. Гельмерсеном, и инструкции от Академии наук, составленные А. Я. Купфером и Х. Д. Френом³. Здесь мы впервые публикуем инструкцию для экспедиции Ковалевского, составленную русским посланником в Константинополе В. П. Титовым для генерального русского консула в Каире А. М. Фока. Она представляет значительный интерес для изучения русско-египетских отношений в 40-х годах XIX в. Согласно этой инструкции Ковалевский должен был

³ Подробнее см.: Б. А. Вальская, *Путешествия Егора Петровича Ковалевского*, М., 1956, стр. 96—98.

собрать сведения о работорговле в Египте, Судане и Эфиопии. Впоследствии Ковалевский установил, что важнейшими предметами торговли в этих странах были эфиопские женщины, мальчики, евнухи и невольники. С грустью и возмущением он писал в своей книге «Путешествие во Внутреннюю Африку», что в Александрии «на площади опять сцена: сцена печальная, тяжелая, возмутительная для души, хотя я не в первый раз вижу ее. Во всеувидение, как осужденная, стояла женщина, едва прикрытая лохмотьями. По чертам и цвету лица легко было догадаться, что это абиссинянка, а по выражению — что это невольница. Недалеко от нее стоял равнодушный к ее участи беспечный продавец ее. Я поспешил укрыться в доме нашего консула»⁴. Публикуются также еще три важных документа: краткий отчет Ковалевского об экспедиции в Африку, представленный канцлеру К. Ф. Нессельроде, записка Егора Петровича «Нынешнее политическое и торговое состояние Восточного Судана и Абиссинии» и его проект торговли России с Египтом и берегами Красного моря. Все эти документы публикуются по экземплярам, хранящимся в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде⁵. Разночтения по сравнению с документами, хранящимися в ГПБ, отмечены в тексте особо.

В кратком отчете Ковалевский сжато дает не только яркое описание хода экспедиции и ее результатов, но и излагает личные впечатления о встречах и беседах с Мухаммедом Али и его сыном Ибрагимом-пашой. Краткий отчет подтверждает, что Ковалевскому действительно удалось достичь 8° северной широты на территории между Белым и Голубым Нилом.

В 20—30-х годах XIX в. пространство между Белым и Голубым Нилом в значительной степени представляло собой *terra incognita*. Это очень хорошо видно из опубликованных карт Генриха Бергхаузена и Фридриха Калье. На карте Генриха Бергхаузена, составленной в 1824 г. «по новым открытиям и воззрениям с учетом данных „Землеведения“ Карла Риттёра», река Тумат, конечный этап путешествия Ковалевского, нанесена как приток Голубого Нила. Истоки ее находятся под 8° северной широты. На карте Калье 1821 г. Тумат — приток Белого Нила и истоки ее находятся южнее 8° северной широты. На карте Калье 1826 г. Тумат помещен как приток Голубого Нила и истоки его находятся под 8° северной широты. Сам Ковалевский писал, что «направление Тумата от Кассана обозначалось на картах точками, как неизвестное». На его карте Тумат — приток Голубого Нила, истоки его находятся под 8° северной широты. На современных картах Тумат — приток Голубого Нила, истоки его находятся под 10° 11' северной широты.

Еще при жизни Ковалевского такая путаница в картографии Восточной Африки не могла не вызвать многочисленных споров о последнем этапе его путешествия. Из его отчета видно, что 13 марта 1848 г. из города Кассана (Кезана) он отправился на юг и достиг 8° северной широты между Белым и Голубым Нилом.

В записке «Нынешнее политическое и торговое состояние Восточного Судана и Абиссинии» Ковалевский пишет о тяжелом гнете, который испытывал Восточный Судан, оккупированный Египтом. Много раз суданский народ, «угнетаемый и разоряемый пашами», пытался освободиться от «нетерпимого ига... но возмущения пока прекраща-

⁴ Е. П. Ковалевский, *Путешествие во Внутреннюю Африку Е. П. Ковалевского*, ч. I, СПб., 1849, стр. 28—29.

⁵ Далее ЦГИАЛ.

лись без дальних кровопролитий, кроме первого, стоявшего жизни многих тысяч людей». Эта записка Ковалевского дополняет сведений о восстаниях в Судане, опубликованные в его книге «Путешествие во Внутреннюю Африку». В ней Егор Петрович пишет о восстании невольников, которое произошло за несколько дней до его приезда в небольшой городок на Ниле — Уад-Мелину. Население этого города составляло 4 тыс. человек, в том числе там были 1200 солдат. В составе гарнизона находилось около 1 тыс. негров и 200 арабов и турок. «Негры, — писал Ковалевский, — составили заговор — убить всех белых, т. е. разноцветных, и удалиться в свои горы». Восстание было подавлено. Это была уже «не первая попытка к возмущению невольников». Ковалевский пишет об унижении коренного населения «перед пришельцами, которое одинаково проявляется в Индии, в Африке, в Америке».

В своей записке Ковалевский сообщает о деятельности в Хартуме «духовной миссии римской пропаганды» под руководством иезуита Рилло, который не столько занимался духовными делами, сколько предпринимательством. «Рилло, — писал Ковалевский, — купил большой дом, строит другой и выписывает колонистов, которых хочет поселить по Белому и Голубому Нилу». Но это «более политико-коммерческое, чем религиозное предприятие», окончилось печально: Рилло в 1848 г. умер от горячки, а члены его духовной миссии были убиты.

Много места в записке уделено Эфиопии, которая в 40-х годах XIX в., как указывает Ковалевский, была «разделена на несколько отдельных владений, одно от другого независимых, одно с другим враждующих». Все, что относится в записке к Эфиопии, приобретает тем больший интерес, что Ковалевский в своей книге об этой стране почти ничего не пишет. В публикемой же записке он излагает историю проникновения в Эфиопию английских, французских и немецких колонизаторов.

Как раз в 1848 г. английское правительство назначило в Эфиопию своего консула Вальтера Г. Плоудена, который поселился в Массая, на берегу Красного моря, и вскоре добился подписания договора с Эфиопией о торговле. Через 18 лет Плоуден был убит врагами негуса Эфиопии Федора II, а преемник Плоудена был арестован негусом за его интриги против страны. Это, как известно, послужило поводом для вторжения английских войск в Эфиопию, которое закончилось ее поражением. Окруженный английскими войсками в крепости Магала Федор II покончил с собой.

Хорошо осведомленный биограф Ковалевского П. В. Анненков сообщает, что Егор Петрович встречался с негусом Эфиопии Федором II. Эта встреча могла произойти в 1848 г., во время путешествия Ковалевского в Западную Эфиопию, когда негус был известен под именем Касса, как один из местных феодалов Эфиопии. Касса родился в 1818 г. в горной области Куара, провинции Амхара. Он получил образование в монастыре, где служил писцом. Когда монастырь был разрушен, он бежал в горы и стал вождем недовольных. В 1854 г., будучи правителем провинции Амхара, он подчинил еще три провинции северной и центральной Эфиопии — Тигре, Годжам, Шао и соседние племена галла и провозгласил себя верховным негусом Эфиопии. Федор II проводил прогрессивную политику, направленную на объединение страны и борьбу с работоговлей.

Записка Ковалевского об Эфиопии показывает хорошее знание природы и хозяйства этой страны, которое можно было получить на основании личного знакомства с ней.

В последнем публикуемом документе Ковалевский ставил вопрос об установлении прямых торговых отношений России со странами Африки и Аравийского полуострова, о необходимости учреждения русского консульства в Массауа. В связи с этим Ковалевскому было поручено «составить предположения о том, какими путями и какими средствами начать торговлю с этими странами⁶.

Ковалевский составил «Проект торговли России с Египтом и берегами Чёрного моря»⁷, в котором писал, что Мухаммед Али, «раздражаемый дорогими ценами на железо Англии и Австрии и дурным качеством первого», поставил вопрос о том, «какими путями ему можно получить железо из России». Русский путешественник представил паше подробную записку о ценах на русское железо с доставкой в Александрию. По подсчетам Егора Петровича железо обошлось бы на 40% дешевле английского, а «в достоинстве своем оно могло бы уступить только разве немногим сортам разного австрийского железа».

Для ведения регулярной торговли между Россией и Египтом Ковалевский предлагал организовать регулярное пароходное сообщение между Одессой, Константинополем и Александрией. По его предложению, черноморские почтовые корабли, курсировавшие из Одессы в Константинополь, вполне справились бы с этой задачей. 11 ноября 1850 г. проект Ковалевского разбирался на заседании совета министра финансов. Совет постановил предложить русским купцам составить товарищество для торговли с Египтом. Московский, бессарабский и новороссийский генерал-губернаторы должны были опросить купцов, торгующих в черноморских портах, и выяснить, не пожелают ли они «образовать для торговли с Египтом компании; в таком случае составить проект устава» и представить его на усмотрение министра финансов⁸.

Против проекта Ковалевского выступил московский генерал-губернатор Закревский, который считал, что русские товары: железо, катаны, медные изделия и др., не смогут выдержать конкуренции с английскими и французскими товарами. Некоторые купцы, указывал Закревский, уже давно торгуют с Египтом, но «сношения эти непостоянны и не доставляют купечеству никаких выгод». Закревский считал, что если русские купцы нашли бы особые выгоды в торговле с Египтом, то они давно уже завели бы с ним сношения. Для торговли с Египтом недостаточно было одних капиталов, нужны были сведущие люди, которые могли бы посвятить себя этому делу. Таких людей не оказалось. Купцы, не знакомые с краем и его потребностями, не решались вложить свои капиталы в новое дело. Предложение Ковалевского об учреждении в Москве торгового дома по африканской торговле, подобно торговому дому по астрabadской торговле, по мнению Закревского, не заслуживало внимания. Успеху астрabadской торговли способствовали удобные пути сообщения. Товары отправлялись с Нижегородской ярмарки по Волге и Каспийскому морю до Астрабада. Успеху ее способствовало также и знакомство купцов с «потребностями и вкусами Персии и других стран, расположенных у Каспийского моря». Отдаленность же Москвы от портов Чёрного моря при отсутствии хороших путей сообщения создаст большие трудности в торговле московских купцов с Египтом. Проект Ковалевского был отвергнут.

⁶ Архив внешней политики России, Главный архив, 11—3, 1848—1853, № 1, л. 4

⁷ Старое название Красного моря.

⁸ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 4, № 1366, л. 27.

Публикуемые ниже документы тесно связаны между собой. Они имеют важное значение для изучения истории политических, экономических и научных связей России со странами Африки: Египтом, Суданом и Эфиопией.

*Инструкция русского посланника в Константинополе В. П. Титова,
данная генеральному русскому консулу в Каире А. М. Фоку
12/24 декабря 1847 г. в связи с экспедицией Е. П. Ковалевского
в Африку*

В момент отъезда подполковника Ковалевского в Египет Министерство иностранных дел предоставило мне право сделать этому офицеру указания по поводу объектов, которые независимо от его специального задания могли бы привлечь его внимание в столь интересных местностях, которые он посетит.

Таким образом, я воспользовался его пребыванием в Константинополе, чтобы поставить его в курс вопросов, интересующих императорское правительство: собрать несомненно ценные краткие сведения о больших работах, проектируемых пашей Мухаммедом Али, таких, например, как плотина через Нил⁹, Суэцкий канал и другие. Действительно, мне казалось, что г. Ковалевский, благодаря своим практическим и разнообразным знаниям, которыми он располагает, должен нам осветить вполне выгоду и пользу подобных мероприятий.

С другой стороны, у него, возможно, будет случай собрать интересные и подробные сведения, относящиеся непосредственно к работорговле, которая вопреки представлениям, внушаемым европейской филантропией, процветает в Египте, а также о торговых отношениях, которые существуют в этой стране и в более отдаленных местностях, как Абиссиния или средняя Аравия.

Я заранее убежден, что подполковник Ковалевский в изысканиях этого рода, как и во всех других исследованиях, направленных на пользу сельскому хозяйству, промышленности и науке, заслужил бы с Вашей стороны самое дружеское содействие и всевозможную помощь, которая будет зависеть от Вас. Между тем, я ему рекомендовал отнестись к этому делу с осторожностью, не возбуждать недоверия паши или неосновательных подозрений иностранцев и особенно не придавать политического характера миссии, с которой могут расквиваться в Нубии.

Вы знаете, что это задание ему дано по специальной просьбе Мухаммеда Али, желающего исследовать золотоносные пески для эксплуатации их с умом и знанием дела. Назначая на это дело такого выдающегося офицера, уже управлявшего подобными предприятиями в России, е. и. в. государь-император соблаговолил даровать Мухаммеду Али большую милость, и мы не сомневаемся в том, что паша сумеет это оценить и предоставить в распоряжение г. Ковалевского все необходимые средства, чтобы он с успехом достиг цели своего путешествия.

Вам следует представить подполковника Ковалевского вице-королю, которому он лично вручит рекомендательное письмо, приложенное в копии, полученное от канцлера империи. Эта церемония, выпол-

⁹ Первая плотина (барраж) для круглогодичного орошения строилась с 1843 по 1861 г. у дельты, ниже того места, где Нил разветвляется на два рукава. Сейчас она называется плотиной Мухаммеда Али.

ненная однажды, полностью даст вам возможность согласовать с египетским правительством вопрос по поводу конвоя и других мероприятий для обеспечения продвижения Ковалевского и его спутников и их безопасности во время пребывания в Нубии.

Но, если против всякого ожидания, случится, что Мухаммеду Али придет идея воспользоваться этим случаем для охоты на негров или другой операции, способной повлечь политические последствия или распустить неблагоприятные слухи, вы должны позаботиться отклонить Мухаммеда Али от этого и заставить его оценить необходимость не устанавливать никакой взаимной ответственности между Ковалевским и предметами, не входящими в специальный круг его занятий.

Я выражаю уверенность, что подполковник Ковалевский в продолжение всего своего пребывания в Египте встретит у вас содействие и необходимое уважение и внимание, которых он заслуживает по своему званию. Я буду рад известиям, которые вы будете посыпать о его путешествии.

(ГПБ, ф. 356, № 55, лл. 23—25, копия на французском языке).

*Краткий отчет Е. П. Ковалевского об экспедиции в Африку,
представленный канцлеру К. В. Нессельроде*

Окончив возложенное на меня по высочайшему повелению от Министерства иностранных дел и Министерства финансов поручение, я поставляю обязанностью представить вашему сиятельству краткий отчет о действиях своих и о тех усилиях, которые употребило правительство Египта для успешного достижения разнородных целей вверенной мне экспедиции.

В конце декабря 1847 г. приехал я в Каир. Приготовления к экспедиции начались деятельно. Мухаммед Али¹⁰, для которого открытие золотых россыпей было любимой идеей всей жизни, который издержал для этого около двух миллионов рублей и сам предпринимал опасное путешествие до Фазогло, где совершенное разочарование в успехе дела, более чем труды и лишения путешествия, повергло его в болезнь. Мухаммед Али теперь сосредоточил все свои надежды во мне. Во время двухнедельного моего пребывания в Каире я бывал очень часто у вице-короля и, смею думать, пользовался его особым расположением. Он говорил со мной о барраже Нила, занимавшем его особенно, укреплении Александрии, об учреждении кадастра и нередко спрашивал моих советов; часто посмеивался над интригами англичан и французов, из которых в то время одни хлопотали об устройстве железной дороги, другие — канала через Суэзский перешеек, между тем как Мухаммед Али твердо решил не допускать ни того, ни другого и отдался от двух враждующих между собой партий одними обещаниями. С восторженной благодарностью отзывался он о милостях государя императора, приславшего ему своего офицера для споспешествования к достижению его любимой цели и очень часто с гордостью говорил европейским консулам о своей связи с русским двором.

Несмотря на болезнь свою, принявшую впоследствии такой неожиданный и страшный оборот, Мухаммед Али сохранял в то время еще вполне умственные способности и энергическую деятельность. Часто

¹⁰ Мухаммед Али (1769—1849) — правитель Египта. В публикуемой копии имя правителя Египта написано «Мегмед» или «Мегмет».

в суждениях его, обличавших иногда детское незнание предметов довольно обыкновенных, проявлялись мысли, поражавшие своею ясностью; логической последовательностью, можно сказать, гениальностью. Он с жадностью следил за политикой Европы, занимался историей, и любимыми героями его были Наполеон и Петр Великий.

Мухаммед Али обладал еще вполне своею железной волей. Замыслив какое-нибудь дело, он с энергией юноши стремился к нему, преодолевал все преграды, вступал в борьбу с людьми и с природой и приводил в исполнение самые несбыточные планы. Но, достигнув своей цели, он оставлял ее как бы утомленный чрезвычайным усилием, и потому самые лучшие предприятия его часто не приносили желаемых плодов.

Таким образом, его учебные и ученые заведения, достигшие в короткое время почти того совершенства, на котором находятся лучшие европейские заведения этого рода, клонятся теперь к упадку за недостатком участия вице-короля в поддержании их.

Окончив все приготовления к экспедиции, выверив и исправив инструменты, в сопровождении офицеров, приданных мне Мухаммедом Али, я отправился в начале генваря месяца из Каира. Военный отряд, снаряженный в Картуме, ожидал меня в Сеннаре. До Асуана, первых нильских порогов [отстоящих за 1000 верст от Каира], я доплыл на пароходе. Отсюда — на дагабиях [барках] до Короско. В Келябше мы перешли тропики. От Короско Нил делает значительный поворот на запад, описывая дугу; на этом пространстве катараакты следуют один за другим; только в полые воды можно переплыть их. Надо было оставить барки и идти на верблюдах, или следуя по Нилу за всеми его изгибами, или через Большую Нубийскую пустыню, самую страшную из африканских пустынь. Убедив несколько десятков бедуинов сопровождать нас, мы решились избрать последний путь, который был значительно короче первого. По мере того как мы удалялись от Нила, природа мертвела и, наконец, представилась пустыня во всей ужасающей безжизненности: ни признаков растительности, ни одного живого существа, только песчаные бугры переносились с места на место, гонимые ветром или останавливались рядами, как могилы на этом бесконечном кладбище. Действие самума тут смертельно, мы видели остатки погибшего каравана, уже полузанесенного песком. Вода встречается дней через пять пути и то горько-соленая, которая дня через три в наших кожаных мешках превратилась в вонючую грязь от жаров, которые достигали до 40° по Реомюру на солнце, и от этой воды наша кожа покрылась красными пятнами. Барометрически определил я высоту Нубийской пустыни.

В Бербере пересели мы опять в лодки. По моим наблюдениям мы пересекли линию периодических дождей по 18° [северной] широты и в начале февраля достигли места соединения Белого Нила [Бахр-эль-Абиада] с Голубым [Бахр-эль-Азрак]. В углу их соединения находится город Картум, главный [город] Восточного Судана, обширной провинции, составлявшей Сеннарское царство и лет двадцать шесть тому назад присоединенной силой оружия к владениям Мухаммеда Али. Тут, как в последнем пункте, где еще можно достать предметы первой потребности, дополнили мы наши запасы для экспедиции и отправились по Голубому Нилу на барках.

Мы плыли три недели до Россейроса, выходя по временам для своих наблюдений на сеннарский берег или на абиссинский, где невдалеке от Соро происходили в то время неприятельские действия суданских войск с абиссинскими.

Около Россейроса уже начинаются предгорья, периодические дожди тут господствуют в продолжение пяти месяцев; природа становится роскошной и разнообразной; племена негров еще перемешаны с племенами арабов, которых нельзя не признать по многим указаниям за остатки древних израильтян.

У Россейроса мы оставили Голубой Нил и на верблюдах пошли прямо в горы к Тумату, падающему с левой стороны в Голубой Нил. Тут уже начинается собственно земля негров. Каждая гора населена отдельным племенем, говорящим особым языком, имеющим особенные от других нравы и религию, правильнее сказать, не имеющим никаких нравов, ни религии, и только одни грубые идолопоклоннические обряды.

На Тумате, около города Кассана, нашел я ожидавший меня военный отряд, состоявший из 2500 человек, почти исключительно негров, довольно хорошо обученных и дисциплинированных и самого га кумдара, генерал-губернатора Восточного Судана¹¹. Тут начались мои разыскания золотосодержащих россыпей и руд других металлов.

Из представленной мной переписки с Мухаммедом Али и Али Ибрагимом-пашей¹² известно, каким успехом увенчались эти поиски. Нужно было представить трудности, противопоставленные не только природой, но и еще более невежеством окружавших нас турок и самого паши, которые глядели на наши занятия сначала с насмешкой, потом, видя успех устроенных машин, как на какое-то чародейство. Негры были благоразумнее их или по крайней мере, привыкнув повиноваться, исполняли беспрекословно наши приказания.

У Тумата, у города Кассана, заложил я первую золотопромывальную фабрику и небольшое укрепление для охранения ее от набегов негров, особенно абиссинского племени галла; это под десятым градусом (северной) широты, последнем пункте на юге, куда достигали египетские отряды и где были прежде меня двое из европейцев.

Я стремился проникнуть далее в глубь Африки; паша долго не соглашался на эту экспедицию; он боялся не столько за свой отряд, сколько за мою безопасность, за которую, по его словам, он должен был отвечать головой перед Мухаммедом Али. Но мои уверения, просьбы, угрозы, наконец, самый успех открытия золота действовали на него. Он вверил мне около 1500 человек, оставшись на месте, где я поручил устройство фабрики двум русским штейгерам.

Цель этой моей экспедиции было не суетное тщеславие — проникнуть далее других в средину Африки. Незадолго до того было напечатано письмо к Арно¹³ от Аббади¹⁴, который предполагал почти за верное источники Белого, т. е. настоящего, Нила [Бахр-эль-Абиад] недалеко от истоков уже известного Голубого Нила и именно под $7^{\circ}49'48''$ с. ш. и $32^{\circ}2'39''$ в. д. (от Гринвича) и таким образом совершенно изменял направление этой реки, уклоняя ее от запада на восток; прежде еще сделал это предположение д'Арно, хотя более гадательно.

Следуя вверх по течению Тумата, я, по своим соображениям, неизменно должен был упереться в это место или по крайней мере

¹¹ Генерал-губернатором (га кум-даром) Судана с 1845 по 1850 г. был Халид Хусрав-паша.

¹² Ибрагим-паша (1789—1848), сын Мухаммеда Али и с 1844 г. его соправитель.

¹³ Арно Бей (1812—1884) — французский инженер и путешественник. В 1840—1843 гг. принимал участие в экспедиции к истокам Белого Нила.

¹⁴ Аббади Антони (1810—1897) и Аббади Арно (1815—1893) — французские путешественники. С 1837 по 1849 г. занимались исследованием Эфиопии.

достигнуть его так близко, что тамошние негры, которые не могли не знать о соседстве реки, боготворимой ими, легко бы указали ее. Кроме того, я приобрел бы для географии и естественных наук большое пространство любопытнейшей части средней Африки, до того времени совершенно неизвестной, и определил бы направление Тумата и залегающих в его бассейне золотоносных россыпей.

Заведя предварительные связи с мелеками, независимыми владельцами отдельных гор и племен, под покровительством некоторых из них и в сопровождении других, я отправился в путь 13/25 марта месяца.

Достигнув 9-го градуса [северной] широты, мы уже застали тут начало периодических дождей [рашаш]. Под влиянием их и палящего солнца растительность развивалась быстро и экваториальная природа явилась нам в таком изумляющем великолепии, как никакое воображение не в состоянии себе представить.

Вскоре громадные камни и леса представили непроходимые преграды для нашего выночного скота и быков, которых мы вели с собой для продовольствия людей и надо было оставить их в укрепленном лагере под прикрытием части нашего отряда; мы отправились пешком, неся на себе припасы на десять дней.

Шли мы по 30—35 верст в день; пройдя на место, должны были ограждать наш лагерь, сдерживать большие караулы от внезапного нападения негров, которыми были окружены, наконец, добывать дикий картофель и другие питательные кореня, служившие нам подмогой в пище, которой мы не могли нести на себе много, и за всем тем негры-солдаты не только без ропота, но охотно, с любовью исполняли мои приказания.

Несмотря на все преграды, представляемые неграми и природой, мы достигли 8° северной широты до вершин Тумата¹⁵. Тут простирается обширная роскошная равнина, некогда населенная, но теперь пустынная, обитаемая множеством слонов: я осмелился назвать ее Николаевской, а речку, текущую по ней и впадающую в Тумат, Невкой: это был крайний пункт, до которого доходил я с этой стороны и до которого еще никто из европейцев не достигал. Я определил географическую широту в нескольких пунктах, сделал измерение высот посредством барометра, кроме того, мы собрали любопытные коллекции горных пород, птиц и растений.

Впереди нас, вдали, возвышался хребет гор, несправедливо называемый на всех географических картах Лунными; влево действительно протекала река, называемая Бахр-эль-Абиад [Белый Нил], но странно было этот ничтожный ручей, падающий в приток Голубого Нила, смешать с настоящим Нилом, рекою огромною. Здесь я не смею излагать всех своих исследований и изысканий.

Возвратившись к месту, где строилась золотопромывальная фабрика, я при себе окончил ее и пустил в ход, и потом предпринял еще одну экспедицию внутрь гор, по направлению к Белому Нилу. (Таким образом, мы исследовали довольно значительное пространство земель негров, до того времени совершенно неизвестных)¹⁶. Мы нигде не встречали антропофагов, о которых так много говорят понаслышке, и только два племени, из виденных нами, хоронят живых стариков. Не менее жестокие обряды, обличающие утонченный разврат, находили мы между арабами — бедуинами.

¹⁵ Слово Тумат в экземпляре ГПБ написано карандашом: по-видимому, у Ковалевского были сомнения, мог ли он по Тумату достичь 8° северной широты.

¹⁶ Предложение, взятое в скобках, имеется только в экземпляре ГПБ.

Во время экспедиции, когда мы подвергались периодическим дождям, которые здесь ниспадают одною огромной массой воды, подобно водопаду, я и большая часть окружавших меня, подвергались лихорадке, от которой страдали во всю дорогу.

В Александрию возвратился я по другому пути, через Нубийскую пустыню и Донголу. Правителем Египта я застал уже Ибрагима пашу!

Я привез ему золото, добытое на устроенной мной фабрике; он пересыпал его с руки на руку с видимым удовольствием и оказывал явную свою радость. Ибрагим паша — ума положительного, но далеко не столь блестящего, как его отец; теперь он старается всячески популяризировать себя, но народ помнит его жестокость и, привыкший к восточной пышности своих властителей, принимает за сккупость простоту, с какою живет Ибрагим паша. Нельзя не сознаться, что сккупость имеет тут большое место. Кажется, любимою мыслью Ибрагима паши составляет отклонение Египта от Турции. Он деятельно формирует новые войска и укрепляет Александрию.

Перед отъездом моим из Александрии Ибрагим паша поручил просить ваше сиятельство довести до сведения государя императора ту глубокую благодарность, то благоволение, которые питает он к российскому монарху. Нельзя было не заметить из слов его, что с этой стороны он очень бсится препятствий в исполнении его замыслов.

Из всего вышеизложенного ваше сиятельство изволит усмотреть, что ни опасности и лишения, ни даже болезнь не остановили меня на пути. Зная, что внимание ученого света постоянно было обращено на вверенную мне экспедицию [как показали отзывы журналов и надежды правителя Египта, сосредоточенных во мне], я старался поддержать достоинство русского и оправдать выбор начальства.

Беру смелость исчислить здесь результаты, которых достигли мы моей экспедицией, уже отчасти известные вашему сиятельству из переписки моей с Мухаммедом Али и Ибрагимом пашей. Открыты три золотосодержащие россыпи, построена золотопромывальная фабрика и при ней укрепление, приучены к работам этого рода туземцы, в доказательство чего золото, добытое при мне на фабрике привезено мной правителю Египта. Для географии приобретено огромное пространство страны негров от истоков Голубого Нила до Белого Нила, куда еще не проникал никогда ни один европеец, несмотря на все усилия Лондонского Географического общества. Измерены барометрически многие высоты и определены посредством секстанта широты многих пунктов. Снята карта земель до сего времени неизвестных, собраны коллекции по многим отраслям естественных наук и, наконец, несмотря на все опасения генерал-губернатора Восточного Судана, вверившего мне отряд, я показал, проникнув с ним так далеко внутрь Африки, какие опасности и лишения могут преодолевать солдаты Ибрагима паши, чем он был чрезвычайно доволен.

Прилагая при сем описание нынешнего политического и торгового состояния Абиссинии и Восточного Судана, долгом поставляю присовокупить, что я занимаюсь ныне приведением в порядок своих разнородных коллекций, составлением географических карт и подробным описанием посещенных мною земель.

(ЦГИАЛ, ф. 44, оп. 2, № 953, 1847, лл. 196—203, копия).

Записка Е. П. Ковалевского «Нынешнее политическое и торговое состояние Восточного Судана и Абиссинии»

С недавнего времени Абиссиния сделалась предметом особенного внимания Франции и Англии, которые сначала послали туда своих агентов, а потом назначили постоянных консулов. Консулы эти, равно и католические миссионеры обнаружили вскоре свои виды, стремящиеся к преимущественному коммерческому влиянию каждой из двух наций на Абиссинию и уже отчасти опутавших некоторых из престарелых владетелей своими интригами. Германия также имеет своего представителя в лице известного натуралиста Шимпера¹⁷, который поселился в Тигре и, вступив в родство первого тамошнего визиря, имеет влияние на дела этой независимой провинции.

Судан еще недавно был предметом сожалений политики Англии и Франции по случаю монополии¹⁸ гомми¹⁹, хны [краска для ногтей] и слоновой кости, но Мухаммед Али по первым двум статьям вовсе не уступил, а торговлю последней предоставил другим на некоторых условиях.

Восточный Судан, принадлежащий вице-королю Египта с 1822 г., составляет огромную провинцию, равняющуюся по пространству всему Египту. Он состоит из бывшего королевства Сеннар, из Кордофана, некогда принадлежавшего в качестве вассального владения Сеннару, и Донголы.

Три года тому назад к нему присоединены уступленные Портою на Черном море прибрежные острова Массауа и Суакин, ничтожные по народонаселению, но важные в торговом отношении, особенно первый, куда и прибыл английский консул и где, вероятно, будет жить и французский, тем более что в нынешнем году отряд Мухаммеда Али усмирил бедуинов, почти прекративших сообщения с ним с берега. Остров этот находится у соединения Абиссинии с египетскими владениями и прежде был складочным местом первой.

Абиссиния, еще недавно сильная своим единством и почти исключительно христианская, нынче же разделена на несколько владений одно от другого независимых, одно с другими враждующих, кроме того, лежащие на юге подвержены беспрестанным нападениям галла, лежащие на севере и северо-востоке состоят в войне с Суданом.

Паши Судана ведут эту войну почти независимо от Египта. Отделенные от него огромными пространствами, пустынями Нубии и катарактами Нила, паши Судана отправляются сюда с целью или быстрого обогащения или с мыслью сделаться независимыми; но власть Мухаммеда Али и тут настигает их: доказательством тому служит трагическая смерть Ахмет-паши²⁰, желавшего сделаться независимым владетелем под покровительством Порты, с которой сносился он помимо Египта через Массауа.

Если паши желают свергнуть с себя власть вице-короля, то народ, угнетаемый и разоряемый пашами в высшей степени, и войско, которому не платится жалованье, тем более стремятся освободиться от нетерпимого им ига; несколько раз покушался он на это, но воз

¹⁷ Вильгельм Шимпер (1804—1878) находился в Эфиопии с 1834 г.

¹⁸ Мухаммед Али ввел государственную монополию не только на внешнюю торговлю, но и на важнейшие виды сельскохозяйственной продукции внутреннего рынка.

¹⁹ Гуммиарабик — густая смола акации хасхаб (*Acacia vezek*), таль (*Acacia seyal*) и других видов акаций, применяется в текстильной, пищевой промышленности и в медицине как обволакивающее и смягчающее средство. Суданские сорта гуммиарабика считаются лучшими в мире.

²⁰ Ахмет-паша Абудан — генерал-губернатор Судана (1838—1843).

Мущения пока прекращались без дальних кровопролитий, кроме первого, стоявшего жизни многих тысяч людей.

Нынче Судан сделался предметом новых интриг людей, совершен-но ему сторонних. Духовная миссия римской пропаганды, состоящая под начальством известного иезуита Рилло, из епископа и нескольких иеромонахов, пользующихся большими денежными средствами, в ко-торой принимает участие императрица австрийская и много знат-ных лиц Италии, эта миссия прибыла в ноябре в Картум — главный город Судана, находящийся у слияния Белого и Голубого Нила, и пока поселилась тут. На обратном пути из внутренней части Африки я ее нашел тут же. Более полугода прошло со времени ее приезда, и она не только не обратила ни одного человека в христианскую ве-ру, но не отслужила ни одной обедни и допустила продать с публич-ного торга католическую церковь разбежавшихся лазаристов²¹.

Рилло купил большой дом, строит другой и выписывает колони-стов, которых хочет селить по Белому и Голубому Нилу на землях негров. Принимая в соображение его честолюбивый характер, легко догадатьсяся, что, подобно миссионерам Америки, он хочет сделаться маленьким деспотом в своей духовной колонии. Теперь он сильно интригует против Халида паши Восточного Судана, который тоже смотрит не совсем приязненно на подобные действия, но трусливый и низкий, он не смеет действовать открыто против миссии и разве прибегнет для избавления себя от нее к средству, уже не раз им упо-требленному против своих врагов — к яду. Во всяком случае я не пред-вижу успеха колонизации.

Довольно вспомнить при этом несчастную попытку англичан в 1841 г. устроить колонию при слиянии Нигера с Чаддой, попытку, стоявшую в один год миллион рублей и почти половины посланных людей. Англичане могли по крайней мере спасти остатки колонии, послав за ними пароход. В вершине Нила не от кого ожидать помо-щи, а действие климата также губительно.

Абиссиния представляет чрезвычайные выгоды для англичан. Ког-да Аравия принадлежала вице-королю Египта и монополия самая строгая была объявлена на кофе, англичане открыли новый источник для получения его — Абиссинию, которая может доставлять огромное количество кофе, и из которой, как говорят, перенесены первые ко-фейные деревья в Аравию. Кофе Абиссинии хуже, крупнее аравийско-го, но на месте он дешевле и можно получить по 5—6 коп. серебр. за фунт. [Я прилагаю здесь образчики кофе абиссинского и моккско-го, а равно абиссинского в шелухе, как он большей частью продает-ся на месте]²².

Между тем как Судан представляет страну, раскаленную солн-цем, Абиссиния, достигая местами того же градуса [осьмого] [северной] широты, имеет прекрасный климат, охлаждаемый горами, из которых некоторые покрыты вечным снегом и очень похожи на Ломбардию и местами на Швейцарию. Потомство пришельцев, которое, как извест-но, не может держаться во всем Египте [едва семь детей из ста оста-ется в живых и то до известного возраста], в Абиссинии может легко существовать.

Произрастания экваториальных стран и климата умеренного тут произрастают или могут произрастать. Абиссиния и теперь при всем

²¹ Лазаристы — члены ордена святого Лазаря, основанного крестоносцами в Ие-русалиме.

²² Предложение, взятое в скобках, имеется только в экземпляре ГПБ.

беспорядке своего управления представляет совершенную безопасность для путешественника, который считается тут лицом неприкосновенным.

Англия во чтобы ни стало приобретет какой-нибудь порт Абиссинии, потому что остров Аден, которым она владеет на Черном море, представляет все невыгоды для гарнизона англичан: дурной климат, недостаток воды и жизненных потребностей действует разрушительно на английских офицеров и солдат, но необходимость иметь складочное место для пароходов на дороге из Индии в Европу через Суэз заставляет Англию дорожить даже и этим местом. Они пробовали интриговать между арабскими шейхами, продолжают это и теперь, не жалеют денег для обольщения одних, для истребления других и все для того, чтобы приобрести нравственное влияние над ними и выторговать какое-нибудь береговое место, но их усилия до сих пор были тщетны, и вот почему они обратили все свое внимание на Абиссинию и уже взяли под свое покровительство некоторых из предводителей и, говорят, даже снабжали их оружием. Тут они, конечно, будут иметь больше успеха, чем в Аравии и чем имели по западную сторону Черного моря у вице-короля Египта.

Таким образом, обладание каким-либо пунктом на берегу Абиссинии для англичан важно, во-первых, для торговли собственно с этой страной; эту торговлю, нынче слабую, они могут развить чрезвычайно, во-вторых, для облегчения своего судоходства по Красному морю и, следовательно, споспешествования своего сообщения с Индией, составляющего предмет всегдашнего их попечения: важно оно еще в одном отношении именно на случай неприязненных отношений с Египтом, тут они могут действовать тайно, посредством абиссинцев, всегда готовых к набегам на Египет и Судан; явно высадивши тут часть своих войск и вторгшись в Египет с двух сторон, с Средиземного и Черного морей. Для этого им всего более выгоды представляет Массауа, находясь в точке соединения Абиссинии и Судана и доставляя удобства торговли с тою и другой стороной и всю возможность контрабанды гомми и слоновой кости Судана, осложненных монополией и представляемых чрезвычайные выгоды.

Смею думать, что для России было бы полезно назначение агента нашего генерального консульства в Египте или даже консула в Массауа, чтобы следить за ходом положительных дел в этих странах. Тут, а более на противоположном берегу Красного моря, бывает также много русских подданных, мусульман поклонников гробу Мухаммеда, которых он может принять под свое покровительство. Мне кажется, также было бы очень важно для России попытать свою торговлю через Суэз, если не с самой Индией, то по крайней мере с прибрежными к Черному морю портами. Если взять во внимание, что от Одессы до Александрии можно доплыть в 5—6 дней на пароходе, что переход через Суэз незначителен по пространству и издержкам, что на Черном море можно легко и дешево доставать арабские суда и что, наконец, мы получили бы многие важнейшие потребности — как-то кофе, красильные вещества и др. из первых рук, а индийские изделия после небольшого перевоза, и что, наконец, наши купеческие суда, конечно, еще нескоро достигнут Индии путем морским, обогнувши мыс Доброй Надежды, если, говорю, принять в соображение все эти обстоятельства, то смею думать, что наша торговая попытка удалась бы. Кроме того, она ознакомила бы эти страны с именем России. В случае надобности, я мог бы представить проект, каким путем и какими средствами начать эту торговлю.

Вот важнейшие предметы вывоза из Абиссинии в Судан и в порты Черного моря: абиссинские женщины и мальчики, евнухи, кофе; лучший кофе отправляется в Годжам и оттуда под именем моккского и вместе с моккским поступает в торговлю; воск, мускус, лошади, мулы, кожа, чеснок, некоторые лекарственные травы и смеси.

Из Судана в Абиссинию через Массауа и Суакин: песчаное и са-мородное золото, слоновая кость [гомми со временем монополии отправляется все в Египет, и контрабандной его торговли после приобретения порта Массауа нет], писчая бумага, грубые бумажные материи Индии [в Абиссинию], невольники и тамаринд²³.

Предметы ввоза в Абиссинию и Судан через порты Черного моря и особенно через Суакин и Массауа: шелковые и бумажные материи Индии, платки бумажные и шелковые, пояса и шали, милан [женская одежда], служащая для покрывала мусульманок, полотенца, употребляемые в банях и во время молитвы; табак сури и для наркиссе, разного рода духи, ладан, гвоздика, асафетита, которую едят женщины, чтобы пожирнеть, что, как известно, составляет красоту на Востоке; свинец, тушь, имбирные и другие варенья, миндаль, изюм, незначительной частью фарфор, красный сафьян, разные муслины. Надо заметить, что все эти предметы низкой доброты, в роде тех, как мы отправляли на азиатские границы.

Трудно или почти невозможно определить сумму привоза и вывоза товаров в этих странах. Вообще торговля здесь совершенно подчинена случайностям и зависит от большего или меньшего спокойствия в крае, от ума, бдительности и бескорыстия местного начальника и, главное, от того, исправно ли получает войско свое жалование.

Таким образом, лет семь тому назад солдаты и офицеры в Судане получали свое жалованье ежемесячно; умный Гаршид-паша²⁴ покровительствовал купцам, даже поощрял их к заведению некоторых фабрик и заприманивал в Картум европейцев; тогда торговля в Судане процветала. Нынче, года три уже, как войска, расположенные в Судане, не получают жалованье и живут и служат в долг; весь собираемый здесь доход отсылается в Каир или погребается в сундуках Халид-паша, так что во всей стране почти нет денег. Возмущение готово вспыхнуть беспрестанно, и торговля убита. В Абиссинии то же самое по случаю беспрестанных внутренних несогласий его правителей.

(ЦГИАЛ, ф. 44, оп. 2, № 953, 1847, лл. 210—216).

Проект торговли России с Египтом и берегами Черного моря, составленный Е. П. Ковалевским

Мухаммед Али, вице-король Египта, раздражаемый дорогими ценностями на железо Англии и Австрии и дурным качеством первого, входил, сколько мне известно, в совещание с нашим генеральным консулом в Египте о том, какими путями ему можно получить железо из России. Такие же сведения он потребовал от меня, и я поспешил представить ему подробную записку о ценах железа английского и русского, с доставкой в Александрию: оказалось, что наше железо, несмотря на его несообразно дорогую цену в Одессе, которую мы приняли в сопротивление, обойдется 40 процентами дешевле английского; в достоин-

²³ Тамаринд — индийский финик (*Tamarindus indica*), дерево из семейства бобовых, применяется в медицине и в кондитерской промышленности.

²⁴ Али Гаршид-паша (1776—1845) — генерал-губернатор Судана с 1835 по 1845 г.

стве своем оно могло бы уступить только разве немногим сортам разного австрийского железа.

Такой расчет заставил Мухаммеда Али послать комиссионера в Одессу для покупки железа полосового, листового и особенно котельного для машин и для заказов некоторых железных и чугунных громоздких вещей, но его внезапная болезнь, разрешившаяся таким неожиданным образом, остановила предприятие, которое также не успел привести в исполнение Ибрагим паша, хорошо понимавший этот предмет.

Таким образом, железо разных сортов, громоздкие железные изделия, чугунная посуда, медь уже несомненно составят предмет выгодной для нас торговли в самом Египте, а перевезенные через Суэзский перешеек [12 часов пути] у берегов Черного моря, на египетской, абиссинской и аравийской стороне, эти предметы торговли представлят гораздо более выгод в мене за туземные колониальные произведения.

Не менее важные предметы вывоза из России составят кожа и юфть, которые привозят в Александрию из Англии и Франции, а сафьян из Индии; говядину в виде солонины или герметически закупоренную доставляют сюда также из Англии, а для вице-короля и его приближенных пригоняют скот из Судана за три тысячи верст через пустыни, где больше чем на половину скот гибнет. Наконец, сало и канат; последний изготавливается в Египте большей частью из пальмовых волокон и дурного качества, потому что конопли разводят мало. Я не говорю о торговле каменным углем, хотя наш антрацит лучше английского угля, а близость сообщения юга России с Египтом могла бы дать ему перевес перед каменным углем Англии; но этот предмет не может вполне развиваться на условиях, которые здесь не место излагать. Наши фабричные и мануфактурные изделия едва ли могут найти сбыт в Египте за изделиями Англии, наводняющими рынки Востока; разве одна писчая бумага, если будет приготовляться по образцам туземцами употребляемой бумаги.

Само собою разумеется, что при дальнейшем развитии торговли с Египтом и берегами Черного моря могут встретиться другие предметы вывоза с нашей стороны, которые укажет уже самый опыт или люди, постоянно находящиеся в тех странах и специально занимающиеся этим, как, например, наш генеральный консул в Египте.

Предметы вывоза из пристаней Черного моря и из Египта, нужные для нашей потребности, суть следующие: кофе абиссинский и моккский может один составить важную для нас отрасль торговли, далее слоновая кость, гумми, индиго, разные красильные и лекарственные вещества, шелковые материи Индии и муслины, хлопчатая бумага, табак сури, инбирь, гвоздика и проч.

Чтобы объяснить важность торговли с одним только Египтом, я нужным считаю присовокупить, что доходы этой страны в 1846 г. состояли из 30 млн. рублей серебром, в числе которых сбор за про данную хлопчатую бумагу, сахар и индиго простирался за 4 100 000 рублей серебром.

Известно, с каким трудом наше купечество принимается за новое дело; опыт показал, что в торговле, как и по другим отраслям деятельности, содействие правительства, прямое или косвенное, необходимо, но правительство не может также предоставлять риску свои капиталы, а потому я полагал бы полезней следующую меру:

На Черном море находятся три больших казенных почтовых парохода (четвертый в распоряжении начальника черноморского фло-

та). Из них два служат для сообщения между Одессой и Константинополем; оба они вместе делают всего в месяц три рейса в Константинополь и три обратно, так что каждый из них должен ожидать своей очереди в Константинополе дней двенадцать: было предположение, чтобы посыпать их в этот промежуток этого времени в Смирну; но на этой линии так много французских, английских, австрийских и турецких пароходов, что наши едва ли найдут какую-либо выгоду в этих рейсах. Расстояние между Константинополем и Смирной — два дня плавания для пароходов. Между Константинополем и Александреей — четыре дня. Если прибавить к этим двум пароходам третий, находящийся в запасе, то они не только могут содержать сообщение с Константинополем и Александреей, но даже вместо того, чтобы ходить в Константинополь только через десять дней, как делают теперь, могут отправляться через семь дней, что, кажется, было бы весьма полезно.

Если правительство примет фактическое участие в этой торговле, подобно тому как приняло оно в астрабадской торговле, то перевозка товаров, которую оно возьмет на себя, будет уже важным капиталом, вносимым в это предприятие; во всяком случае это будет на первый раз значительным облегчением для людей, которые считают земли им неизвестные слишком отдаленными и переезд до них подверженным тысячи опасностей и случайностей, потому что дело идет о предприятии не только вне границ отечества, но там, где не торговали их деды и отцы, в землях, о которых, может быть, они не слышали. В пользу торговли с Египтом и сопредельными ему землями труднее будет уверить их, чем в пользу торговли с Средней Азией, с Бухарой, Хивой и проч., с этими последними именами они свыклись по слухам, по преданию и по выходящим оттуда караванам: Египет им более чужд.

Смею думать, что образование Африканского дома для торговли с Египтом, подобно существующему уже дому Астрабадскому с таким же деятельным участием и покровительством правительства, всего бы лучше соответствовало предполагаемой цели. Два города представляют каждый свои выгоды для учреждения в них этого торгового дома: Одесса, откуда нынче отходят пароходы в Константинополь, и Таганрог, где сосредоточивается наша торговля на юге железом и где, следовательно, легче найти капиталы и товары для подобного предприятия. Правительство решит, какой из них будет удобнее в его видах.

Я слишком далек от того, чтобы безусловно увлекаться своей идеей [хотя и нахожу ее очень удобоисполнимой]; и потому не скрою препятствий, которые может встретить наша торговля в Египте; эти препятствия заключаются главнейше в самом нынешнем правительстве Египта. Мухаммед Али и даже Ибрагим-паша, искавшие противодействия английскому коммерческому влиянию в своих владениях, не только не препятствовали бы развитию нашей торговли, но, конечно, всячески содействовали бы ей; между тем как нынешний правитель Египта Аббас-паша²⁵, ограниченный слишком во всех добрых качествах и богато наделенный пороками и страстями, неизбежно склонится на ту сторону, куда увлечет его корысть или советы людей, окружающих его, и в таком случае должно опасаться, что Египет обратится или в пашалык Турции или в колонию Англии, хотя номи-

²⁵ Аббас-паша (1813—1854), внук Мухаммеда Али, управлял Египтом после смерти Ибрагим-паши, последовавшей 10 ноября 1848 г.

нально может быть и сохранит свою независимость, но смею думать, что наша миссия в Константинополе устранит эти препятствия, что это будет даже одною из причин для того, чтобы короче познакомиться со страной и познакомить ее с именем русских.

Само собою разумеется, что тогда учреждение нашего агентства в Суэзе и в одном из портов Черного моря [в Суакине или в Мас-саяу] делается необходимым; впрочем, и ныне местное генеральное консульство видит крайнюю нужду в таком назначении.

Я не распространяюсь здесь о перевозке товаров от Александрии до Суэза и плавании по Черному морю, дешевизну найма верблюдов в первом случае и арабских судов во втором, безопасность пути через Суэзский перешеек и плавания по Черному морю, — может засвидетельствовать наше местное генеральное консульство.

В заключение я должен бы представить сведения о ценах поименованных выше предметов торговли; но, во-первых, цены эти изменчивы; во-вторых, я мог бы их определить только приблизительно; а малейшая ошибка в этом случае увеличивает недоверчивость, с которой всегда смотрят на проекты подобного рода: всего бы лучше, по моему мнению, прежде чем приступить к правильной торговле в большом размере и образованию на этот предмет торгового дома, послать на первый случай в Александрию и Суэз в виде опыта небольшую партию товаров, состоящую преимущественно из металлов, взяв их заимообразно или по крайней мере по заводским ценам с наших казенных заводов, с человеком, заслуживающим полного доверия, который на месте из опыта мог бы извлечь эти сведения и пояснить самим примером, в какой степени может быть выгодна наша торговля в тех странах.

Во всяком случае не лишним будет принять за правило при отправлении всякой партии товаров в Египет подвергать их тщательному осмотру людей, знающих это дело, потому что дурное качество их или подлог, возбудив с первого раза недоверчивость к ним, убьет предприятие в самом начале, чему уже было несколько примеров в нашей торговле.

(ЦГИАЛ, ф. 44, оп. 2, № 953, лл. 204—209, копия).

Е. И. Гневущева

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО АФРИКЕ С. В. АВЕРИНЦЕВА

Русский учёный Сергей Васильевич Аверинцев, зоолог по специальности, глубоко интересовавшийся морской фауной, в Африку попал по несчастной случайности. В 1911 г. Академия наук назначила ему бейтензоргскую стипендию для научной работы в Малайском архипелаге¹.

Он очень тщательно разработал план своих исследований, расчитывая кроме Явы побывать на Макассаре и на островах неподалеку от о-ва Сулавеси (Целебес). Он перечитал все то, что вышло из-под пера русских и иностранных учёных, побывавших до него в Индонезии, полгода учил малайский язык; в тропики он направлялся через Европу, обеспечив себя рекомендациями гамбургских учёных, на случай, если ему придется посетить немецкие колонии в Африке. Как они ему пригодились! Запасшись в избытке советами, рекомендациями, реактивами, посудой и прочим, 25 марта 1911 г. он отплыл из Гамбурга на пароходе через Средиземное море к Яве. Когда пароход приближался к Адену, наблюдалось необыкновенное свечение моря. Аверинцеву захотелось исследовать под микроскопом морскую воду. С ведерком подошел он к корме, но зачерпнуть воды ему не удалось: он оступился и упал, почти лишившись сознания. О том, чтобы продолжать путь дальше, нечего было и думать: перелом ноги изменил все планы учёного. Помимо мучительной боли, его одолевали мрачные мысли: ему казалось, что все его предварительные труды пропали, что его научная командировка будет безрезультатной.

В Дар-эс-Саламе, главном городе немецкой Восточной Африки, его на носилках отправили в госпиталь. Только через месяц он мог ходить. Сергей Васильевич решил до окончательного выздоровления поработать в Биологическом сельскохозяйственном институте Амани, расположенному недалеко от Дар-эс-Салама. Здесь с Аверинцевым случилась новая беда: он заболел дизентерией. С мыслью о том, чтобы все-таки продолжать путь до Явы, пришлось расстаться.

Сергей Васильевич, оставшись в Африке, утешался мыслью, что места, в которые он попал, те же тропики, к тому же действительно

¹ Бейтензоргская стипендию была учреждена Академией наук в 1897 г. и выдавалась русским учёным — ботаникам и зоологам — для работы в Ботаническом саду Бейтензора (Богора) на Яве.

редко кому из европейских ученых ненемцев удалось побывать в немецких африканских колониях. План своей научной работы в тропиках Аверинцев выполнил, хотя и в несколько измененном виде².

Кроме Дар-эс-Салама и Амани, Сергей Васильевич, по его словам, хорошо ознакомился со всей прибрежной полосой Восточной Африки к югу от Танки. Побывал он на о-ве Занзибаре, в Мозамбике, Лорендо-Маркесе, Бейре, Дурбане... Побывал и в немецкой Юго-Западной Африке, а затем уже через Канарские острова направился в обратный путь — в Европу.

Следуя примеру своих предшественников, Аверинцев в отчете касался не только научных проблем; он описывал африканские города — резиденции немецких колонизаторов, удивляясь и восхищаясь природой тропиков; он дал четкую картину немецкой колониальной системы. Это свидетельство русского ученого-зоолога имеет важное значение и для историка.

Еще лежа в госпитале, Сергей Васильевич начал изучать язык кисахили, наиболее распространенный среди африканских народностей; ученый был глубоко убежден, что натуралиста ждет неудача, если он не знает языка народа той страны, где ему приходится жить и работать. Так как теоретическое изучение сопровождалось богатой практикой, то он быстро овладел этим языком.

Первым городом тропической Африки, который узнал Аверинцев, был Дар-эс-Салам, несомненно один из самых больших городов Восточной Африки; в нем жило до 20 тыс. населения, из них около 1 тыс. европейцев. Этот город ученый видел из окна больничной палаты, а позднее мог обозревать чудесный пейзаж с веранды палаты. Волны океана бились о берег, где стоял госпиталь; вдали виднелись острова, при отливе обнажались коралловые рифы. Непривычные деревья окружали госпиталь: пальмы разных видов, панданусы, казуарини, гигант-баобаб. Когда впервые Аверинцев совершил прогулку по городу, он был очарован: после длительного пребывания в больнице город показался ему красивейшим из всех виденных до сих пор. «Целый лес удивительных по изяществу и красоте пальм, роскошные мозы и ревеналии, деревья, сплошь усеянные цветами, чистенькие домики европейцев, окруженные верандами и все потонувшие в зелени, набережная, до самой воды засаженная деревьями, яркое солнце, синее небо — все, словом, и пленяло и поражало меня»³. Такова была европейская часть города. Потом, когда Аверинцев побывал в арабском квартале, совершенно лишенном зелени, и познакомился с кварталом, где жили африканцы, мнение его о Дар-эс-Саламе стало иным.

В Дар-эс-Саламе Аверинцев работал в лаборатории, где некогда проводил свои исследования знаменитый Кох, о чем свидетельствовала мемориальная доска, вделанная в стену. Из Дар-эс-Салама он перебрался в Биологический сельскохозяйственный институт Амани. Это научное учреждение было мало известно и в России и в Германии, и описанию его Аверинцев отвел несколько страниц.

² Аверинцев писал в отчете: «...исследование паразитов крови (особенно Leucoscytozoa) позвоночных животных, сбиранне материалов по Мухо-и Microsporidia и по другим паразитическим простейшим, а также по Dinoflagellata и изучение фауны на небольшом пространстве морского дна — вот главнейшие пункты намеченной мной программы работ. К этому присоединялось еще сбиранне из различных водоемов пресневодных, Rizopoda, вопросами географического распределения которых я, дайно, занят ресуюсь... Эти задачи выполнены мной довольно успешно» (С. В. Аверинцев, *Предварительный отчет о поездке на стапендию, учрежденную при Бейтензоргском Ботаническом саде*, — «Записки Академии наук», VIII серия, СПб., т. 31, 1913, № 6, стр. 3, 15).

³ С. В. Аверинцев, *Предварительный отчет...*, стр. 37.

Сельскохозяйственный биологический опытный институт Амани расположен в горах восточной Узамбары. Горы перед путешественником возникали на прибрежной равнине как-то внезапно. Множество ущелий, долин, отрогов делало их необыкновенно живописными.

Директор института проф. Циммерман, сопровождавший Аверинцева, по пути к Амани останавливал его внимание на диковинках растительного мира: то это были растения чужеземных тропиков, например японские; то невиданные фруктовые деревья или необыкновенные пальмы; то опытные посадки гвоздики; то рощи кофейных и хинных деревьев. Наконец показались здания института. Сергей Васильевич вошел в отведенную для него комнату. Окно было распахнуто, и перед его глазами открылась необыкновенная картина искрящейся реки, тропического леса, гор и безграничного простора долин. Странная мысль остаться тут навсегда возникла у Сергея Васильевича. «Несмотря на массу пережитых за дорогу впечатлений, развернувшаяся передо мной картина так чарует меня, что в голове мелькает мысль, как хорошо было бы прожить здесь, у этого окна, всю жизнь...». Аверинцев сравнивает свои впечатления с теми, которые он берег в памяти от путешествий в другие страны. «Многое пришлось мне повидать, — пишет он. — Любовался я и мрачными скалами Медвежьего острова, и очаровательными фьордами Норвегии, суровыми Альпами и бирюзовыми волнами Неаполитанского залива, но того величия, монстры и красоты, что пришлось увидеть мне из окна *Fremfjærs* Амани, я еще не встречал»⁴. На следующий день Сергей Васильевич уже работал над своей темой.

В институте изучались главным образом культуры каучуковых деревьев, волокнистых, медицинских и других растений и риса. Аверинцев не мог не отметить, что работы велись в интересах крупных плантаторов.

Лаборатории, мастерские, библиотеки, участки тропического леса, естественная лаборатория для ботаников — все было организовано, как того требовала современная наука. В реактивах, препаратах, посуде не ощущалось недостатка. Но более всего был доволен наш ученый природной обстановкой. «Одну из главнейших прелестей работы и пребывания в Амани представляет тянущийся на большое расстояние и необычайно разнообразный по своему составу настоящий первобытный тропический лес. Из окна лаборатории, отовсюду вы можете видеть стену этого леса, окружающего Амани с двух сторон. Уже из окна лаборатории вам сразу бросаются в глаза его некоторые особенности, его характерные черты. Мне кажется, что едва ли где в другом месте так счастливо сочетались вместе два условия: нетронутый, действительно девственный, тропический лес и хорошо устроенная и оборудованная лаборатория»⁵. Еще по дороге из Дар-эс-Салама в Амани Аверинцев наслаждался видом тропиков из окна вагона. В предместье Танги поезд нырнул в рощу стройных кокосовых пальм, между которыми попадались манговые деревья с яркой темно-зеленой листвой. Кое-где выглядывала хижина местного жителя, сплетенная из прутьев и промазанная глиной. А дальше шли поля, поля, поля. Наш путешественник сразу узнал ккукурузу и маниоку — основные злаки, культивируемые на полях. Местами встречалось удивительное дерево — папайя; листьев на нем было очень мало, да и то на самой вершине, зато все оно было увешано множеством плодов,

⁴ С. В. Аверинцев, *По побережью Черного континента*, — журн. «Природа», М., 1912, стр. 231.

⁵ С. В. Аверинцев, *Предварительный отчет...*, стр. 25.

похожих на тыкву; вкусом эти плоды напоминали дыню. Дальше и дальше шел поезд; деревенские поля сменялись плантациями сизалевого дерева, из листьев которого делали очень прочное волокно; огромны были плантации каучуковых деревьев.

Аверинцев отметил удивительную для него величину плантаций. «Часто они так велики, — пишет Аверинцев, — что поезд бежит несколько километров вдоль владений одной и той же фермы»⁶. Там где почва была хуже, поля африканцев и плантации колонизаторов уступали место лесу. «Он совсем не напоминает нашего леса. Деревьев сравнительно немного; иногда между ними высокая, точно кустарник, трава, иногда же болотце, заросшее громадным тростником. Деревья стоят отдельными купами и все сплошь увиты выющиеся растениями, не достигающими, однако, толщины лиан, характерных растений настоящего тропического леса. Местами попадается какая-нибудь пальма, местами мелькнет могучий ствол чаще всего безлистенного баобаба, но всего обычнее здесь удивительные кактусообразные, канделябровые деревья из эуфорбиевых, по большей части окруженных более мелкой растительностью, над которой они вздымают свои раскидистые, всеми ветвями и веточками направленные к небу вершины»⁷. Но это еще не был настоящий первобытный лес. Во всей своей красоте и величии он поднимался за высокой горой Магратто — передним выступом Узамбары.

Две незначительные по протяженности железнодорожные линии (Танго — Макания и Дар-эс-Салам — Кикомбо) и несколько шоссейных дорог не удовлетворяли потребностей в транспорте. И правительственные чиновники, и торговцы, и редкие путешественники пользовались пешеходными тропами и услугами носильщиков. Из конца в конец огромной территории тянулись узкие тропинки, по которым можно было идти лишь гуськом. По ним-то и отправился Аверинцев из Амани в глубь тропического леса. Путешествие длилось всего несколько дней, но доставило ему столько незабываемых впечатлений, которые, как он уверял, навсегда связали его с Африкой. «По-моему, всякого, кому довелось хоть раз в жизни совершить его (тропическое путешествие. — Е. Г.), будет временами тянуть, как перелетную птицу, в нагорья, леса и степи Черного континента»⁸, — писал Сергей Васильевич.

В путешествие он отправился только с африканцами-носильщиками. К этому времени Сергей Васильевич мог легко объясняться на суахили, и никаких недоразумений с африканцами у него не могло быть. Шли обычно 5—6 часов, отдыхая по пути раз, а то и два, а затем следовал длительный отдых. Останавливались лагерем то на опушке девственного леса, то у баобаба необъятной толщины, то в тени шелестящих пальм. Пока наш путешественник делал заметки в своем дневнике, занимался коллекциями, его спутники разводили костер, готовили пищу, отдыхали. Из соседней деревушки приходили «на огонек» любопытные, и в предзакатный час завязывалась у костра обстоятельная беседа, которая Аверинцеву напоминала такие же беседы в такие же вечерние часы на завалинках русских изб.

Не переставая, любовался Сергей Васильевич все новыми и новыми видами, открывавшимися перед ним при каждом повороте тропы. Он находил четкие образы сравнений: «Европейский ландшафт — это нежная акварель, тропический же — яркая, блещущая масляны».

⁶ Там же, стр. 18.

⁷ Там же.

⁸ С. В. Аверинцев, *По побережью Черного континента*, стр. 1446.

ми красками картина». Действительно, как не залюбоваться, несмотря на непривычную и, надо сказать, тяжелую жару и духоту. «Солнце не палит, но жарко, и воздух напоенарами, точно в оранжерее... То тут, то там мчатся и шумят горные ручьи; всюду водопадики и водоскаты, окаймленные, как рамой, тысячами красных бальзаминов... На прогалинах все стволы закрыты наброшенным на них зеленым ковром, — густой сетью всевозможных вьющихся растений, местами усеянных крупными белыми или багряными цветами...»⁹. Медленно подымались путешественники вверх, по склону горы, поросшему высоким лесом, и чувствовали себя ничтожными, пробираясь у подножия деревьев-великанов, вершины которых было трудно разглядеть. У русского ученого было очень хорошее зрение, но он не мог зачастую рассмотреть формы листьев деревьев, так высоки они были. Некоторые деревья достигали 40—50 м высоты. Вот как описал Аверинцев тропический лес Восточной Африки: «Необычайно толстые стволы этих великанов и их колоссальные кроны особенно поражают тогда, когда стоишь на краю леса, на прогалине, или любуешься им с вершины обрыва, когда лес раскинут у твоих ног и его сплетающиеся верхушки представляют подобие ярко-зеленого луга. Между колossами приютилось более мелкое население — деревья в 10—20 метров высотой; еще ближе, у самой земли, растут травы, обычно напоминавшие мне кустарники, дикие бананы, папоротники, мхи... Всюду видны лианы различной толщины — то едва достигающие диаметра мизинца, то превышающие толщиной руку. Они десятками и сотнями взбегают вверх по стволам, свешиваются вниз, перебрасываются с одной ветви на другую и этим разнообразием, этой необычайностью постоянно поражают и привлекают наблюдателя, представляя одну из лучших и замечательных частей картины тропического леса.

Местами лианы взбегают вверх по высочайшим стволам ровно и прямо, без всяких изгибов, теряясь где-то далеко в вышине, так что невольно поражаешься, как они могли так вырасти, как они могли туда взобраться; местами, напротив, лианы оплетают ствол и друг друга такими причудливыми перегибами, прилегают друг к другу и к дереву так тесно, что положительно отказываешься решить, где одно и где другое растение.

Там и сям на стволах деревьев, как гигантские удивительно красивые воротники, разместились различные папоротники и другие эпифиты — и эта картина тоже необычайна и привлекательна. Вдоль ручьев, а временами и в глубине скалистых сырых уступов ются, всегда группами, превосходные экземпляры древовидных папоротников. Их нежные узорчато-раскидистые кроны невольно переносят мыслью в далекие минувшие эпохи и оживляют те представления о геологических периодах, которые сложились у нас при чтении книг и изучении ископаемых остатков»¹⁰.

Цветы в тропическом лесу Аверинцев встречал редко, но если уж они встречались, то были необыкновенны по величине, необычны по окраске.

Некоторые породы деревьев периодически сбрасывали листву, но это не оказывало сколько-нибудь значительного изменения на вид тропического леса: «В общем его картина вечно остается одной и той же», — отметил Аверинцев. — Благатство оттенков зеленой листвы поражало: нежно-зеленые, желтоватые тона одновременно чередовались

⁹ Там же, стр. 1447.

¹⁰ С. В. Аверинцев, *Предварительный отчет...*, стр. 26—27.

с темной, почти черной листвой. Разнообразны по окраске были и стволы, всегда удивительно прямые и ровные. Число видов здесь так велико и настолько они перемешаны, что с трудом находишь два одинаковых дерева... Все так удивительно, все так необычайно...»¹¹. Он жаловался на трудность экскурсий в тропическом лесу: масса листьев преграждала путь солнечным лучам, внизу темно, препятствуют движению кустистая трава и лианы; иногда даже с топором невозможно было проложить дорогу. Русского ученого сразу же поразила в африканском лесу его необыкновенная тишина. Редко-редко раздавался крик голубя, да вечером можно было услышать кваканье лягушек и тихий треск цикад.

По собственному признанию, Сергей Васильевич никогда не увлекался сухопутной фауной; его всегда привлекало море богатством и разнообразием фауны. Попав в тропики, Аверинцев неожиданно для себя заинтересовался фауной африканского леса и со страстью, свойственной первооткрывателю, стал собирать коллекции дождевых червей, муравьев, многоножек, лягушек и жаб. Собирая зоологические коллекции, Аверинцев увлекался сам и увлекал всех тех, кто его окружал. Крупных животных он видел редко. Он быстро привык к обезьянам, передвигавшимся стаями по ветвям деревьев; большей частью это были мартышки. Иные виды были так малы, что напоминали Аверинцеву белок.

Путешественники поднялись на перевал. За отвесно падающим обрывом стала видна бесконечная равнина, а по ней, искрясь на солнце, извивалась река. Совсем близкими казались массивы западной Узамбары. Спускаясь вниз с горы Гониа (восточнее Узамбары), все чаще стали встречаться селения. Аверинцев попал в ту область Узамбары, которая была населена народом шамбала (группа банту). Его ученый характеризует как низкорослый, слабосильный, но способный. Все шамбала занимались земледелием: возделывали бананы, маис, сахарный тростник, тапиоку. Сергей Васильевич опровергает неправильное, но широко распространенное мнение о якобы большой легкости ведения сельского хозяйства в тропиках. На самом деле плодов, дико растущих в лесах, в рот не возмешь. Ко всему надо приложить труд, и немалый. Солнце, которое светит и греет круглый год, не избавляет от необходимости тщательно обрабатывать почву, удобрять ее. А сколько труда требует искусственное орошение, без которого в тропиках немыслимо занятие земледелием: осадки выпадают нерегулярно. Сколько забот требует охрана полей от диких животных — свиней и обезьян!

Около деревни Мугасамбога река Тангани разбивается на множество рукавов, всюду видны острова («тысяча островов»), поросшие густым лесом, а немного ниже этого чудесного пейзажа река падает вниз с высоты 90 м. «Лес, искрящиеся, переливающие на солнце всеми цветами радуги брызги, пенящиеся и клубящиеся потоки воды, темно-синее небо, жгучее солнце — все это создает волшебное зрелище»¹², — восхищался Сергей Васильевич. Иногда по дороге встречались термитники выше человеческого роста; спутники Аверинцева говорили, что им доводилось видеть постройки термитов высотою до 5 м.

Для более полного знакомства с восточноафриканской фауной русский ученый совершил путешествие на лодке-однодревке вверх по реке Сиги из бухты Танги. Низкие берега, сплошь заросшие мангровы-

¹¹ Там же, стр. 28.

¹² С. В. Аверинцев. *По побережью Чёрного континента*, стр. 1449.

ми, постепенно становились круче; менялся и характер растительности: по обеим сторонам реки стоял густой лес. Он был наполнен поющими птицами и многочисленными мелкими животными — обезьянами, белками, которые, перепрыгивая с дерева на дерево, приближались близко к реке. На отмелях грелись на солнце крокодилы, но, заслышав приближающуюся лодку, они тотчас же сползали в воду.

Сергей Васильевич не мог не заметить как хищнически истреблялся девственный лес Африки, как бессмысленно уничтожались редкие животные. «Дичи почти повсюду много, — писал Аверинцев, — но, конечно, что-нибудь редкое получить трудно, — для этого необходимо или очень долго пробыть в стране, или же забираться далеко вглубь, где мало людей и звери не выбиты и не распуганы. С каждым годом ценных животных становится все меньше»¹³. Меры, предпринимавшиеся немецкими и английскими колониальными властями, лишь подтверждали стремительную убыль животного мира Африки: были определены заповедники для животных, установлены штрафы, и за право убить ценное животное — слона или жирафа — нужно было уплатить значительную сумму. Но, пожив немножко в Африке, Аверинцев убедился в довольно грустном факте: животный мир Африки неотвратимо беднел. Это было подтверждено его ознакомлением в Дурбане с делами китобойной компании, которые, по мнению всех, шли «более чем блестяще». Действительно, за год, предшествовавший времени пребывания в Африке нашего путешественника, т. е. 1910, акционеры получили около 80% дивидендов. Аверинцев усмотрел неизбежный результат такой предпринимательской активности: «Истребление китов ведется энергично, и недалеко, конечно, время, когда их совсем не будет у берегов Африки. В этом случае здесь наблюдается то же, что и в других местах этой богатейшей по количеству всякой крупной и мелкой дичи части света. Спортсмены и охотники выбивают громадное число особей, и теперь это истребление оказывается весьма чувствительно, так что, например, носорога можно встретить с большим трудом, каффрского буйвола почти совсем нет, слоны стали очень редки, а также убыла и другая менее ценная дичь... Вымирание целого ряда видов идет необычайно быстро, и никакие охранительные законы не остановят этого процесса, в котором главную и такую жестокую роль играет человек. В связи с культурным завоеванием Африки находится полное обеднение ее природы: истребление тропических лесов, исчезновение своеобразных степных ландшафтов, уничтожение богатейшей фауны млекопитающих и т. п.»¹⁴ «Культурное завоевание Африки» в таком контексте выглядит как суровая ирония.

Разрушительным было это влияние и для коренного населения Африки — африканцев. В немецкой колонии Восточной Африки можно было встретить представителей многих народов, некоторые из них Аверинцев называет вадиго, вабондеи, ваниамбези, банту, массал, васуахили. Одни племена имели старейшин, у других процесс классообразования зашел уже далеко: по крайней мере Аверинцев говорит о князьях. Каждое племя говорило на своем языке, но общим для всех, своеобразным «lingua franca» был язык кисуахили, на котором говорил народ васуахили. Именно этот язык и выучил Аверинцев.

Аверинцев учился различать отдельные народы по наружности. Цвет кожи — вот основное отличие африканского населения от остальных районов земного шара. Конечно, курчавые волосы, широкий нос,

¹³ С. В. Аверинцев, *Предварительный отчет...*, стр. 47.

¹⁴ Там же, стр. 60.

полные губы, белые зубы — все это характерные черты африканца. Ученый видел красоту в уроженце Африки: «Фигуры как мужчин, так и женщин отличаются красотой формы и силой; необычайно интересны и гармоничны пропорции отдельных частей... Жировых образований не видно; под блестящей кожей тонких рук и ног ясно прорисовываются отдельные мускулы. Удивительно изящна походка, вырабатываемая изящаяся, по-видимому, при носке всевозможных тяжестей на голове; легко, просто и красиво, слегка балансируя, несут они на головах большие четырехугольные керосиновые жестянки, полные воды, подымаясь по горе от ручья... Прекрасный материал для скульптора и художника!»¹⁵. Он любовался темнокожими детьми: «Особенно красивы и симпатичны дети с их быстрыми, живыми черными глазами»¹⁶. Но стариков и старух встречалось мало. Только один раз увидел Сергей Васильевич африканца, в черных волосах которого сверкала седина. Страшная смертность среди местного населения — вот единственное объяснение, полученное Аверинцевым: «Мне передавали, что почти нет туземцев старше 40—45 лет. Мalaria, дизентерия и употребление с детства алкоголя, вот главнейшие причины вымирания»¹⁷.

Перемена климата не прошла даром для русского ученого. Сергей Васильевич заболел. С большим напряжением закончил он свою работы в Амани. На прощанье поднялся он на вершину Бомоле, побродил по берегу ручья, где росли гигантские бамбуки, и долго сидел на веранде, до тех пор пока поднявшиеся из ущелья туманы не закрыли собой все. Из Амани Сергей Васильевич перебрался в Танги. Танги после Дар-эс-Салама была самым значительным портом немецкой Восточной Африки, возле нее была со средоточена большая часть плантаций. В Танге можно было встретить и гоанезов (потомков португальцев, смешавшихся с индийцами), и арабов и индийцев. Сергей Васильевич уверял, что здесь можно было встретить представителей почти всех народов, населявших немецкую колонию в Восточной Африке. По мнению русского ученого, народ васуахили был «наиболее образованным по языку и обычаям, сильно арабизированным торговым племенем». Предприимчивость и торговая активность толкала африканцев васуахили на длительные странствования. Они были известны далеко внутри Африки — у озер Виктория и Танганьика и даже в Бельгийском Конго.

Немецкие колонизаторы под лицемерным предлогом «оздоровления городов» выселяли из них африканцев. Неоднократно русский ученый посещал африканские селения. Хижины васуахили, живших близ города Танги, по описанию Аверинцева, представляли собой весьма незатейливые постройки из жердей и глины, всегда без окон; крыша из пальмовых листьев по своей форме напоминала Аверинцеву соломенную кровлю русской избы. Перед входом в хижину обычно строилась «барас» — подобие веранды, где женщины и дети занимались домашней работой. Русский ученый был внимателен к жизни коренного населения. Он описал жилье, одежду представителей народа васуахили, с которыми чаще всего общался, их пищу, орудия труда, их искусство, интересовался, как они развлекались. Одежда васуахили была, по мнению Аверинцева, «простой, но не лишенной красоты». Мужчины носили длинную рубаху, а то и две, вторая тогда служила подобием халата. На голове — белая с тонкой вышивкой шапочка или феска. Для женского костюма употреблялись два куска материи —

¹⁵ С. В. Аверинцев, *По побережью Черного континента*, стр. 1448.

¹⁶ С. В. Аверинцев, *Предварительный отчет...*, стр. 219.

¹⁷ Там же.

чёрной или с ярким крупным рисунком, обычно европейского производства. Этими кусками тканей женщины искусно драпировались. Удивительна была женская прическа: мельчайшие косички заплетались — сосчитать их было невозможно! — и укладывались правильными рядами от лба к затылку. Не каждая франтиха умела возвести в себя на голове такое сооружение. Известностью пользовались мастерицы, которые не так уж дешево ценили свои услуги. Женщины любили украшать себя ювелирными изделиями: и в уши и в нос были воткнуты металлические украшения, а то и просто цветная бумага.

Самой употребительной пищей был рис, лук, сахарный тростник; любимым блюдом была сушеная акула. В рыбакских деревушках в пище, естественно, преобладала рыба. Здесь всегда можно было встретить лавочонку араба-«дука», где можно купить рис и другие виды питания, а также и необходимую хозяйственную мелочь. Все приспособления для рыбной ловли у африканцев были очень примитивны — крючки, верши, небольшие неводы; также примитивны были их лодки с двумя бревнами по бортам для устойчивости. Благодаря белому парусу такую лодку можно было видеть далеко в открытом океане. Но как ни примитивны были орудия ловли рыбы, улов всегда был значителен: моря, омывающие восточные берега Африки, были очень богаты рыбой.

После трудовой недели, обычно в субботу вечером, африканцы собирались вместе, пели и танцевали. Единственным инструментом был барабан. Он делался из ствола особого дуплистого дерева, на который с одной стороны натягивалась кожа. Аккомпанементом служили также прихлопывания в ладоши и выкрики в такт. Аверинцев находил негритянские танцы очень интересными и отметил музыкальность африканцев.

В музее Кейптауна, где собраны богатые минералогические и палеонтологические коллекции, Аверинцев набрел на маленькую комнату с вещественными памятниками, относящимися к истории и искусству африканских народов. Это были рисунки, высеченные на камне неизвестными местными художниками задолго до прихода в Африку европейцев. Аверинцев восхитился этими рисунками, назвав их великолепными. «Животные сделаны прекрасно, — писал он, — особенно удались этим первобытным художникам слоны, страусы, быки. На рисунках не только переданы все характерные черты этих животных, не только соблюдены пропорции, но и превосходно схвачены моменты движения и покоя»¹⁸.

Одаренный народ, жизнелюбивый, стойко сопротивляющийся непривычным условиям, — таким выглядит, по описанию русского ученого, коренное население немецких колоний в Африке. Но в какие ужасные условия оно было поставлено колонизаторами!

На улицах городов Аверинцев встречал группы мужчин, женщин и даже детей-подростков в цепях. Под охраной солдат они подметали улицы, переносили тяжести и выполняли другие тяжелые работы. Это были наказанные за какой-нибудь обычно мелкий проступок: за поступление, например, на работу без рабочей книжки. Вначале провинившегося наказывали 25 ударами, а затем уже надевали на шею железное кольцо, к которому прикреплялись цепи, связывавшие нескольких несчастных друг с другом. Аверинцев признался, что ему особенно тяжело было смотреть на закованных в цепь детей.

¹⁸ Там же, стр. 65.

Все колонизаторы любят распространяться о своей цивилизаторской миссии среди отсталого населения тех стран, где они господствуют силой оружия. Не отставали в этом и немцы. Попав в немецкую колонию, русский ученый убеждался в разительном противоречии слова и дела немецких носителей «культуры». О культурной работе англичан и немцев среди местного населения Аверинцев также был самого прескверного мнения. Да о какой культурной работе вообще могла идти речь? Только лишь о миссионерстве. Сергей Васильевич отметил ничтожные успехи христианства, но зато широкое распространение в глубь континента ислама.

Нищета, невежество, дикие суеверия — вот что бросалось в глаза нашему путешественнику при посещении им африканской деревни. Вся природа, по убеждению местного населения, населена духами, добрыми и злыми, но злых больше, и уберечься от бед и неприятностей почти невозможно. Все сколько-нибудь выделяющееся в природе пугало. Аверинцев рассказывает, как однажды носильщиков привел в страшное замешательство огромный шмель! Никакой медицинской помощи больным не оказывалось. Они были предоставлены произволу судьбы. Сергей Васальевич очень жалел таких несчастных и помогал чем мог. Однажды к нему обратился африканец с язвами на ногах. «Я дал ему иодоформ, и бедняга был нескончаемо обрадован лекарством».

Удивительную закономерность наблюдал Аверинцев в Африке: самые богатые плодородные земли отличались нездоровым климатом. Иногда население целых районов поголовно болело малярией. Местный климат Аверинцев называет убийственным; мангровые болота, широко повсюду распространенные, были рассадниками малярии. Каждый комар, которого видел ученый, был или анофелесом, или того хуже.

Наш путешественник решил заняться истреблением комаров и с этой целью сконструировал ловушку, которой он очень гордился и усиленно ее рекомендовал для малярийных местностей.

Существо немецкой колониальной системы ясно характеризуют следующие строки отчета Аверинцева: «Немцы не только не стремятся научить негров своему языку, но даже, напротив, принимают все меры против этого. По моему мнению, подобная политика служит и всегда будет служить значительным тормозом, препятствующим развитию негров и приобщению их к культуре. Однако к этому большинство господствующего элемента вовсе и не стремится; в неграх видят лишь дешевые рабочие руки, которые едва ли заслуживают лучшего обращения, чем рабочий скот. Я никогда не мог спокойно видеть необычайно презрительного отношения к „черным“, которое проявляется у большинства европейцев решительно во всем. Кулачная расправа, наказание плетью, заковывание в цепи и полное нежелание признать в „черном“ такого же человека, как сам, — напомнили мне худшие страницы из истории нашего крепостного права... Трудно себе представить, до чего обычно доходит ничем, конечно, не оправдываемое презрение белых к черным. Хороших результатов подобные отношения, конечно, не дают, и многие осложнения в рабочем вопросе объясняются именно презрительным и жестоким обращением плантаторов с рабочими туземцами... Господствующее большинство предпринимателей, видя в туземцах не что иное, как дешевый „рабочий скот“, но никак не людей, только и мечтает о сохранении подобных отношений на вечные времена, постоянно прямо и косвенно выражая желание в буквальном смысле закрепостить негров, введя для каждого из них обязательное число рабочих дней в неделю, под страхом на-

казания цепями»¹⁹. Эта длинная цитата из отчета Аверинцева характеризует его как передового русского интеллигента, с возмущением относящегося ко всяkim формам принуждения и гнета, ратующего за распространение культуры; для него неграмотный и жестоко эксплуатируемый африканец вовсе не представлял собой «низшего» существа, как то старательно внушали колонизаторы как белому населению колонии, так и черным рабам.

Любопытную черту немецкой колониальной политики отметил Аверинцев: стремясь в глазах подвластного им населения выглядеть «высшей расой», колониальные власти запрещали въезд в колонию небольшенному населению Германии. Это делалось для того, чтобы африканцы всегда видели в немце господина, человека хорошо обеспеченного и занимающегося такими делами, которые недоступны местному населению. Отметил Аверинцев и еще одно определившееся направление в колониальной политике: использовать африканцев во всех областях хозяйственной жизни как необходимых, но не самостоятельных работников или, как он писал, «подручных» у мастеров-европейцев. Дискриминацию африканцев Аверинцев наблюдал буквально на каждом шагу: африканцы могли ездить по железной дороге только в третьем классе, они получали за свой труд такую оплату (20—30 геллеров в день), которой едва хватало на пропитание.

Зато оклады европейцев были невообразимо высоки. Аверинцев приводит несколько примеров: наемные солдаты-африканцы, собственно довольно «привилегированный» слой населения из туземцев, получали в переводе на русские деньги около 20 руб. в месяц, фельдшер-немец при больнице получал жалованье 150 руб. «Я не говорю уже о жалованье высших чинов администрации»²⁰, — добавлял Аверинцев. На частных предприятиях оклады европейцев были еще выше, чем на государственной службе: «...обыкновенные машинисты из слесарей зарабатывают здесь больше, чем многие инженеры в Европе», — убеждался русский ученый.

Большой досуг, огромные деньги, незначительные культурные потребности, несомненная ограниченность запросов молодых людей, прибывших из Германии на колониальную службу, приводили к процветанию пьянства. Аверинцев пишет, что молодые немцы «все свободное время проводят в кутежах, далеко превосходящих собой то, что наблюдается хотя бы у нас в России в заброшенных уездных городах»²¹. Африканцы не были трезвенниками, но они говорили «пьян, как европеец», указывая тем самым на высшую степень опьянения, очевидно, непостижимую для них.

Повсеместное выселение местного населения из города, которое Аверинцев наблюдал и в Танге и в Дар-эс-Саламе, было предпринято как дискриминационная мера и имело своей целью отделить европейцев от африканцев, арабов, индусов. Никакой заботы о местном населении, даже с корыстными целями, не заметил Аверинцев в немецких колониях. Он пишет о том, что у африканцев слабое здоровье, что они часто болеют и почти никогда не доживаются до старости. Не удивительно, что Аверинцев часто из уст плантаторов слышал жалобы на недостаток рабочих рук, а также «на чуть ли не поголовное нарушение контрактов, бегство негров и проч.». Очевидно, условия контрактов, мягко выражаясь, оставляли желать лучшего. Сергей Васильевич побывал на крупных плантациях колонии — каучуковых, сахарного тростника, си-

¹⁹ Там же, стр. 32.

²⁰ Там же, стр. 51.

²¹ Там же.

зала, риса. Иные были в упадке, но каучуковые и сизалевые плантации процветали, и перспективы у них были самые радужные. Культурой с большой перспективой был, по убеждению Аверинцева, хлопок. Для Восточной Африки это была совсем новая сельскохозяйственная культура. Очень хорошее или, как Аверинцев пишет, «отрадное впечатление» произвели на него посадки хлопчатника в негритянских селениях. Хлопок — трудоемкая культура, и на примере тщательно обработанных полей, на которых произрастал хлопчатник, разрушалась нелепая легенда о лени африканцев. «За этими криками плантаторов и их служащих о лени негра, о плохом качестве его хлопка легко рассмотреть не что иное, как желание сохранить дешевые рабочие руки»²², — легко разгадал Аверинцев помыслы плантаторов. Он не без основания полагал, что и новые налоги — «подымный» и «подушный» введены с единственной целью — заставить местного жителя идти на заработки.

Африканцы с большой любовью, не щадя своих сил, обрабатывали свои крохотные участки. Конечно, особого рвения к работе на плантатора они не проявляли, там их ждали только окрики, удары кулаком и плетью.

Аверинцев заметил две тенденции в колониальной политике: одна отражала интересы самых отъявленных реакционеров, стремившихся удержать старые позиции и противившихся любым мерам, направленным на некоторое улучшение положения африканцев; вторая же намечала проведение таких мер, которые могли бы поднять уровень земледелия у коренного населения. Эта тенденция выражала взгляды более дальновидных колонизаторов: это была забота о курице, которая могла перестать нести золотые яйца.

Колонизаторы-немцы долго строили свое хозяйство на рабском труде. Для англичан рабский труд давно перестал быть выгодным, и после того как Занзибар был объявлен под протекторатом Англии, рабство в нем было запрещено. Немцы в своей колонии — Восточной Африке — были вынуждены издать соответствующие постановления: всякая продажа людей была запрещена, дети, рождавшиеся от рабов, с 1 января 1906 г. объявлялись свободными. Для плантаторов наступили тяжелые времена: они вдруг лишились рабочих рук. Аверинцев слышал жалобы плантаторов — и немцев и арабов. Но хотя причины были одинаковы, он уловил разные ноты недовольства. Немецкие колонизаторы особенно недолюбливали уроженцев Индии — торговцев и ремесленников, населявших города немецкой Восточной Африки: этот предприимчивый люд азиатских стран был тесно связан со своей родиной, куда уходила их прибыль, нажитая в колонии. Конкуренция с ними мелких предпринимателей-немцев была, по мнению Аверинцева, немыслима: индийцы хорошо знали язык и нравы африканских народов, со многими у них была общая религия — ислам.

Несколько раз побывал Аверинцев в Занзибаре, хорошо узнал и остров и город — былой центр арабского владычества над всей Восточной Африкой. В силу этого население острова отличалось необыкновенной пестротой. «Здесь можно встретить представителей народов трех частей света, — писал Аверинцев, — именно европейцев, главным образом, конечно, англичан, затем индусов, арабов и даже малайцев и, наконец, негров самых различных племен, начиная с вазуахили и кончая маниема и варуа». Самый остров он сравнивал с гигантской корзиной роскошной зелени, вокруг которой плещутся вол-

²² С. В. Аверинцев, *По побережью Черного континента*, стр. 1466.

ны океана. Город Занзибар удивил его своим обликом. «Город куда больше других пунктов восточной Африки сохранил свой восточный арабский колорит, почти не поддавшись европеизации; это сказывается в характере построек, в узком и запутанном лабиринте улиц, в одежде и обычаях населения, т. е. решительно во всем. Дома, почти все с решетчатыми окнами, тесно прижимаются друг к другу, нигде ни клочка зелени, белые стены, массивные двери, украшенные причудливым резным орнаментом, плоские крыши, запах кокосового масла, гвоздики и еще каких-то пряностей, — все так не похоже на наши европейские города»²³. Поразился Аверинцев огромному количеству ювелиров в Занзибаре и их мастерству, но его пленили не золотые и серебряные изделия, а необыкновенная по изяществу резьба по слоновой кости и черному дереву.

В Занзибаре Аверинцев увидел также такие апельсины, о величине которых он не мог даже предполагать; они впрямь были необыкновенны и по сладости и по сочности. Пожалуй, они оказались единственными фруктами тропиков, понравившимися нашему ученому. Он перепробовал все, но отдавал предпочтение русским яблокам и грушам.

Побережье немецкой Восточной Африки было изучено Аверинцевым, но не с той полнотой, как ему хотелось. Морской берег был почти в юду низкий, поросший мангровой растительностью, которая сменялась рощами пальм и манго, а дальше шла равнина, представлявшая собой степь; редкие баобабы нарушали ее однообразие.

В обратный путь домой Аверинцев отправился вокруг Африки, и таким образом ему удалось посетить Мозамбик — центр португальской Восточной Африки. Ни окрестности, ни сам город не оставили у русского ученого приятного впечатления. Морской берег у Мозамбика (сам город расположен на острове) очень низок, песчан, зелени почти не было; архитектурные сооружения города мрачны и суровы. Затем город-порт Бейра — тоже португальское владение, но Аверинцев склонен был думать, что на самом деле он принадлежал англичанам. Та же ровная болотистая местность, переходящая в опаленную солнцем степь. В городе — невообразимая грязь и огромное количество питейных заведений — баров. У Аверинцева создалось такое впечатление, что баров было почти столько, сколько жилых домов и учреждений.

Путь ученого шел все дальше и дальше на юг. По пути от Бейры к Лоренсо-Маркесу ночью было видно далекое зарево пожаров: это горела трава в степи. В городе Лоренсо-Маркес он провел несколько дней и хорошо узнал и город и его окрестности. В городе было такое огромное количество солдат, как будто он был на осадном положении — по крайней мере такая мысль пришла в голову нашего путешественника. Но если берега и неживописные окрестности и не отвечали эстетическим вкусам Аверинцева, с научной точки зрения он был доволен результатами поездки: морская фауна прибрежья была разнообразна, планктон богат, и ученый с большим интересом производил наблюдения и опыты и собрал обильный материал. По мере приближения к Наталю морской берег становился все выше и гористей. Дурбан и слившийся с ним порт Наталь имели вид обычных английских портовых городов. Порт Элизабет, Кейптаун, один из красивейших приморских городов мира, и, наконец, последние африканские территории, где удалось побывать Аверинцеву, — Людериц и Сва-

²³ С. В. Аверинцев, *Предварительный отчет...*, стр. 49.

кому́нд — портовые города немецкой Юго-Западной Африки. Они производили довольно жалкое впечатление своими беспорядочно разбросанными в песках домишками. «Нигде нет не только деревца, но даже травинки, — вообще никакого признака зелени. Дюны подходят к самому берегу, и массы песка сдуваются в море, так что на отливе почти полное отсутствие жизни»²⁴. Таков был унылый вид местности. Когда ехали к Наталю и далее, к Кейптауну, становилось все холодней. Море было бурно. Высокий берег скрывался в тумане. Все чаще наблюдалось свечение моря, иногда волны казались огненными. Появились птицы, характерные для холодного климата, — пингвины, чайки, которых никогда не увидишь в тропиках, вились над кораблем.

Каждый пункт побережья, где останавливался наш путешественник, хранил в себе память о темных страницах истории: то это было место переправы невольников, захваченных в Центральной Африке, то некогда оживленный рынок, торговавший слоновой костью и рабами, то начало длинного караванного пути в таинственные страны. Об арабском и португальском владычестве напоминали руины крепостей. Под пышной тропической растительностью были погребены остатки необычайно толстых стен, некогда защищавших несправедливость и насилие.

Вот, например, городок Пангани. И река, и бухта, и городок носят одно и то же имя — Пангани. Городок невелик; он насчитывал не более ста лет существования, но с ним связана история колонии. «С этим городком связаны воспоминания о возникновении немецкого владычества в крае, с ним же неразрывны и воспоминания об арабском восстании и о гибели его вдохновителя и руководителя Бушири бин-Салима»²⁵, — писал Аверинцев. Основателя немецкого Восточно-Африканского общества Карла Петерса русский ученый встретил на пароходе во время одного из своих путешествий. Он характеризует этого «деятеля» кратко, но предельно точно, как «известного всему свету, благодаря неслыханным жестокостям над беззащитными неграми...»

Сергей Васильевич рассказал русскому читателю об обмане, ве́роломстве и преступлениях, какими увенчалось приобретение Германией колоний в Африке. Упомянутый Петерс в сообществе с графом Пфейлем главным образом обманом и подарками различным черным князьям в 1884 г. захватили в свои руки громадную область, нигде, однако, не доходившую до берега, составлявшего в то время часть занзибарского султанства. Годом позднее Германия взяла эти земли под свою «защиту», а в 1888 г. немецкое Восточно-Африканское общество уже арендовало у султана Сеид Халида значительную часть береговой полосы вместе с Пангани. Можно догадываться о том, как усердствовали немецкие капиталисты в новом для них обличье колонизаторов. Об этом Аверинцев не пишет, но продолжает повествование следующим образом. «Здесь загоралась первая искра восстания арабов против немецкого владычества, отсюда вышел и тут же был в 1889 г. на площади казнен взятый в плен вождь повстанцев, умный, богатый и хитрый Бушири бин Салим»²⁶.

Сергей Васильевич задумывался над будущим Африки. Иногда она ему виделась в облике хорошо ему известной южноевропейской страны: густая сеть железных дорог и каналов покроет ее территорию: ее прекрасные степи и девственные леса исчезнут, заменившись воз-

²⁴ Там же, стр. 66.

²⁵ С. В. Аверинцев, *По побережью Черного континента*, стр. 1457.

²⁶ Там же.

деланными полями. Перед его мысленным взором простирались плантации, дымили фабрики, вырастали порты, множились фермы и индустриальные города. Аверинцев писал: «Тропической Африке предстоит пережить пышный расцвет сельскохозяйственной и промышленной жизни»²⁷. Но ни эта перспектива, ни те картины расцвета Африки, которые он себе представлял, не радовали русского ученого. Он уже наблюдал оскудение растительного и животного мира тропиков. Ему мерещилось нечто более страшное, именно: истребление колонизаторами коренного населения континента. И мы читаем строки, исполненные необыкновенной грусти: «Исчезнет и обаяние тропиков, исчезнут населяющие их редкостные растительные и животные формы, а вместе с ними исчезнут и исконные обладатели континента — негры»²⁸.

Неоднократно Сергей Васильевич обращал внимание на самоубийственную политику колонизаторов, выражавшуюся в полнейшем пренебрежении к интересам коренного населения страны. «Белые ничего не сделали, чтобы привлечь к себе население», — писал он. Русский ученый был безусловно высоко гуманен, но во многом наивен. Он не понимал, что колониальная политика немцев не могла быть чистой. Чуждый расовых и иных предрассудков, Сергей Васильевич отошелся с отвращением ко всяkim проявлениям расистских теорий. Уже тогда подобные человеконенавистнические взгляды внедрялись колониальными властями особенно в умы немецкой молодежи, пред назначавшейся к работе в колонии. В этом мог убедиться русский профессор, беседуя с только что окончившим университет в Германии неким Вале, который приехал в Африку, чтобы изучить экономику колонии, да, кстати, и поработать ассистентом на плантации. Всем был хорош этот юноша — и образован, и умен, и воспитан, но... И вот это «но» сильно отталкивало Сергея Васильевича. «Но с ним я все-таки не мог сойтись во взглядах на негров», — пишет русский ученый, который, как явствует из этой фразы, имел по данному вопросу споры и с другими людьми. И нередко предвидение иной исторической судьбы населения Африки озаряло Сергея Васильевича. Тогда он писал: «Рано или поздно искра будет брошена; где это произойдет — сказать трудно, но взрыв охватит большое пространство, не минут он и восточной Африки...»²⁹.

О своем пребывании в Африке Сергей Васильевич рассказал в «Предварительном отчете о поездке на стипендию, учрежденную при Бейтензоргском Ботаническом саде». Для более широкого круга читателей им была написана большая статья «По побережью Черного континента», которую журнал «Природа» напечатал в 1912 г. в двух номерах. Насколько мне известно, больше Сергей Васильевич никогда не касался в печати своих африканских впечатлений.

Заслуженный деятель наук профессор Сергей Васильевич Аверинцев умер в Москве в 1957 г. на 82-м году жизни. По своим качествам ума и характера он принадлежал к тем людям, со смертью которых трудно примириться. Его бывшие студенты помнят о нем, как о талантливом преподавателе, умевшем ясно, точно и увлекательно излагать труднейшие проблемы. Коллеги ценили в нем эрудита, выдающегося специалиста, любили за скромность, отзывчивость, спра ведливость. Он оставил о себе действительно долгую память. До сих пор в наших советских вузах студенты учатся по учебникам, написан-

²⁷ Там же, стр. 1443.

²⁸ Там же, стр. 1444.

²⁹ Там же, стр. 1458.

ным профессором Аверинцевым. Сергей Васильевич написал свыше трехсот книг и статей: это и серьезные труды, доступные специалистам, и педагогические курсы, и научно-популярные работы. В науке им был сделан ряд открытий; один вид простейших (корненожек) был назван именем русского ученого — «аверинцевия»; золотые медали, премии, ученые степени и звания свидетельствовали о признании заслуг Сергея Васильевича. Огромное практическое значение имели его труды по ихтиологии. Он был одним из инициаторов создания первой флотилии рыболовных траулеров в северных морях СССР, им была составлена карта распределения сельди в Баренцевом море и разработана методика прогнозов весеннего лова сельди. Советское правительство высоко ценило труды Сергея Васильевича. Он был награжден орденом Ленина, орденом Трудового Красного Знамени и до конца жизни был экспертом по рыболовству.

В статьях о Сергее Васильевиче, которыми отмечались его юби-леи, в некрологах — о пребывании его в Африке даже не упоминалось. Действительно, в научной биографии ученого это вынужденное путеше-ствие в Африку было сравнительно небольшим эпизодом. Но каж-дый шаг человека отмечен печатью его индивидуальности. Поэтому и все написанное Сергеем Васильевичем Аверинцевым об Африке пред-ставляет большую ценность. Русский ученый был талантлив, об-ладал острой наблюдательностью, круг его интересов был широк. Сер-гей Васильевич принадлежал к передовым деятелям русской науки, расистские теории ему были чужды и отвратительны. Вот почему его перо нарисовало яркие, запоминающиеся картины колониальной не-мецкой политики. Свое отрицательное отношение к колонизаторам он передал читателю, как передал и свое чувство уважения к корен-ному на-селению, угнетенному, забитому, но жизнедеятельному и та-лантливому.

М. П. Забродская

**К ИСТОРИИ ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО РАЙОНИРОВАНИЯ
АФРИКИ**

**(По материалам важнейших страноведческих работ
XIX — начала XX в.)**

С развитием капитализма возрастал интерес к колонизации Африки, что приводило к организации многочисленных экспедиций, увенчавшихся важными географическими открытиями.

К концу XIX в. были решены важнейшие географические проблемы Африки, накоплен огромный фактический материал по ее географии, требующий не только систематизации, но и глубокого научного анализа; появились многочисленные издания по географии Восточной Африки в Германии, географические работы по Северной Африке во Франции, сочинения английских географов по Южной Африке и т. д.

Но уровень научного анализа во всех этих и других географических работах был неодинаков и отражал особенности развития географической мысли в течение этого столетия.

Географические сочинения до начала XIX в. бедны с точки зрения фактического материала; беглые замечания о природе дополнялись подробными сведениями по истории и этнографии страны. При этом у большинства авторов описания даются по странам или административным районам без каких-либо попыток выделения природных регионов. В большой мере это характерно для многотомных описаний многих видных путешественников по Африке. Большая часть глав посвящена ходу экспедиций, перепечатке их полевых дневников, нередко без элементарных обобщений. Как правило, описания путешествий больше изобиловали этнографическими или историческими сведениями, чем сведениями географического характера. Последние ограничивались обильным номенклатурным материалом с чисто внешними описаниями форм рельефа, режима рек, названиями отдельных растений или описаниями погодных условий в данный момент.

В середине XIX в. уже появляются работы по климату и особенностям растительного покрова многих частей Африки, а также первые страноведческие работы по крупным регионам ее. Наряду с обобщающими описаниями они содержат первые попытки районирования материка на основе описываемых компонентов, но это еще не природные (ландшафтные) области, а климатические или растительные регионы материка. Иными словами, характер страноведческих работ по Африке отражал развитие теории географии, превращение описатель-

ной географии в объяснительную, теоретическую географическую науку.

Анализ страноведческих работ по Африке, который дается в настоящей работе, преследует прежде всего цель знакомства с первыми опытами физико-географического районирования Африки, отражающими постепенное становление современных научно-географических знаний по данному материалу.

Одним из первых по времени географических описаний Африки, вышедших отдельным изданием, был труд О. Даппера, опубликованный в 1670 г. в Амстердаме¹. Большая часть книги посвящена описанию Египта, Марокко и Алжира, описанию рек, даже мелких, воздуха (климата), плодородия, зверей, рыб, населения, цен, одежды, языков. Под ландшафтами автор понимает описание важнейших городов. К книге приложена карта, характеризующая представления того времени о внутренних областях Африки. Бессистемное, далеко не научное описание иллюстрируется рядом рисунков, даже отдаленно не напоминающих истинные ландшафты этого материка.

Спустя более столетия, в 1805 г., вышла книга Льва Африканца², но состояние знаний по Африке почти не изменилось. Африка также делилась на четыре части: Барбария, Нумидия, Ливия и Негриция, но больше всего места отводится Северной Африке. При этом из всех природных объектов особенно «повезло» рекам, которые нередко описаны с исчерпывающей полнотой. Но опять-таки не было никаких признаков научно-строговедческого описания, и автор отдавал явное предпочтение этнографическому материалу. Таковы же географические сводки по Африке первой четверти XIX в.³. Из русских изданий этого времени следует упомянуть учебники Е. Ф. Зябловского «Всеобщая география» и В. Кряжева «Новейшая всеобщая география»⁴. Интересно развернутое заглавие книги В. Кряжева: «Новейшая всеобщая география или описание всех частей света Европы, Азии, Африки, Америки и Южной Индии по последнему политическому разделению, в которой описаны пределы государств, составные части юных, моря, реки, озера, горы, климат, качество земли, естественные произведения из всех царств природы, образ правления, вероисповедание, число жителей, их промышленность, рукоделия, фабрики, торговля и знатнейшие города с достопамятностями своими».

В учебнике Е. Ф. Зябловского отражен уровень географических знаний по Африке в начале XIX в. Большая часть очерка по Африке отводится Лунным горам: «Главный хребет от экватора на север именуется Лунными горами, которые на северо-востоке соединяются с Абиссинскими горами. Самая большая высота Лунных гор 14 000 футов. Некоторые из них покрыты вечным снегом. От Лунных гор, соединенных с Абиссинией, идут отрасли в разные стороны...»⁵.

Далее говорится, что Африка «самая недостаточная часть реками», так как о крупных реках тропической Африки знали лишь понаслышке. В описании северных прибрежий уже более подробно, как и в книге В. Кряжева, упоминается о «степи» Сара, или Сагара.

¹ O. Dapper, *Umbeständliche und eigentliche Beschreibung von Africa*, Amsterdām, 1670.

² Leo Africanus, *Beschreibung von Africa*, Herborn, 1805.

³ «Afrique», Paris, 1814; «Africa», London, 1827.

⁴ Е. Ф. Зябловский, *Всеобщая география*, СПб., 1818; В. Кряжев, *Новейшая всеобщая география*, М., 1816.

⁵ Е. Ф. Зябловский, *Всеобщая география*, стр. 63.

С точки зрения физического страноведения Африки знаменательным событием был выход труда К. Риттера «Страноведение в отношении природы и истории человека или общая сравнительная география, как надежная основа изучения и преподавания в области физических и исторических наук», первый том которого был посвящен краткому описанию Африки⁶. Этот труд поставил К. Риттера во главе нового направления, возникшего в начале XIX в. и получившего наименование «Сравнительное землеведение». Идеи Риттера нашли известное отражение в физико-географическом описании Африки. Прежде всего он рассматривал природные явления в их взаимосвязи.

У К. Риттера встречаются замечания о геологическом строении гор, в связи с чем интересна глава «Геогностический и гидрографический обзор Южной Африки». Столь подробного описания Южной Африки не было у предшественников К. Риттера. Его разделение материка на Высокую и Низкую Африку сохранило свое значение до сего времени. Все горы Африки К. Риттер называет древними горами, но одновременно подчеркивает широкое распространение песчаников, которые участвуют в строении гор и равнин. Интересно, что замечания о климате и растительном покрове почти совершенно отсутствуют, а сведения о животном мире ограничиваются перечнем отдельных видов.

Рассматривая природу как единое целое, включающее в себя и населяющих землю людей, К. Риттер в этнографической и исторической частях труда стоял на позициях идеализма и географического детерминизма. Пока он «изучал физико-географические явления, он, как правило, оставался на материалистических позициях. Как только он обращался к изучению общественных явлений, он рассуждал как убежденный идеалист»⁷.

В первой половине XIX в. анализируемый труд К. Риттера оказал заметное влияние на все последующие страноведческие работы по Африке. Так, в книге Авезака «Африка»⁸ очень отчетлива физико-географическая часть — географическая протяженность, горы, реки, почвы, растительность, а во второй части уже дается описание населения и хозяйства. С этой точки зрения заслуживает внимания также книга А. Б. Клот-Бея «Египет в прежнем и нынешнем состоянии», вышедшая в переводе А. Краевского⁹. Прежде всего, большая часть книги А. Б. Клот-Бея посвящена физическому страноведению Египта, с достаточно полным и всесторонним описанием природы (климат с таблицами метеорологических наблюдений, подробные сведения о всех видах дикорастущих и культурных растений, о животных, минералах и горных породах, как песчаники, известняки и граниты). Уже отчетливо видны попытки объяснить те или иные природные явления, например: «Нильские пороги, вероятно, суть только последние ступени наклонности первобытного хребта, через которые должна была течь река и от которых зависят извилины реки, сообразные с направлением главного хребта»¹⁰.

К середине века были накоплены достаточные сведения по географии отдельных частей и стран Африки для составления географических сводок по важнейшим из них. Именно в это время наблюдается тенденция увеличения числа региональных сводок за счет со-

⁶ K. Ritter, *Die Erdkunde in verhältnisse zur Natur und zur Geschichte des Menschen oder allgemeine, begleitende Geographie*, Erster Teil, Berlin, 1822.

⁷ А. Григорьев, *Развитие физико-географической мысли в России*, М., 1961, стр. 11.

⁸ М. D'Avezac, *Afrique*, Paris, 1844.

⁹ А. Б. Клот-Бей, *Египет в прежнем и нынешнем состоянии*, СПб., 1843.

¹⁰ Там же, стр. 9.

кращения общеафриканских страноведческих работ. В 50—60-х годах вышли работы К. Андре по Южной и Северо-Восточной Африке, Р. Андре по Абиссинии, Ж. Эскаврак де Лотюр по Сахаре, Р. Оберлендера по Судану и Западной Африке¹¹ и т. д. Они уже содержат вполне научные сведения о природе этих стран, но в методологическом отношении продолжают тенденции географических работ первой половины XIX в. В этих работах историко-этнографический материал превалирует над физико-географическим. Так, в книге Ж. Эскаврака де Лотюр лишь 48 страниц из 304 посвящены физической географии Сахары, примерно то же соотношение в книге Р. Андре по Абиссинии и т. д. Новым является то, что названные авторы даже в коротких очерках о природе этих стран приводят схематичное районирование стран по тому или иному компоненту. В работе о великой африканской пустыне Африка делится на четыре климатических пояса — зону зимних дождей, зону без дождей, зону летних дождей и зону постоянных дождей. Р. Андре дает описание растительности Абиссинии по поясам колла, война-дега и дега, хотя впервые эти зоны выделил Хейгли (1857 г.).

Немало материала по районированию материка и его отдельных областей черпалось из описаний путешественников середины XIX в. В 1868 г. была опубликована статья Г. Швейнфурта «Фито-географические очерки Нильской области и прибрежий Красного моря»¹², которая заслуживает особого внимания с точки зрения истории физико-географического районирования материка. Основная часть ее посвящена фито-географическому районированию бассейна Нила. Г. Швейнфурт выделяет следующие растительные области в этой части Африки: Средиземноморская область, область пустынь, переходная область с двумя регионами — остеченных пустынь, или Этбайский район, и степной район южнее Хартума, горные области, область лесов. Все эти области показаны на хорошей карте. При описании Абиссинского нагорья Г. Швейнфурт тоже выделяет вертикальные зоны колла, война-дега и дега, характеристику которых, по-видимому, и заимствовал Р. Андре.

С другой стороны, описания Г. Нахтигала, О. Ленца и др.¹³, скорее выполнявших задания колониальных кругов, чем преследовавших научные цели, не имеют большого географического интереса. Так, трехтомная работа Г. Нахтигала по Сахаре и Судану хотя и содержит некоторые детальные сведения о их природе, но больше посвящена ходу экспедиции, а также этнографии и истории этих стран.

Во второй половине XIX в. был накоплен материал по геологии материка, его климату, характеру растительного покрова. Это послужило основанием для появления аналитических работ по этим компонентам природы. Они содержали богатый материал для физико-географического районирования материка, которое прежде всего основывается на частно-географическом районировании.

Первые попытки геоботанического районирования материка встречаются в трудах классиков географии растений А. Гризебаха (1872),

¹¹ K. Andree, *Südafrika*, Leipzig, 1859; R. Andree, *Abessinien, das Alpenland unter der Tropen*, Leipzig, 1869; G. Escayrac de Lauture, *Die Afrikanische Wüste und das Land der schwarzen am Obern Nil*, Leipzig, 1855; Oberländer, *Westafrika von Senegal bis Benquela*, Leipzig, 1874.

¹² G. Schweinfurt, *Pflanzengeographische Skizze des gesamten Nilgebietes*, — «Pettmanns Geographische Mitteilungen», 1868, № 3—4.

¹³ G. Nachtigal, *Sahara und Sudan*, Berlin, 1879—1889; O. Lenz, *Timbuktu*, Leipzig, 1892.

А. Энглера и А. Шимпера¹⁴. Они допускали, что современный климат играл большую роль в формировании растительного покрова и соответственно изменении климатических особенностей, говорили о распространении тех или иных растительных формаций. Так, по А. Гризебаху, резко обособляются по растительному покрову Сахара, Судан, Калахари и Капская провинция.

Более детальное районирование Африки дал А. Энглер в работе «Фито-географическое разделение Африки»¹⁵, где он выделяет четыре большие флористические области: средиземноморскую, североафрикано-индийскую, африканскую область лесов и степей, область юго-западной Капландии с очень дробными подразделениями их.

Не останавливаясь на анализе этих схем геоботанического районирования материка, необходимо подчеркнуть, что названные авторы впервые показали особенности горной растительности Африки, ее известную обедненность (А. Энглер), смену вертикальных зон на Килиманджаро и в горах Наталь (А. Шимпер). Наконец, важно, что на страницах их трудов шла горячая дискуссия о том, что такое саванна и степь в Африке и на какие типы они подразделяются (классическое определение саванны дано Шимпером). Геоботаническое районирование Африки стало возможным потому, что к этому времени были опубликованы обобщающие сводки по климату как всего материка, так и частей его. Климатическое районирование Африки дано Юлиусом Ганом¹⁶.

С точки зрения изучения истории природного районирования Африки вызывает большой интерес работа М. Бланкенхорна (1888) о геологических и тектонических особенностях Африки. В введении к этой работе автор делает краткий обзор деления Африки в тектоническом и геологическом отношении. Так, он анализирует соответствующие схемы Эмриха (1862 г.), который в основу своего деления положил разделение К. Риттером материка на Высокую и Низкую Африку.

Э. Зюсс рассматривает Высокую Африку вместе с Индостаном и называет ее Гондваналендом, а Сахару с Египтом, Сирию и Аравию он называет «Большое пустынное плато».

М. Бланкенхорн¹⁷ дает более дробное морфотектоническое деление Африки, выделяя североафриканскую складчатую область, североафриканское пустынное плато, Западную Африку и Южную Африку с Мадагаскаром и небольшими островами Индийского океана. Эти морфотектонические области М. Бланкенхорна широко использовались в последующих работах по физической географии крупных регионов Африки. Районирование их в свою очередь проводилось по орографическому принципу. В этом отношении очень показательна работа Г. Фритша по Южной Африке¹⁸. Во-первых, эта капитальная работа посвящена физико-географическому обзору Африки. Интересно, что после обзора географического положения и береговой линии идет глава «Природные области Южной Африки». Не-

¹⁴ А. Гризебах, *Растительность земного шара согласно климатическому ее разделению*, т. 2, СПб., 1877; A. Engler, *Über die Hochgebirgsflora des tropischen Afrika*, — «Abhandlungen der königlichen Akademie der Wissenschaften zu Berlin», 1892; A. F. Schimper, *Pflanzengeographie auf physiologischen Grundlage*, Jena, 1898.

¹⁵ A. Engler, *Pflanzengeographische Gliederung von Afrika*, — «Sitzungberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften», zweite Halbband, 1908.

¹⁶ R. Nordmann, *Das Klima von Abessinien*, Marburg, 1888; J. Gans, *Handbuch der Klimatologie*, 1883.

¹⁷ M. Blankenhorn, *Die geognostischen Verhältnisse von Afrika*, Bd 1, Gotha, 1888.

¹⁸ G. Fritsch, *Südafrika bis zum Sambesi*, Leipzig, 1885.

смотря на столь многообещающее название, встречающееся в подобных работах впервые, содержание главы или, вернее, принцип районирования не выдерживает никакой критики: западная часть Южной Африки разделена на регионы по крупным чертам орографии, а территории южнее 30° южной широты — уже по политическому или этнографическому принципам (колония Наталь, страна Зулу, страна бушменов и т. д.). Комплексное физико-географическое описание каждой части ужедается по общепринятым в настоящее время планам.

В противовес районированию Г. Фритца климатическое районирование субтропической части Южной Африки К. Дове сохраняет большой научный интерес до сего времени. По К. Дове¹⁹, в Южной Африке отчетливо различаются четыре крупные области: область зимних осадков, переходная область с преимущественно весенне-осенними осадками, область интенсивных летних осадков, область бездождья — западные прибрежья (Намиб).

Наконец, к концу XIX в. появились первые страноведческие сводки по Африке, составленные с использованием большого фактического материала и в какой-то мере предыдущих схем районирования. В серии «всеобщее страноведение» в 1891 г. вышла книга В. Сиверса «Африка» и несколько позже книга Ф. Гана под тем же наименением²⁰.

Оба труда дополняют друг друга в том отношении, что первый дает общий обзор Африки, а большая часть второго посвящается региональному ее обзору. Книги В. Сиверса и Ф. Гана изобилуют чисто внешними описаниями рельефа, особенностей климата и биогеографии материка, без объяснений, без генезиса и взаимосвязей. Некоторые главы — голое перечисление географических названий. Однако описание каждого физико-географического элемента заканчивается выделением районов по рельефу, климату и растительности. Правда, нередко это делается очень схематично. Так, например, В. Сиверс оканчивает районирование Африки по климату выделением следующих трех регионов: тропическая область Африки, Северная и Южная субтропическая Африка.

Более дробное районирование проведено по рельефу: различается двадцать регионов, которые в основном и положены Ф. Ганом в основу физико-географического районирования Африки. Крупные физико-географические области Африки по Ф. Гану: Южная Африка, Восточная Африка, Страна Конго с Анголой и областью Огове, Судан, область пустыни Северной Африки, Атласские страны, Африканские острова.

Таким образом, даже краткий анализ важнейших страноведческих работ по Африке показывает, что научное физическое страноведение до самого начала XX в. резко отставало не только от запросов научно-практического и теоретического характера, но и от уровня частно-географического изучения Африки. К этому времени вышли замечательные сводки по всем районам материка, где многие природные особенности их объяснялись с генетической точки зрения, показывались во взаимосвязи, а страноведение отставало и физико-географический материал тонул в обильном материале по этнографии, истории цивилизации и т. д.

Еще менее научно обоснованными были схемы природного районирования Африки. Попросту говоря, их не было, пока не появилась

¹⁹ K. Dove, *Das Klima des aussertropischen Südafrika*, Göttingen, 1888.

²⁰ W. Sievers, *Afrika*, Leipzig, 1891; Ф. Ган, *Африка*, М., 1902—1903.

«система природных ландшафтов Африки» З. Пассарге²¹, опубликованная с картой и небольшими замечаниями.

По-видимому, первой схемой природного (ландшафтного) районирования Африки, основанной на комплексе факторов, является схема Ф. Клюте, опубликованная в книге «Всеобщее страноведение Африки» в 1935 г.²². Природные ландшафты Африки Ф. Клюте выделяет на следующих принципах:

а) по рельефу выделяется Высокая и Низкая Африка;
б) по климату эти части подразделяются в свою очередь на тропическую и внетропическую Низкую и Высокую Африку, т. е. пять крупных ландшафтных областей: 1) Северная Африка, 2) тропическая Низкая Африка, 3) тропическая Высокая Африка, 4) Южная Африка, 5) Острова;

в) эти области делятся на природные ландшафты, по-видимому, в соответствии с физико-географическими районами: Северная Африка на Атлас и Сахару; тропическая Низкая Африка на Судан и Сахару; тропическая Высокая Африка — Восточная Африка Лунда; Южная Африка;

г) последние в свою очередь подразделяются на ландшафтные провинции, например Сахара — Западная, Средняя и Восточная и т. д.

Интересно, что ландшафтные провинции описываются односторонне, лишь с оро-геоморфологической точки зрения.

Несомненный вклад в проблему физико-географического районирования Африки внесли работы советских географов — А. С. Баркова и П. С. Макеева²³, но анализ их, как и других новейших опытов физико-географического районирования Африки, уже выходит за рамки настоящей статьи.

---

²¹ S. Passarge, *Die natürlichen Landschaften Afrikas*, — «Petermanns Geographische Mitteilungen», Bd 54, 1908.

²² F. Klüte, *Allgemeine Länderkunde von Afrika*, Hannover, 1935.

²³ А. С. Барков, *Африка*, М., 1953; П. С. Макеев, *Природные зоны и ландшафты*, М., 1954.

3. К. Виноградова

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО РАЙОНИРОВАНИЯ АФРИКИ

Физико-географическое районирование материка или отдельно взятой страны до сих пор осуществляется в научных и научно-учебных трудах по разным принципам. Производится, например, деление территории на геоморфологические области, по которым затем дается характеристика всех сторон природы (рельефа, климата, почв, растительности). Такой принцип физико-географического районирования территории Африки мы находим в книге А. С. Баркова¹. Еще в прошлом веке в изданиях «Всемирной географии» под общей редакцией В. Сиверса был применен принцип выделения регионов по их местонахождению в отношении сторон горизонта. В данном случае имеется в виду книга Ф. Гана «Африка». Тот же принцип выделения регионов находим в современных французских монографиях по Африке. Применение принципа районирования по местоположению в отношении сторон горизонта подчеркивается названиями монографий². Так, книга О. Бернара имеет введение, посвященное обзору элементов природы Африки в целом, и три части: Берберия, Сахара, Западная Африка, или Судан. Первые два региона по существу совпадают с природными областями, существующими на севере материка. В физико-географическом отношении Западная Африка, по Бернару, не представляет собой единой области. В ее пределах находятся тропические саванны и экваториальные гилемы, т. е. разные типы природы.

Монография Ф. Моретта содержит шесть частей. Первая часть — Экваториальная Африка — регион, в значительной мере совпадающий с природной областью экваториальной гилемы среднего Конго. Вторая часть книги — Восточная Африка (территория, расположенная между 5° с. ш. и 10° ю. ш.). Моретт подчеркивает избранный им принцип выделения регионов: «Названием „Восточная“ она обязана своему расположению на востоке африканского материка...»³. В физико-географическом отношении Восточная Африка Моретта является частью восточноафриканской провинции саванн. Третья часть монографии — Северо-Восточная Африка — включает Абиссинское нагорье и полуостров Сомали. Четвертая часть — Нильская Африка, в которой дан

¹ А. С. Барков, *Физическая география частей света. Африка*, М., 1953.

² О. Бернар, *Северная и Западная Африка*, М., 1949; Ф. Моретт, *Экваториальная, Восточная и Южная Африка*, М., 1951.

³ Ф. Моретт, *Экваториальная, Восточная и Южная Африка*, стр. 137.

обзор природы значительной части территории бассейна Нила. В данном случае в основу выделения региона был положен гидрографический подход. Пятая часть книги — Южная Африка, регион в физико-географическом отношении наиболее разнородный, включающий тропические и субтропические богатые и бедные развитием жизни области. Шестая часть книги содержит обзор природы острова Мадагаскар и других островов в Индийском океане, причисляемых к Африке.

Впоследствии советские географы перенесли принцип районирования по местоположению территорий в отношении сторон горизонта в качестве заглавного в учебную литературу. В учебном пособии по физической географии частей света для студентов педагогических институтов Т. В. Власовой находим схему физико-географического районирования Африки⁴. Территория Африки поделена на четыре крупных региона, получивших названия: Северная, Центральная, Восточная и Южная Африка. Очевидно, это деление является данью принципу районирования,енному в основу французских монографий, упоминавшихся выше.

Т. В. Власова подразделяет крупные регионы на физико-географические области, выделенные преимущественно на основании зональных различий природы. В Северной Африке автор выделяет области: горная субтропическая засушливая Атласская; тропическая континентально-пустынная Сахара; саванновое плато Судана и Столовых гор. В данном случае выделение областей вполне закономерно. В составе Центральной Африки у Т. В. Власовой оказалась горно-равнинная саванново-лесная область Гвинейского побережья, вторую область Центральной Африки составила экваториальная лесная и саванная котловина Конго и окраинных гор. Последняя действительно занимает центральное положение на материаке, чего нельзя сказать о первой области Гвинейского побережья, расположенной совершенно явно в западной части материка.

Т. В. Власова, стремясь провести физико-географическое районирование на основании зональных различий, совершенно правильно объединила в один регион лесную область Гвинейского побережья и саванново-лесную область бассейна р. Конго, но называть их вместе Центральной Африкой нет оснований. Так вступили в противоречие два разных подхода к районированию территории материка.

Выделение физико-географических областей в пределах Южной Африки Т. В. Власова провела без достаточного учета зональных типов природы. Южную Африку она делит лишь на две области: тропическую полупустынно-степную Южноафриканского плоскогорья и окраинных гор; тропическую островную о. Мадагаскар. Как будто бы на юге Африки нет таких природных областей, как субтропическая гилея, субтропическая саванна, область средиземноморского типа природы, настоящая пустыня, тропическая саванна.

Самое интересное состоит в том, что зарубежные и советские географы в своих трудах по Африке дают представление о зональности отдельных элементов природы — климата, почв, растительности. Зональности почвенного покрова Африки посвящена, например, монография З. Ю. Шокальской⁵. Доказано, что на современном этапе отдельные элементы природы Африки в своем развитии подчинены закону зональности. Но все стороны природы (поверхность, климат,

⁴ Т. В. Власова, *Физическая география частей света*, М., 1961, стр. 318.

⁵ З. Ю. Шокальская, *Почвенно-географический очерк Африки. Условия почвообразования, почвы и их распределение*, М., 1948.

воды, почвы, растительность и животный мир) теснейшим образом взаимосвязаны, взаимозависимы. Очевидно, и природа в целом в своем развитии подчиняется закону зональности. Следовательно, физико-географическое районирование в первую очередь должно основываться на выявлении объективно существующих зональных типов природы. К сожалению, эти известные положения учения В. В. Докучаева о зонах природы медленно вводятся в практику работ по районированию.

Многие годы плодотворно работает в направлении развития и углубления учения Докучаева о зонах природы А. Д. Гожев, создавший мировую карту зон, подзон и областей природы земного шара⁶. На этой карте дано физико-географическое районирование и территории Африки, проведенное на основе выявления объективно существующих зональных типов природы. На карте показано закономерное расположение зональных типов природы, представленных многими провинциями. В Африке, например, экваториальные гилене представлены двумя провинциями или областями: гвинейской и среднего Конго. Тропические саванны в Африке состоят из нескольких провинций: североафриканской, или Суданской, восточноафриканской, или области Великих озер Африки, южноафриканской, или верхней Замбези⁷. В труде А. Д. Гожева раскрыты существенные черты основных зональных типов природы на земной поверхности, присущих и африканским провинциям зон природы; находим указания на интенсивность процессов взаимообмена веществами и энергией в разных зональных системах. Он же подчеркивает необходимость видеть и учитывать провинциальные законы природы.

Следует всячески приветствовать наметившийся в географической литературе перелом в отношении использования зонального принципа физико-географического районирования. В энциклопедическом справочнике «Африка» помещена карта географических поясов и зон Африки⁸, которая хотя и отличается в частностях (названия, границы) от карты А. Д. Гожева, в общем плане неизбежно совпадает с ней, так как также является отражением объективно существующей зональности типов природы материка. К сожалению, в тексте раздела — Географические зоны — не затрагиваются существенные черты выделенных зональных типов природы, а в конце раздела отдается дань прежнему районированию, основанному на геоморфологических различиях, и выделяются Низкая и Высокая Африка. В пределах этих крупных геоморфологических частей материка снова производится выделение природных областей, названия которым даются по местоположению и рельефу, а не по типу природной среды.

Таким образом, авторы энциклопедического справочника предлагают два принципа физико-географического районирования.

Такого рода двойственность в вопросах применения принципов физико-географического районирования проявилась и в фундаментальном учебнике «Физическая география частей света». К учебнику приложена цветная карта «Географические пояса и зоны»⁹. На территории Африки выделены природные области по зональному принципу. От экватора на север и юг, закономерно сменяясь, расположены: эк-

⁶ А. Д. Гожев, *Зонально-провинциальная природа поверхности суши*, — «Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена», т. 116, 1956.

⁷ Там же, стр. 54—55.

⁸ «Африка. Энциклопедический справочник», т. I, М., 1963, стр. 41.

⁹ «Физическая география частей света», под ред. А. М. Рябчикова, М., 1963, прил. № 3.

ваториальные постоянно влажные леса, экваториальные листопадные вечнозеленые леса, субэкваториальные сезонно влажные муссонные леса, т. е. различные вариации лесной природы — гиали приэкваториальных широт. Затем следуют субэкваториальные влажные саванны и саванновые леса, субэкваториальные сухие саванны и редколесья, субэкваториальные опустыненные саванны, редколесья и кустарники, т. е. различные вариации саванн субэкваториального пояса. Их смениают: тропические полупустыни, тропические пустыни, субтропические полупустыни, наконец, на северо-западной и юго-западной окраинах материка — средиземноморские субтропические области. Нет сомнения, что мы имеем дело с физико-географическим (даже, может быть, излишне дробным для учебных целей) районированием Африки, произведенным по принципу выявления зональных типов природы. В учебнике общий обзор материка заканчивается разделом — Географические зоны. В нем дается краткий обзор карты. В региональном обзоре территории Африки делится на Низкую и Высокую Африку. Затем предлагается еще одно районирование территории материка. В учебнике помещена карта-схема природного районирования, на которой на основании геоморфологического принципа¹⁰ выделены: Атласские горы, Сахара, Судано-Гвинейская страна, впадина Конго, Абессомалия, Восточная Африка, Южная Африка. В региональном обзоре по этим областям и дается обзор всех сторон природы. Таким образом, в учебнике, как и в энциклопедическом словаре «Африка», предлагаются два принципа природного районирования территории материка.

Иначе построено учебное пособие по физической географии Африки М. П. Забродской¹¹. В нем предлагается одно природное районирование, произведенное по зональному принципу, а также помещена карта природных областей Африки¹², в значительной степени совпадающая с картой природных областей А. Д. Гожева.

Региональный обзор в книге Забродской содержит характеристику выделенных зональных областей природы¹³. Появление такого рода работы среди учебных пособий несомненно следует приветствовать. К сожалению, М. П. Забродская вводит в заблуждение своих многочисленных читателей — студентов-географов, утверждая, что усмотренные В. В. Докучаевым пять основных зон природы земного шара — тундровая, таежная, черноземная, аэральная и красноземная, или латеритная, — были «выделены В. В. Докучаевым на основе климатических данных, закономерно изменяющихся с севера на юг. Климат является ведущим фактором зонообразования»¹⁴. Известно, что Докучаев всемерно стремился показать теснейшую взаимосвязь и взаимозависимость между отдельными сторонами целостной природы. Зоны природы Докучаева не продукт климата, а естественноисторические образования, на современном этапе развивающиеся при заметном воздействии на них человеческого общества.

Неправильная трактовка идей Докучаева о зонах природы породила в указанном учебном пособии серьезный недостаток в региональном обзоре природных областей Африки. В них нет показа существенных особенностей процессов взаимодействия и взаимообмена веществами и энергией между органическим миром и средой его существования в разных зональных областях природы.

¹⁰ Там же, стр. 403 и 432.

¹¹ М. П. Забродская, *Физическая география Африки*, М., 1963.

¹² Там же, стр. 78.

¹³ Там же, стр. 79—166.

¹⁴ Там же, стр. 76.

В настоящее время физико-географическое районирование должно помогать народам Африки раскрыть наибольшие возможности в хозяйственной деятельности и хозяйственном освоении территории материка. Этой цели лучше всего может служить выявление объективно существующих на материке зональных типов природы. В этом отношении большой интерес представляют некоторые региональные труды по Африке, созданные зарубежными географами. Книга Г. Чёрча «Западная Африка»¹⁵ содержит обстоятельный обзор закономерных зональных изменений природы территории пригвинейских стран и хозяйственную оценку зональных типов природы. Такую же направленность имеет книга Роберта Капо-Рей о Сахаре¹⁶.

---

¹⁵ Р. Дж. Гаррисон Чёрч, *Западная Африка. Природная среда и ее хозяйственное использование*, М., 1959.

¹⁶ Роберт Капо-Рей, *Французская Сахара*, М., 1958.

T. A. Шумовский

**НОВАЯ ПРОБЛЕМА СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ АРАБОВ:
АРАБЫ И МОРЕ**

Открытие на заре нашего века в Париже и Ленинграде арабских средневековых рукописей по мореходству осветило обширную область ближневосточной культуры, остававшуюся доныне в тени и требующую специальных исследований. Материал для таких исследований велик уже сейчас, когда в поле зрения науки находятся всего лишь три рукописных сборника с навигационными сочинениями. Дело даже не в том, что этих сочинений насчитывается три десятка, а если добавить сюда упоминания не сохранившихся работ, то их число возрастет до сорока пяти, хотя, конечно, количественный показатель сам по себе достаточно красноречиво говорит о высоком развитии литературной деятельности этого рода. В конечном счете большинство арабских навигационных произведений, насколько можно судить сейчас, по-видимому, служило целям детализации основных сведений по мореходству — таковы небольшие лоции, посвященные региональным маршрутам, или частные этюды по морской астрономии. Дело и не в том, что эта детализация, говорящая уже о качественной стороне арабской морской практики, о глубине знаний в такой специфической области, как судовождение в открытом море, по временам заходит довольно далеко, протягивая неожиданные нити связи от арабской к другим культурам Востока и даже за пределы Индийского океана.

Основное состоит в том, что обнаруженные сборники заключают в себе несколько крупных сводов с энциклопедическим содержанием, которые и составляют наиболее выразительный плод арабской навигационной мысли. Это «Дар мужам» морехода XVI в. Сулаймана ал-Маҳрийя, произведение, которое вместе с комментарием и тремя аналогичными сочинениями этого же автора ждет своего издателя более двух веков, прошедших со времени появления его в европейском хранилище рукописей. Поэма «Содержащая краткое про основы науки морей», также пока не изученная, и прозаический свод «Книга польз об основах и правилах морской науки» Ахмада ибн Маджида (XV в.), издание которого подготовлено в Советском Союзе.

В докладах на международном конгрессе востоковедов в Москве в 1960 г. и на международном конгрессе по истории географических открытий в Лиссабоне мною была дана общая характеристика «Книги

польз». С тех пор минуло четыре года, и сейчас критическое издание этого памятника раскрывает его, как можно надеяться, более или менее полно. Габриэль Ферран, французский первооткрыватель арабской морской литературы, недаром сразу же выделил «Книгу польз» среди обнаруженных трактатов, назвав ее «замечательной». Действительно, это произведение представляет синтез навигационных знаний Востока в эпоху средневековья, на его бессмертных листах отражен опыт не одних арабов и не одного лишь XV столетия, переломного в истории человеческой культуры. Об этом говорит прежде всего энциклопедичность содержания.

Остановим внимание на перечне глав «Книги польз»: I. Происхождение мореплавания и магнитной стрелки. II. Профессиональные и этические требования к лоцмансу. III. Стоянки Луны. IV. Роза ветров и румбы буссоли. V. Древние географы и астрономы. VI. Маршруты в Индийском океане. VII. Наблюдения над звездами. VIII. Управление судном. IX. Разные побережья и три категории лоцманов. X. Величайшие острова мира (от Мадагаскара до Тайваня). XI. Муссоны и плавания. XII. Лоция Красного моря. Эта книга — шедевр арабской мореходной литературы.

Приведем также содержание более типичного образца — «Дар мужам». I. Сфера и звезды. II. Разделение небесного круга на 32 румба. III. О зáме (единице расстояния, равной трем часам морского пути). IV. Каботажное и открытое плавание. V. Определение высоты звезд для нахождения координат портовых городов. VI. Расстояния между портами Индийского океана. VII. Ветры, дующие на морских путях.

Рукопись «Ожерелье солнц» того же лоцмана Сулаймана из Манры имеет следующие разделы: I. Лунный год. II. Основания солнечного года. III. Солнечный год. IV. Византийский год. V. Коптский год. VI. Иранский год.

«Содержащая краткое» состоит из глав: I. Признаки близости суши. II. Лунные станции, румбы, единицы измерения астрономических и географических расстояний. III. Способы летосчисления. IV. Муссоны. V—VIII. Маршруты в Индийском океане. IX—XI. Судовождение.

Как можно видеть, круг тем арабской мореходной литературы средних веков достаточно широк, но в то же время единообразен. Это свидетельствует, с одной стороны, о развитости, а с другой — о стабильном характере морской практики, лежащей в основе всех этих произведений.

Несомненно, арабская навигационная деятельность была давней, имела широкий географический размах и глубокое теоретическое обоснование. Об этом говорит факт существования большого ряда энциклопедических справочников с выработанным профессиональным языком, с установившейся технической терминологией. Лишь богатая многообразная практика, питавшаяся вечно обновляющимся опытом столетий, могла родить такие произведения, и когда мы приходим к этому выводу, то находит свое законное место в критически восстанавливаемой системе все то, на чьем появлении ранее лежала печать необычности, выпадения из традиционного русла арабской культуры, например цикл Синдбада в «Тысяче и одной ночи» и «Сказания о Китае и об Индии» Абу Зайда Сирафского, «Чудеса Индии» Бузурга ибн Шафириара и упоминания о морских путешествиях в уже, казалось бы, давно и хорошо изученных источниках.

А арабское чтение звездного неба! О том, на какой высоте стоя-

ло это искусство, красноречиво свидетельствует всемирная астрономика, где вклад арабов превосходит все другие. Но для чего арабам было столь сильно развивать астрономическую науку? Для сухопутных передвижений? Нет, классические географы описывают пути по земле без ссылок на положение звезд, у них существуют другие ориентиры. Между тем для мореплавателей открытое звездное небо имело решающее значение, умение снимать высоту звезд на специальные приборы и вести корабль, пользуясь сделанными при этом расчетами, было одним из главных умений лоцмана. Поэтому в арабской морской литературе средних веков вопросы морской астрономии разрабатывались тончайшим образом, этой науке нередко посвящались отдельные руководства, и вот здесь-то, по-видимому, следует искать истоки ее высокого развития и ее известности далеко за пределами Аравии и арабизованных стран. Обнаружение новых памятников раскроет широкую панораму морской деятельности, в которой арабы проявили себя, быть может, неменьше, чем в других сферах культуры человечества. Но уже сейчас исследование имеющегося материала позволяет сделать вполне спределенные выводы о том, что эта деятельность опиралась на давнюю традицию и носила систематический характер. Не будем приводить здесь многочисленные факты, которые теперь впервые приобретают черты сложившейся системы: такая попытка сделана во введении к изданию «Книги польз», и следует надеяться, что эта историческая реконструкция привлечет внимание не одних филологов и арабистов.

Интересно отметить, что морские путешествия арабов Индийского океана обретены скорее на восток, чем на запад. Запад привлекал их внимание иногда с большой силой, связи Аравийского полуострова с Африканским берегом иногда преобладали, но это носило времененный характер. Насоборот, связи с Востоком, начавшись еще в эпоху Вавилона, не прекращались никогда. Дело не только в том, что страны к востоку от Аравии давали ей большее количество рынков и более широкий ассортимент товаров. Африка, Мадагаскар и Сокотра тоже не были бедны в этом отношении. Важную роль играли более благоприятные метеорологические условия в Аравийском море, нежели у берегов Африки, где, в частности в Мадагаскаре и Занзибара, средневековые торговые суда часто становились игрушкой опасных течений и ветров. Поэтому понятно, почему именно Аденский залив и Аравийское море, далее Бенгальский залив и Малаккский пролив лежат в фокусе внимания 'Ахмада ибн Маджида: им посвящено большинство его лоций, дошедших до нас, они занимают главное место в талассографических описаниях «Книги польз».

Бесспорно, морская энциклопедия 'Ахмада ибн Маджида, его крупнейшее произведение, работа над которым заняла пятнадцать лет его зрелой жизни (1475—1490) — это живой памятник близких профессиональных связей автора с Индией, Сиамом и западной Индонезией и в то же время еще одно свидетельство прочности и постоянства арабско-индийских исторических уз. Недаром западные источники увековечили арабского мореплавателя под именем «мавра из Гузерата», и не случайно именно он, зная не каботажный, а открытый маршрут из Африки в Индию, смог привести европейскую экспедицию из Малинди в Каликут, т. е. через всю западную половину Индийского океана, лишь за 26 суток.

Всмотримся в «Книгу польз». Еще на первых листах, говоря об истории арабского мореплавания, 'Ахмад ибн Маджид называет трех лоцманов XII в. — Мухаммада ибн Шазана, Саиля ибн 'Абана

и Лайса ибн Ка^иланы, которые, хотя и плавали лишь в Персидском заливе, от Сирафа до Макрэна, однако имели сведения об «областях под ветром», т. е. лежащих восточнее мыса Коморин (Кумхари), по берегам Бенгальского залива и далее, до южного Китая. Кто же сообщил им такие сведения? И тут перечень новых имен расширяется: это «знаменитые наставники», т. е. мастера судовождения 'Абдал'азиз ибн 'Ахмад ал-Магрибий, Mu^{sa} ал-Кандараний, Маймун ибн Халил; до них — 'Ахмад ибн Табруя; судовладелец 'Ахмад ибн Мухаммад ибн Абдаррахм^{ен} ибн Абу л-Фадл ибн'Абу л-М'урий. У этих большая часть их науки состояла в знании «подветренных», т. е. транс-индийских, областей и, следовательно, режима плавания в Бенгальском заливе. Этот список знатоков индийской — *largo sensu* — навигации дополняется еще двумя чрезвычайно интересными для нас лицами, выступающими в рамках факта, который, учитывая все сказанное выше, должен считаться закономерным, если не типичным: в 400 г. х. 1009-10 г. н. э. «и около этого» мастер морского искусства Хавашир ибн Йусуф ибн Салах ал-Арикий плавал на судне «индийца Дабавкары».

Кроме сообщаемого факта мы ничего не знаем об этих двух лицах. Но если имя первого говорит о его причастности к арабско-персидским морским кругам эпохи падения великого Сирафа, то что можно сказать о Дабавкаре? Первое слово здесь должно, конечно, принадлежать инданистам, но, по-видимому, и для них это наименование пока остается загадкой. Вряд ли есть основание вместе с Г. Ферраном видеть здесь намек на Дибугарх, расположенный на берегу дальней континентальной Дибру. Трудно предполагать в этой форме и собственное имя, потому что после длительных разысканий приходит на ум более простое объяснение. В дорожных записках русского путешественника в Индию Афанасия Никитина (1466—1472) употребляется слово «тава» со значением судна: «Шли есмя в таве 6 недель морем до Чивиля (Чаула)...» «А привозят все морем в тавах, Индейская земли корабли...» «Тава — название мореходного судна»¹, — говорится в одном из русских словарей начала нашего столетия. Комментарии к новейшему изданию записок Никитина² объясняют «тава» как «местное (т. е. индийское) название морского судна», ссылаясь при этом на «лаба» языка маратхи. Последнее на почве английского языка трансформировалось в *dhow* со значением «арабское судно», но в этимологических словарях читаем: «*Dhōw*, *dōw*, a *k'nd* of *ship*, a *slave-ship*. (E. *Indian?*) ...*n̄t* of *Arab* origin. Given as *dāw* or *dāva* in *Molesworth's Marāthī Dictionary*. Perhaps from *Sanskrit dhāv*, to run, flow; *dhāvī*, running»³ «*Dhōw*, *dōw*. Vessel, esp. of slaves. Modern Arab *dāw*. Origin unknown»⁴. Столетием ранее Никитина арабский путешественник из Африки Ибн Баттуга, отсывая византийские им в Каликуте китайские торговые суда, говорит: «Суда китайцы суть трех родов... Средние зовутся *заз*». Здесь же поясняется, что арабское *заз* представляет передачу китайского *саэ* (*soy*); постепенно означает судно вообще. Ибн Баттуга был далеко не первым арабом, употребившим сло-

¹ «Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам, Труд И. И. Срезневского», СПб., 1903.

² «Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466—1472 гг.», под ред. Б. Д. Грекова и В. П. Ариановой-Перети, М.—Л., 1948, стр. 158, прим. 50.

³ «An Etymological dictionary of the English language by the Rev. W. W. Skeat», Oxford, 1910.

⁴ «An Etymological dictionary of modern English by E. Weekley», London, 1921.

⁵ «Voyages d'Ibn Batoutah, texte arabe accompagné d'une traduction par C. Deffrémery et le Dr. B. R. Sanguinetti», vol. IV, Paris, 1858, p. 91.

во *зав* (*завв*): оно было известно в Багдаде еще в IX в. как обозначение судов, построенных для Mu'tасима и Мутаваккила, аббасидских халифов⁶.

Эти свидетельства различных исследователей значительно проясняют картину: арабские моряки, конечно, уже могли в IX в. заимствовать слово *зав* у китайских, сеязи для этого между ними уже были достаточны — вспомним «Сказания о Китае и об Индии» 851 г., но индийский первоисточник интересующего нас слова, по-видимому, несомненен.

Индия, вставшая на великих океанских перепутьях, родила слово *даба* (*дабба*, *дабав*), оно перешло на восток — в Китай, на запад — к арабам и даже на север, в далекий русский язык, не говоря уже о более поздних модификациях. Если это так (скучность первоисточников позволяет сделать такую оговорку), то объяснить вторую часть имени, о котором идет речь, менее сложно на том же индийском материале. Санскритское слово *кара*: это «делатель, -дел», и, таким образом, *дабавкара* арабского текста может быть, благодаря индийским словарям, понято как «судостроитель» (и, по смежности, «судовладелец»). Некоторые данные позволяют предполагать, что 'Ахмад ибн Маджид знал один из языков западной Индии, где он бывал частым гостем, однако, по-видимому, несмотря на всю его образованность, область исторической лингвистики была ему чужда и слово *дабавкара* при обозначении национальной принадлежности моряка, полученное из устного или письменного источника, было им, естественно, воспринято как собственное имя.

Для истории арабско-индийских морских связей, которая представляет одну из основ будущей истории арабского мореплавания, это случай показательный, но не единственный, и это можно утверждать не только исходя из наличного материала, но и a priori. В самом деле, упоминание всех названных выше лиц в «Книге польз» представляет уникальные свидетельства, ибо никакой другой из доступных нам источников не приводит их имен. И это заставляет прийти к выводу, что если, как говорит текст, большинство упоминаемых им в исторической главе арабских мореплавателей знало воды Бенгальского залива, не говоря уже о западной Индии, то культурный обмен между ними и индийцами в области мореплавания, обмен не только предметами торговли, но и лоциями, типами судов, морской терминологией можно считать фактом; это, конечно, не умаляет значения личного опыта. Такой вывод в отношении вообще арабов и вообще индийцев подтверждается не только тем, что уже известно науке, но и тем, что скоро войдет в ее обиход.

В арабской морской энциклопедии, название которой столь часто упоминается в этом кратком сообщении, подробно описаны страны индийской культуры с учетом всего, что могло интересовать моряков. Это выполнено с таким знанием дела, которое возможно лишь при близком знакомстве с местностью, ее жителями и литературной традицией. Такие описания характерны и для всех других произведений 'Ахмада ибн Маджида. В следующем столетии этой профессиональной точности остались верны Сулайман ал-Маҳрий и ученик обоих арабских лоцманов — турецкий адмирал Сиди Али Челеби, флотилия ко-

⁶ «*Fragmenta Historicum Arabicorum* ed. M. J. de Goeje», *Lugduni Batavorum*, 1871, [s. v.]; «*Supplément aux dictionnaires arabes par R. Dozy*», *Leyde*, 1881, [s. v.]; «*An Arabic-English lexicon* by E. W. Lane», book I, pt 3, *London—Edinburg*, 1867, p. 1266.

торого тщетно пыталась остановить португальское нашествие на Восток.

Так, на небольшом примере выявляется новый аспект исторической деятельности арабов, аспект, значительно раздвигающий географические и хронологические рамки в сравнении с теми, которые затронуты на этих страницах. Полная картина развития арабской морской культуры, как показало введение к изданию «Книги польз», неизбежно должна заключить в свои рамки все страны Индийского океана и Средиземного моря и эпохи от древнего Вавилона до португальских экспедиций в Индию. Это слишком обширный материал для регламентированного выступления в журнале, и здесь выбран другой путь: *non multum sed multa*.

А. Д. Дриձօ

МАТЕРИАЛЫ ПО ГЕОГРАФИИ, ЭТНОГРАФИИ И ИСТОРИИ АФРИКИ ЮЖНЕЕ САХАРЫ В НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (ЭСТОНСКАЯ ССР)

Среди крупных книгохранилищ нашей страны, содержащих материалы об Африке, научная библиотека Тартуского университета занимает особое место.

Эта библиотека (в дальнейшем мы будем сокращенно называть ее НБУ), второе по величине книгохранилище Прибалтики, располагает примерно 2,5 млн. томов. Хотя Тартуский университет создан был сравнительно поздно (1802 г.), формирование его библиотеки происходило при особо благоприятных условиях. Во-первых, с самого начала НБУ имела возможность выписывать из-за границы необходимую литературу. Во-вторых, Тартуский университет был единственным высшим учебным заведением страны, имевшим в течение почти всего XIX в. и до начала первой мировой войны соглашения об обмене диссертационными работами со всеми университетами Германии. Фонд диссертаций, хранящийся в НБУ, составляет около 300 тыс. единиц и является уникальным по полноте. В-третьих, книги более ранних периодов (XVI—XVIII вв.), разными путями поступившие в библиотеку, также представляют значительный интерес, хотя по интересующей нас теме их в НБУ насчитывается сравнительно немного¹.

Ознакомление с каталогами библиотеки и просмотр *de visu* значительного количества томов позволило выявить в ее фондах около 250 работ по этнографии, истории, географии, лингвистике Африки и по некоторым смежным вопросам. Около трети этих работ, по нашим подсчетам, нет ни в одном из таких книгохранилищ, как Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Фундаментальная библиотека общественных наук АН СССР, Всесоюзная библиотека иностранной литературы, Публичная историческая библиотека, Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Библиотека Академии наук СССР, Библиотека Всесоюзного географического общества, Библиотека Ленинградского государственного университета, Библиотека института этнографии АН СССР.

Африканские фонды НБУ будут рассмотрены в следующем порядке: работы, посвященные континенту в целом (история исследования, география, история Африки, этнография, лингвистика); иссле-

¹ Подробнее см.: А. Хийр, *К 150-летию библиотеки Тартуского университета*. — «Библиотекарь», 1952, № 11.

дования по географии, истории и этнографии Западной, Восточной, Центральной и Южной Африки. Внутри каждого раздела литература расположена в хронологическом порядке. Книги, не обнаруженные ни в одном из перечисленных выше книгохранилищ Москвы и Ленинграда, отмечаются особо. Из этого правила сделано только одно исключение. Издания более раннего времени (до XVIII в. включительно) сгруппированы отдельно, и обзор начат именно с них.

НБУ обладает латинским переводом (возможно, переделкой) известной работы Дамиа Гоиша², экземпляром книги О. Даппера, описанием путешествия Мендиша Пинту (немецкий перевод, Амстердам, 1671), книгой Брокторфа (вышедшей на год позже и отсутствующей в указанных выше хранилищах)³. Среди работ, изданных в XVIII в., отметим отсутствующие в других библиотеках Союза книгу Гункера о Лудольфе⁴ и редкое описание Африки, составленное Борнеком⁵. Укажем еще трехтомное собрание путешествий по Африке, собранное Куном⁶.

Обильно представлена литература XIX в.: выполненный Д. В. Зольтау перевод (или, точнее, пересказ) известной работы Жоао ди Барруша (Брауншвейг, 1821, 5 томов); работа Т. Рейналя о европейской колонизации Африки (Париж, 1826); исследование Петерманна и Хассенштайна об изучении Африки (Гота, 1861, три части); вышедшая в том же году работа О. Уле на ту же тему (Галле, 1861); книга В. Конера о дальнейшем изучении Африки (Берлин, 1869); работа Ф. Пауличке, обобщившая достижения исследователей за последующее десятилетие (Вена, 1883); книга Хаузберга (1883), отсутствующая в других библиотеках⁷.

Фонды Тартуской библиотеки располагают богатой коллекцией литературы о путешествиях, совершенных в различные районы континента такими выдающимися исследователями, как Барт, Голуб, Камерон, Ливингстон, Мунго Парк, Нахтигаль, Рольфс, Серпа Пинту, Стенли, Фогель, Швайнфурт, Эмин-паша, Юнкер. Здесь есть почти все первые издания путевых дневников, причем большая часть их — на языке оригинала, а остальные — в немецких переводах.

Из работ, опубликованных в более позднее время, в НБУ есть книга Гербертсона, «Африканский дневник» графа Чернина, комплексное описание Африки, выполненное А. Бернатциком (Берлин, 1930), а также не обнаруженный нами в других библиотеках путевой дневник Н. Жака⁸.

Интересную часть африканских фондов НБУ составляют книги по ранней истории континента. Некоторые из них (работы Зандбера, Фридриха Рейно) имеются только в Тартуской библиотеке⁹. Упо-

² D. Gces, *Fides, religio, moresque Aethiopum sub imp. Preciosi Johannes*, [s. l.].
[s. a.]

³ D. Brocktorf, *Disquis. politica de prudentia peregrinandi*, Erfurt, 1672.

⁴ Ch. Guncker, *Commentarius de vita Jobi Ludolfi. In append. sunt epistolai abquit, et specimen linguae Hottentoticae*, Leipzig, 1710.

⁵ A. Borneck, *Neue Erdbeschreibung der Africa*, Frankfurt, 1789—1791.

⁶ E. W. Cuhn, *Sammlung merkwürd, Reisen in das Innere von Africa*, Bd 1—3, Leipzig, 1790.

⁷ Hausberg, *Die wichtigste Erlebnisse der Africa-Forschung seit 1876*, Lübeck, 1883.

⁸ A. Herbertson, *Africa*, — «Oxford survey of the British Empire», vol. 3, Oxford, 1914; N. Jaques, *Afrikanisches Tagebuch*, Berlin, 1936.

⁹ J. Sandberg, *Disput. historica de Africa a Phoenicibus... circumnavigata*, Freiberg am Rhein, 1860; F. Friedrich, *Die Kenthis von Africa im Altertum*, Wohlau, 1882; A. Rainaud, *Quid de natura et fructibus Cyrenaicae. Pentapolis antiqua monumenta... tradidetur*, Paris, 1897.

мянем еще исследования Бунзена об Азании (1852); Тернгрена — о районах внутренней части Африки, которые были известны древним (1844); Рошера — о торговых путях в Центральную Африку по данным Птолемея (1857); Парча — о сведениях по Африке в античных источниках (1874). Представляют также интерес работы Кунстманна; исследование Зоммерброта о старинной карте Африки; Фишера — о картах XIV—XV вв. (1886); Бёмэ, анализирующего крупнейшие описания путешествий XVI в. (Страсбург, 1904); Волькенхауэра — по истории картографии и навигации XV—XVI вв. (1904); Хюммериха — об источниках, касающихся путешествия Васко да Гамы (Мюнхен, 1897); Хеннинга — о Самуэле Брауне, немецком исследователе Африки XVII в. (Базель, 1900); Берга — о первых немецких описаниях путешествий (1912).

Особо следует выделить работу Альберта Хюне, посвященную работорговле. Ни в одной из библиотек Москвы и Ленинграда этой книги нет¹⁰.

Работ по лингвистике в НБУ сравнительно немного. Однако в их числе есть очень ценные исследования. Прежде всего это книга Ольдендорпа¹¹. Автор ее исследовал ряд африканских языков по определенной схеме; слова, записанные им в XVIII в. у рабов, вывезенных из различных районов Африки, имеют значительную ценность для лингвистики.

Библиотека Тартуского университета располагает многими работами Г. Блика, из которых особый интерес представляет его диссертация, опубликованная на латинском языке в 1851 г.¹². Укажем еще работы Фельтена¹³; Барта — по языкам Центрального Судана (Гота, 1862—1866); грамматику языка зулу, изданную Шрёдером в Осло в 1850 г.¹⁴; работу Рииса об языке аквапим (1853)¹⁵; Хана — о языке нама (1870); Планерта — о синтаксисе суахили (1907), книги Бассэ и Мотылинского о берберских диалектах, работы Макрэ о языке тамашек.

Представляют также интерес сохранившиеся в фондах НБУ евангелия и библии, переведенные на африканские языки в середине прошлого века, например: Новый завет на мальгашском языке¹⁶; Ветхий завет на языке зулу¹⁷; евангелие от Марка на языке йоруба¹⁸; первая книга Моисеева на языке тви¹⁹; Новый завет на том же языке²⁰.

¹⁰ A. Hüne, *Vollständige historisch-philosophische Darstellung aller Veränderungen des Neger-Sclavenhandels...*, Göttingen, 1820; см. также: А. Д. Дридзо, *О судьбе первоначальных обитателей острова*, — «Куба. Историко-этнографические очерки», М., 1962, стр. 193.

¹¹ C. G. Oldendorp, *Geschichte der Mission der evangelischen Brüder an der Karibischen Inseln St. Thomas, S. Croix und S. Jean*, Bd 1—3, Barby, 1777.

¹² G. Bleek, *De nominum generibus linguarum Africæ australis, Copticae, Semiticarum...*, Bonn, 1851.

¹³ Veltén, *Kikawi-die Sprache der Wakawi in Deutsch-Ostafrika*, Berlin, 1899.

¹⁴ H. P. Schreuder, *Grammatik for Zulu Spraget*, Med fortale af anmerkinger af C. A. Hornboe, Christiania, 1850.

¹⁵ H. N. Riis, *Elemente des Akwapim-Dialekte der Otji Sprache*, Basel, 1853.

¹⁶ «Ny Teniny ny Faneken-Baovao...», London, 1855; «Hy boky Sasany», London, 1858.

¹⁷ «Itestamente Endala...» (The Old Testament translated into the Kaffir language), Enkangiso (Mount Coke, South Africa) 1859.

¹⁸ «The Gospel... to S. Marc translated into yoruba by Rev. Th. King, native missionary», London, 1859.

¹⁹ «Genesi ana se Mose... (The 1st book of Moses in Otyi language)», Stuttgart, 1861.

²⁰ «Yeň wura né Agyeňkwa... (The New Testament translated into the Tyl (Chwee) language), Gold Coast, West Africa», vol. 1—2, Basel, 1864.

В довольно обширной коллекции литературы такого рода, собранной в Отделе зарубежного востока Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, нет ни одного из перечисленных выше изданий.

В числе этнографических работ, в которых рассматриваются общие вопросы, НБУ располагает отсутствующей в других библиотеках книгой Плюшонно²¹, многими книгами Л. Фробениуса. Упомянем еще работы Вазнера о поселениях африканцев (1891); Дартманна — о народах Африки (1879); Видеманна — о религиозных представлениях жителей континента (1909); Юнгера — об одежде (1926).

Остальную литературу по Африке, хранящуюся в Тарту, мы рассмотрим по региональному принципу, выделив отдельно западную, центральную, восточную и южную части континента. Разумеется, такое деление будет в какой-то мере искусственным, но в данном случае оно представляется наиболее приемлемым.

Предварительно упомянем лишь несколько работ, которые ни в одну из этих рубрик не входят, так как посвящены нескольким районам одновременно. Это прежде всего две книги о немецких колониях — Зойо и Мальгутта²² (последней нет в других библиотеках), а также описания путешествий Вебера (1878), Йёста (1885), Гётце-на (1895).

Среди работ по Западной Африке отметим прежде всего те, которых нет в других библиотеках. Путевой отчет Хилльера рассказывает о Гвинее конца XVII в.²³. Две книги²⁴, написанные Вибелем и Хадлером, посвящены истории колонизации так называемого Золотого берега. Две другие²⁵ (авторы — Томасси и Брандт) представляют интерес для изучения связей северных районов Африки с областями южнее Сахары. Исследование Марка²⁶ посвящено народу моси; книга Вортманна²⁷ — немецким колониям в Западной Африке.

Из остальной группы книг одна была издана еще в XVII в.²⁸, а две другие [многотомное сочинение Лабата о всей Западной Африке (1728) и описание путешествия Адамсона в Сенегал (1773)], — в XVIII в. К ним по времени близка работа Голбери (немецкий перевод путешествия 1785—1787 гг., опубликованный в 1804 г.; в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина есть только французский перевод, а в Библиотеке АН ЭССР (Таллин) — немецкий перевод 1803 г.). Описания путешествий Экуара (1854), Вальдеса (1861), Бухольца (1876), Фалькенштайн (1885) интересны как своеобразные этапы исследования Западной Африки. Несколько книг, преимущественно немецких, посвящено Камеруну, бывшей германской колонии. Это «Путешествия в горы Камеруна» Целлера (1885); «Камерун» Бухнера (1887); «Через Камерун с юга на север (1889—1891» Моргена (1893), «Плато Маненкуба (Камерун)» Торбеке (1911), «Экономика негров банту в Камеруне» Хазина (1912).

²¹ Pluchoneau (ainé) et Maillard, *Physiologie des Nègres dans leur pays*, précéd d'un aperçu de l'état des noirs en esclavage dans les colonies, Paris, 1842.

²² H. Soaux, *Deutsche Arbeit in Africa*, Leipzig, 1888, R. Malgutt, *Skizzen und Studien aus Deutsch-Africa*, Schöneburg, 1911.

²³ F. Hillier, *Account of the customs of the... Cape Corse in Guinea, 1686—1687*. — «Philosophical transactions», vol. XIX, London, 1801—1805, p. 687.

²⁴ K. Wiebel, *Das Gold der Goldküsten*, Hamburg, 1852; N. Hadeler, *Geschichte der holländischen Kolonien auf der Goldküste*, Bonn, 1904.

²⁵ R. Thomassy, *Le Maroc et ses caravans*, Paris, 1845; K. Brandt, *Das Bergland in der französischen Zentralsahara*, Oschatz, 1911.

²⁶ L. Marc, *Le pays Mossi*, Paris, 1909.

²⁷ L. Worthmann, *Die deutschen Kolonien in Westafrika*, 1887.

²⁸ W. Müller, *Die afrikanische auf dem Huineischen Goldküste gelegene Landschaft Fetu*, Nürnberg, 1675.

Книга Б. Андерсона²⁹ представляет собой описание одного из сравнительно ранних американских путешествий в Западную Африку; книга Кавацци (1872) — описание Конго, Анголы и других областей; работа Баумгнна (1888) — монографию о Фернандо По; Джонстон (1884) описывает свое путешествие вверх по Конго (до Болобо); Мюллер (1885) посвящает свою работу Сенегалу и району по верхнему течению Нигера; упомянем еще известную работу Ленца о Тимбукту (1884). Исследования XX в. представлены работами Маша — о реках Гвинеи (1905); Даннесельда-Самсё — о культе змеи в Верхней Гвинее и на Гаити; Римера — о французском Конго (обе — 1909 г.): исследование Шульце о султанате Борну (1910); Нитше — о районе Овамбо (1913); Мансфельда — об Анголе (1920) и Германна — о племенах северной части Либерии (1933).

Из раздела, который условно можно назвать «Центральная» или «Экваториальная» Африка, выделим прежде всего отсутствующую в других библиотеках книги — исследование Бойда о населении бельгийского Конго³⁰. Наиболее ранние по времени издания среди остальных (кроме книги Ле Вайяна о путешествии во внутренние районы Африки в 1780—1785 гг., изданной в Льеже в 1790 г.) — немецкие переволы книги Лэуэдера о путешествии в бассейн Нигера (1833) и Ричардсона о путешествии в экваториальные области континента (1853).

Из стальных работ назовем книги Дю Шэллю (1861), Томсона (1880). Виссманна (1890); работы Бэйки (1856) о бассейне Нигера; книги Бёртсна (1860) об озерном районе; фон Франсуа (1888) — об областях Чуапы и Лулонго; книгу Томсона (1885) о стране масаи; Виссманна о Касаи (1888) — о пространстве между Конго и Замбези (1890); Феттера — сб. итогах исследования Руанды (1906).

Среди работ по Восточной Африке, следуя принятой схеме, отмечим прежде всего отсутствующие в других библиотеках книги Мак Леода и Бёбна о путешествиях по району в целом; исследование Шмидта о Занзибаре; Багоса — об Обоке; Рихтера — о германских колониях в Восточной Африке³¹.

Общих работ в этой группе книг сравнительно немного [описания путешествия Крапфа (1863); Денкена (1869—1871); Джонстона (1886); Мейера (1891)]. Особо отметим «Мемуары арабской принцессы» Эмилии Рюте (1886)³². Неглохо представлены исследования по Эфиопии и прилегающим областям: Бёртона — о Харраре (1856); Хартмания — об Эфиопии и граничащих с нею землях (1883); Паульчке — по этнографии сомалийцев, галла и жителей Харрара (1886), специально по Харрару (1888) и по этнографии Северо-Восточной Африки (1893); Цекки — о пограничных с Эфиопией странах (1888); Перрюшона — по истории Эфиопии (1892), а также Хаггенмакера — по Сомали (1874—1875). Немецким колониям в Восточной Африке посвящены две работы — Хорна (1903) и Баттре (1912). Работа Шванхойзера (1910) описывает духовную культуру племени джагга; Ретцер (1912) — озеро Танганьика. Самая поздняя по времени книга повествует о Кении³³.

²⁹ B. Anderson, *Narrative of a journey to... a capital of Western Mandingo*, New York, 1870.

³⁰ F. Boyd, *Les races indigènes du Congo Belge*, Paris, 1913.

³¹ L. Mac Leod, *Travels in Eastern Africa*, vol. 1—2, London, 1860; R. Böhn, *Von Sansibar zum Tanganjika*, Leipzig, 1888; K. W. Schmidt, *Sansibar*, Leipzig, 1888; F. Bagos, *Obock en 1884*, Bordeaux, 1885; C. J. Richter, *Eine Studienfahrt nach Deutsch-Ost-Africa*, Breslau, 1911.

³² E. Ruete, *Memoiren einer arabischen Prinzessin*, Berlin, 1886.

³³ N. Leys, *Kenya (Fulani bin' Fulani)*, London, 1924.

Книги по Южной Африке составляют наиболее многочисленную часть африканского фонда НБУ. Некоторые из них можно найти только в этой библиотеке. Особый интерес представляют работы Стюарта и Фруина по ранней истории бурских колоний и об отношении Голландии к южноафриканским событиям³⁴. Исследование Мадингера посвящено истории южноафриканских колоний; Фёрстер и Дове описывают немецкие колонии в Юго-Западной Африке; Ллайд — этнографические материалы по бушменам; Дицерлен — народ баротсе³⁵.

Из остальных имеющихся работ самые ранние — книга о путешествии Кольбе в район мыса Доброй Надежды (1719); описания путешествий Лихтенштайна, 1804—1806 (издано в 1811—1812 гг.) и Латрона, 1815—1816 (издано в 1820 г.). В числе географических исследований, относящихся ко всей Южной Африке, отметим книги Кули и Гэлтона (обе — 1852 г.), Мауха (1874), леди Баркер (1878), Фрича (1885), Хюбнера и Вантеманна (обе — 1866 г.), Флуме (1905). Сравнительно многочисленны этнографические работы о коренном населении этой части континента: Фрича (1872), Хаархоффа (1890), Бартело (1894) и более узкие по тематике — Рихтера о маротсе (1908), Шахтцабеля о поселениях банту (1911), Рихтера об экономике народов банту (1912).

Юго-Западной Африке посвящены работы Андерсона (1858, 1861); району между водопадами Виктория и Замбези — книга Мэора (1875); область между Замбези и Лимпопо описана Муллером (1894). Гэрэ (1877) исследовал историю европейской колонизации на юге Африки; Уотсон (1881) — политику Англии в этих же районах и систему ее колониального управления; Шиллинг — историю государства Мономотапа (1892). Наконец, книги Штайна и Де Вета (1902) посвящены англо-бурской войне; а исследования Ролена — истории права и колониальной администрации в Родезии (1913). Остается перечислить еще работы по Мадагаскару. Их в НБУ обнаружено всего шесть, однако одна из этих шести в других библиотеках отсутствует³⁶. Остальные пять — описания путешествий Бори (1805) и Ле Скальера (1819), описание Мадагаскара и прилегающих островов (1886), работа Шнakenбурга о населении острова (1888, особое внимание в ней уделено племени вазимба) и исследование ван-Женнепа о табу и тотемизме у мальгашей (1907).

Наш обзор будет неполным, если мы не упомянем о периодике, содержащей сведения по Африке. Здесь можно указать, в частности, на один из томов специального периодического издания, посвященный немецким колониям³⁷. Но особенную ценность имеют представленные в фондах НБУ немецкие миссионерские журналы. Так, один из них³⁸, содержащий много интересных материалов, полностью отсутствует в библиотеках Москвы и Ленинграда, а в библиотеке АН ЭССР представлен лишь 1874—1886 гг.

³⁴ F. Stuart, *De Hollandsche Afrikanen en... Republiek in Zuid-Africa...*, Amsterdam, 1854; R. Fruin, *A word from Holland on the Transvaal question*, 1881.

³⁵ H. Madinger, *Von südafricanischen Kolonien...*, Frankfurt, 1861; B. Förster, *Deutsch-Südafrika*, Leipzig, 1890; K. Dove, *Südwestafrika*, Leipzig, 1913; L. C. Lloyd, *A short account of further Bushman material collected*, London, 1889; R. Dieterlen, *Les Barotsi*, Cahors, 1909.

³⁶ A. Maloset, *Etienne de Flacourt, ou les origines de la colonie française à Madagascar*, 1648—1661, Paris, 1898.

³⁷ «Mitteilungen von Forschungsreisen und Gelehrten aus den Deutschen Schutzgebieten», Bd IX, Berlin, 1896.

³⁸ «Allgemeine Missions-Zeitschrift», Gutersloh. В НБУ есть за 1874—1915 гг. (кроме 1912).

Другой журнал, еще более ценный³⁹ (материалы по Африке, главным образом по Западной и Южной, содержатся в каждом его номере, а некоторые годовые комплекты, например за 1826 г., целиком посвящены этой части света), есть в НБУ за 1816—1876 и 1912—1913 гг.⁴⁰

В заключение автор считает своим долгом принести глубокую благодарность всем тем, кто помог ему во время работы в НБУ и при составлении настоящего обзора, и прежде всего — заведующему Отделом редких книг и рукописей НБУ профессору Л. Леесменту, библиографу Э. Куду, кандидату исторических наук Л. Суни (Петрозаводск) и старшему редактору издательства Государственного Эрмитажа В. Л. Афанасьеву.

---

³⁹ «Magazin für die neueste Geschichte der evangelischen Mission und Bibelgesellschaften», Basel (с 1857 г. — «Evangelische Missionsmagazin»).

⁴⁰ В Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Шедрина он имеется лишь за 1816—1821 и 1846 гг. (с лакунами), а в Библиотеке АН ЭССР — за 1825, 1826, 1831, 1832, 1834, 1836, 1839, 1841, 1844—1846 и 1849—1886 гг.

М. Я. Иоселева

ПРОИСХОЖДЕНИЕ МАГИЧЕСКИХ ЧИСЕЛ

Палеоматематика занимается вопросами возникновения и развития в древности основных математических понятий. Кроме математики она пользуется методами таких научных дисциплин, как философия, археология, лингвистика, история культуры, астрономия, метеорология, топонимика, палеография и ряда других. Одной из частных задач палеоматематики является изучение причин происхождения магических чисел. В любой период жизни человечества в фольклоре, искусстве и религии различных цивилизаций обнаруживаются характерные, наиболее часто повторяемые числа. Среди них особой живучестью отличается цифра семь, которую средневековая магия считала числом универсальным. Корни этого представления уходят в глубокую древность; средние века дали лишь новый толчок для развития и упрочения этого представления, отзвуки которого живут и поныне.

В настоящем докладе — одном из цикла исследований автора о происхождении магических чисел — показано, как создавалось представление о магическом значении числа семь и кратных ему; как с течением времени на первоначальные представления наслаждались более поздние толкования; каким путем проникло представление о магической силе числа семь в Европу и, наконец, отражение этих представлений в пословицах, поговорках, сказках, сказаниях, легендах и топонимике современных народов.

Автор анализирует материал исследования, идя от современности к древнейшим временам; хотя это путь и не общепринятый, но обеспечивающий движение от хорошо известного к менее изученному, что дает возможность легче ориентироваться в решении вопроса.

Исследования богатейшей сокровищницы русского языка показали немало сохранившихся реликтовых свидетельств «о магической силе» числа семь в древних представлениях.

Аналогичные исследования живых западноевропейских языков выявили также многочисленные идиоматические выражения, содержащие число семь. Целый ряд интересных примеров дает финская, японская и другие мифологии. Число семь буквально пронизывает историю культуры народов Земли.

Средневековая религия, философия и схоластическая наука обратились к сокровищнице древних и почерпнули из нее вместе с позитивными идеями также и представления о магическом значении числа семь и ему кратных. Изучение ярчайших произведений деятелей

этой эпохи — гениального поэта Данте-Алигиери (1265—1321), философа и теолога Раймонда Луллия (1235—1315), архиепископа Майнцского (776—856), римского ритора и философа Марциана Капелла (первая половина V в. н. э.) — подтверждает высказанное положение.

Внимательное рассмотрение древних христианских источников показывает, что в евангелиях Матфея, Марка, Луки, Иоанна, а также в Апокалипсисе Иоанна Богослова содержатся многочисленные упоминания цифры семь и кратных ей чисел. Православная и католическая церкви закрепили число семь и кратные ему целым рядом канонов. Обзор классической греческой литературы также свидетельствует о частом повторении в древнегреческих мифах, сказаниях, легендах и топонимике этого числа. Знакомство с дошедшей до нас священной книгой индуев «Ригведа», с эпической поэмой «Рамаяна», с буддийскими преданиями Сидхарта, с поверьями и приметами, со структурой религиозной секты, поклоняющейся богу Митре, показывает, что и древнеиндийская мифология дает богатый материал для подтверждения универсальности числа семь.

Ознакомление с библейскими текстами иудейской религии показало, что многие легенды Ветхого Завета содержат многочисленные упоминания числа семь и чисел кратных ему. Особенно изобилуют ими книги Бытия, Исхода и Левитов. Достаточно напомнить библейские легенды о всемирном потопе, о веших снах фараона, об исходе из Египта, ритуал жертвоприношения и исцеления прокаженных.

Изучение литературы и археологии Древнего Египта дает разнообразные примеры использования магического числа семь и кратных ему. Тексты пирамид, надписи в Нубии, сказки папируса Вестер и другие письменные источники, результаты археологических раскопок в Дейр-эль-Бахри, вблизи храма Ментухотепа III, в 1921—1922 гг. и раскопок арабским египтологом М. З. Гонеймом усыпальницы фараона третьей династии Сехемхета в 1953 г. свидетельствуют о том, что число семь и кратные ему числа были магическими и у древних египтян. Интересные примеры использования магического числа семь, дает мифология последнего звена месопотамской великой культуры нижней части Двуречья.

Письменные источники и археологические раскопки подтверждают универсальность числа семь и ему кратных у древних вавилонян.

Древневавилонские храмы — зиккураты — часто строились в семь этажей и окрашивались в различные цвета в расположении, близком к порядку цветов в радуге. Вавилонская цивилизация имела глубокое влияние в соседних странах и оставила заметный след в их культуре. Так, по описанию Леонарда Вулли, семь террас древнейшего зиккурата Ура были тоже ярко раскрашены подобно зиккуратам Вавилона.

Автор не разделяет утверждения многих исследователей, что представление о магическом характере числа семь возникло как отражение существования семи планет, что нашло отражение в семи террасах зиккурата, и считает более заслуживающим внимания мнение, что порядок расцветки семи террас зиккуратов близок к расположению цветов в радуге.

Древнейшие шумеро-аккадские астрономы с помощью радуги пытались обосновывать свои астрономические представления. Радуга представлялась им в виде отражения зодиакального круга, изображенного в красках, нередко меняющихся ролями. Древние астрономы причисляли солнце и луну к пяти известным им планетам как обоснование для семи основных цветов радуги.

Радуга — огромная семицветная дуга, появляющаяся на небе

в стороне противоположной солнцу, — издавна привлекала внимание древних. На небе кроме главной радуги часто наблюдаются радуги побочная и вторичные, число которых вместе с главной дугой доходит до семи. Обычно в радуге четко различаются все семь основных цветов спектра.

Радуга наблюдается также при освещении солнцем водяной пыли вблизи водопадов, фонтанов, источников. Порядок следования цветов и в этих радугах сохраняется. Также не меняется порядок расположения цветов в явлениях утренней и вечерней зари, при явлениях гало и в радужных венцах вокруг солнца и луны.

В притропическом поясе, где развивались древние пастушеские и земледельческие культуры, ливневые крупнокапельные дожди обуславливают частое появление относительно узких радуг с ярко выраженными и резко ограниченными в них расцветками. Почти столь же отчетливо при крупных каплях выражены все семь цветов и во вторичных радугах.

Очевидно, что доступные каждому человеку визуальные наблюдения радуги, не требующие специального оборудования, приборов и специальной подготовки наблюдателя, на многие тысячелетия предварили даже самые простые астрономические наблюдения планет.

В древней мифологии в образе радуги воплощалась змея, вознесенная на небо воображением первобытного человека. Подобно тому как земным змеям древние приписывали способность охранять, выпивать и создавать источники, радуга — небесная змея — могла не только снабжать землю водой, но могла и поглотить всю влагу небес, вызывая засуху. Древние, поклоняясь змеям, рассматривали этот культ, аналогичный, по их представлению, культу радуги, как одно из проявлений поклонения солнцу. В представлениях древних существовала тесная взаимосвязь между такими жизненно важными явлениями и силами природы, как-то: радуга — змея — река — Солнце — плодородие — огонь камень — вода — радуга.

Постоянство расположения семи цветов радуги явилось краеугольным камнем древних представлений о магическом характере числа семь. Дальнейшее укрепление этого предрассудка обязано религиям, которые, руководствуясь соображениями теологического характера, придавали магическое значение предметам и представлениям, содержащим в себе число семь, как, например: семь террас зиккуратов; семь главных астральных богов; семь минаретов мечети в Мекке; семь ступеней храма Соломона; семь светильников; семь смертных грехов; семь тайнств; семь есть человек с семью отверстиями в голове; семь ступеней помазания; семь ступеней премудрости; семь свободных искусств; семь недель поста; седьмой четверг после пасхи — семик; семь дней пасхи и т. д.

Включение солнца и луны в число движущихся по небу планет укрепляло уверенность древних в «магическом» характере числа *семь*.

Установление семидневной недели, не являющейся календарным элементом астрономического характера, способствовало широкому распространению понятия о магической силе числа *семь*. Названия, связанные с именами богов-планет, были присвоены дням недели значительно позже установления в древнем календаре дней кратных *семи*, имеющих особое значение. Представление древних о магических свойствах чисел кратных *семи* (7, 14, 21, 28, 35, 49, 56 и т. д.), по-видимому, возникло в результате многократного повторения *семи* цветов во вторичных радугах, в побочной радуге, в искусственных радугах у водопадов, источников и даже в игре драгоценных камней.

И. В. Сахаров

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОСТОЧНОЙ КОМИССИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СОЮЗА ССР¹

В наше время, когда у нас на глазах рушится колониальная система империализма, когда народы бывших колониальных и зависимых стран сами решают свои судьбы и из объекта истории делаются ее активными творцами, когда бурно развиваются всесторонние культурные и экономические связи между нашей страной и странами Азии и Африки, когда из года в год растет интерес советского народа к народам этих стран, возникла настоятельная необходимость более глубокого и полного их изучения и, в частности, создания новых научно-организационных форм работы по их исследованию.

Важную роль в решении этих новых задач могут сыграть добровольные научные общества. Среди них Географическому обществу Союза ССР, имеющему более чем вековую историю и славные традиции в деле изучения стран Азии и Африки², также надлежит внести свой вклад.

В соответствии с этими задачами в конце 1955 г. в Географическом обществе была создана Восточная комиссия. Идея и инициатива ее создания принадлежит академику В. В. Струве и одному из старейших членов Географического общества А. В. Королеву. Со дня основания Комиссии В. В. Струве в качестве председателя (до своей кончины 15 сентября 1965 г.), а А. В. Королев в качестве заместителя председателя бессменно возглавляли руководящий орган Комиссии — бюро, членами которого в настоящее время являются Б. А. Вальская (секретарь), И. В. Сахаров (ответственный за связь с издательством) и В. М. Синицын.

* * *

Прежде чем остановиться непосредственно на издательской деятельности Восточной комиссии, необходимо кратко охарактеризовать основные особенности работы Комиссии в целом, поскольку они определяют многие характерные черты выпускаемых ею печатных трудов.

¹ В основу этой статьи положено вступительное слово автора, сделанное им на обсуждении издаваемого Восточной комиссией сборника «Страны и народы Востока» (вып. I—III) в Географическом обществе Союза ССР в Ленинграде 30 марта 1965 г.

² См.: Б. А. Вальская, *Вклад Русского географического общества в изучение стран Востока*, — «XXV Международный конгресс востоковедов», М., 1960.

В соответствии с уставом Географического общества Союза ССР, Восточная комиссия объединяет в своих рядах и привлекает к своей деятельности всех интересующихся странами и народами Азии и Африки и желающих в ней работать.

Будучи создана при Географическом обществе, Восточная комиссия, тем не менее, в своей работе не ограничивается вопросами только географической науки. С самого начала она была задумана как организация комплексного характера, призванная объединить усилия ученых, работающих в разных областях науки. Руководство Комиссии исходило при этом из традиций Географического общества и из традиций дореволюционного русского и советского востоковедения, которое в своем развитии, хотя неизбежно и дифференцировалось на отдельные отрасли, в то же время постоянно стремилось сохранить комплексный характер, страноведческий подход к объекту изучения, базирующийся на необходимости исследовать страну и народ во всех аспектах их жизни, — метод весьма плодотворный. Поэтому к работе в Комиссии привлекались не только географы, но и этнографы, историки, экономисты, специалисты в области культуры народов Азии и Африки, а также те, кому пришлось побывать в странах Востока.

В работе Комиссии принимают участие на добровольных и общественных началах сотрудники самых различных учреждений; как члены Восточной комиссии, так и их коллеги из других отделений и комиссий Географического общества, а также нечлены Общества; как ленинградцы, так и москвичи и жители других городов нашей страны; как опытные, заслуженные ветераны науки, так и молодежь, делающая в ней первые шаги³.

Таким образом, можно сказать, что Восточная комиссия — это единственное в своем роде межведомственное общественное востоковедное объединение — своеобразный постоянно функционирующий форум востоковедов и географов, на котором встречаются и обмениваются мнениями представители самых различных учреждений, изучающие самые разные аспекты жизни стран и народов Азии и Африки.

* * *

Некоторое время доклады, статьи и другие материалы Восточной комиссии оставались неопубликованными. Официальное издание Общества — «Известия Всесоюзного географического общества» — имеет сравнительно небольшой объем и не могло взять на себя эту задачу. Поэтому в 1958 г., вскоре после начала работы Издательства восточной литературы, Комиссия приступила к подготовке сборника статей под названием «Страны и народы Востока. География, этнография, история», который с тех пор в виде продолжающейся серии выпусков стал официальным органом Комиссии. Позже Комиссия приступила также к изданию сборников докладов на ротапринте.

Издательская деятельность стала одной из главных и наиболее важных форм работы Восточной комиссии. Выщенная ею серия сборников заняла определенное место в советской востоковедной и географической литературе. Сейчас уже можно говорить об общем направлении этого издания и даже о некоторых традициях. С другой стороны, некоторые

³ Подробности о деятельности Восточной комиссии можно найти в полной хронике ее работы, регулярно помещаемой в выпусках сборника «Страны и народы Востока». Начало ее работы освещено также в статье: В. А. Ромодин. *Первый год работы Восточной комиссии Географического общества Союза ССР*, — «Советское востоковедение», 1957, № 1, стр. 185—187.

члены бюро и представители актива Комиссии высказывают ряд предложений, направленных на улучшение издательской деятельности. Поэтому настало время подвести итоги, с тем чтобы учесть приобретенный опыт для более успешной работы в будущем.

* * *

К настоящему времени издано четыре сборника статей в серии «Страны и народы Востока». Приведем их содержание:

«Страны и народы Востока. География, этнография, история». Выпуск I. Под редакцией академика В. В. Струве. М., Издательство восточной литературы, 1959, 354 стр. (Академия наук СССР. Восточная комиссия Географического общества Союза ССР).

Содержание: И. В. Сахаров, Новое административное деление Индии, стр. 5—29; Э. А. Лалаянц, Население острова Ява, стр. 30—47; Ю. Д. Дмитревский, Река Оранжевая и водные проблемы Южно-Африканского Союза, стр. 48—60; Ю. Д. Дмитревский, Проект гидростроительства на реке Вольте в государстве Гана, стр. 61—65; И. В. Сахаров, Природные условия и ресурсы Бихара и Западной Бенгалии и их хозяйственная оценка, стр. 66—109; В. А. Ромодин, Дир и Сват, стр. 110—129; Б. А. Вальская, Борьба Н. Н. Миклухо-Маклая за права папуасов Берега Маклая, стр. 130—147; А. М. Любарская, Русские путешественники и моряки на строительстве Суэцкого канала, стр. 148—161; Т. А. Шумовский, Арабское мореплавание до ислама, стр. 162—193; В. М. Штейн, О возникновении первых экономико-географических представлений и описаний у китайцев, стр. 194—203; Е. И. Кычанов, Китайский рукописный атлас карт тангутского государства Си Ся, хранящийся в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина, стр. 204—212; В. Н. Горегляд, «Удивительные сведения об окружающих морях» — японская рукопись начала XIX в., стр. 213—228; М. И. Казанин, Об одной надписи на карте в «Чертежной книге Сибири» С. Ремезова, стр. 229—241; Ю. Э. Брегель, Расселение туркмен в Хивинском ханстве в XIX в., стр. 242—256; Н. А. Петров, Научные связи между востоковедами и путешественниками-географами в конце XIX и начале XX в., стр. 257—262; Б. А. Вальская, Академик К. М. Бэр о путешествиях Е. П. Ковалевского в Египет и Китай в 40-х годах XIX в., стр. 263—285; З. И. Горбачева, Китайские географические сочинения из коллекции рукописей и ксилографов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, стр. 286—294; Т. К. Шафрановская и К. И. Шафрановский, Приобретение в начале XVIII в. китайских книг российским резидентом в Китае Лоренцом Лангом, стр. 295—301; Л. Н. Меньшиков, Китайские коллекции академика В. М. Алексеева, стр. 302—313; В. С. Стариков, Современная северо-китайская глиняная игрушка, стр. 314—335; И. Я. Слоним, О происхождении некоторых географических названий Азии, стр. 336—347; В. В. Струве, В. А. Ромодин, З. И. Горбачева, Б. А. Вальская, И. В. Сахаров, Т. К. Шафрановская и В. В. Перцмакер, Рецензия на книгу: А. В. Королев, Зарубежная Азия. Хрестоматия, пособие для учителя, М., Учпедгиз, 1957, стр. 348—350; З. К. Виноградова, Рецензия на книгу: Б. А. Вальская, Путешествия Егора Петровича Ковалевского, М., Географгиз, 1956, стр. 351—352.

«Страны и народы Востока. География, этнография, история». Выпуск II. Под редакцией В. В. Струве и А. В. Королева. М., Издательство восточной литературы, 1961, 284 стр. (Академия наук СССР. Восточная комиссия Географического общества Союза ССР). Выпуск посвящен памяти Ю. Н. Рериха.

Содержание: Памяти Юрия Николаевича Рериха, стр. 3—5; Ю. Н. Рерих, Колчевые племена Тибета, стр. 7—12; И. В. Сахаров, Экономические последствия разделя-Бенгала (1947 г.), стр. 13—29; И. В. Сахаров. О сырьевой и топливной базе черной металлургии Восточной Индии, стр. 30—60; Ю. Д. Дмитревский, Некоторые вопросы ирригации в Африке, стр. 61—73; Ю. Д. Дмитревский, Гидроэнергетика Африки, стр. 74—88; А. Д. Дриздо, Индийцы острова Тринидад, стр. 89—102; Л. Н. Гумилев, Три исчезнувших народа, стр. 103—113; Н. Т. Агафонов, Из истории экономического развития Тургая, стр. 114—129; А. М. Любарская, Английский поэт и путешественник Вилфрид Блант — обличитель колониализма, стр. 130—142; Т. А. Шумовский, Теория и практика в арабской географии, стр. 143—159; Т. А. Шумовский, Синдбад и Ахмад ибн Маджид, стр. 160—168; М. А. Салахетдинова, Письмо Русского Географического общества правителю Локччуну, стр. 169—171; Б. А. Вальская, Путешествие Андрея Аргентова на северо-восток Сибири в 1851 году, стр. 172—187; Т. К. Шафрановская, Путешествие Лоренца Ланга в 1715—1716 гг. в Пекин и его дневник, стр. 188—205; Л. Е. Скакков, Ведомость Китайской земле, стр. 206—219; О. И. Смирнова,

Карта верховьев Зеравшана первой четверти VIII века, стр. 220—230; Е. И. Кыча нов, Новые словари в тангутской коллекции рукописного собрания Ленинградского отделения Института народов Азии Академии наук СССР, стр. 231—242; З. И. Горбачева, Китайские медицинские труды в коллекции Ленинградского отделения Института народов Азии Академии наук СССР, стр. 243—250; Л. В. Дмитриева, Турецкие медицинские рукописи в собрании Института народов Азии Академии наук СССР, стр. 251—257; Л. В. Дмитриева, Материалы по фольклору тюркских народов в собрании Института народов Азии Академии наук СССР, стр. 258—265; Н. А. Петров, Некоторые издания китайского фольклора XIX века в коллекции ксиолографов Ленинградского отделения Института народов Азии Академии наук СССР, стр. 266—269; Ю. Е. Борщевский, Новая книга об Исфагане, стр. 270—275; К пятилетию со дня создания Восточной комиссии Географического общества СССР (Хроника работы), стр. 276—283.

«Страны и народы Востока. География, этнография, история». Выпуск III. Под редакцией А. В. Королева и И. В. Сахарова, М., Издательство «Наука», 1964. 211 стр. (Академия наук СССР. Восточная комиссия Географического общества СССР). Выпуск посвящен 75-летию академика Василия Васильевича Струве.

Содержание: Президент Географического общества Союза ССР, академик Е. Н. Павловский, В. В. Струве — 75 лет, стр. 3; А. М. Рябчиков, Индия глазами советских географов, стр. 5—12; Л. И. Бонифатьева, Миграция населения Индии из деревни в город, стр. 13—28; Г. В. Сдасюк, Актуальные проблемы географии энергетики Индии, стр. 29—41; В. Р. Кабо, Байнинги — примитивные земледельцы Океании (Этнографический очерк), стр. 42—68; Ю. Д. Дмитревский, Воды Западной Африки. Сенегал — Гамбия — Чад, стр. 69—78; В. С. Стариков. Техуа (Малоизвестная отрасль китайского прикладного искусства), стр. 79—82; А. Г. Шпринцин, О русской транскрипции китайских географических названий, стр. 83—98; А. Н. Зелинский, Древние пути Памира, стр. 99—119; А. Н. Зелинский, Древние крепости на Памире, стр. 120—141; Т. А. Шумовский, Арабское мореплавание в пору ислама, стр. 142—163; М. Н. Цетлин, Средневековый путешественник Вениамин Тудельский, стр. 164—174; Г. В. Пионtek, Культура народов Востока и музей на лоне природы, стр. 175—181; М. А. Салахетдина. Сведения по математической географии в персидском сочинении конца XIII или начала XIV в., стр. 182—188; Л. В. Дмитриева, Тюркоязычные географические и этнографические материалы в Институте народов Азии АН СССР, стр. 189—197; Б. А. Вальская, Из истории Ученого архива Географического общества СССР (октябрь 1960 г. — декабрь 1963 г.), стр. 207—210.

«Страны и народы Востока. География, этнография, история». Выпуск IV. Под редакцией академика В. В. Струве и А. В. Королева, М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1965. 275 стр. (Академия наук СССР. Восточная комиссия Географического общества Союза ССР). Выпуск посвящен десятилетию со дня основания Восточной комиссии.

Содержание: Л. И. Бонифатьева. Данные о городах в переписи населения Индии 1961 г., стр. 3—14; Д. Н. Костинский, Долина Катманду, стр. 15—24; Е. В. Иванова, К истории формирования современного этнического состава Таиланда, стр. 25—38; И. П. Труфанов, Население Сингапура, стр. 39—56; Э. А. Лалаянц, Разложение сельской общины яванцев (конец XIX — первая половина XX в.), стр. 57—94; В. А. Ранов, Л. Ф. Сидоров, Развитие природы Памира как среды существования человека, стр. 95—126; Л. Н. Гумилев, Соседи хазар, стр. 127—142; А. Н. Зелинский, Древнее погребение на Южном Памире, стр. 143—146; М. А. Салахетдина, Об одном неизвестном персидском сочинении по истории народов Поволжья, стр. 147—154; Т. К. Шафрановская, Монголист XVIII века Иоган Иериг, стр. 155—163; М. Б. Горнунг и И. Н. Олейников, Вклад отечественных ученых в изучение природы Восточной Африки, стр. 164—174; Ю. Д. Дмитревский, Гидроэнергетика стран Южной и Восточной Африки, стр. 175—179; Б. А. Вальская, Новые материалы о путешествии Е. П. Ковалевского в Египет, Восточный Судан и Западную Эфиопию, стр. 180—197; Е. И. Гневушева, Путешествие по Африке С. В. Аверинцева, стр. 198—213; М. П. Забродская, К истории физико-географического районирования Африки (По материалам важнейших страноведческих работ XIX — начала XX в.), стр. 214—220; З. К. Виноградова, Современное состояние проблемы физико-географического районирования Африки, стр. 221—225; Т. А. Шумовский, Новая проблема средневековой истории арабов: арабы и море, стр. 226—231; А. Д. Дойдзо, Материалы по географии, этнографии и истории Африки южнее Сахары в Научной библиотеке Тартуского университета (Эстонская ССР), стр. 232—238; М. Я. Иоселева, Происхождение магических чисел, стр. 239—241; И. В. Сахаров, Издательская деятельность Восточной комиссии Географического общества Союза ССР, стр. 242—251; Материалы обсуждения сборников «Страны и народы Востока. География, этнография, история» (вып. I—III) в Географическом об-

ществе Союза ССР, стр. 252—260. Хроника работы Восточной комиссии Географического общества Союза ССР (Январь 1964 г. — июнь 1965 г.), стр. 261—263.

* * *

Приведенные данные показывают, что эти сборники — как каждый из выпусков в отдельности, так и, тем более, все четыре, вместе взятые, — являются собой довольно разнообразную картину. В сборниках есть статьи, посвященные физической и экономической географии стран Азии и Африки (страноведческие характеристики отдельных районов, география отраслей хозяйства, демографические обзоры), этнографии, истории (в том числе истории путешествий по странам Востока), топонимике и транскрипции географических названий, а также характеристике некоторых рукописных собраний и фондов ряда библиотек и этнографических коллекций. Кроме того, имеются материалы, освещдающие деятельность Восточной комиссии (хроника ее работы и т. п.), а также персоналия и несколько рецензий.

С точки зрения регионального охвата можно выделить группы статей, посвященных Китаю (15 статей, включая статьи о китайских рукописях в хранилищах СССР, о русских путешественниках в Китай и т. д.), Индии (8 статей), Арабскому Востоку (9 статей), Африке в целом и отдельным районам Африки южнее Сахары (11 статей), восточным районам СССР (13 статей). Отдельные статьи и заметки посвящены ряду других стран и районов зарубежной Азии — Индонезии, Ирану, Сингапуру, Непалу, Пакистану, Таиланду, а также Океании; в одной статье рассматривается положение выходцев из Индии на острове Тринидад. Некоторые статьи посвящены связям России со странами Азии и Африки (прежде всего — русским путешественникам по этим странам, истории изучения Азии и Африки в России и т. д.). В ряде статей освещаются некоторые вопросы географии и истории Востока в целом.

Таким образом, тематика сборников весьма разнообразна, так как руководство Комиссии стремилось отразить в них все стороны работы коллектива.

Можно назвать несколько направлений, которые стали для сборника традиционными. Среди них, например, изучение проблемы «Арабы и море», предпринятое в серии статей Т. А. Шумовским; освещение ряда вопросов географии Африки в трудах Ю. Д. Дмитревского; исследование некоторых вопросов экономической географии и экономики Индии, в частности Бенгалии (статьи И. В. Сахарова); серию статей о ряде русских путешественников написала Б. А. Вальская, к которой присоединился и ряд других авторов; несколько статей разных авторов характеризует рукописные фонды Ленинградского отделения Института народов Азии Академии наук СССР.

Несколько слов об авторском коллективе. Всего в четырех выпусках сборника «Страны и народы Востока» приняло участие 50 авторов, написавших в совокупности 86 статей, заметок и рецензий общим объемом около 96 авторских листов. Ядро авторского коллектива составляют члены Восточной комиссии и вообще активные участники ее работы, выступающие с докладами и сообщениями на ее заседаниях. Отдавая при комплектовании сборника предпочтение членам Комиссии и продолжая привлекать их к участию в сборниках, бюро стремилось в то же время к постоянному расширению состава авторов. В каждом выпуске появлялись новые имена. К участию в сборнике привлечен большой отряд ученых. Самую многочисленную группу — 16 человек из 50 (то есть

почти одну треть) — составляют сотрудники Института народов Азии Академии наук СССР, в том числе 14 — из Ленинградского отделения Института. Это естественно, так как Восточная комиссия зародилась в Ленинграде и с самого начала опиралась прежде всего на Ленинградское отделение этого института. Однако в сборниках приняли участие представители и многих других учреждений: 7 человек из Ленинградского отделения Института этнографии Академии наук СССР, 5 человек из Московского университета имени М. В. Ломоносова, а также сотрудники Ленинградского университета имени А. А. Жданова, Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена, Государственного Эрмитажа, Института географии Академии наук СССР, Издательства восточной литературы, издательства «Мысль», Вологодского педагогического института, Воронежского университета и других.

* * *

Обзор издательской деятельности Восточной комиссии был бы неполным, если бы мы не остановились на ее ротапринтных публикациях. В 1961 г. Восточная комиссия, наряду с другими отделениями и комиссиями Географического общества, получила возможность печатать тексты прочитанных на ее заседаниях докладов и другие материалы на ротапринте Общества. В результате у основного печатного органа Комиссии — сборников «Страны и народы Востока» — появился «младший брат»: в 1962 г. вышел в свет первый ротапринтный сборник «Материалы Восточной комиссии». В дальнейшем его название было решено изменить и второй выпуск, изданный в 1965 г., называется «Доклады Восточной комиссии». К настоящему времени выпущено два ротапринтных сборника. Подробные сведения о них приводятся ниже:

«Материалы Восточной комиссии». Выпуск 1. Под редакцией академика В. В. Струве. Ленинград, 1962. 73 стр. (Географическое общество СССР. Восточная комиссия).

Содержание: Т. А. Шумовский, О работе секции арабистики на XXV Международном конгрессе востоковедов. Автореферат, стр. 6—8; Ю. Д. Дмитревский, Ирригация в странах Южной Африки, стр. 9—17; Э. А. Лаянц, Сельская община у яванцев в конце XIX — первой половине XX в. Автореферат, стр. 18—21; Т. К. Шафрановская и К. И. Шафрановский, Сборник «Архив литературы, истории и лингвистики», изданный в 1810 г. в Петербурге, стр. 22—28; Б. А. Вальская, Неопубликованные материалы К. М. Бэра о путешествии Е. П. Ковалевского в Китай в 1849—1850 гг., стр. 29—33; Л. В. Дмитриева, Рукописи старейших тюркоязычных памятников в Институте народов Азии Академии наук СССР, стр. 34—46; Т. А. Шумовский, К вопросу об идентификации двух мусульманских карт в русском переводе «Сафар-Намэ» Насир Ҳусрау, стр. 47—54; А. Г. Шпринцин, Об упорядочении русской транскрипции китайских слов. Автореферат, стр. 55—60; З. И. Горбачева и Н. А. Петров, Нужный справочник по Китаю [рецензия на книгу: «Наш друг — Китай. Словарь-справочник». М., Госполитиздат, 1959], стр. 66—69; Об участии Восточной комиссии в работе XXV Международного конгресса востоковедов, стр. 70—71; Хроника работы Восточной комиссии с октября 1960 до 1962 года, стр. 72—73.

«Доклады Восточной комиссии». Выпуск 1 (2). Под редакцией академика В. В. Струве. Ленинград, 1965. 107 стр. (Географическое общество Союза ССР). Выпуск посвящен 80-летию со дня рождения Александра Васильевича Королева.

Содержание: Ф. Л. Богданов, Прогрессивный индийский писатель Яшпал о своем путешествии по Советскому Союзу, стр. 6—13; И. П. Труфанов, Этнический состав и особенности быта населения Сингапура, стр. 14—25; Ю. Д. Дмитревский, Некоторые аспекты судоходства во внутренних водах Африки, стр. 26—35; Б. А. Вальская, Е. П. Ковалевский и русские востоковеды, стр. 36—50; В. Р. Кабо, Проблема пережитков в этнографии, стр. 51—61; Т. К. Шафрановская, Айны острова Хоккайдо (по кн.: R. Wirz, Die Ainu. Sterbende Menschen in Fernen Osten. Basel, 1955), стр. 62—72; Ч. М. Таксами, Малые народы Южного Сахалина, стр. 73—81; А. Д. Дриззо, Литература по географии, этнографии, истории Африки южнее Сахары в библиотеках Таллина, стр. 82—86; Р. А. Гусейнов (Баку), Об устойчивости

и преемственности традиций свадебных обрядов у народов Передней Азии (на материале турок-огузов XI—XII вв.), стр. 87—93; Г. В. Пионtek, Типы этнопарков и музеев на открытом воздухе и их организация в республиках Советского Востока, стр. 94—103; Восточная комиссия в 1964 г., стр. 104—106.

Всего в этих двух сборниках опубликовано 23 статьи, заметки и рецензии (общим объемом около 12 авторских листов), написанные 17 авторами. Часть этих материалов тематически связана со статьями, помещенными в сборниках «Страны и народы Востока», так как многие авторы представлены в обеих сериях сборников. Но эти две серии не повторяют друг друга.

Главное назначение ротапринтных изданий Восточной комиссии состоит в опубликовании содержания докладов, заслушанных на ее заседаниях, а также различных других материалов, отражающих повседневную деятельность Комиссии. Поскольку объем ротапринтных сборников невелик, в них публикуются в основном сокращенные тексты или авторефераты докладов и сообщений и другие короткие заметки, тогда как в сборниках «Страны и народы Востока» можно помещать более объемистые исследования. Большое преимущество ротапринтных сборников в том, что их подготовка и издание могут быть осуществлены в гораздо более короткие сроки, чем издание сборников, печатающихся типографским способом, что позволяет сделать информацию о работе Комиссии более оперативной. Не заменяя друг друга, «Доклады Восточной комиссии» и сборники «Страны и народы Востока» органически дополняют друг друга.

* * *

В целом можно сказать, что издательская деятельность Восточной комиссии протекает успешно. Сам факт издания Комиссией четырех выпусков «Стран и народов Востока» общим объемом около 96 авторских листов и двух ротапринтных сборников общим объемом около 12 авторских листов может служить свидетельством достижений в работе. Если взять последние десять лет — период существования Комиссии, — то окажется, что Восточная комиссия по объему, по интенсивности издательской деятельности занимает одно из первых мест среди всех отделений и комиссий Географического общества Союза ССР. При этом Восточная комиссия стала одной из первых среди всех отделений и комиссий Центральной организации Географического Общества, которая сумела приступить к изданию собственного постоянного печатного органа.

В связи с этим хотелось бы отметить, что важным фактором этих успехов было тесное сотрудничество Восточной комиссии с Издательством восточной литературы (ныне — Главной редакцией восточной литературы издательства «Наука»), и поблагодарить издательских редакторов, вложивших много сил и труда в эти сборники, — В. В. Бирюкова, З. Д. Кастьельскую, Н. Н. Тихонравову, Г. В. Яникова и других сотрудников издательства, участвовавших в подготовке сборников «Страны и народы Востока» к печати.

Однако в издательской деятельности Восточной комиссии есть и ряд трудностей и нерешенных проблем.

Так, например, при составлении сборников «Страны и народы Востока» Бюро Восточной Комиссии почти не прибегало к практике заказывания статей на какую-либо определенную тему, ограничиваясь только предложенными материалами.

Комиссия использовала далеко не все потенциальные возможности

привлечения к своей работе ленинградских ученых. Многое еще остается сделать в деле улучшения координации работы Восточной комиссии и других отделений и комиссий Географического общества, где сотрудничают востоковеды (отделение экономической географии, отделение истории географических знаний, комиссия медицинской географии, комиссия географии населения и городов и другие). До сих пор не установлены связи с зарубежными коллегами — особенно географами из стран Азии и Африки, участие которых в сборниках Комиссии представило бы большой интерес.

В сборниках слишком мало карт и иллюстраций. Отчасти в этом — вина авторов. Но в некоторых случаях и Издательство не всегда находило возможным идти навстречу авторам, в результате чего интересный картографический и иллюстративный материал оказался неиспользованным.

Слабо представлена в сборниках критико-библиографическая часть, да и освещение литературы в ней носило случайный характер. Думается, что Комиссии не следует пренебрегать этим важным видом работы. Конечно, советские периодические издания (прежде всего — журнал «Народы Азии и Африки») многое делают в этом направлении, но еще больше остается сделать. Например, до сих пор не возрождено такое ценное издание, как выходившая в прошлом «Библиография Востока», и Комиссия могла бы взять на себя публикацию части подобных материалов. Видимо, следует предусмотреть в будущем создание в сборнике «Страны и народы Востока» постоянного раздела «Критика и библиография» и помещать в нем рецензии на важнейшие советские и зарубежные труды по востоковедной, особенно географической, тематике, обзоры литературы, информацию о фондах наших библиотек⁴, а также помещать библиографию по некоторым актуальным вопросам, информацию о новой литературе и так далее.

Важными взаимосвязанными проблемами являются также проблемы тиража, сбыта и рекламы изданий Восточной комиссии. Это — очень серьезный вопрос. Тираж первого выпуска сборника «Страны и народы Востока» составил 1700, второго — 1800 и третьего — 1700 экземпляров. Бюро Восточной комиссии считает, что этот тираж неоправданно мал. Свидетельством тому является полное исчезновение с полок книжных магазинов первого выпуска, да и второй уже трудно отыскать. Конечно, вряд ли книжный рынок сможет поглотить, скажем, 10 тыс. экземпляров, но и 2 тыс. явно мало. В связи с этим необходимо всерьез подумать о комплексе мероприятий, направленных на максимально широкую и свое временную информацию нашей научной общественности и широкой читающей публики о подготовке очередных выпусков сборника к печати и о их выходе в свет. Это необходимо и для мобилизации предварительных заказов на это издание (общее количество предварительных заявок — один из главных критериев, которыми руководствуются книготорговые работники при определении тиража будущей книги) и, после поступления книги в магазины, для организации ее быстрой и полной распродажи.

Сказанное выше в еще большей степени относится к «Материалам Восточной комиссии» и «Докладам Восточной комиссии». Тираж этих ротапринтных сборников — лишь по 500 экземпляров, в книжные магазины они не поступают, и о них мало кто знает. Информация о подготов-

⁴ В этом отношении представляет интерес, например, статья А. Д. Дридзо о библиотеке Тартуского университета, опубликованная в настоящем (четвертом) выпуске сборника.

ке «Докладов» и о их выходе в свет — важное условие осуществления их сбыта и увеличения их тиража⁵.

По-видимому, в будущем надо также перейти к практике помеще-
ния в каждой статье резюме на английском или французском языках и
давать на этих языках оглавление.

• • •

Одной из важнейших проблем, стоящих перед бюро Восточной комиссии, является проблема тематической структуры сборника «Страны и народы Востока» (это относится также и к «Докладам»). Как ука-
зывалось выше, сборник был задуман как издание, всесторонне освещ-
ающее жизнь всех стран и народов Азии и Африки, как издание, от-
ражающее работу Восточной комиссии во всем ее многообразии. Этот
замысел и был осуществлен, и четыре первых выпуска «Стран и наро-
дов Востока» (равно как и «Материалы» и «Доклады») являются пло-
дом именно такого всеобъемлющего, комплексного подхода. Этот путь
органически вытекал из характера работы Комиссии, из традиций, на
которые она опиралась. На первом этапе — этапе становления Комис-
сии и ее печатного органа — этот путь был, видимо, не только пра-
вильным, но и единственно правильным. Он остается рациональным,
обоснованным и сейчас. Ведь Комиссия стремится объединить в еди-
ный коллектив и наладить взаимный обмен мнениями ученых разных
специальностей. Этот путь позволяет в каждом очередном выпуске
сборников полно отражать работу Комиссии, публиковать результаты
исследований всех ее членов по самой разнообразной тематике и тем
самым стимулировать эти исследования. Поэтому ряд товарищ считает,
что есть все основания сохранить нынешний характер сборников.

В то же время некоторые члены Восточной комиссии придержива-
ются другой точки зрения, и к их доводам нельзя не прислушаться. Сторонники этого мнения полагают, что Восточной комиссии следует
реорганизовать, существенно перестроить свой печатный орган — и
перейти на подготовку и издание тематических сборников статей,
посвященных либо какой-нибудь проблеме, либо какой-нибудь отрасли
востоковедения или географии, либо какой-нибудь стране или
группе стран. При этом они исходят, в частности, из того, что издатель-
ская и книготорговая практика показывает, что, при прочих равных
условиях, специализированная научная литература пользуется большим
спросом (что позволяет, в частности, увеличить тираж). В пользу тако-
го решения говорят и другие доводы: специализированные, тематиче-
ские выпуски дают возможность лучше организовать работу, выбрать
ведущие направления, сконцентрировать усилия большого коллектива
ученых на исследовании определенных актуальных вопросов — тем бо-
лее, что за годы существования Восточной комиссии ей удалось устано-
вить контакт с широкими кругами востоковедов и географов Ленинграда,
Москвы и других городов, и их мобилизация для подготовки тема-
тических сборников не представит большого труда.

Возражать против этой точки зрения трудно, да, видимо, и нет необ-
ходимости возражать. Нужно только отметить, что если перейти на вы-
пуск только тематических сборников, то ряд исследований членов Восточной
комиссии выпадет из плана публикаций или будет задержан на
неопределенное долгое время.

⁵ Цена «Материалов Восточной комиссии», вып. 1—35 коп., «Докладов Восточ-
ной комиссии», вып. 1(2) — 42 коп. Их можно приобрести в Географическом обществе
Союза ССР (Ленинград, Центр, пер. Грибцова, дом 10).

По-видимому, наилучшим решением может быть переход к более гибкой структуре печатного органа Комиссии. Сохранив сборник «Страны и народы Востока» в его нынешнем виде, то есть продолжая издавать «общие», комплексные выпуски, можно положить начало изданию тематических (видимо, лучше всего — региональных) выпусков, каждый из которых, в свою очередь, мог бы стать родоначальником новой, регионально-тематической серии, причем в рамках этих региональных серий можно будет сохранить комплексный подход к исследованию стран и народов Азии и Африки как неизменный принцип, как традицию работы Восточной комиссии. Это поможет более «чутко» реагировать и на спрос на книжном рынке, и на пожелания издательства. В порядке эксперимента решено подготовить специальный сборник, посвященный Индии.

* * *

В 1965 году исполняется десять лет со дня основания Восточной комиссии Географического общества Союза ССР. За это десятилетие ею проделана большая работа и достигнуты немалые успехи, в том числе и в издательской деятельности. Сейчас перед Комиссией встают новые большие задачи, и есть все основания полагать, что и в будущем объединяемый ею коллектив ученых успешно продолжит свою работу и внесет свой скромный вклад в развитие советской науки.

МАТЕРИАЛЫ ОБСУЖДЕНИЯ СБОРНИКОВ «СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА» (вып. I, 1959; вып. II, 1961; вып. III, 1964)

30 марта 1965 г. в Географическом обществе СССР в Ленинграде на заседании Восточной комиссии происходило обсуждение трех выпусков сборника «Страны и народы Востока», вышедших в свет с 1959 по 1964 г. в Москве в Издательстве восточной литературы, ныне Главной редакции восточной литературы издательства «Наука». Вступительное слово по поручению бюро Восточной комиссии сделал И. В. Сахаров¹. Ниже дается изложение хода обсуждения.

В. А. Пуляркин (Институт географии Академии наук СССР). Восточная комиссия Географического общества СССР имеет большие достижения в своей работе и как результат этого — появление сборников «Страны и народы Востока». К сожалению, был период невнимания к изучению народов Азии и Африки. В дальнейшем возрождение востоковедной науки началось в Москве. Между тем у ленинградских географов, этнографов и востоковедов также имеются богатые традиции в этой отрасли науки, и свой печатный орган им крайне необходим.

Появление сборников есть результат коллективных усилий ленинградских востоковедов и географов. Название сборников «Страны и народы Востока», хотя в известной мере и старомодно, но оно говорит о преемственности традиций и связи с классическим направлением развития востоковедения в нашей стране.

Тематический охват сборников подчеркивает широкий круг интересов Восточной комиссии и тесную связь географии, этнографии и истории. Это подчеркивается и подзаголовком сборника: «География, этнография, история». История в сборнике чаще представлена исторической географией, но зато присутствует и не упомянутая в подзаголовке филология, хотя и не в чистом виде.

Все же тематический размах слишком велик. Учитывая, что Восточная комиссия является частью Географического общества, следует признать, что физической географии в сборниках недостаточно. Удачное название «Страны и народы Востока» обязывает и одновременно позволяет сборнику иметь свое лицо (в основном разработка проблемы взаимодействия человека и природы).

Перехожу к пожеланиям и спорным вопросам. Круг авторов узок, нужно привлечь иногородних авторов, хотя я за ленинградскую основу.

---

¹ См. настоящий сборник стр. 253—262.

С узостью круга авторов связано обилие материалов по Азии, а Африка, несмотря на героические усилия Ю. Д. Дмитревского, обеднена. Следует решить вопрос об охвате районов. Можно ли включать в сборник статьи об Океании? Статья о переселенцах из Индии на остров Тринидад допустима. Должна ли быть представлена территория Советского Востока? А если должна, то только ли в ее прошлом.

Из недочетов сборника помимо известной разнородности (что, впрочем, уже изживается, — см. выпуск III) отмечу преобладание историко-географической тематики и наличие постороннего материала (например, статьи «Китайские медицинские труды в коллекции рукописного собрания Ленинградского отделения Института народов Азии Академии наук СССР»), хотя я не считаю, что в сборнике обязательно должны быть только чисто географические и этнографические труды. Например, статья В. С. Старикова «Современная северокитайская глиняная игрушка» вполне подходит под понятие сборника «Страны и народы Востока». К числу недостатков сборника следует отнести также и неравнозначность статей по объему. Может быть, лучше делить сборник на такие разделы: статьи, сообщения, заметки. Следует также отметить случайность рецензий. Например, во втором выпуске помещена рецензия Ю. Е. Борщевского «Новая книга об Исфагане», которая скорее является экономической справкой, хотя и полезной. Может быть, рецензии совсем не нужны? А может быть, следует давать сводные рецензии и обзоры литературы?

В заключение я хочу сказать, что понравилось мне, как географу довольно широкого профиля. Мне понравились этнографические статьи В. Р. Кабо о байнингах и статья А. Д. Дридзо «Индийцы острова Тринидад» — за комплексный подход и широкий схват, за показ страны и народа. В этом отношении и Ю. Д. Дмитревский учел многое в своей обобщающей статье «Некоторые вопросы ирригации в Африке» (природу, экономику, техническое развитие, но этнографию опустил). Мне понравилась также статья Т. А. Шумовского по арабской географии как продолжение традиций акад. И. Ю. Крачковского. Интересна серия разнообразных статей по географии Индии, представляющая заметный вклад в нашу литературу по этой стране, в особенности статья И. В. Сахарова «Экономические последствия разделя Бенгала (1947)». Интересны статьи А. Н. Зелинского о Памире, особенно о торговых путях на Памире. Хороша статья И. Я. Слонима о происхождении некоторых географических названий Азии; статья Г. В. Пионтека о музеях на лоне природы и многие другие. Ленинградские ученые сделали большое дело, организовав выпуск этих хорошо издаваемых сборников, в чем есть и заслуга москвичей. Сборники, несмотря на некоторые недочеты, интересны. Они хорошо читаются, иногда просто с увлечением. В этом отношении московские географы, этнографы и востоковеды более социологизируют, хотя пишут о более актуальных вещах, но сухо.

Желательно, чтобы «Страны и народы Востока» сохраняли свое лицо. Необходимо уточнить профиль следующих сборников и добиться периодичного выхода их в свет (не реже одного раза в год).

Ч. М. Таксами (Ленинградское отделение института этнографии Академии наук СССР). Мне кажется, что сборники «Страны и народы Востока» следует выпускать не тематическими, а комплексными, как это делается сейчас. Тираж в 1800 экземпляров для одной страны, например Индии, слишком велик. В состав сборников необходимо включать не только статьи о странах зарубежного Востока, но обязательно освещать и советский Восток, изучение которого представляет громад-

ный интерес, в особенности районы, прилегающие к Тихому океану. Необходимо шире распространять и пропагандировать наши сборники. Ученые Дальнего Востока, с которыми я связан, очень поздно узнают о выходе их в свет.

Хочу сказать несколько слов о статьях по Сибири, опубликованных в «Странах и народах Востока». Статья Б. А. Вальской о путешествии А. Аргентова на северо-восток Сибири уже широко используется нашими сибироведами. Интересна статья М. И. Казанина «Об одной надписи на карте в «Чертежной книге Сибири» С. Ремезова» и статья И. Я. Слонима о происхождении географических названий Азии.

И. П. Труфанов (Ленинградское отделение Института этнографии Академии наук СССР). Изданные Восточной комиссией сборники привлекли внимание различных читателей. Они охватывают широкий круг вопросов, и в этом их привлекательность. Трудно найти другое подобное издание. Сборники очень популярны среди учителей географии и преподавателей высшей школы, которые черпают из них материалы для своей работы. Если бы удалось добиться увеличения тиража, то «Страны и народы Востока», конечно, разошлись бы полностью. Сборники надо издавать тиражом не менее чем 5 тыс. экз.

Наш сборник проник и на иностранный рынок. Во время VII Международного конгресса этнографических и антропологических наук, который состоялся в Москве в августе 1964 г., я узнал, что наши сборники известны иностранным ученым, поэтому следует давать краткое резюме статей на английском языке.

Тематическую структуру сборников следует сохранить, а не превращать их в подобие журнала, поэтому вряд ли в нем уместны разделы, присущие научным журналам. Однако необходимо более четко продумать расположение материала; сначала разместить статьи обзорного характера, охватывающие широкий круг вопросов, а потом поместить работы, посвященные отдельным проблемам.

Я считаю, что в сборники должны входить статьи и о народах Океании, которые близки к народам Азии и по происхождению, и территориально, и по культурным связям. Интересна в этом отношении статья В. Р. Кабо «Байнинги — примитивные земледельцы Океании» — первая сводка об этом народе на русском языке.

В. А. Колоколов (Ленинградское отделение Института народов Азии Академии наук СССР) считает, что резюме в сборниках следует давать как на английском языке, так и на других официальных языках Организации Объединенных Наций. Вышедшие в свет сборники «Страны и народы Востока» показывают, что число участников сборников значительно возросло. Задача, поставленная бюро Восточной комиссии о расширении научно-организационных форм работы по изучению Востока, осуществляется.

Я не согласен, сказал проф. Колоколов, с высказанным здесь мнением о том, чтобы меньше печатать статей по транскрипции. Транскрипция — это не филология. Филология интересуется изучением языка, а транскрипция ставит перед собой чисто служебную задачу — дать способы изображения звуков. Транскрипция географических названий — это общегосударственное дело. Публикация статей по транскрипции географических названий на страницах сборника «Страны и народы Востока» вполне уместна.

Издание сборников следует продолжить и выпускать их надо более регулярно.

А. П. Терентьев-Катанский (Ленинградское отделение Института народов Азии Академии наук СССР). Восточная комиссия всегда откли-

калась на важные и актуальные вопросы востоковедения. В настоящий момент одной из важных проблем востоковедения является изучение культуры и письменности государства тангутов. В числе востоковедов, занимающихся изучением этого вопроса, можно назвать такие имена, как Нисида Тацуо в Японии, Эрик Гринстед в Англии, Камилл Седлачек в Чехословакии, и многие другие. Однако уникальная коллекция тангутских рукописей, ксилографов и произведений искусства, собранная знаменитым путешественником П. К. Козловым и хранящаяся в настоящее время в Ленинградском отделении Института народов Азии и Государственном Эрмитаже, позволяет нашей науке занять в этом отношении первое место.

Как радостное явление можно отметить опубликование в двух выпусках «Страны и народы Востока» статей ведущего советского тангутоведа Е. И. Кычанова. В первом выпуске сборника помещена статья «Китайский рукописный атлас Тангутского государства Си Ся, хранящийся в библиотеке им. В. И. Ленина». Автор начинает статью сообщением кратких сведений о предках тангутов, о создании самостоятельного государства тангутов и его гибели под ударами орд Чингисхана.

Описанный Кычановым атлас представляет огромную историческую и географическую ценность. Он был составлен в XIX в. Но автор атласа, по-видимому, использовал для своей работы и старые материалы. Помимо 12 карт, составленных им, в атласе помещена копия старинной карты государства Си Ся, составленной, как предполагает Кычанов, в 1066—1068 гг., т. е. тогда, когда государство тангутов уже существовало. Карты дают ценные сведения о крепостях на границах государства тангутов, о расположении тангутских городов, до этого времени не ясном, о могилах тангутских императоров. Все эти сведения могут оказаться чрезвычайно полезными в случае, если когда-нибудь будут произведены дальнейшие археологические изыскания на территории государства тангутов.

Во втором выпуске сборника «Страны и народы Востока» помещена статья Кычанова о новых словарях в тангутской коллекции рукописного собрания Ленинградского отделения Института народов Азии. Здесь автор начинает с описания находки экспедицией Козлова большого собрания тангутских книг. Подчеркнув важность изучения тангутского фонда, Кычанов подчеркивает заслуги в его изучении таких выдающихся отечественных востоковедов, как А. И. Иванов и Н. А. Невский.

Казалось бы, двух статей по тангутике на три выпуска сборника более чем достаточно, но хочется заглянуть в будущее. История изучения связей стран Европы с Востоком невозможна без изучения истории и культуры стран, лежавших на великом торговом пути, связывавшем некогда Восток и Запад. К числу этих стран относится и государство тангутов. Я думаю, что выражу мнение ленинградских востоковедов, если подчеркну необходимость более широкой публикации материалов, собранных Козловым по тангутской тематике.

З. Д. Кастельская (Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»). Сборники «Страны и народы Востока» — интересное и серьезное издание. Но, к сожалению, при подготовке к печати этих сборников члены Восточной комиссии не всегда соблюдали необходимые условия, и это задерживало выпуск их в свет. Издательство, из-за незначительности тиража, чтобы не удорожать издание, иногда отказывалось от помещения карт и иллюстраций. Меркантильную сторону дела тоже нужно учитывать.

Я против специализации сборников по какой-либо одной стране. Я — за широкое тематическое разнообразие сборников. Необходимо по-

вышать качество статей. В изложении наблюдаются повторения, поступают иногда сырье и слабые статьи. Большой недостаток — это неравномерность статей по объему: одни статьи по четыре и более печатных листа, а другие в один печатный лист. Наблюдалась также пестрота материалов. Авторами, Издательством и редакцией проделана большая работа по подготовке к печати трех выпусков сборника «Страны и народы Востока». В дальнейшем необходимо наладить систематический выпуск сборника в свет, неуклонно повышая его качество.

Ю. В. Маретин (Ленинградское отделение Института этнографии Академии наук СССР). Сборники, изданные по инициативе и при активном участии Восточной комиссии Географического общества СССР, безусловно являются одним из наиболее интересных изданий по географии стран Востока. Прежде чем давать общую оценку вышедшим трем выпускам, хочется принести от лица читателей самую искреннюю благодарность главным инициатором выпуска этого издания — акад. В. В. Струве и А. В. Королеву, а также всему активу Восточной комиссии, чьей инициативе, усилиям, наконец, подлинному горению мы обязаны тем, что сборники эти выходят и сборники эти хорошие.

Подлинный востоковедческий энтузиазм, которым наделены В. В. Струве, А. В. Королев, по-видимому, в полной мере передался Б. А. Вальской, И. В. Сахарову и другим товарищам из бюро Восточной комиссии.

Вышедшие сборники — это солидные научные издания. В них много оригинальных исследований, публикаций архивных материалов, публикаций полевых материалов и собственных коллекций. Ряд статей, несомненно, являются вкладом в науку и уже используются и будут использоваться многие годы в будущем научными работниками соответствующих специальностей. Это относится к статьям Шумовского, Дмитревского, Вальской, Зелинского, Кабо, К. и Т. Шафрановских, Сахарова, Кычанова и других товарищей, перечислить имена которых — значит перечислить почти всех авторов трех выпусков сборников.

Положительной чертой сборников является их разнообразное содержание. Сборники интересны в самом прямом смысле этого слова, т. е. увлекательны. И здесь еще раз хочется отметить работу Восточной комиссии, которая, единственная из всех комиссий Географического общества, сумела наладить выпуск собственного печатного органа.

Оценивая это издание в высшей степени положительно, я хочу остановиться и на его недостатках. Прежде всего это не всегда продуманный подбор материалов в каждом выпуске. Внимательное чтение оглавления убеждает, что составители не имеют определенного плана выпуска сборников. Материал выпуска иногда случаен, как говорится, «что попало в портфель редакции, то и печатается». В результате в сборнике имеются существенные пробелы в смысле территориального охвата и тематического содержания. Так, отсутствует целый ряд стран Востока — Япония, Цейлон, большинство стран Юго-Восточной Азии и др. Недостаточно представлено страноведческое направление географии, что, по-видимому, отражает пренебрежение, сложившееся в руководящих географических кругах к страноведению, как самостоятельной и важной дисциплине. Некоторые статьи носят очень поверхностный характер, что заметно, как только сравнишь их с другими статьями сборников, сделанными фундаментально, как и должна делаться любая научная работа. Упрек за появление нескольких таких поверхностных статей следует адресовать в большей мере редакции, чем авторам, ибо во власти редакции просить автора, — если его статья по теме нужна, — довести ее до должного уровня. К числу технических недостатков сле-

дует отнести недостаточно тщательно выверенный аппарат, искажение имен, фамилий.

Каковы перспективы издания? Прежде всего издание должно продолжаться. При этом оно имеет все основания продолжаться на более высоком уровне, ибо за прошедшие десять лет со времени создания Восточной комиссии коллектив членов этой комиссии значительно вырос не только численно, но и в известной степени качественно. В Восточной комиссии сейчас представлены специалисты по всем странам Востока, представители различных направлений географической науки. Это количественное и качественное разрастание комиссии и увеличение объема ее работы ставит на повестку дня создание тематических страноведческих сборников по региональному принципу. И. В. Сахаров рассказал нам о почти собранном таком сборнике, посвященном Индии. Есть все основания на протяжении ближайших полутора-двух лет собрать тематические сборники по странам Дальнего Востока, по Ближнему и Среднему Востоку, по Юго-Восточной Азии и Океании, по Африке.

Я глубоко убежден, что такие тематические сборники будут иметь гораздо большую читательскую аудиторию, чем смешанные, но, разумеется, реклама этих изданий должна быть поставлена на необходимую высоту. Такой тематический сборник несомненно будет стоять на полке каждого научного сотрудника соответствующей специальности, найдет с большей легкостью, чем смешанный, своего читателя, интересующегося страной или группой стран. Вместе с тем, представляется целесообразным не отказываться от идеи смешанных сборников, которые можно готовить параллельно с тематическими сборниками.

Редколлегия сборника и бюро Восточной комиссии, на мой взгляд, должны ввести практику заказа статей. И не только статей, но и докладов для своих заседаний, — докладов, которые лягут в основу будущих статей. Планирование докладов и статей, хотя бы приблизительное, на год-полтора вперед обеспечит большую целенаправленность в работе Комиссии, а портфель редколлегии пополнит нужными работами.

Направленность сборников — и тематических и смешанных — можно подчеркнуть и усилить, публикуя в них рецензии на книги (или серии книг) по выбору и заданию редколлегии. Этой же цели в еще большей степени могли бы служить историографические и библиографические обзоры географической литературы по странам Востока. Любой такой обзор или даже рецензия могут быть с интересом заслушаны (до их публикации) на одном из заседаний комиссии. Наконец, была бы совсем не лишней краткая тематическая информация о новых книгах.

Хотелось бы видеть на страницах будущих сборников и добротные этнографические статьи, которые рассказали бы о жизни, культуре и быте народов, мало или совсем не знакомых нашему читателю; хотелось бы видеть статьи, направленные в защиту живой этнографии, которая часто исчезает бесследно, например статьи в защиту музеев на открытом воздухе.

В заключение — еще раз спасибо товарищам редакторам и товарищам авторам за хорошие сборники. Пусть сборники «Страны и народы Востока» выходят каждый год, а еще лучше — в год по два номера!

Г. П. Куриленко (журналист). Мы должны серьезно подумать над тем, как сделать наши сборники более интересными. Чем лимитируется такой незначительный тираж издания сборников «Страны и народы Востока»? Как могло случиться, что до сих пор на сборники не было ни одной рецензии? В 1965 г. исполняется 10 лет со времени основания Восточной комиссии. Через областные и республиканские газеты нужно привлечь внимание к изучению стран Востока и к деятельности Восточ-

ной комиссии Географического общества, и тогда наш сборник поднимется в глазах читателей. Важно охватить более гибкой информацией широкие круги читателей. Необходимо несколько унифицировать стиль сборника и объем статей. Есть ли отклики на наш сборник за границей? Резюме статей нужно обязательно давать на нескольких языках.

А. М. Решетов (Ленинградское отделение Института этнографии Академии наук СССР). Несомненно, что сборники Восточной комиссии Географического общества «Страны и народы Востока» — нужное, интересное издание, пользующееся вниманием широкого круга ученых — этнографов, географов, историков и т. д. Опубликованные сборники являются определенным вкладом в нашу востоковедную науку. И столь же несомненно, что его следует продолжать в будущем. Желательно только выпускать его ежегодно, а еще лучше — дважды в год. Материалов, которые следовало бы публиковать после обсуждения на заседаниях, вполне достаточно для этого. Некоторые товарищи противопоставляют нынешний характер сборников предлагаемому другому — тематическому. Мне представляется правильным совместить и то и другое, т. е. основной состав должен быть тематическим, но следует зарезервировать какое-то место и для публикации прочитанных докладов, не вмещающихся в определенное направление данного сборника.

Тематическая направленность сборника делает его более ценным. Следует также лучше планировать темы докладов заседаний Восточной комиссии: ведь в издании «Страны и народы Востока» публикуются прочитанные доклады, поэтому следует хорошо скординировать план работы Восточной комиссии и ее издательский план. Должно быть более тщательным редактирование сборников. Следует избегать употребления непонятных иностранных слов, не являющихся общепринятыми терминами, особенно заимствованных из восточных языков (например, название статьи В. С. Старикова «техуа», которое понятно только китайцам).

А. Д. Дридзо (Ленинградское отделение Института этнографии Академии наук СССР). Регулярное издание сборников Восточной комиссии — весьма отрадное явление, и обсуждение их здесь на десятом году существования комиссии несомненно принесет большую пользу. Желательно было бы только выпускать сборники чаще, хотя бы раз в год. Тематическое разнообразие представляется мне не минусом, а плюсом издания, и его следовало бы сохранить. Еще одно предложение: хотелось бы отметить 10-летие работы комиссии хотя бы посвящением этому событию очередного выпуска «Страны и народы Востока». Маленькая просьба к Издательству — печатать для авторов оттиски их статей.

Ю. Г. Липец (Институт географии Академии наук СССР). Восточная комиссия Географического общества проявила ценную инициативу, начав издание сборников «Страны и народы Востока». Это издание объединяет специалистов различных отраслей знания. Каково же место данного издания среди других? Оно выделяется среди других изданий своей многоплановостью, разнообразием и широтой. Однако Африка в сборниках представлена недостаточно, также мало статей о Японии. Статьи по экономической географии требуют современных методов исследования. Необходимо поднять уровень экономико-географических исследований на новую ступень. Среди статей сборника по экономической географии Востока высокой степенью научности выделяется статья Г. В. Сдасюк «Актуальные проблемы географии энергетики Индии» (вып. III). Необходимо в сборниках уделять достаточное внимание вопросам охраны природы.

В. В. Перцмахер (представитель Гидрографической службы Венно-морского флота). Сборники «Страны и народы Востока» — ценное издание, способствующее более глубокому и всестороннему изучению народов и стран Востока.

Особенностью сборников является привлечение многими авторами архивных материалов, а также уникальных восточных рукописей, впервые вводимых в научный оборот. Особо хочется отметить появление в сборниках ряда статей, посвященных арабскому мореходству. Проблема «морской деятельности» народов Востока еще не стала в нашей стране предметом всестороннего изучения, поэтому весьма полезно, если в будущих сборниках ряд статей будет посвящен мореплаванию индонезийцев, жителей Восточной Африки и т. п.

Было бы целесообразно, если бы бюро Восточной комиссии чаще заказывало доклады и статьи на определенные темы. Поскольку сборники составляются в основном из статей, написанных по материалам докладов, предлагаемая система поможет достичь большей стройности и внутреннего единства сборников.

Включение в третий выпуск статьи, посвященной русской транскрипции китайских географических названий, считаю вполне уместным. Вопросами правильной русской передачи географических названий стран Востока интересуются многие — учителя (историки и географы), работники издательств и редакций, научные работники. Помещение в сборники «Страны и народы Востока» статей на эту тему можно только приветствовать.

Заслуживают внимания предложения выступавших относительно помещения в сборниках резюме и оглавления на иностранных языках. Резюме желательно давать не только на английском языке, но и на других иностранных языках в зависимости от района, которому посвящена статья (например, для Туниса, Алжира, Марокко, Конго и т. п.).

Г. В. Пионтек (Управление пригородными парками и садами). Тираж нашего сборника мал. Книга расходится очень быстро. Я, например, нигде не могу достать второго выпуска, который мне крайне необходим. Тираж издания необходимо удвоить. Каждая областная библиотека должна иметь это ценное издание. Тематика сборника должна быть разнообразной, и выпускать его нужно не один, а два раза в год.

Ю. Д. Дмитревский (Ленинградский государственный университет). Необходимо установить определенную периодичность в издании сборников — раз в год. В настоящее время основной груз работы по подготовке сборников к печати и сбору материалов лежит на И. В. Сахарове и Б. А. Вальской. Необходимо поставить вопрос об укрупнении редакции. Ввести в состав ее представителей разных специальностей. Плохо поставлено распространение сборников, как и вообще научной литературы. Часто она попадает в такие места, где на нее нет спроса, но там, где она необходима, ее нет. Следует это исправить.

В. А. Ромодин (Ленинградское отделение Института народов Азии Академии наук СССР). Мне известно, что статьи нашего сборника расписываются не только в нашей стране, но и за рубежом. Необходимо более четко группировать материал в сборнике, в частности, выделить специальный раздел, посвященный русским путешественникам на Востоке. Может быть, стоит создать специальный раздел «смесь», как это делал, например, «Журнал министерства народного просвещения» до революции. В этом разделе печатались интересные материалы о Востоке.

Нужно также унифицировать размеры статей и обязательно печатать обстоятельные рецензии на книги.

Б. А. Вальская (секретарь Восточной комиссии). Наше обсуждение прошло очень плодотворно. Оно показало, что издание сборников «Страны и народы Востока» имеет важное значение для науки и практики. Реализация высказанных здесь предложений и критических замечаний членов Восточной комиссии будет содействовать не только улучшению качества сборников, но и активизации всей работы Восточной комиссии, которая старается продолжить лучшие традиции Географического общества по изучению стран Востока в интересах мира и дружбы между народами.

Б. П. Супрунович (Московский финансовый и-т. Письменный отзыв). Выход в свет трех выпусков сборника «Страны и народы Востока» не только вклад в изучение стран Азии и Африки, но и значительное культурное явление. По широте тематики сборник продолжает лучшие традиции Географического общества. Следует всячески приветствовать инициативу Восточной комиссии и Главной редакции восточной литературы, объединивших в одном сборнике статьи под рубрикой «География, этнография, история». Почти любую статью сборника читаешь с интересом. Сборник очень популярен и имеется во многих библиотеках, в частности в библиотеках гуманитарных вузов. Таким образом, материалы сборника доступны широкому кругу читателей, интересующихся проблемами Азии и Африки. В этом также заслуга составителей, редакторов и издателей сборника.

Меня, как географа, занимающегося проблемами Индии, заинтересовали прежде всего работы, посвященные этой стране и широко представленные во всех выпусках (интересные статьи И. В. Сахарова, Л. И. Бонифатьевой, А. Д. Дридзо, Ю. Н. Рериха, Л. Н. Гумилева и др.).

Однако при анализе сборника заметно, что по географическим регионам статьи распределяются неравномерно. В частности, очень мало статей по странам Юго-Западной Азии и особенно Японии. Было бы очень хорошо, если бы Восточная комиссия в дальнейшем восполнила этот пробел в географической литературе.

Нет сомнений в том, что издание следует продолжать, хотя бы по одному сборнику в год. Хстелось бы впредь, чтобы сборник издавался под тем же заголовком («География, этнография, история»), но по региональному признаку: Индия и сопредельные страны, Юго-Восточная Азия, Юго-Западная Азия, Япония и т. д. Такая специализация сделала бы сборник еще более ценным, более компактным и обеспечила бы более широкое сотрудничество ученых разных специальностей.

ХРОНИКА РАБОТЫ ВОСТОЧНОЙ КОМИССИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР (Январь 1964 г. — июнь 1965 г.)¹

В 1964 г. состоялось 12 заседаний Восточной комиссии, на которых было заслушано 23 доклада.

14 января Комиссия отметила 80-летие со дня рождения заместителя председателя Восточной комиссии Александра Васильевича Королева. С докладом на тему «География и изобразительное искусство» выступил юбиляр. Затем были заслушаны приветствия от Президиума Географического общества, Восточной комиссии и лично от председателя Восточной комиссии академика В. В. Струве, от сотрудников Ленинградского отделения Института народов Азии, Издательства восточной литературы и других организаций и лиц.

Восьмидесятилетию со дня рождения А. В. Королева Восточная комиссия посвятила специальный сборник «Докладов Восточной комиссии».

4 февраля было заслушано сообщение Г. В. Пионтека «Предложения по организации системы этнографических парков-музеев в республиках Кавказа и Средней Азии», которое опубликовано в «Докладах Восточной комиссии». Доклад вызвал отклик в ряде филиалов и отделов Общества, которые заинтересовались предложением Г. В. Пионтека и просили прислать подробные материалы по этому вопросу.

10 февраля с докладами выступили В. Р. Кабо «Проблема пережитков в этнографии» и Б. А. Вальская «Неопубликованная рукопись Н. М. Пржевальского «О сущности жизни на земле».

6 марта состоялся доклад Н. Л. Подольского «Наскальные изображения Саймалы-Таш (Киргизия)». Автор статистически обработал свыше 500 отдельных наскальных изображений Саймалы-Таш, которые он собрал на месте в июле — августе 1963 г. На этом же заседании был заслушан доклад А. П. Терентьева-Катанского «Внешний вид, одежда и утварь тангутов (по материалам коллекции Ленинградского отделения Института народов Азии Академии наук СССР и Государственного Эрмитажа)».

27 апреля состоялся доклад А. Г. Шпринцина «Китайское алфавитное письмо и русское китаеведение» и сообщение Р. А. Гусейнова (Ба-

---

¹ О работе Восточной комиссии с октября 1960 г. до декабря 1963 г. см.: «Страны и народы Востока», вып. III, М., 1964, стр. 207—210.

ку) «О непрерывности и преемственности свадебных обрядов у народов Передней Азии (по материалам тюрок-огузов XI—XII вв.)».

На этом же заседании состоялось выдвижение И. В. Сахарова делегатом на IV съезд Географического общества СССР. И. В. Сахаров принял участие в работе этого съезда, состоявшегося в мае 1964 г. в Москве.

12 мая заслушан доклад Т. А. Шумовского «Арабы и море» и сообщение А. П. Терентьева-Катанского «Реальные и фантастические животные Дальнего Востока».

19 мая на совместном заседании Отделения экономической географии, Восточной комиссии и Комиссии географии населения и городов выступил И. В. Сахаров с докладом на тему «Некоторые вопросы миграции населения Индии (на примере Западной Бенгалии)».

В мае Восточная комиссия приступила к подготовке заседания, посвященного 90-летию со дня рождения выдающегося русского художника-путешественника Н. К. Рериха (1874—1947). 21 мая был прочитан доклад А. В. Королева на тему «Н. К. Рерих в С.-Петербургском университете».

С 3 по 10 августа в Москве состоялся VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. В его работе приняли участие члены Восточной комиссии — сотрудники ленинградских отделений Института этнографии и антропологии Академии наук СССР и Института народов Азии. Делегатами конгресса от Восточной комиссии были Б. А. Вальская, А. В. Королев и И. В. Сахаров.

9 октября на специальном заседании, посвященном Н. К. Рериху, А. В. Королев вновь выступил с докладом об этом замечательном художнике. Ф. Л. Богданов сделал сообщение: «Сюнты Н. К. Рериха». К заседанию была открыта выставка репродукций Рериха и биографических материалов о нем.

21 октября совместное заседание Отделения этнографии и Восточной комиссии было посвящено VII Международному конгрессу антропологических и этнографических наук. Вступительное слово сделал Ю. Д. Дмитревский. О работе секции Австралии и Океании сообщил В. Р. Кабо; о работе секции Восточной и Южной Азии — Ю. В. Мартин, о заседаниях секции музееведения рассказал Г. В. Пионтек. На заседании выступили также Н. И. Гаген-Торн и А. М. Решетов, которые поделились своими впечатлениями о конгрессе.

4 ноября был заслушан доклад Ф. Л. Богданова «Прогрессивный индийский писатель Яшпал о своем путешествии по Советскому Союзу» и сообщение Т. А. Шумовского «Габриэль Ферран (к столетию со дня рождения)».

На заключительном заседании Комиссии, которое состоялось 14 декабря, с докладами выступили Т. К. Шафрановская «Айны острова Хоккайдо», Ч. М. Таксами «Малые народы Южного Сахалина», А. Д. Дридзо «Литература по географии, истории и этнографии Африки южнее Сахары в библиотеках Таллина» и В. С. Старикова «Из истории изучения Киданьской художественной литературы».

В 1964 г. вышел в свет третий выпуск сборника Восточной комиссии «Страны и народы Востока», посвященный 75-летию со дня рождения выдающегося ученого, председателя Восточной комиссии Географического общества СССР, академика В. В. Струве.

В первой половине 1965 г. состоялось 6 заседаний, на которых было заслушано 16 докладов.

4 января состоялось заседание, посвященное памяти выдающегося советского китаиста и библиографа П. Е. Скачкова, на котором с вос-

поминаниями о жизни и деятельности Петра Емельяновича выступили: В. С. Колоколов, В. С. Стариakov, К. И. Шафрановский, О. Э. Ливотова, А. Г. Шпринцин и Т. К. Шафрановская.

8 января З. К. Виноградова выступила с докладом «Физико-географическое районирование Африки».

30 марта состоялось обсуждение сборников «Страны и народы Востока» (вып. I, 1959, вып. II, 1961 и вып. III, 1964). В обсуждении сборника приняли участие: И. В. Сахаров (вступительное слово), В. А. Пуляркин, Ч. М. Таксами, И. П. Труфанов, В. С. Колоколов, А. П. Терентьев-Катанский, Ю. В. Маретин, Г. П. Куриленко, А. М. Решетов, А. Д. Дридзо, Ю. Б. Липец, В. В. Перцмахер, З. Д. Кастельская, Г. В. Пионтек, Ю. Д. Дмитревский, В. А. Ромодин и Б. А. Вальская. Кроме того, письменный отзыв на сборник прислал Б. П. Супрунович. (Материалы обсуждения опубликованы в настоящем сборнике).

7 апреля состоялось заседание, посвященное памяти крупного советского востоковеда В. М. Штейна. С докладами выступили: О. Л. Фишман «Жизнь и деятельность Виктора Морицевича Штейна», Н. В. Николаева «Деятельность В. М. Штейна в области экономической географии», Б. А. Вальская «Из истории районирования России» и А. П. Терентьев-Катанский «Легенда о «Белой земле» в Центральной Азии». На заседании выступили также А. Т. Жингарев-Добровольский, Ю. Д. Дмитревский, Г. С. Невельштейн и М. Б. Вольф.

К заседанию была подготовлена выставка печатных трудов Виктора Морицевича Штейна.

27 апреля состоялся доклад Н. С. Бабинцевой на тему «Прошлое и настоящее ирригации на Среднем Нигере (Оффис дю Нижер)» и сообщение Г. В. Максимова «Моя работа над картинами Н. К. Рериха».

26 мая заслушан доклад И. Н. Олейникова «Озеро Киву» и сообщение А. Г. Шпринцина «Иероглифическая письменность на современном этапе».

15 июня вышел в свет сборник «Доклады Восточной комиссии», вып. I (2) [Ротапринт Географического общества СССР].

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Л. И. Бонифатьева</i> , Данные о городах в переписи населения Индии 1961 г.	3
<i>Д. Н. Костинский</i> , Долина Катманду	15
<i>Е. В. Иванова</i> , К истории формирования современного этнического состава населения Таиланда	25
<i>И. П. Труфанов</i> , Население Сингапура	39
<i>Э. А. Лалаянц</i> , Разложение сельской общины яванцев (конец XIX — первая половина XX в.)	57
<i>В. А. Ранов, Л. Ф. Сидоров</i> , Развитие природы Памира как среды существования человека	95
<i>Л. Н. Гумилев</i> , Соседи хазар	127
<i>А. Н. Зелинский</i> , Древнее погребение на Южном Памире	143
<i>М. А. Салахетдинова</i> , Об одном неизвестном персидском сочинении по истории народов Поволжья	147
<i>Т. К. Шафрановская</i> , Монголист XVIII века Иоган Иериг	155
<i>М. Б. Горнунг и И. Н. Олейников</i> , Вклад отечественных ученых в изучение природы Восточной Африки	164
<i>Ю. Д. Дмитревский</i> , Гидроэнергетика стран Южной и Восточной Африки	175
<i>Б. А. Вальская</i> , Новые материалы о путешествии Е. П. Ковалевского в Египет. Восточный Судан и Западную Эфиопию	180
<i>Е. И. Гневущева</i> , Путешествие по Африке С. В. Аверинцева	198
<i>М. П. Забродская</i> , К истории физико-географического районирования Африки (По материалам важнейших страноведческих работ XIX — начала XX в.)	214
<i>З. К. Виноградова</i> , Современное состояние проблемы физико-географического районирования Африки	221
<i>Т. А. Шумовский</i> , Новая проблема средневековой истории арабов: арабы и море	226
<i>А. Д. Дридо</i> , Материалы по географии, этнографии и истории Африки южнее Сахары в научной библиотеке Тартуского университета (Эстонская ССР)	232
<i>М. Я. Иоселева</i> , Происхождение магических чисел	239
<i>И. В. Сахаров</i> , Издательская деятельность Восточной комиссии Географического общества Союза ССР	242
Материалы обсуждения сборников «Страны и народы Востока» (вып. I, 1959; вып. II, 1961; вып. III, 1964)	252
Хроника работы Восточной комиссии Географического общества СССР (Январь 1964 г. — июнь 1965 г.).	261

О П Е Ч А Т К И

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
148	27 сн.	собственностью	особенностями

Зак .17

